

КОЛЛЕКЦИОННАЯ

ФАНТАСТИКА

РОБЕРТ АСПРИН

МИФ-ИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

МИФ-ИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

*

РОБЕРТ
АСПРИН

3

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Роберт Асприн

Удача или Миф

* * *

Миф-ические
личности

* * *

Маленький
Мифо-заклад

УДАЧА ИЛИ МИФ
МИФ-ИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ
МАЛЕНЬКИЙ МИФО-ЗАКЛАД

Р. АСПРИН

3

3
ТОМ

Robert Asprin

HIT OR MYTH

MYTH-ING PERSONS

**LITTLE MYTH
MARKER**

Роберт Асприн

Удача или Миф

Миф-ические личности

Маленький

Мифо-заклад

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

МОСКВА

1993

**ББК 84 США
А90**

Асприн Р.

**А90 Удача или Миф. Миф-ические личности.
Маленький Мифо-заклад. / Пер. с англ. — М.:
Компания ГРИФ-Ф Лтд, 1993. — Т.3 — 448 с. —
(Коллекционная фантастика)**

Пан или пронал, удача или миф — кто знает?

**Хотя, может быть знают демоны, тролли, бесы и драконы,
окужающие Скива и девола Ааза в их сказочных при-
ключениях по измерениям Вселенной в продолжении
великолепного сериала “МИФ”**

**Перепечатка как отдельных частей, так и всего
произведения в целом возможна только с разрешения
Компании ГРИФ-Ф Лтд. (Издательство ГРИФОН)**

© by Robert L. Asprin

© Компания ГРИФ-Ф Лтд.

Удача или Миф

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Относительно родственников можно сказать много разного... и требуется сказать именно это, потому что напечатать это — нелзя.

А.Эйнштейн

Наверное, если бы я не был так поглощен собственными мыслями, когда шел в тот день к себе в покои, меня не захватили бы врасплох. И все же, кто б ожидал подвергнуться магическому нападению, идя попросту к себе же в комнату?

Ладно. Согласен, я придворный маг Поссилтума и, возможно, в последнее время и впрямь приобрел некоторую известность. И все же мне полагалось бы иметь возможность зайти в собственную комнату без всяких неприятных сюрпризов. Я хочу сказать, если маг не в безопасности в собственных комнатах, то может ли он быть в безопасности где бы то ни было?

Снять этот вопрос!

Именно так говорит мой учитель, дабы убедить меня, что выбрать в качестве карьеры ремесло мага — не самый лучший способ обеспечить себе спокойную, долгую жизнь. Конечно, в этом и не требовалось особенно убеждать. Действия убедительнее слов, а действия, случившиеся вскоре после того, как я записался к нему в ученики, были достаточно вескими, чтобы убедить меня в том, что жизнь мага не отличается особенным спокойствием. Я хочу сказать, если учесть, что всего через несколько дней после моей встречи с ним нас обоих линчевала разгневанная толпа... а потом вздернула на суку...

Но, впрочем, я отвлекся.

Мы начали с того, что я просто шел к себе в комнату.

Да, просто. Там меня поджидал демон, если точнее — изверг. Само по себе это не было необычным. Ааз, упомянутый мной ранее учитель, сам не кто иной, как изверг. Фактически он проживает в покоях вместе со мной. Что было необычным, так это то, что поджидавший меня демон не был Аазом.

Ну, я встречал не так уж много извергов... черт, единственный, кого я знаю, это Ааз... но Ааза-то я знаю очень хорошо, и этот изверг не был им.

Этот демон был пониже моего наставника, с чешуей более светло-зеленого оттенка, и его золотые глаза стояли поближе друг к другу. И что еще важнее, он не улыбался... а Ааз всегда улыбался, даже когда злился... особенно когда злился. На взгляд среднего человека Ааз и этот незнакомец, возможно, выглядят одинаковыми, но для меня они были столь же непохожими, как девол и бес. Конечно, было время, когда я не видел разницы между деволом и бесом. Это кое-что говорит о том, с кем я водил компанию в последнее время.

— Кто вы такой? — требовательно осведомился я.

— Ты Скив?

— Да, я Скив. А ты кто?

В ответ я вдруг почувствовал, как невидимая рука вздернула меня в воздух и переворачивала вверх ногами до тех пор, пока я не заболтался вниз головой в метре от пола.

— Не остри мне, гаденыш. Как я понял, ты держишь в какой-то зависимости одного моего родственника. Я хочу вернуть его. Понятно?

Он подчеркнул сказанное, опустив меня к полу, а потом используя эту поверхность для того, чтобы резко стукнуть мою голову о нее.

Возможно, я не самый великий маг всех времен и народов, но что он делал, я понял. Он использовал свой мозг для левитирования меня по комнате. Я и сам время от времени проделывал это с маленькими предметами. Конечно же, мне пришлось в голову, что я-то предмет не маленький и, стало быть, имею дело с кем-то, сведущим в искусстве магии немножко поболее моего. А раз так, то я счел, что будет мудрее сохранить выдержку и хорошие манеры.

— А ты знаешь Ааза?

— Разумеется. И хочу вернуть его.

Последнее замечание сопровождалось новым ударом моей головой об пол. Вот и сохраняй тут выдержку.

— Тогда ты должен знать его достаточно хорошо, чтобы понимать, что никто не удержит Ааза против его воли!

Голова моя снова ринулась к полу, но остановилась в сантиметре от цели. Из своего перевернутого положения я мог частично обозревать демона, задумчиво барабанившего себя по подбородку.

— Это верно, — пробормотал он себе под нос. — Ладно...

Меня опять перевернули в положение головой вверх.

— ...давай начнем сначала. Где Ааз, и что удерживает его в этом отсталом измерении?

— Я лучше думаю и говорю с ногами на полу.

— Хммм? О, извиняюсь.

Меня опустили в нормальное стоячее положение. Теперь, когда я снова сам себя поддерживал, я понял, что после этого допроса голова у меня раскалывается от боли.

— Он у генерала Плохсекира — спорят о военной тактике, — сумел произнести я. — Спор был таким скучным, что я вернулся сюда. Он должен скоро прийти. Когда я уходил, вино у них почти иссякло.

— Тактика и вино, да? — поморщился мой гость. — Это похоже на Ааза. А как остальное? Почему он остается в таком завальщем измерении, как Пент, и как он спутался с Великим Скивом?

— Вы слышали обо мне?

— То здесь, то там, по разным измерениям, — признался демон. — В некоторых кругах считают, что тебе пальца в рот не кладут. Именно поэтому-то я и начал гадать, не сумел ли ты каким-то образом посадить Ааза на цепь. Когда ты вошел, я приготовился к настоящему крупному сражению.

— Ну, на самом-то деле, я не столь уж крут, — сознался я. — В действительности, я начал делать успехи только в последнюю пару лет, с тех пор, как стал изучать магию под началом Ааза. Если бы он не потерял свои способности и не взял меня в ученики, я бы до сих пор был бы полнейшим ничтожеством.

— Очко, — объявил гость, подняв руку. — По-моему, ты только что все объяснил. Ааз потерял свои способности и взял себе нового ученика. Не удивительно, что он давно не бывал дома. Все эти разговоры о Великом Скиве — это просто стандартная реклама, раздуваемая Аазом для сбыта нового таланта. Верно?

— Мы все ж-таки брались за несколько трудных задач, — принялся защищаться я.

— Которые режиссировал Ааз, а потом выставял тебя пожинать лавры. Верно?

— А что такое “режиссировал”? — спросил я. Семейное сходство явно было глубже цвета чешуи.

— Ну, надеюсь, ты способен действовать самостоятельно, Скив. Потому что я забираю твоего наставника с собой обратно на Извр.

— Но вам незачем спасать его от меня, — запротестовал я. — Он волен приходить и уходить, когда захочет.

— Я спасаю его не от тебя, я спасаю его от самого себя. У нашего коллеги гипертрофированное чувство ответственности, что не всегда бывает лучше в его же интересах. Ты знаешь, какому прибыльному бизнесу он дает развалиться на Извре, пока валяет дурака здесь с тобой?

— Нет, — сознался я.

— Ну, он теряет деньги за каждый день своего отсутствия... а это означает, что теряет деньги и его семья.

Тут я сразу бросил спорить. В самом начале своего сотрудничества с Аазом я усвоил, сколь бесполезно пытаться уговорить изверга плюнуть на деньги. То, что Ааз готов был пожертвовать постоянным доходом ради работы со мной, было невероятной данью нашей дружбе... или его чувству долга. Хотя, конечно, есть не один способ выиграть спор.

— Ну, как я уже говорил, я не могу удерживать его здесь, — невинно произнес я. — Если вы сможете убедить его, что он здесь больше не нужен...

— Не выйдет, сволочь, — презрительно фыркнул он. — Мы оба знаем, что это не заставит его бросить ученика. Я намерен заманить его домой, на Извр, наглой ложью. А ты будешь держать язык за зубами.

— Но...

— Потому что если ты этого не сделаешь, я позабочусь о том, чтобы не осталось ничего, удерживающего его на Пенте... в смысле, тебя. А теперь, прежде чем ты даже подумаешь о том, чтобы попытаться тягаться со мной в магии, запомни кое-что. Ты всего пару лет изучал магию под началом Ааза. А я получил звание мага после трехсотлетнего ученичества. Покамест, я готов жить и давать жить другим. С тем, что ты уже усвоил, ты вроде должен суметь зарабатывать на жизнь, а может, даже подцепить по ходу дела несколько новых штучек. Однако, если ты сейчас встанешь мне поперек дороги, от тебя не останется даже мокрого места, надеюсь, мы поняли друг друга?

Я вдруг осознал, почему никто из тех, кого мы встречали, ползая по измерениям, никогда не желали связываться с извергом. А также осознал, что за моей спиной кто-то вошел в комнату.

— Руперт!

— Дядя Ааз!

Двое замолотили друг друга по спинам. Я поспешил ретироваться, чтобы дать им побольше простора.

— Эй, малыш, это мой племянник Руперт. Но я вижу, вы уже познакомились.

— К несчастью, — пробурчал я.

За это я заработал злобный взгляд Руперта, но Ааз пропустил мою реплику мимо ушей.

— Так что же привело тебя на Пент, племянник? Это небольшое отклонение от маршрута твоих рысканий, не так ли?

— Из-за папаши, он хочет тебя видеть.

— Сожалею. — Ааз вдруг стал прежним собой. — Я здесь занимаюсь одновременно слишком многими делами, чтобы втягиваться в какую-то семейную грызню.

— Но он умирает.

Это на миг остановило Ааза.

— Папаша? Чепуха. Он слишком крепок, чтобы его убили. Он даже меня мог побить в нечестном бою.

— Он подрался с мамулей.

На лице Ааза появилось выражение озабоченности. Я видел, что он колеблется.

— Это серьезно... Однако же не знаю. Если он действительно умирает, то не понимаю, чем я смогу ему помочь.

— Это не займет много времени, — подбивал его Руперт. — Он что-то говорил о завещании.

Я застонал про себя. Можно положиться, уж изверг-то знает слабости изверга.

— Ну, полагаю, здешние мои дела могут подождать несколько дней, — провозгласил с фальшивой неохотой Ааз. — Не попадай в беду, малыш. Я вернусь, как только смогу.

— Поехали, — предложил, скрывая торжествующую усмешку, Руперт. — Чем раньше мы попадем на Извр, тем скорее ты сможешь вернуться.

— Но, Ааз...

— Да, малыш?

Я увидел, что лицо Руперта омрачилось.

— Я просто... я просто хотел попрощаться.

— Эй, малыш, не делай из этого большого события. Я не на век уезжаю.

Прежде, чем я смог ответить, Руперт хлопнул рукой по плечу Ааза и они оба растаяли у меня на глазах.

Я как-то не мог заставить себя поверить в случившееся. Моего наставника похитили... похитили навсегда. Все, что я усвоил от Ааза, придется пустить в ход, и надо надеяться, что оно сработает, так как теперь я был полностью предоставлен самому себе.

И тут я услышал стук в дверь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда дела обстоят — черней некуда, я просто говорю себе: «Выше нос, могло быть и хуже». И, само собой, дела становятся еще хуже.

Скив

Я решил, что поскольку я придворный маг, мне надо ответить любезно.

— Вон!

Этот ответ был любезным. Если бы вы знали, о чем я думал на самом деле, вы бы это поняли. В моих покоях меня навещали очень немногие люди, а именно в этот момент я не желал видеть никого из них.

— А ты знаешь, с кем говоришь? — донесся с другой стороны двери приглушенный голос.

— Нет. И мне наплевать. Вон.

— Это Родрик Пятый, твой король.

Это меня остановило. Расстроен я или нет, но этот титул принадлежал человеку, устанавливающему и выплачивающему мне жалование. Как я уже говорил, я кой-чему научился у Ааза.

— Ты знаешь, с кем говоришь? — отозвался я с надеждой.

На миг наступило молчание.

— Полагаю, я говорю со Скивом Великолепным, придворным магом POSSILTUMA. В лучшем случае, он будет тем, кто примет на себя основную часть моего гнева, если я и дальше буду ждать перед дверью в его покои.

Вот и надейся тут. В реальной жизни такая шутка никогда не срабатывает так, как в анекдотах.

Двигаясь с недостойной поспешностью, я схватился за дверную ручку и закрутил ее, открывая дверь.

— Добрый день, почтенный маг. Можно войти?

— Разумеется, Ваше Величество, — посторонился я. — Я никогда не отказываю пятому.

Король нахмурился.

— Это шутка? Если да, то я не улавливаю ее смысл.

— Я тоже, — спокойно признался я. — Так говорит мой ученик Ааз.

Родрик величественно свел взглядом помещение, с любопытством вглядываясь в углы, словно ожидая, что Ааз выпрыгнет из стены.

— Нет. Он... там.

— Хорошо. Я надеялся поговорить с тобой наедине. Хммм... эти покои и впрямь очень просторны. Я не помню, чтобы бывал здесь прежде.

Это было преуменьшение. Король не только никогда не посещал моей комнаты и многих покоев в своем дворце, но и вообще я не мог вспомнить, чтобы видел его где-то, кроме как на троне или поблизости от него.

— С тех пор, как я принял пост мага при вашем дворе, Ваше Величество ни разу не удостоили меня своим присутствием, — сказал я.

— О, тогда, вероятно, потому-то я и не припомню, чтобы бывал здесь, — неуверенно откликнулся Родрик.

Это само по себе было странным. Обычно король всегда бывал бойким на язык и за словом в карман не лез. Фактически, чем больше я об этом размышлял, тем более странным становилось это королевское посещение моих покоев. Несмотря на свое расстройство из-за незапланированного и, очевидно, окончательного отбытия Ааза, я почувствовал, как любопытство мое начинает возрастать.

— Могу ли я спросить о причине этой приятной, хоть и неожиданной аудиенции?

— Ну... — начал было король, а затем снова мотнул глазами по комнате, — ...ты уверен, что ученика нет?

— Убеден. Он... Я отправил его в отпуск.

— В отпуск?

— Да, в последнее время он учился со страшным усердием.

Король слегка нахмурился.

— Что-то не припоминаю, чтобы я давал добро на отпуск.

С миг я думал, что попался в сети собственного обмана. А затем я вспомнил, что в добавок к разным межизмеренческим языкам Ааз также научил меня говорить на “бюрократическом”.

— На самом-то деле я считал, что в вашем разрешении нет необходимости, — высокомерно заявил я. — Технически мой ученик не находится в платежной ведомости Вашего Величества. Я плачу ему из своего жалования, что делает его моим наемным работником, подчиненным моим приказам, в том числе и в вопросе отпусков... или увольнения. Хотя, как любой подданный Поссилтума, он подчинен вашим законам, я считаю, что подпараграф “Г” о дворцовом штате на него не распространяется.

Моя краткая речь произвела желанный эффект: она и смутила, и нагнала скуку на моего слушателя. Ааз мог бы мной гордиться. Особенно меня радовало, что я сумел вставить то замечание об увольнении. Оно означало, что когда Ааз не вернется, то я смогу утверждать, что уволил его, не меняя жалования, выплачиваемого мне королем.

Конечно, это снова навело меня на мрачные мысли о потере Ааза.

— Ну, что бы там ни было, я рад видеть, что ваша философия в отношении отпусков отражает мою, досточтимый маг. Отпуск полагается всем, фактически, именно поэтому я и пришел повидать вас сегодня.

Это сбило меня с толку.

— Отпуск? Но, Ваше Величество, мне не нужен отпуск.

Это сбило с толку короля.

— Вам? Конечно, не нужен. Вы с этим своим учеником и так проводите большую часть своего времени, шляясь по другим мирам. С вашей стороны просить об отпуске — большое нахальство.

Это послужило последней каплей. Вспыхнул весь гнев, который я накапливал с прибытия Руперта.

— Я не просил об отпуске.

— О да, конечно.

— И более того, вы сказали фразу о “шлянии по другим мирам” — хотя это основное занятие магов, придворных или иных. Оно дает нам возможность творить свои чудеса... вроде спасения вашего королевства от армии Большого Джули. Помните?

— Как я могу забыть... Я...

— Если же, однако, Ваше Величество считает, что я манкировал своими обязанностями и их исполнением, то

вам нужно только попросить вашего придворного мага, то есть меня, подать в отставку, и вы ее получите. Если вы припомните, этот пост просили меня принять вы! Этого я тоже не просил.

— Пожалуйста, достопочтенный маг, — в отчаянии перебил Родрик. — Я не хотел вас обидеть. Ваши услуги были более чем удовлетворительными. Фактически, любая выраженная мной неохота предоставить вам отпуск основывалась на страхе, что мне придется управлять какое-то время королевством, не имея возможности прибегнуть в последующем к помощи ваших способностей. Если вы действительно считаете, что вам нужен отпуск, то я уверен, мы сможем что-нибудь придумать...

— Мне не нужен отпуск. Ладно? Давайте бросим эту тему.

— Разумеется. Просто я подумал... отлично.

Слегка покачивая головой, он направился к двери.

Выигрыш спора привел меня в куда лучшее настроение. После вынесенных моим Это побоев от Руперта, было приятно услышать от кого-угодно слова, что, по его мнению, мои способности чего-то стоят.

Однако мне пришло в голову, что выиграть спор у человека, являющегося моим работодателем — не самый лучший способ прийти в норму.

— Ваше Величество?

Король остановился.

— Вы не забыли чего-нибудь?

Он нахмурился.

— ...вроде первоначальной причины вашего визита? Раз я не просил об отпуске, а вы не предлагали его, то, полагаю, у вас на уме было что-то еще?

— Ах, да. Совершенно верно. Но, учитывая все обстоятельства, возможно, сейчас не время обсуждать это.

— Что? Из-за нашего взаимонепонимания? Забудьте о нем, Ваше Величество. Такое случается. Будьте уверены, что я по-прежнему ваш верный слуга, готовый сделать все, что в моих силах, дабы помочь вам в управлении королевством.

Как я уже говорил, я становился весьма умелым по части лести, когда того требовала ситуация.

Родрик просиял.

— Рад это слышать, мастер Скив. Именно за этим-то я явился сегодня к вам.

— И чем я могу услужить вам?

— Речь идет об отпуске.

Я закрыл глаза.

На короткий миг, я осознал... уверяю вас, осознал, что чувствовал Ааз. Я понял, что это такое — искренне пытаться помочь кому-то только для того, чтобы обнаружить, что этот "кто-то", кажется, твердо решил свести вас с ума.

Король увидел выражение моего лица и поспешил продолжить:

— Не об отпуске для вас. Об отпуске для меня.

Это открыло мне глаза. Фигурально и буквально.

— Для вас, Ваше Величество? Но короли не уходят в отпуск.

— Вот в этом-то все и дело.

Родрик принялся нервно рассказывать, объясняя суть дела.

— Тяготы исполнения обязанностей короля нарастают с каждым днем, как и на всякой другой работе. Разница в том, что раз ты король, тебе никогда не видать передышки. Нет времени отдохнуть и собраться с мыслями, или даже просто выспаться. Ты король с минуты коронации, когда корона тюкает тебя по голове, и до тех пор, пока она не удаляется добровольной или принудительной отставкой.

— Это тяжело, Ваше Величество. Желал бы я иметь возможность как-то помочь вам.

Король перестал рассказывать и снова обратился ко мне.

— Но вы можете мне помочь. Поэтому-то я здесь и нахожусь.

— Я? Я не могу предоставить вам отпуска. Даже если бы это было в моей власти, а это не так, королевству все время нужен король на троне. Он не может оставаться без вас, даже на один день.

— Именно. Поэтому-то я и не могу оставить трон не занятым. Если я хочу уйти в отпуск, то мне нужен дублер.

В голове у меня включилась сигнализация.

Так вот, сколько бы ни пилил меня Ааз, говоря, что я медленно учусь, я не глуп. Еще до того, как встретиться с Аазом... черт, еще до того, как я научился грамоте... я соображал, что к чему да отчего. А в данном случае что было потребностью короля в дублере, к чему было его присутствие в моих покоях, а отчего...

— Наверняка ведь, Ваше Величество не может подразумевать меня?

— Конечно же, я подразумеваю вас, — подтвердил Родрик. — Фактически, достопочтенный маг, именно об этом я и думал, когда нанимал вас занять ваш нынешний пост.

— Да?

Я чувствовал, как смыкаются челюсти капкана. Если король и впрямь нанял меня именно для этого, то мне будет накладно отказываться от этого поручения. Родрик мог решить, что мои услуги больше не нужны, а наименьшее, что мне нужно после исчезновения Ааза — это быть отрезанным от своего источника дохода. Я не знал наверняка, каков спрос на рынке труда для бывших придворных магов, но был уверен, что не хочу узнать это из первых рук.

— Как вы ранее сказали, способности придворного мага в моем распоряжении, и одна из способностей, продемонстрированных вами при нашей первой встрече, заключалась в умении при желании менять свой облик, или облик других.

Закливание личин. Оно было одним из первых заклинаний, усвоенных мной от Ааза, и одним из наиболее часто применяемых мной в последних наших приключениях. После всех тех случаев, когда оно вызволяло меня из крупных неприятностей, кто бы предположил, что именно это-то заклинание и ввергнет меня в беду? Ну, был случай, когда меня из-за него повесили...

— Но, Ваше Величество, я никак не могу вас заменить. Я не знаю, как быть королем.

— Пустяки, — улыбнулся Родрик. — В должности короля то хорошо, что даже когда ты неправ, никто не смеет указывать на это.

— Но...

— И кроме того, это всего на один день. Что может случиться худого за один день?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Раз ты рыцарь, то рыцарь ты всегда.
Но раз ты король — то раз этот
лишний.

Сэр Белла из Истмарча

Так вот, я не хочу, чтобы вы думали, будто я податлив. Прежде, чем согласиться, я долго и упорно торговался с королем. Я не только сумел заставить его согласиться на премиальные, но и выбил прежде, чем взяться за поручение, большой процент авансом. Совсем неплохо для захваченного врасплох едва оперившегося мага.

Конечно, коль скоро я взялся, то не был уже захваченным врасплох, а был подхвачен потоком.

Чем больше я об этом размышлял, тем худшей казалась мысль дублировать короля. Беда в том, что у меня не было выбора... или был? Я поразмыслил об этом еще раз, и появились проблески надежды.

Выход существовал. Вопрос только в том, далеко ли я смогу убежать за день? Хотя я и не мог похвастать особой искусственностью, я был весьма уверен, что обманывать королей не самое здоровое времяпрепровождение в мире (или мирах, если уж на то пошло).

Это будет крупным решением, определенно, самым крупным, какое мне когда-нибудь приходилось принимать самостоятельно. Королю (или, точнее, его дублеру) не требовалось появляться до завтрашнего полудня, и поэтому у меня имелось немного времени обмозговать это дело. И, думаю, мне необходимо было поговорить об этом с единственным другом, оставшимся у меня во дворце.

— Как ты думаешь, Глип? Мне нужно удрать или остаться и попробовать денек проблефовать вместо короля?

Ответ был краткий и по существу.

— Глип!

Для тех из вас, кто подключился к этой серии с запозданием, поясню: Глип — это мой домашний зверек. Он живет в королевской конюшне. Он также является голубым драконом шестиметровой длины... полу взрослым. (Я содрогаюсь при мысли о том, каким он будет с виду, когда станет вполне взрослым. Мамочка!) Что же касается его остроумной речи, то вы должны его простить. В его словаре есть только одно слово, но он компенсирует это частым употреблением этого вышеупомянутого слова. Речист он или нет, я обратился в этот момент кризиса именно к нему, потому что с исчезновением Ааза он стал единственным в этом измерении, способным хотя бы смутно посочувствовать моей беде. Это само по себе много говорит о светской жизни мага.

— Брось, Глип, будь серьезней. Я действительно попал в беду. Если я попытаюсь дублировать короля, то могу сделать страшную ошибку... например, начать войну или повесить невинного человека. С другой стороны, если я обману короля и исчезну, то мы с тобой проведем остаток жизни в роли преследуемых беглецов.

Единорог в соседнем стойле фыркнул и сердито топнул ногой.

— Извини, Лютик, мы трое будем преследуемыми беглецами...

Боевые единороги совсем не такое уж обычное явление, даже в королевской конюшне. Этот конкретный боевой единорог принадлежал мне. Я приобрел его в качестве подарка вскоре после того, как приобрел Глипа. Как я уже говорил, образ жизни мага — более чем малость экзотичен.

— В королевстве с плохим королем пострадает много людей, — рассуждал я. — А я буду ужасно скверным королем. Черт, я и маг-то не больно уж хороший.

— Глип, — строго возразил мой любимец.

— Спасибо за вотум доверия, но это правда. Я не хочу, чтобы кто-то страдал, но и не в восторге от мысли быть преследуемым беглецом.

Устав оглашать свою приязнь, Глип решил продемонстрировать свои чувства, лизнув меня в лицо. Ну, помимо оставленного после себя липкого осадка, поцелуй моего дракона произвел еще один побочный эффект. Дыхание его — это порыв зловоний, которые превосходит только запах изврской кухни.

— Г... Глип, старина, — сумел, наконец, проговорить

я. — Я тебя очень прошу, хотя я сильно тебя люблю, не проделывать это дважды в неделю, иначе мы можем расстаться... навсегда.

— Глип?

За это я заработал обиженное выражение, которое стер с его морды достаточно просто — почесав ему голову. Мне пришло в голову, что драконы выжили только потому, что эмоционально привязывались лишь к одному существу на время его жизни. Если бы их дыхание доходило до всего населения, а не до одного лица, то их давным-давно бы истребили. Да, лучше уж страдать одному, чем...

Другая часть моего мозга ухватила за эту мысль и принялась проворачивать ее.

— Если я убегу, то в беде буду только я один, но если я попытаюсь быть королем, то пострадает целое королевство. Вот оно. Я должен убираться. Это единственный достойный поступок. Спасибо, Глип.

— Глип?

Мой приятель озадаченно чуть склонил голову на бок.

— Позже объясню. Отлично. Значит, решено. Вы двое нажимаете на еду, пока я заскакиваю к себе в комнату забрать несколько вещей. А потом: "Прощай, Поссилтум".

* * *

Я сделал паузу, чтобы подумать, что произошло бы, если бы я держался первоначального плана: просто направился бы к себе в комнату, собрал бы свои вещи и ушел. График событий на остаток вечера изменился бы, и в остальном эта повесть была бы совершенно иной. А так, я слегка отклонился в сторону. На поддороге к моей комнате вмешались наставления Ааза. То есть я начал думать о деньгах.

Даже преследуемому беглецу деньги не могут не пригодиться, а королевский аванс протянет лишь до определенного срока. Имея немного лишних наличных, я бы мог убежать намного дальше, прятаться дольше или, на крайний случай, — жить намного лучше...

Приободренный этими мыслями, я отправился искать Дж.П.Гримбла.

Мы с министром финансов никогда не были тем, что вы бы называли близкими друзьями. Лучшим определением было бы выражение "кровные враги". Ааз всегда утверждал, что это вызывалось моим растущим влиянием при дворе.

Отнюдь. Истина в том, что стремление моего учителя к дополнительным суммам финансирования превосходилось только неохотой Гримбла расставаться с ними же, поскольку мое жалование поступало из тех самых сундуков, которые столь ревностно охранял министр-казначей.

Я нашел его, как и ожидал, в крошечной каморке, используемой им в качестве кабинета. Сплетники шепчутся, что он неоднократно отказывался от больших помещений, отчаянно пытаясь произвести впечатление на остальной дворцовый штат, подавая пример бережливости. Пример не действовал, но он продолжал пытаться и надеяться.

Стол его по локоть утопал в разных бумагах, покрытых крошечными цифрами, к которым он поочередно притрагивался и изменял, перекладывая разные листы из стопки в стопку. Такие же стопки стояли и на полу, и на таинственном другом недоступном стуле, наводя меня на мысль, что он занимался своей текущей задачей уже немалое время. Видя, что мне негде сидеть или стоять, я предпочел прислониться к дверному косяку.

— Работаем допоздна, господин министр?

За это я заработал короткий сумрачный взгляд, прежде чем он опять вернулся к своей работе.

— Будь я магом, я бы работал допоздна, а так как я министр финансов, то это и есть мое нормальное рабочее время. К вашему сведению, дела идут довольно гладко. И, возможно, сумею закончить рано, скажем, через три-четыре часа.

— Над чем вы работаете?

— Над бюджетно-оперативным планом следующего года, и он почти завершен. То есть при условии, что кто-то не захочет рисковать навсегда лишиться моего расположения, попробовав в последнюю минуту изменить мне цифру.

Последнее замечание сопровождалось тем, что можно было описать только как многозначительный взгляд.

Я не обратил на него внимания.

Я хочу сказать, какого черта! Я и так находился в плохих с ним отношениях, так что его угроза меня совершенно не пугала.

— Тогда хорошо, что я успел поймать вас прежде, чем вы завершите это дело, — небрежно обронил я. — Я хочу обсудить с вами нечто такое, что наверняка сильно повлияет на ваши расчеты. А именно, изменение степени моей оплаты.

— Не может быть и речи, — взорвался Гримбл. — Вы

и так уже самый высокооплачиваемый сотрудник во всем дворце и королевском штате, включая меня самого. С вашей стороны просто возмутительно думать о просьбе увеличить оплату.

— Не увеличить оплату, господин министр, сократить оплату.

Это его остановило.

— Сократить оплату?

— Скажем, до нуля.

Он откинулся на спинку стула и подозрительно взглянул на меня.

— Мне как-то трудно поверить, что вы и ваш ученик готовы работать задаром. Извините меня, но я всегда недоверчиво относился к такому мотиву, как благородное самопожертвование. Хотя я и не люблю алчности, но, по крайней мере, это стремление я могу понять.

— Наверное, потому-то мы всегда так хорошо ладили друг с другом, — промурлыкал я. — Однако вы совершенно правы. Я не намерен работать за так. Я думал покинуть двор Поссилтума и поискать работу где-нибудь в другом месте.

Министр вскинул брови.

— Хотя я и не буду спорить с вашим планом, должен признать, что он меня удивляет. У меня сложилось впечатление, что вы более чем довольны своим положением здесь и “непыльной работенкой”, так по-моему описывает ее ваш чешуйчатый дружок. Что могло соблазнить вас променять удобства придворной жизни на неопределенное будущее на открытой дороге?

— Как что, конечно же, взятка, — улыбнулся я. — Скромная сумма в тысячу золотых.

— Понятно, — тихо произнес министр себе под нос. — А нельзя ли спросить, кто же предлагает вам такую взятку? Я перевел взгляд на потолок.

— Вообще-то, я порядком надеялся, что ее предложите вы.

* * *

После этого мы немножко поторговались, но в основном об условиях нашего соглашения. Гримбл действительно хотел выкинуть меня с Аазом из своих бухгалтерских расчетов, хотя, подозреваю, он был бы менее податлив, если бы знал, что имеет дело только со мной. Не обошлось без ругательств, биения себя в грудь, но в счет идет ко-

нечный итог, а этот конечный итог заключался в том, что я направился в свои покои на тысячу золотых богаче в обмен на обещание, что это будут последние деньги, полученные мною от Гримбла. И это было для меня еще одной причиной отправиться в путь как можно скорее.

С легким сердцем и тяжелым кошельком я вошел в свои покои. Помните, как я входил в свои покои в последний раз? И как там меня поджидал демон? Ну, это случилось вновь.

Не поймите меня превратно. Это все же не обычное происшествие в моем повседневном существовании. Один появившийся без уведомления демон — редкость. Два демона — ну, как ни смотреть на это, день этот будет отмечен в моем дневнике красными буквами.

Вам кажется, что я топчусь на месте? Да. Видите ли, этого демона я знал, и звали его Маша.

— Приветик, кутила. Я просто была поблизости и подумала, дай заскочу на огонек.

Она двинулась вперед с целью заключить меня в объятия, и я поспешно устремился поставить между нами что-то недвижимое. Вам эти “приветик” и объятия могут показаться неопасными. Если так, то вы не знаете Машу.

Я ничего не имею против приветственных объятий. У меня есть еще одна подруга — демон по имени Тананда (да, у меня нынче уйма друзей-демонов) — и ее приветственные объятия — высшие пики моего существования. Тананда — девушка милая, фигуристая и мягкая, ладно, допустим, она к тому же убийца, но ее приветственные объятия способны пробудить даже статую.

Маша же, со своей стороны, не милая и не мягкая. Маша громадная... и с гаком. Я не сомневаюсь в искренней доброжелательности ее приветствий. Просто я боялся, что если она обнимет меня, то мне придется искать выход не один день... а мне требовалось спланировать бегство.

— Ээ... Привет, Маша. Наше вам с кисточкой... всем вам.

Когда я видел Машу в последний раз, она замаскировалась под крикливое цирковое шапито, за исключением того, что это не было маскировкой. Она действительно так одевалась. На этот раз, однако, она явно отбросила побрякушки... вместе со своим гардеробом и любой толикой хорошего вкуса. Ладно, допустим, она не была совершенно обнаженной. Она носила бикини из леопардовой шкуры, но показывала тела, каких хватило бы на четверых нор-

мальных голых людей. Бикини, драгоценности, тянувшие, наверное, на целую тачку, светлозеленая помада, никак не сочетавшаяся с ее оранжевыми волосами, и татуировка на бицепсе. Вот какова Маша. Классная до предела.

— Что тебя привело на Пент? Разве ты уже не работаешь на Валлете? — спросил я, припоминая измерение, где мы встречались.

— Мальчикам просто придется временно разбираться с делами без меня. У меня небольшой отпуск.

— Что-то больно много развелось в последнее время отпускников. Но что ты делаешь здесь?

— Ты не очень-то склонен поболтать, не так ли? Мне нравится это в мужчине.

При этом последнем замечании у меня по коже побежали мурашки, но она продолжала дальше:

— Ну... пока я здесь, я думала взглянуть еще разок на вашего генерала Плохсекира, но настоящая причина моего визита другая. Я надеюсь, что мы с тобой сможем поговорить об одном небольшом деле...

Перед глазами у меня пронеслась вся минувшая жизнь. На какой-то миг и отбытие Ааза, и поручение короля перестали быть самой большой моей проблемой... каламбур тут намеренный.

— Со мной? — сумел наконец выдать я.

— Совершенно верно. С тех пор, как ты и твой чешуйчатый зеленый подручный прокатились по моей территории, я много размышляла об этом, и вчера приняла решение. Я решила записаться к тебе в ученики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пошлина: гонорар, выплачиваемый за
сделки товарами.

Мин. Торговли США

— Но, Ваше Величество, он обещал мне выплатить другую половину до весны, а...

— Не обещал я.

— Нет, обещал.

— Лжец!

— Вор!

— Граждане, — сказал я. — Я могу выслушивать только одну сторону в один прием. Теперь вот вы. Расскажите мне, что вы помните о сказанном.

Совершенно верно. Сказал я. Ведь я сидел на том самом троне, которого решил избегать любой ценой.

На самом-то деле эта работа короля была не такой уж и тяжелой. Родрик кратко наставил меня по основным процедурам и обеспечил гардеробом, а дальше все было довольно просто. Шествовавшие передо мной проблемы было не так уж трудно разрешить, но их навалилась целая куча.

Может, сперва я боялся, потом какое-то время это забавляло меня. А теперь это вызывало скуку. Я потерял счет количеству заслушанных мной дел, но у меня возникло новое ощущение — сочувствие к Родрику, желавшему сделать небольшой перерыв. Я был готов к отпуску, прежде чем наконец-то настал обед. Мне было совершенно не понять, как он-то столько лет терпел эту чушь.

Вы, возможно, гадаете, как это я перескочил от разговора с Машей к свиданию с тронem. Ну, время от времени я и сам гадаю об этом, но насколько я могу реконструировать, произошло вот что.

Незачем говорить, что ее просьба о поступлении в ученичество ко мне оказалась для меня совершенно неожиданной.

— Ну-пу... ну и ну... но, Маша, ты же и так работаешь придворным магом. Зачем тебе надо самой идти ко мне в ученики?

В ответ Маша испустила тяжелый вздох. Явление, поразительное на вид. Не только потому, что столько машинного тела двигалось в стольких разных направлениях, но и потому, что когда она закончила, то, казалось, стала почти до половины своего первоначального объема. И стала теперь не внушительных размеров, а просто усталой на вид толстой бабой.

— Слушай, Скив, — произнесла она притихшим голосом, не имевшим ни малейшего сходства с ее нормальным тоном вамп. — Если нам предстоит работать вместе, то надо быть честными друг с другом. Придворный я маг или нет, мы с тобой знаем, что я ничего не понимаю в магии. Я — механик, фокусник. У меня хватает магических безделушек, чтобы сохранить свою работу, но любой фраер с достаточно толстой пачкой денег может купить такое же барахло на Базаре Девы. Но уверяю тебя, я не жалуюсь. Старую Машу пинали некоторые из самых лучших, и никто никогда не слышал от нее жалоб. Вплоть до сего времени я была довольна тем, что имею. Только когда я увидела, как ты и твоя шайка-лейка надули оба города-государства в Большой Игре с помощью кой-какой настоящей магии, я поняла, что есть чему учиться и помню оборудование и штуkenций. Так что скажешь? Ты поможешь мне немного научиться тому, ради чего я действительно взялась за магию?

От ее честности мне сделалось более чем малость неуютно. Я хотел ей помочь, но, разумеется, не хотел в данный момент никаких учеников. Я решил ответить уклончиво.

— А зачем ты вообще выбирала своим ремеслом магию?

В ответ я увидел ее печальную улыбку.

— Ты мил, Скив, но мы собирались быть честными друг к другу, помнишь? Я хочу сказать: посмотри на меня. Чем мне предполагалось зарабатывать на жизнь? Выйти замуж и быть домохозяйкой? Кто меня возьмет? Даже слепой в два счета сообразит, что я больше, чем он рассчитывал... намного больше. Я давным давно примирилась с тем, как я выгляжу. Я приняла свою внешность как неизбежное и прикрывала любое испытываемое мной сму-

шение луженой глоткой и аляповатым видом. И вполне естественно, что меня привлекала профессия вроде магии, процветающая именно при луженой глотке и аляповатом виде.

— Не все мы дерем глотку, — осторожно заметил я.

— Знаю, — улыбнулась она. — Тебе не приходится разыгрывать великого мастера, так как ты способен дать обещанную затрещину. На Джаке это произвело на меня впечатление, и все, с кем я разговаривала на Базаре Девы, высказывались одинаково. “Скив не шибко выдрючивается, но в драку с ним не лезь”. Вот потому я и хочу, чтобы ты стал моим учителем. Горло драть я уже умею.

Честность и лесть — сокрушительный двойной удар. Что бы там я ни думал о ней прежде, прямо сейчас Маша кормила меня с ладони. Прежде чем взяться за что-то, о чем я смогу позже пожалеть, я решил побороться с ней ее же оружием.

— Маша... мы намерены быть честными друг с другом, верно? Ну, в данный момент я не могу принять тебя в ученики по двум причинам. Первая проста. Я сам не так уж хорошо разбираюсь в магии. Какую бы аферу мы ни проворачивали с выгодными клиентами, включая встреченных на Деве, истина в том, что я всего лишь подмастерье. Я сам еще учусь этому делу.

— Это не проблема, большой бвана, — рассмеялась Маша, несколько восстанавливая свое обычное самообладание. — Такова уж магия: чем больше изучаешь ее, тем больше незнакомого тебе открывается. Именно потому действительно большие шишки в нашем бизнесе проводят все свое время взаперти, изучая и тренируясь. Ты немного знаешь магию, и это немного больше того, что знаю я. Я буду благодарна за все, чему ты научишь меня.

— О, — произнес я, немного удивленный тем, что мое крупное признание ничуть ее не расстроило. — Ну, есть еще и вторая причина...

— И в чем же она заключается?

— В том, что я сам немного попал в беду. Фактически, когда ты появилась, я как раз готовился смыться из королевства.

Лоб Маши слегка наморщился.

— Хммм... — задумчиво проговорила она. — Может быть, тебе лучше рассказать мне об этой беде немного подробнее. Иногда такой рассказ помогает, и именно для этого и существуют ученики.

— Да? — скептически возразил я. — Я дважды бывал учеником, и что-то не припомню, чтобы любой из обучавших меня магов поверял мне свои трудности.

— Ну, именно для этого и существует Маша. Выслушивание — одно из немногих дел, которые я действительно делаю неплохо. А теперь, давай. Что случилось такого, что отправило в бега столь широко шагающего, как ты?

Не видя никакой легкой альтернативы, я рассказал ей о поручении короля и своей последующей сделке с Гримблом. Она была права... Слушать она умела отлично, издавая вполне достаточно сочувственных звуков, чтобы я продолжал рассказывать по-настоящему, не прерывая цепочки мыслей.

Когда я наконец закончил, она вздохнула и покачала головой.

— Ты прав. У тебя тут настоящая проблема. Но, по моему, принимая окончательное решение, ты проглядел несколько вещей.

— Таких, как?

— Ну, во-первых, ты прав: плохой король хуже, чем хороший король. Проблема в том, что плохой король лучше, чем вообще никакого короля. Родрик Пятый рассчитывает, что ты до завтра займешь его кресло, и если ты не появишься, все королевство ударится в панику из-за исчезнувшего короля.

— Об этом я как-то не подумал, — признался я.

— И потом, есть это дело с Гримблом. Мы все норовим, когда есть возможность, прикарманить немного лишних наличных, но в данном случае, если выяснится, что Гримбл заплатил тебе за то, чтобы ты слинял, когда король рассчитывал на тебя, то с эшафота покатится за измену его голова.

Я закрыл глаза.

Это решало вопрос. Было достаточно плохо причинять страдания безликим народным массам, но когда масса обростала лицом, пусть даже Гримбла, я не мог дать ему столкнуться из-за моей трусости с обвинением в измене.

— Ты права, — вздохнул я. — Придется мне завтра утром посидеть за короля.

— Со мной, в качестве твоей ученицы?

— Спроси меня послезавтра... если я еще буду жив. А тем временем дуй приветствовать Плохсекира. Я знаю, он будет рад тебя видеть.

— Ваше Величество?

Я резко вернулся в настоящее время и сообразил, что двое споривших теперь смотрят на меня, якобы принимающего решение.

— Если я правильно понимаю это дело, — заявил я, — вы оба притязаете на владение одной и той же кошкой. Правильно?

Две головы дернулись в быстром согласии.

— Ну, если вы не можете решить эту трудность между собой, то мне кажется, что есть только одно решение. Разрубите кошку пополам, и пусть каждый из вас сохранит половину.

Я полагал, что это вдохновит их разрешить свои разногласия быстрым компромиссом, но вместо этого они поблагодарили меня, пожали друг другу руки и ушли, улыбаясь, надо полагать, разрубать свою кошку.

Мне пришло в голову, за сегодняшний день — не в первый раз, что у многих граждан Поссилтума явно не все дома. Зачем кому-либо могла понадобиться половина дохлой кошки или, если на то пошло, целая дохлая кошка, это уже выше моего понимания.

Меня вдруг охватила сильная усталость. Небрежным движением руки я подозвал к себе герольда.

— Сколько там еще ждет? — спросил я.

— Эти были последние. Сегодня мы намеренно облегчили груз дел, чтобы Ваше Величество могло приготсвиться к завтрашнему дню.

— Завтрашнему дню?

Вопрос вылетел рефлекторно. На самом-то деле, что произойдет завтра, меня не волновало. Моя задача выполнена. Сегодняшний день я пережил, а завтрашний — был проблемой Родрика.

— Да, к завтрашнему дню... когда прибудет ваша невеста.

Я вдруг больше не ощущал усталости. Ни малейшей. Я полностью очнулся и слушал всеми порами.

— Моя невеста? — осторожно переспросил я.

— Ваше Величество наверняка ведь не забыли. Она намеренно наметила прибыть с таким расчетом, чтобы у нее была неделя на подготовку к свадьбе.

Провались все эти дела. Теперь я понял, почему доро-

гуша Родрик захотел в отпуск. А также понял с холодной уверенностью, что он не вернется сегодня вечером сменить меня в справлении королевских обязанностей. Ни сегодня и, возможно, никогда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Единственное, что хуже чародея — это ученик чародея.

М.Маус

На сей раз я удачно подавил порыв удариться в панику. Пришлось. Без Ааза, сохраняющего контроль над положением, пока я не успокоюсь, я не мог позволить себе истерики.

Вместо этого я думал... думал...

Я влип, и как бы я мысленно ни проворачивал это дело, выпутаться из него только своими силами не удастся.

Я подумал о Маше.

Потом я подумал о самоубийстве.

Потом снова о Маше.

С твердой решимостью, но холодом в желудке я принял решение. Вопрос в том, как найти Машу? Ответ пришел по пятам за вопросом. Пока работа дублером короля не причиняла ничего, кроме неприятностей. Мне самое время заставить ее для разнообразия поработать на меня.

— Стража!

Солдат в мундире материализовался у трона с впечатляющей скоростью.

— Да, Ваше Величество?

— Пошлите за генералом Плохсекиром. Я желаю его видеть.

— Ммм... прошу прощения, Ваше Величество. Он в данную минуту с дамой.

— Хорошо. Я хочу сказать, приведите их обоих.

— Но...

— Сейчас же.

— Да, Ваше Величество.

Стражник исчез с такой же быстротой, с какой и появился.

Я постарался не усмехаться. С военными Поссилтума я никогда особенно не ладил. Конечно, к этому может иметь некоторое отношение и то, что мое первое знакомство с ними состоялось тогда, когда нас с Аазом наняли выиграть за них их же войну. Так или иначе, мысли, что какой-то бедняга из почетного караула должен будет прервать тет-а-тет своего генерала, оказалось достаточно, чтобы заставить меня улыбнуться. Впервые за несколько дней.

И все же, отправлять стражу доставлять лицо, которое мне хотелось увидеть, было, разумеется, лучше, чем гонять за ним самому. Наверное, в должности короля все-таки есть свои преимущества.

Два часа спустя я все еще ждал. За это время у меня с избытком хватило возможностей пересмотреть выгодность королевских вызовов. Послав за Плохсекиром, я обязан был ждать на троне, пока он не явится.

В одном случае я обдумывал страшную возможность, что он отправился с Машей на верховую прогулку, и, пока их обнаружат, может пройти не один день. После небольшого дополнительного размышления я отмел эту мысль. Во всем королевстве не нашлось бы ни одного скакуна, включая Глипа, способного провезти Машу, не рухнув, больше чем несколько шагов.

Я все еще мысленно созерцал образ Маши, сидящей с видом оскорбленного достоинства на земле, с гротескно торчащими из под ее крупа ногами коня, как вдруг заметил вступившего в действие герольда.

— Явились генерал Плохсекир и... его подруга.

С этими словами герольд посторонился. На самом-то деле, чтобы посторониться, он отошел вбок на несколько шагов. Я уже описывал объемистость Маши. Ну, Хью Плохсекир отстал от нее не намного. Черо у него не хватало в обхвате, он наверстал в мускулах. Мое первое впечатление от генерала оставалось неизменным, скорее всего — он получил свое звание, напав на целую армию... и победив. Конечно, он носил на плечах свою парадную медвежью шкуру, заставлявшую его выглядеть еще массивнее. Хотя я и присутствовал в свое время при их встречах, но на самом деле так никогда раньше и не видел Плохсекира и Машу, стоящими бок о бок. Общий эффект мог вселить благоговейный страх. Вместе они могли бы служить живой картинкой варваров, покоривших цивилизованную страну и подвергшихся разложению... если бы не секира генерала.

Его тезка — огромная, грозная секира — удобно сидела на своем привычном месте на правом бедре генерала, и сверкала она отнюдь не декоративно. Здесь, по крайней мере, стоял один варвар, не давший разложению охватить его окончательно.

— Ваше Величество.

Плохсекир прогромыхал свое почтительное приветствие, приседая на одно колено с легкостью, несоответствующей его объему. Можно было почти вообразить, как под этим опускающимся коленом резко трещат черепа павших врагов. Я выкинул эту мысль из головы.

— Здравствуйте, генерал. Не представите ли вы мне вашу... спутницу?

— Я... разумеется, Ваше Величество. Разрешите представить вам Машу, придворного мага Та-Хо и друга как для меня, так и для достопочтенного Скива, мага вашего собственного двора здесь, в Поссилтуме.

— Очарована, Ваше Величество.

Я с внезапным испугом понял, что Маша готова повторить, по крайней мере, попробовать повторить маневр Плохсекира, припав на одно колено. Даже если бы она сумела его выполнить, он потребовал бы достаточно усилий, чтобы вызвать насмешки со стороны прочих присутствующих придворных, а я почему-то этого не хотел.

— Э... в этом нет необходимости, — поспешно сказал я. — Мы наверняка устраиваем здесь не официальный дворцовый прием, а скорее неофициальную светскую встречу.

Это вызвало небольшое шевеление среди придворных, включая генерала, который малость озадачено нахмурился. И все же я уже вышел на определенную линию разговора и поэтому тронулся ощупью дальше.

— Фактически, это и было единственной причиной вызова. Я желал познакомиться с дамой, достаточно ослепительной, чтобы выманить нашего генерала с его обычного места рядом со мной.

— Ваше Величество предоставили мне сегодня увольнительную, — возразил генерал.

— Совершенно верно. Как я сказал, это просто светская беседа. Фактически здесь слишком много народу для разговора по-простому. Мы желали бы распустить на день двор и очистить зал, дабы я мог свободно поговорить с этой высокопоставленной гостьей.

Снова пробежала общая рябь удивления, но королевский

приказ есть королевский приказ, и окружающие стали отвечать поклоны, делать реверанс троице и направляться на выход.

— Вы тоже, генерал. Я поговорю с Машей наедине.

Плохсекир начал было возражать, но Маша ткнула его локтем в бок. Такого удара хватило бы, чтобы расплющить большинство людей, но оказалось едва достаточно, чтобы привлечь внимание генерала. Он мрачно хаммурился, а затем отвесил короткий поклон и вышел вместе с остальными.

— Значит, вы друг нашего досточтимого мага? — спросил я после того, как мы остались наконец одни.

— Имею такую... честь быть ею, Ваше Величество, — осторожно ответила Маша. — Надеюсь, он... здоров?

— Вообще-то как раз сейчас у него изрядные неприятности.

Маша испустила тяжелый вздох.

— Этого-то я и боялась. Как-нибудь связанные с его последним заданием?

Я проигнорировал вопрос.

— Генерал Плохсекир, кажется, совершенно увлечен вами. Вы уверены, что хотите продолжать занятия магией? Или собираетесь попробовать свои силы в новом образе жизни?

Маша хмуро посмотрела на меня.

— А как вы об этом прослышали? Вы ведь не пытали собственного мага, не так ли?

Я уловил легкое движение приготавливаемых ею магических колец и решил, что время игр кончилось.

— погоди, Маша. Прежде, чем ты что-либо сделаешь, я должен тебе кое-что показать.

— Что именно?

Я уже закрыл глаза для удаления заклинания лжины... быстрее, чем когда-либо проделывал раньше.

— Меня, — ответил я, вновь открывая глаза.

— Ну, не будь я... тут ты меня действительно ошеломил, круто. Просто заклинание. Ловко. Конечно, ты из-за них чуть не изжарился. Почему ты не дал мне знать, что это ты?

— Прежде всего, мне хотелось посмотреть, достаточно ли хорошо мое заклинание лжины, чтобы одурачить того, кто это высматривает. Я в первый раз пробую подделывать не только внешность — и голос тоже. А во-вторых... ну,

мне было любопытно: не передумала ли ты быть моей ученицей.

— Но почему ты не мог просто спросить меня... понимаю. Ты действительно в беде, так ведь? Достаточно тяжелой, чтобы не желать втягивать и меня из-за старого обещания. Это любезно с твоей стороны, Скив. Как я уже говорила, ты поступаешь классно.

— Любый бы поступил точно так же, — возразил я, пытаюсь скрыть смущение от ее похвал.

Она громко фыркнула.

— Если бы ты в это верил, ты бы так долго не прожил. В любом случае, ученик или нет, а друг есть друг. А теперь выкладывай, что случилось?

Усевшись на ступеньках трона, я сообщил ей о предстоящей свадьбе и о своих подозрениях насчет несвоевременного отпуска короля. Я пытался говорить об этом как можно небрежней и прозаичнее, но под конец тон мой стал довольно-таки минорным.

Когда я закончил, Маша сочувственно присвистнула.

— Да, когда вы, игроки высшей лиги, попадаете в беду, то не шутите, так ведь? Теперь, когда ты ввел меня в курс дела, я, признаться, немного удивлена, что ты еще здесь.

Я поморщился.

— Время от времени я успешно, но медленно усваиваю истины, однако лекции мне требуется читать только раз. Если один день без короля плох для королевства, то окончательное исчезновение может привести к катастрофе. В любом случае, прямо сейчас мне нужен кто-то, способный выследить настоящего короля и вернуть его сюда, пока я продолжаю блеф с трона.

Маша нахмурилась.

— Ну, у меня есть небольшая побрякушка, способная навести на его след, если у тебя есть что-то ношеное... им, то есть.

— Шутишь? Ты думаешь, придворные маги Поссилтума так одеваются? Все, что на мне одето, и еще полных два чулана в его покоях принадлежат королю.

— ...но чего я не могу уразуметь, так это — зачем тебе нужна я? Где твой обычный партнер... как там бишь его... Азз? Мне кажется, твоим первым выбором для этого дела должен быть он. Где бы он там ни был, разве ты не можешь просто махнуть в то измерение и вытащить его на время обратно?

За отсутствием любого другого выбора я решил прибегнуть к правде и об окончательном отбытии Аза и о собственной неспособности путешествовать по измерениям без И-Прыгателя. Когда я закончил, Маша покачала головой.

— Быходит, ты совершенно один и застрял здесь. И ты все-равно собираешься освободить меня от обещания вместо того, чтобы заручиться моей помощью? Ну, вы получите мою помощь, мистер, и вам не требуется к тому же подкупать меня согласием взять в ученицы. Я верну тебе короля... до той свадьбы. Вот тогда мы и поговорим об ученичестве.

Я покачал головой.

— Правильная мысль, но неправильная последовательность. Я не собирался подкупать тебя согласием взять в ученицы, Маша. Я тебе уже говорил, что не очень знаю магию, но чему могу — с радостью тебя научу... найдешь ли ты короля или нет. Я не уверен, что это ученичество, но если ты его хочешь — оно твое.

Она улыбнулась — улыбкой совершенно непохожей на ее обычную, наигранную, в стиле “вамп”.

— Об этом мы поспорим позже. А сейчас мне требуется найти короля.

— Минутку. Прежде, чем уйдешь, ты ведь здорово разбираешься в разных приборах, верно? Ну, в моих покоях есть И-Прыгатель. Я хочу, чтобы ты показала мне два положения: одно для Девы и одно для Пента. Видишь, я не столько благороден. Если положение станет слишком неудобным или тебе потребуется для поиска короля больше недели, я хочу иметь немного места для пробежки. Если меня не будет здесь, когда ты вернешься, то можешь искать своего “благородного” в таверне “Желтый полумесяц” на Базаре Девы.

Маша фыркнула.

— Опять ты прибедаешься. Ты намерен попробовать прежде, чем сбежать, а это больше, чем я могу сказать о большинстве в нашем ремесле. Кроме того, чтобы ты ни думал о моих мотивах, они глубже, чем ты думаешь. Ты только что попросил меня показать два положения И-Прыгателя. Для бегства тебе нужно только одно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хорошую информацию трудно добыть.
Сделать с ней что-нибудь — еще
труднее.

Л. Скайуокер

Я давно уже решил, что особам королевского звания требуется в первую очередь невосприимчивость к скуке. Давши уже ранее хронике истинно утомительного характера исполнения так называемых “государственных обязанностей”, я могу только добавить, что ожидание их исполнения — еще хуже.

С моей стороны, разумеется, не наблюдалось никакого стремления поскорей встретиться с будущей супругой короля, и еще меньше — жениться на ней. Однако, после того, как пришло известие, что она задерживается с прибытием на целый день, и когда этот день стал ранним вечером, ожидая принять “рано утром”, я обнаружил, что желаю ей оказаться здесь так, чтобы мы смогли встретиться и уже покончить с этим.

Всякая иная королевская деятельность была приостановлена в стремлении подчеркнуть важность приветствия Поссилтумом его будущей королевы, хотя я думал, что в этом едва ли есть необходимость, так как граждане вымостили улицу цветами и выстроились глубиной в три ряда, надеясь хоть мельком увидеть эту новую знаменитость. Ожидание, казалось, не портило им настроения, хотя цветы вяли лишь для того, чтобы периодически заменяться новыми. Если этот прием и не сделает ничего нового, так серьезно поубавит на время поссилтумский урожай цветов. Конечно, он может поубавить нам все урожаи, так как улицы остались забитыми празднично одетыми людьми, не проявлявшими ни малейшей склонности вернуться на поля

или в мастерские, когда приходили известия о каждой новой задержке.

— Неужели у граждан нет лучшего занятия, чем стоять на улице, бросая друг в друга цветы? — зарычал я, отворачиваясь от окна. — Должен же хоть кто-то заботиться о королевстве во время всей этой ерунды?

Как обычно, успокаивать меня взялся Дж.П.Гримбл.

— Ваше Величество просто нервничает из-за предстоящего приема. Надеюсь, ваша мудрость не даст вашему беспокойству излиться на головы своих верных подданных?

— Когда она пересекла границу, меня уверяли, что она будет здесь утром. Утром. Вы когда-нибудь прежде видели, чтобы солнце заходило утром?

— Ее, несомненно, задержало состояние дорог, — предположил генерал Плохсекир. — Я уже сообщал Вашему Величеству, что наши дороги давно заждались ремонта. В своем нынешнем состоянии они препятствуют проезду путешественников... и войск, если наша прекрасная страна подвергнется нападению.

Гримбл ощерил зубы.

— И Ваше Величество всегда соглашались со мной, что ремонт дорог был бы в данное время чересчур дорогостоящим, если генерал не согласится значительно сократить размеры своей армии, чтобы мы могли пустить сэкономленные на жаловании средства для оплаты дорожных работ.

Генерал побагровел.

— Сократите размеры армии, Гримбл, и вы скоро потеряете казну, которую вы столь бдительно охраняете.

— Довольно, господа, — махнул я рукой, веля им обоим утихнуть. — Как вы оба сказали, мы уже много раз обсуждали эту тему.

Было решено, что король Поссилтума, чем сидеть и нервничать на глазах всего населения, лучше уж пусть потеет наедине с советниками, пока невеста не прибудет на самом деле. Королевский образ и все такое. К несчастью, это означало, что я с утра оказался заточенным в небольшом помещении в компании Дж.П.Гримбла и Хью Плохсекира. Их постоянной грызни и препирательства хватило для превращения моего и так уж сомнительного настроения в довольно-таки рекордно поганое.

— Ну, пока мы ждем, наверное, вы оба можете коротко изложить мне свои личные взгляды на мою будущую жену и ее королевство.

— Но, Ваше Величество, мы уже их излагали. Много раз.

— Ну, сделаем еще раз. Предполагается, что вы мои советники, не правда ли? Ну, вот и советуйте мне. Генерал Плохсекир, почему бы вам не начать?

Плохсекир пожал плечами.

— Со времени нашей последней беседы положение, в сущности, не изменилось. Тупик — королевство маленькое, на самом-то деле, крошечное — в целом там проживает меньше тысячи граждан. Они притязают на весь горный хребет Тупик, от которого берет название их королевство и который является их основной военной хитростью и защитой. Их претензии не оспариваются по большей части оттого, что горы эти коварные и соваться туда мало причин. По меньшей мере, девяносто пять процентов их населения сосредоточено в одной долине среди гор. Никакой официальной военной организации у них нет, скорее, ополчение, но этого достаточно, так как в главную долину ведут не меньше пяти перевалов, где даже ребенок с кучей камней может удержать целую армию, а камней у них в избытке. Главное уязвимое место — у них — это продовольствие. Местность такова, что они не в состоянии содержать даже свое небольшое население, а так как они вдобавок ко всему еще не ладят с королевством в другом конце долины, которое первоначально владело ею целиком, то вынуждены покупать все свое продовольствие у нас... не задумываясь над тем, что цены, которые они платят нам, даже щедрый человек назвал бы грабительскими.

— Спрос и предложение, — молвил с зубастой улыбкой Гримбл.

— Минуточку, генерал, — перебил я. — Если я правильно понял, то из-за своих размеров Тупик не является для нас военной угрозой. Если он как-то и влияет на нас в военном плане, так это охраняет наш фланг от нападения с перевала. Верно?

— Правильно.

— А это он и так уже делает.

— Тоже правильно.

Увидев перед собой выход, я поспешил дальше.

— Мы не можем на них напасть, но, судя по вашим словам, у них нет ничего нужного нам. Так зачем же мы берем на себя труд заключать этот брачный союз?

Генерал указующе посмотрел на Гримбла.

— Потому, что хотя в Тупике мало народу и низкие

урожай, они сидят на самых крупных залежах драгоценных металлов на континенте, — доложил министр финансов.

— Драгоценных мет... А, вы имеете в виду золото.

— Именно. Заключив такой союз, Поссиятум станет самым богатым королевством на все времена.

— Это кажется едва ли достаточным основанием для женитьбы, — пробурчал я.

— Нам хорошо известны мнения Вашего Величества по данному предмету, — кивнул Гримбл. — Вы выражали их часто и пространно, каждый раз, когда поднимался вопрос о возможности такого брака. Я лишь рад, что вы наконец дали согласие, когда граждане Поссиятума пригрозили поднять бунт, если вы не примете предложение о браке.

— Что произошло только после того, как вы, Гримбл, распространили слух, будто такой союз приведет к значительному снижению налогов, — нахмурился Плохсекир.

— Я говорил, что он может привести к снижению налогов, — невинно поправил его министр. — Разве я виноват, что простой народ поспешил с выводами?

Теперь, когда я получил более ясное представление о ситуации, я мог бы найти в себе немного сочувствия затруднительному положению короля, если бы он не подставил вместо себя меня.

— Хватит о Тупике. Давайте теперь мнение о моей будущей супруге.

Возник краткий миг неловкого молчания.

— В Тупике монархии нет, — осторожно начал Гримбл. — То есть, до недавнего времени ее не было. Он был больше племенным государством, где правил сильнейший. Однако, когда умер последний король, его дочь Цикута каким-то образом сумела взять власть в свои руки и удержаться на троне, основав таким образом своего рода королевскую династию. Как именно она это проделала — неясно.

— Некоторые говорят, что перед смертью короля она сумела заручиться лояльностью всех дееспособных бойцов королевства, обезопасив таким образом свои притязания от оспаривания, — доложил Плохсекир.

Я поднял руку, останавливая их.

— Господа, вы сообщаете мне факты, а я просил вас высказывать ваши мнения.

На этот раз возникло долгое неловкое молчание.

— Так здорово, да? — поморщился я.

— Ваше Величество должны помнить, — запротестовал

Гримбл. — Нас просят откровенно высказывать свои чувства о женщине, которая скоро станет нашей королевой.

— Не раньше, чем после брака, — пробурчал я. — В данную минуту ваш король — я. Уловили мой намек?

Они уловили и с трудом сглотнули.

— На ум приходят слова “хладнокровие” и “беспоощадность”, — проговорил наконец генерал. — И это впечатление человека, сделавшего карьеру на военной резне.

— Я уверен, что слухи о том, будто бы она убила отца для захвата власти в королевстве, сильно преувеличены, — слабо возразил Гримбл.

— ...но Вашему Величеству было бы очень желательно настоять на раздельных спальнях покоях и даже тогда спать чутко и при оружии, — твердо заключил генерал.

— С отдельными покоями не предвидится никаких затруднений, — злобно сверкнул глазами Гримбл. — Говорят, королева Цикута отличается нравственностью уличной кошки.

— Восхитительно, — вздохнул я.

Министр оделил меня отеческой улыбкой.

— О, нет ни малейшего сомнения, что все королевство, включая и меня самого, восхищается готовностью Вашего Величества пожертвовать собой ради блага своего народа.

Бсда в том, что только я знал, кем готов был пожертвовать король.

Я изучал сквозь опущенные веки улыбку Гримбла, отчаянно роаясь в памяти в поисках, чем бы расстроить его надменное наслаждение этой ситуацией. И внезапно нашел.

— Я собирался спросить, не знаете ли вы о текущем месте нахождения нашего придворного мага?

Улыбка Гримбла исчезла, словно вода на горячей сковороде.

— Он... уехал, Ваше Величество.

— Что? Опять отправился на поиски нового злополучного приключения?

— Нет, я имею в виду, он... уехал. Подал в отставку и ушел.

— Кому он подал в отставку? — поднажал я. — С чьего разрешения он покинул свой пост в этот самый тяжелый мой час?

— Ээээ... с моего, Ваше Величество.

— Что-что, Гримбл?! Я вас не совсем расслышал.

— С моего. Я сказал ему, что он может уезжать.

Гримбл теперь заметно вспотел, что меня вполне устраивало. Фактически, в голове у меня начала складываться одна идея.

— Хмм... зная вас, господин министр, я бы заподозрил, что за внезапным отбытием Великого Скива стоят деньги.

— В некотором роде, — уклончиво ответил Гримбл, — можно сказать, что так оно и было.

— Это не пойдет, — твердо возразил я. — Я хочу вернуть его... и до этого проклятого брака. И что еще важнее, раз мы одобрили его отбытие, то я считаю вас лично виновным и ответственным за его возвращение.

— Е... Ваше Величество. Я же не знаю, где начинать поиски. Да он теперь уже может быть где угодно.

— Он не мог далеко уйти, — небрежно уведомил его без всяких просьб Плохсекир. — Его дракон и единорог все еще стоят в королевской конюшне.

— Вот как? — моргнул министр.

— Да, — улыбнулся генерал. — О чем вы могли бы знать, если бы ваша нога когда-нибудь ступала за пределы своей бухгалтерии.

— Вот видите, Гримбл, — подхватил я. — Для человека с вашей изобретательностью поставленная мной задача должна быть легкой. Итак, с вами все. Чем дольше вы задерживаетесь здесь, тем дольше вам придется искать нашего своенравного мага.

Министр начал было что-то говорить, затем пожал плечами и двинулся к двери.

— Да, Гримбл, — окликнул я его. — Вам нужно кое о чем помнить. До меня дошел слух, что в последнее время Великий Скив иногда, шутки ради, представал в моем обличье. По всей вероятности, этот бездельник разгуливает где-то с королевскими чертами лица. Одно это — ценное сведение, должное помочь вам обнаружить его.

— Благодарю вас, Ваше Величество, — мрачно отозвался министр, вспомнив теперь о способности своей предполагаемой дичи менять облик.

Я не был уверен, но мне подумалось, что когда его соперник вышел, волоча ноги, генерал Плохсекир подавлял смех где-то в глубинах своей бороды.

— А как насчет вас, генерал? Как по-вашему, ваши солдаты смогут помочь в распространении известия о моем королевском вызове Великого Скива?

— В этом нет необходимости, Ваше Величество.

С внезапной серьезностью он подошел ко мне и положил мне руку на плечо, посмотрев прямо в глаза.

— Достопочтенный маг, — сказал он. — Вас хочет видеть король.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Горячей женщине нет никакого противодействия, кроме горячительного напитка.

Р.Батлер

— Вы уже довольно давно знаете, что я — воин. Но вот чего вы, кажется, не понимаете, так это того, что отсюда вытекает.

Мы теперь сидели за вином, ведя куда более неприужденную беседу, чем в то время, когда я выдавал себя за Родрика.

— Бойцы узнают людей как по внешним чертам, так и по движениям и манерам. Это профессиональная привычка. Так вот у вас была внешность и голос короля, но осанка и жесты — Великого Скива, а не Родрика Пятого.

— Но если вы знали, что я самозванец, то почему ничего не сказали?

Генерал вытянулся, словно палку проглотил.

— Король не посвятил меня в это дело, равно как и вы. Я считал, что вмешиваться в ваши дела без приглашения было бы бестактностью.

— Разве вы не боялись, что я могу участвовать в заговоре с целью убийства короля и занять его место?

— Господин маг, хоть мы и встретились сперва как соперники, длительное знакомство с вами заставило значительно возрасти мое уважение к вам. И в ходе убеждения Большого Джули выйти со своей армией из Синдиката и поселиться в Поссилтуме как честные граждане, и сражаясь на нашей стороне в Большой Игре, когда вы рискнули жизнью и конечностями, спасая своего товарища по опасности, вы проявили смекалку, доблесть и честь. Хотя иногда я могу отзываться о вас менее чем пылко, самое низкое

мое мнение о вас не включает возможности вашего участия в убийстве своего работодателя...

— Спасибо, генерал.

— ...и, кроме того, только полный идиот захотел бы занять место Родрика столь незадолго до его брака с королевой Цикутой.

Я вздрогнул.

— Вот вам и растущее уважение.

— Я сказал: "Смекалку, доблесть и честь", об уме я не упоминал. Получается, тогда либо полный идиот, либо кто-то, выполняющий приказ своего короля.

— А как насчет малости и того, и другого? — вздохнул я.

— Так я примерно и подозревал, — кивнул Плохсекир. — И теперь, когда мы говорим напрямик, можно мне спросить о местонахождении короля?

— Хороший вопрос.

В нескольких невеселых фразах я ввел его в курс дела по части своего задания и исчезновения Родрика.

— Так я и боялся, что случится нечто подобное, — сказал генерал, когда я закончил. — Король отчаянно искал, как бы отвертеться от этого брака, и, похоже, нашел способ. Ну, незачем говорить, что если я могу чем-нибудь помочь, то только попросите, и я все сделаю...

— Спасибо, генерал. Фактически, я как раз...

— ...покуда это не противоречит благу королевства, — поправился Плохсекир. — Вроде оказания вам помощи в попытке бегства. Поссилтуму нужен король, и на данное время король — вы.

— Ну... как насчет использования ваших солдат для помощи в розыске короля?

Плохсекир покачал головой.

— Нельзя. Это задача Маши. Если я пошлю ей в помощь своих солдат, она подумает, что я не верю в нее.

Восхитительно. У меня нашелся союзник, если я смогу обойти его лояльность и любовные увлечения.

Генерал, должно быть, заметил выражение моего лица.

— Все прочее я готов выполнить.

— Например?

— Ну... Например, научить вас защищаться от своей будущей жены.

Это действительно звучало обнадеживающе.

— Вы думаете, у нас хватит времени?

При этих словах раздался тяжелый стук в дверь.

— Ваше Величество, карета королевы Цикуты приближается ко дворцу.

— Нет, — ответил с обескураживающей честностью генерал.

Мы едва успели занять свои места до появления процессии королевы. Трон Поссилтума временно перенесли из места непосредственно в дверях дворца, и только дунув с неприличной поспешностью по коридорам, мы с Плохсекиром сумели добраться до своих мест прежде, чем распахнулись порталы.

— Напомните мне как-нибудь потолковать с вами о действенности системы раннего предупреждения вашей армии, — язвительно попросил я Плохсекира, опускаясь на трон.

— По-моему, именно придворный маг жаловался на чрезмерную широту военного шпионажа, — огрызнулся Плохсекир. — Наверное, теперь Баше Величество сочтет нужным убедить его в необходимости своевременной информации.

Прежде, чем я сумел придумать достаточно вежливый ответ, у подножья лестницы остановилась свита королевы.

Королевство Тупик явно не пожалело расходов на карету королевы. Если она и не была на самом деле сработана целиком из золота, то на оправу и украшения ушло достаточно металла, чтобы разница была чисто академической. Я получил тайное удовольствие от того, что Гримбл не присутствовал при этой сцене и не мог порадоваться. Задернутые занавески позволили нам видеть богатую вышивку на них, но не того или то, что находилось внутри кареты.

Завершала картину упряжка одномастных лошадей, хотя их лохматые шкуры и невысокий рост предполагали, что обычно горшкы находили им более практичное применение, чем возить по сельской местности королевских особ.

Однако на этой карете и кончалось любое подобие декорума в процессии королевы.

Свита ее состояла из, по меньшей мере, двадцати слуг, сплошь конных и с лошадьми на поводу, хотя я и не мог сказать, сменные ли это кони или приданое невесты. Свита тоже была чисто мужской и отличалась однообразной внешностью: все как на подбор широкоплечие, узкие в талии и мускулистые. Она напоминала мне в миниатюре версии членов команд, против которых мы с Аазом выступали в

Большой Игре, но, в отличие от тех игроков, эти ребята были вооружены до зубов. Они так и оцетинились мечами и ножами, сверкавшими из-за голенищ, наручных ножен и ножен заплечных, вызывая у меня уверенность, что общий вес их оружия компенсировал тяжесть охраняемой ими золотой повозки. Это были не красивые декоративные украшения, а отлично пригнанное боевое вооружение, носимое с той непринужденностью, с какой бойцы носят орудия своего ремесла.

А сами бойцы были одеты в бесцветные мундиры, более подходящие для ползанья по кустарникам со стиснутым в зубах ножом, чем для службы в свите королевы. И все же они морщили свои широкие плоские лица в улыбках до ушей, когда то глазели, разинув рты, назад, то махали толпе, которая, казалось, твердо решила выбросить отмеченный ранее излишек цветов, похоронив под ним карету. На взгляд Плохсекира или Большого Джули эта свита могла бы показаться затрапезной или недисциплинированной, но я бы не хотел бы быть тем, кто попытался отнять у них что-нибудь: королеву, карету или даже цветок, если он им понравится.

Заметным исключением из правила казались двое человек в процессии. Даже верхом они выглядели на голову выше прочих и наполовину шире. Они втиснули свои массивные тела в чистые парадные мундиры и, похоже, ездили без оружия. Однако я заметил, что вместо того, чтобы смеяться и махать руками толпе, они сидели в седлах, словно палку проглотили, изучая окружающую обстановку со скучающим видом, отвлеченным вниманием к подробностям, какое я обычно связывал с хищниками.

Я уже собирался привлечь внимание Плохсекира к этой паре, как тут открылась дверь кареты. Появилась женщина, состоящая в родстве с большинством мужчин в свите. Такое же широкое плоское телосложение и те же черты лица. Мое первое впечатление заключалось в том, что она выглядела, словно нижние две трети дубовой двери, если бы эту дверь вытесали из гранита. Не улыбнувшись, она обвела окружающих испепеляющим взглядом, а затем кивнула и сошла на землю.

— Фрейлина, — прошептал Плохсекир.

Не уверен, был ли предназначен его комментарий для моего успокоения, но он меня успокоил. Только после этого мне пришло в голову, что генерал добровольно поделился этой информацией, чтобы удержать меня от бегства, о котором я всерьез подумал.

Появившаяся затем фигура радикально отличалась от прочих в свите. Тонкая, как стрела, бледная, с черноволосистыми прямыми волосами, свисавшими у нее ниже плеч. И вместо ожидаемого теперь уже круглого плоского лица, такие черты, словно ее вроде как повесили за нос посушиться. Она не была неприятной на вид, фактически, я полагал, что она моложе меня, но этот заостренный нос с парой темных настороженно поблескивающих глаз делал ее смутно похожей на грызуна. На ней было белое платье с длинными рукавами, которое, вероятно, выглядело куда очаровательнее на вешалке. Бросив на собравшихся граждан мимолетный взгляд, она подобрала имеющийся в юбке провис, прыгнула с подножки кареты и стала подниматься ко мне со спортивной грацией закоренелой мальчишницы.

— Вот это королева Цикута, — уведомил меня Плохсекир.

Я почему-то именно так и подозревал, но, получив подтверждение, мигом принялся действовать. По крайней мере, с этой-то ролью я сумею справиться, ведь не зря же меня вновь и вновь натаскивали по этой части советники.

Я поднялся на ноги и царственно стоял, пока она дошла по лестнице до трона, а затем так рассчитал свой поклон, что тот совпал с ее реверансом... монарх приветствует монарха и все такое прочее.

Вслед за этим мне полагалось сказать ей: "Добро пожаловать в Поссилтум", но прежде, чем я успел открыть рот, она выступила с собственным приветом.

— Извиняюсь, что не присела в реверансе еще ниже, но под платьем у меня ничего нет. Знаешь, Роди, здесь, в низине, зверски жарко, — сказала она, даря мне широкую, но тонкогубую улыбку.

— Э-э-э-э... — старательно произнес я.

Игнорируя мой ответ или отсутствие оно, она улыбнулась и помахала рукой толпе, ответившей одобрительным ревом.

— Какой идиот пригласил этот сброд? — спросила она, но улыбка ни на миг не покинула ее лица.

— Э-э-э-э... — повторил я.

На выручку мне пришел генерал Плохсекир.

— Никакого официального объявления не делалось, Ваше Величество, но слух о вашем прибытии, кажется, просочился до всего населения. Как и следовало ожидать, им очень не терпится увидеть свою новую королеву..

— В каком виде? — спросила она, скаля зубы и махая

рукой скопившимся на крышах. — Шесть дней в пути по такой жаре без ванны или смены белья. И вместо скромного приема полкоролевства собирается поглядеть на меня в таком виде, словно меня волокли за каретой, а не везли в ней. Ну, дело сделано и сделанного не воротить. Но запомните, если это случится опять... генерал Плохсекир, не так ли? Так я и думала. В любом случае, как я говорила, если это случится опять, то покатаются головы... я и говорю отнюдь не фигурально.

— Добро пожаловать в Поссилтум, — сумел я наконец сказать свою реплику, которая была существенно сокращенной версией той речи, которую я собирался произнести, но при данных обстоятельствах я смог вспомнить только эту фразу.

— Здравствуй, Роди, — ответила она, не глядя на меня, все еще махая рукой толпе. — Я сейчас галопом в свои покои. Будь любезен, постарайся в течение следующей недели не путаться под ногами... меня ждет столько дел. Кроме того, похоже, ты будешь по горло занят другим делом.

— Как это?

— На тебя надвигается малюсенькая беда, по крайней мере, по словам господина, встреченного мной по пути. Вот он подходит. Пока.

— Но...

Но королева Цикута уже исчезла, пропала в глубине двора, словно облако дыма. Вместо нее я сфокусировался на человеке, вышедшем из кареты и теперь с трудом подымавшемся по лестнице к трону.

Я заметил, что у него такие же хорьковые черты лица и манеры, как и у Дж.П.Гримбла. Однако лучше всего я заметил то, что двое широкоплечих хищников, которых я ранее считал частью свиты королевы, внезапно материализовались по бокам от него, возмущаясь над ним, словно пара столбов... столбов уголовного вида.

Я сел, частично потому, что приближающаяся фигура не казалась особой королевского звания, но по большей части оттого, что чувствовал — в этой последующей беседе мне будет желательно сидеть.

Хорьковолицый добрался наконец до моего трона, вытянулся и отвесил скорее короткий кивок, чем поклон. Это, по крайней мере, выглядело вежливым, поскольку верзила по бокам от него вообще не обратили, по всей видимости, внимания на мое присутствие.

— Простите, что я вторгаюсь в такой торжественный момент, Ваше Величество, — сказал хорьковолицкий. — Но нам нужно обсудить некоторые дела.

— Такие как?..

— Меня зовут Шайк-стер, и я представляю некий... консорциум бизнесменов. Я желал бы побеседовать с одним из ваших слуг относительно неких наших сотрудников, не явившихся с докладом после решения наших интересов в этом регионе.

Как я упоминал ранее, я приобрел за время обучения неплохое умение говорить по "бюрократически". Однако же речь этого человека оставила меня в полном недоумении.

— Что вы хотите и от кого?

Хорьковолицкий вздохнул и на миг повесил голову.

— Разрешите мне выразиться так, — молвил он наконец. — Я от Синдиката и хочу видеть вашего мага Скива. Речь идет о нашей армии, мальчиках Большого Джули, которая, своего рода, исчезла после того, как связалась с ним. Теперь вы меня понимаете?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Выбирай себе друзей потщательней.
А враги выберут тебя сами.

Д.Арафат

Спустя несколько дней после прибытия королевы Цикуты во дворце Поссилтума царила такая же счастливая спокойная обстановка, как в ночь перед боем. Свиту королевы и представителей Синдиката разместили во дворце в качестве "королевских гостей", подарив мне, хотел я того или нет, войну на два фронта.

Королева Цикута не представляла собой непосредственной проблемы, она больше смахивала на бомбу с часовым механизмом. При специальном приказе "не мелькать перед ней" мне не требовалось особенно с ней общаться, и даже генерал Плохсекир признавал, что если она намерена по-пробовать убить меня, то не раньше, чем после свадьбы, когда она станет официальной королевой Поссилтума. И все же по мере того, как день свадьбы вырисовывался все четче и четче, я все сильнее сознавал, что разобраться с ней придется.

Непосредственной проблемой, однако, были представители Синдиката. Я их временно притормозил, сказав, что придворного мага в настоящее время во дворце нет, но за ним послали, и в качестве символа полной веры в это предоставил им гостеприимство дворца. Они мало пили и никогда не приставали ко мне с вопросами о возвращении "Скива". В душе я, однако, ничуть не сомневался в том, что через какой-нибудь срок их терпение истощится и они примутся искать придворного мага сами.

У меня также возникло ощущение: что этот "какой-то" срок будет очень недолгим.

Нуждаясь в любой помощи, какую я только мог запо-

лучить, я приказал Плохсекиру послать одного из своих ратников за Большим Джули. С минимальными трудностями мы доставили его контрабандой во дворец, и наша группа устроила военный совет. По рекомендации Плохсекира я сразу же сбросил личину и ввел нашего гостя в курс событий.

— Сожалею, — сказал Джули, открывая совещание, — но я не вижу, чем я могу вам помочь, понимаете, что я имею в виду?

— Восхитительно. Вот вам и опытный воинский совет Большого Джули.

— Я хотел бы помочь, — пояснил он. — Вы поступили очень хорошо со мной и моими ребятами. Но я, бывало, работал на Синдикат, понимаете? Я знаю, что он такое. Коль они напали на твой след, то уже никогда не отцепятся. Я уже пытался вам это объяснить.

— Ну, не вижу, в чем тут проблема, — прогромыхал генерал Плохсекир. — Их же только трое, и главный их представитель — штафирка чистейшей воды. Забота о том, чтобы они наверняка ни о чем никому — и никогда — не доложили, не потребует больших усилий.

Большой Джули покачал головой.

— Ты хороший мужик, Хью, но ты не понимаешь, с чем ты здесь имеешь дело. Если исчезнет разведгруппа Синдиката, то Большие Парни поймут, что попали в точку, и приведут в действие систему. Устранение представителей Синдиката его не остановит... оно его даже не задержит. Если оно что и сделает, так это ускорит процесс.

Прежде, чем Плохсекир получил шанс ответить, я опередил его несколькими собственными вопросами.

— Минуточку, Большой Джули. Когда мы впервые встретились, ты командовал самой большой армией, какую когда-либо видел этот мир, верно?

— Совершенно верно, — кивнул он. — Пока мы не встретили вас, мы катили вперед весьма неплохо...

— ...а мы просто дали вам шанс исчезнуть, как солдатам, и выйти в отставку, как гражданам Поссилтума. Тебя и твоих ребят ни разу не победили в бою.

— Мы — самые лучшие, — гордо подтвердил Джули. — Всякий, кто с нами свяжется, вырвется окровавленным обрубок без всякого тела при нем, понимаете, что я имею в виду?

— Почему же тогда вы все боитесь так Синдиката? Если они что-нибудь попробуют затеять, почему бы тебе

и твоим ребятам просто не соединиться с армией генерала Плохсекира и не преподать им урок хороших манер?

Бывший командир испустил глубокий вздох.

— Они так не работают, — растолковал он. — Если бы они отправились сюда в поход, словно армия, то, разумеется, мы бы выгнали их взашей. Но они не пойдут войной. Они будут засылать по несколько громил за раз, и все они будут вести себя вежливо, что лучше и не пожелаешь, и поэтому их будет не за что арестовывать. Однако, когда их здесь будет достаточно, они начнут наваливаться на ваших граждан. По мелочи, но неприятно. Если кто-то вам пожалуется, то этот кто-то окажется покойником, вместе с большей частью своей семьи. И очень скоро все ваши граждане будут бояться Синдиката больше, чем вас. Никто не жалуется, никто не выступает в суде свидетелем. Когда это случается, у вас больше нет королевства. Всем заправляет Синдикат, а вы умираете с голода. С подобным вторжением невозможно бороться с помощью армии. С ним вообще невозможно бороться.

Некоторое время мы все сидели, храня неловкое молчание, избегая встретиться глазами друг с другом и ломая головы в поисках решения.

— Чего я не понимаю, — проговорил Плохсекир, — так того, что если описанная тобой система так эффективна и так неудержима, то зачем они вообще взяли на себя труд сколотить армию?

— Мне действительно очень неприятно признаваться в этом, — поморщился Большой Джули. — Но мы были экспериментом. Каким-то скупердям в Синдикате взбрело в голову, что хоть армия и дороже, экономя время на быстром захвате можно скомпенсировать дополнительные расходы. По правде говоря, по-моему, их эксперимент полностью провалился.

Это сбilo меня с толку.

— Ты хочешь сказать, что твоя армия была неэффективной?

— До определенного момента — нет. После этого мы стали слишком крупными. Держать армию в поле дело дорогостоящее, и под конец недельное содержание моих ребят стоило больше полученного нами с покоренных королевств. Я думаю, в Синдикате готовились постепенно демобилизовать нас... вот потому-то им и понадобилось так долго отправляться на поиски своей армии.

Я быстро покачал головой.

— На этом последнем витке ты оторвался от меня, Большой Джули. почему они задержались с розыском?

— Из-за денег, — твердо ответил он. — Ничто, скажу я вам, не заставит Больших Парней так выпрямиться в кресле и обратить внимание, как твердые наличные. Я хочу сказать, когда дело доходит до денежных мотивов, они могут хоть учебник написать на эту тему.

— Это напоминает Гримбла, — пробормотал себе под нос Плохсекир. — Неужели никто больше ничего не делает ради обыкновенной старой доброй мести?

— Погодите, генерал, — сказал я, нагибаясь вперед. — Продолжай, Большой Джули. Какую роль играют в этом деньги?

— Ну, как я понимаю, Синдикат и так уже терял деньги на моей армии, ясно? Для меня это означает, что они не собирались выбрасывать доброе золото на барахло. Я имею в виду, зачем тратить деньги на поиски армии, которая, когда ее найдешь, всего лишь будет стоить тебе еще больших денег?

— Но теперь они здесь.

— Правильно. И одновременно POSSILTUM того и гляди станет богатым. На мой взгляд, дело выглядит так, словно Большие Парни нашли способ свести кой-какие старые счета и одновременно остаться с прибылью.

— Свадьба, — догадался я. — Мне следовало бы знать, что это значит. Это значит, что отменив свадьбу, я смогу устранить сразу две проблемы: королеву Цикуту и Синдикат.

Плохсекир хмуро посмотрел на меня.

— Я думал, мы уже отбросили этот вариант. Помните Гримбла и граждан POSSILTUMA?

Не думая, я громко хлопнул ладонью по столу.

— Нельзя ли забыть о Гримбле и гражданах POSSILTUMA? Я устал быть в западне и намерен так или иначе с треском вырваться.

По выражению лиц своих советников я сообразил, что, кажется, говорил громче, чем собирался. Приложив сознательное усилие, я умерил тон и настроение.

— Послушайте, генерал... Хью, — сказал я, осторожно подбирая слова. — Вы, возможно, и привыкли к тяжелым обязанностям командующего, но для меня это ново. Я маг, помните? Простите меня, если я немного потерял голову, пытаюсь найти решение проблемы, брошенной мне на колени вашим... я хочу сказать, нашим хором. Идет?

Он коротко кивнул, но все-таки не расслабился.

— Так вот, ваш довод заслуживает внимания, — продолжал я. — Но он проглядывает несколько обстоятельств. Во-первых, Гримбла здесь нет. Когда и если он вернется, с ним будет на буксире новый король, и дружище Родрик сможет разрешить эту проблему за нас... по крайней мере, проблему с королевой. Что же касается граждан Поссилтума... то, между прочим, я почти готов скорее быть вынужденным иметь дело с королевой Цикутой. А далее, если взвесить разочарование нашего народа необходимостью сохранить прежнее положение по сравнению с обоснованием тут на постоянной основе и королевы и Синдиката, то какой получится результат? Конечно, думать о благе королевства.

Генерал подумал об этом, а потом испустил тяжелый вздох.

— В любом случае, я никогда особо не желал этой свадьбы, — признался он.

— Минутку, ребята, — устало поднял руку Большой Джули. — Дело обстоит совсем не так просто. Деньги могли малость замедлить их поиски, но теперь, когда Синдикат здесь, они хотят уладить и пару других дел.

— Таких как?.. — спросил я, стараясь предугадать ответ.

— Ну, в первую очередь со мной и моими ребятами. Никто, знаете ли, не может просто взять и выйти из Синдиката. Шкала оплаты у них высокая, но их план отставки дурно пахнет.

— Я думал, ты сказал, что они больше не хотят держать твою армию, — пробурчал Плохсекир.

— Как армию они могут и не хотеть, но кадрам они всегда могут найти применение. Вероятно, они разобьют нас и вольют в разные отделения организации.

— И вы согласитесь вернуться и работать на них?

Обдумывая вопрос генерала, Большой Джули потер ладонью подбородок.

— Мне надо будет поговорить с ребятами, — сказал он. — Как я говорил, это королевство обошлось с нами очень хорошо. Я бы очень не хотел видеть, что с ним что-нибудь может случиться из-за того, что мы здесь... особенно, если мы все равно кончим тем, что будем работать на них.

— Нет, — отрубил я.

— Но...

— Я сказал “нет”. Вы заключили сделку с Поссилтумом, Большой Джули. Что еще важнее, вы заключили сделку со мной. Мы не отдадим вас Синдикату, пока не попробуем сделать все, что можно, для вашей защиты.

— И как же вы предполагаете защитить их от Синдиката? — саркастически осведомился Плохсекир.

— Не знаю. я работаю над этим. Возможно, нам удастся откупиться от них. Предложить им требовать выкуп за королеву Цикуту или что-нибудь в этом роде.

— Господин маг.

— Ладно, ладно. Я же сказал, что все еще работаю над этим, не так ли? Что дальше, Большой Джули? Ты сказал, что они хотят, кроме денег, еще пару вещей.

— Вас, — бухнул напрямик он. — Синдикат не успокоится, пока не заполучит Великого Скива, придворного мага Поссилтума.

— Меня? — еле слышно произнес я.

— Синдикат достиг вершин не оттого, что игнорировал конкурентов. Своей деятельностью вы подняли несколько весьма крутых волн, и самая крупная, с их точки зрения, заключается в организации исчезновения их армии. Они знают, что вы — крупная сила. Достаточно крупная, чтобы быть угрозой. Они обязательно захотят нейтрализовать вас. По моим предположениям, они попробуют нанять вас, а если не удастся, попытаются заключить какой-нибудь договор о ненападении.

— А если не получится и это?.. — спросил, отражая мои мысли, Плохсекир.

Большой Джули пожал плечами.

— Если не получится, то они попросту сделают все, чтобы убить вас.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Не покидаю, почему некоторые нервничают перед свиданием с царствующими особами.

Кот в Сапогах

— Но почему должен идти и я? — возражал Плохсекир, когда нога в ногу мы шли к покоям королевы.

— Назовем это моральной поддержкой, — пробурчал я. — И, кроме того, мне нужен свидетель, видевший, как я вошел в покои королевы... и вышел обратно, если вы улавливаете мой намек.

— Но если это разрешит только одну из наших проблем...

— ...то у нас будет одной проблемой меньше. Ш-ш-ш... Вот мы и пришли.

Я снова переключился на личину Родрика. Этого, в сочетании с присутствием генерала, оказалось достаточно, чтобы заставить почетный караул у дверей покоев королевы вытянуться при нашем приближении по стойке смирно. Я нашел приблизительно нужную мне дверь и забарабанил в нее, используя заодно миг поразмыслить о том, как не так уж давно я думал, что самая большая проблема, с какой сталкиваются короли — это скука.

— Да что же это такое, — донесся визгливый голос изнутри. — Неужели вы, стражники, ничего не можете сделать толком? Я же сказала, что не хочу, чтобы меня беспокоили.

Один из караульных в сердцах завращал глазами. Я одарил его сочувственной улыбкой, а затем поднял бровь в сторону Плохсекира.

— Родрик Пятый, король Поссилтума, просит аудиенции у королевы Цикуты, — рявкнул он.

— Полагаю, это можно, — донесся ответ. — Как насчет сразу же утром?

— Сейчас, — отрезал я.

Я сказал это не очень громко, но сказанное, должно быть, донеслось. Не прошло и пяти секунд, как дверь распахнулась, выставив на обозрение королеву Цикуту... буквально. Я не могу описать ее одежду, поскольку на ней никакой не было. Ни одной нитки.

— Роди, — прошептала она, не обращая внимания ни на стражников, ни на Плохсекира, которые все как один выпучили глаза при виде ее наготы. — Заходи. Что ты, черт возьми, здесь делаешь?

— Жди меня, — проинструктировал я Плохсекира самым повелительным своим тоном.

— К... Конечно, Ваше Величество, — бодро отозвался он, отрывая глаза от королевы на достаточно долгое время, чтобы вытянуться по стойке смирно.

С этим я шагнул в логово королевы.

— Итак, что у тебя для меня? — Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Это действие довело до меня ее мысли, даже при том, что руки у нее оставались за спиной.

— Прошу прощения?

— Аудиенция, — пояснила она. — Ты ее хотел, ты ее получил. В чем же дело?

Почему-то при данных обстоятельствах я счел, что это — еще один смущающий вопрос.

— Я... э-э-э... то есть... пожалуйста, не могли бы вы что-нибудь надеть? Я нахожу ваше одеяние или отсутствие одного до крайности отвлекающим.

— О, отлично. Здесь, однако же, зверски жарко.

Она быстро пересекла помещение и вернулась, надев что-то тонкое, но не полностью запахнутое.

— Сразу же после свадьбы, — провозгласила она, — я хочу, чтобы это окно увеличили, а еще лучше, снесли всю стену. Что угодно, лишь бы немного проветрить это жилье.

Она шлепнулась в кресло и подобрала под себя ноги. Это несколько облегчило мой дискомфорт, но не сильно.

— Э-э-э-э... на самом-то деле, именно об этом я и пришел с вами поговорить.

— Об окне? — нахмурилась она.

— Нет. О свадьбе.

Это еще более заставило ее нахмуриться.

— Я думала, мы согласились, что всеми свадебными приготовлениями займусь я. А, ладно, если у тебя есть какие-то соображения относительно изменения ритуала, то еще не слишком поздно...

— Дело в том, — поспешно перебил я. — Дело в... ну, мое внимание привлекло то, что вас принуждают к этому браку высокие цены, по которым Пессилтум продает продукты вашему королевству. Не желая заставлять вас принимать такие узы под нажимом, я решил наполовину сократить наши цены и таким образом уменьшить или вообще устранить необходимость в нашей свадьбе.

— Ах, Роди, не будь глупцом. Я выхожу за тебя совсем не по этой причине.

Мое предложение королеву не расстроило, а скорее позабавило.

— Неужели?

— Конечно, не по этой. Тупик настолько богат, что мы, если бы хоть немного захотели, могли бы покупать ваш годовой урожай по удвоенной цене, и все равно никак не задела бы нашу казну.

Я начал падать духом.

— Значит, вы действительно хотите этого брака? Вас не вынуждают к нему политические причины?

Королева сверкнула мне всеми зубами в быстрой улыбке.

— Политические причины, конечно, есть. Я хочу сказать, мы же царствующие особы, не так ли? Я уверена, что ты достаточно приятный парень, но я могу получить всех приятных парней, каких захочу, и не выходя за них замуж. Царствующие особы заключают браки с политическими силами, а не с людьми.

В том, что она говорила, имелся проблеск надежды, и я галопом поскакал к нему.

— Что приводит нас к другой причине, по которой нам следует отменить эту свадьбу, — важно заключил я.

Улыбка королевы исчезла.

— Что это за причина? — резко спросила она.

В ответ я сбросил заклинание личины.

— Потому, что я не царствующая особа. Я — люди.

— Ах, это, — пожала плечами королева. — Никаких проблем. Я все время это знала.

— Да? — слотнул я.

— Разумеется. Ты приходил в смущение... дважды.

Один раз, когда я прибыла во дворец, и опять только что, когда я открыла дверь в чем мать меня родила. Царствующие особы не смущаются. У них это в крови. Я все время знала, что ты не Родрик. По моим догадкам ты — Великий Скив, придворный маг. Верно? Умеющий менять облик.

— Ну, это заклинание личины, а не смена облика, но за исключением этого, вы правы.

Из-за этого случая с Плохсекиром и с королевой Цикутой я начал уже гадать, а дурачил ли и в самом деле я со своими заклинаниями личины хоть кого-нибудь?

Королева встала с кресла и принялась говорить, расхаживая взад-вперед, не обращая внимания на выглядывающую из халата при каждом повороте наготу.

— То, что ты не король, не меняет моего положения, а если и меняет, то лишь улучшая его. Покуда ты способен достаточно долго сохранять личину, чтобы дурачить толпу, я выйду замуж за две политические силы вместо одной.

— Две политические силы, — глухо повторил я, словно эхо.

— Да. Как король Поссилтума, ты держишь в своих руках первую нужную мне силу: страну и людей. Тупик сам по себе не настолко велик, чтобы вести наступательную войну, но когда мы объединим силы наших королевств, нас будет не остановить. С твоими армиями при поддержке моего капитала я смогу махнуть так далеко, как только захочу, а это, должно тебе сказать, будет весьма далеко. Ничто так не возбуждает аппетита к новым и необычным краям, как проживание с самого детства в долине, где не на что смотреть, кроме другой стороны долины.

— Большинство людей довольствуются турпоездками, — намекнул я. — Чтобы повидать страну, ее не обязательно завосвывать.

— Очень мило, — фыркнула королева. — Наивно, но мило. Давай просто скажем, что я — не большинство людей, и поедем, идет? Так вот, в качестве второй политической базы есть ты и твоя магия. Такой дополнительной выгоды я не ожидала, но уверена, что дай мне день-другой, и я смогу расширить свои планы, чтобы хорошенько воспользоваться этим.

Одно время я думал, что меня пугала Маша. Задним числом виделось, что Маша причинила мне лишь легкое неудобство. Разговаривая с королевой Цикутой, я узнал, что такое страх. Она была не просто убийцей, как подозревал Плохсекир. Она была полнейшей погильей, только

и ждущей, чтобы ее спустили с цепи на этот мир. Единственным, что стояло между ней и необходимыми для исполнения ее чаяний средствами — был я. Я и, может быть...

— А как насчет короля Родрика? — выпалил я. — Если он появится, то вступит в силу первоначальный свадебный план.

— Ты хочешь сказать, что он еще жив? — воскликнула она, выгибая тонкую бровь. — Я тебя переоценила, Скв. Живой он может стать проблемой. Не имеет значения. Я велю своей свите убить его, как только его увидят, если он появится до свадьбы. После того, как мы поженимся, будет просто объявить его самозванцем и официально казнить.

Восхитительно. Благодаря моему длинному языку Маша попадет в западню, если попробует вернуться в замок с королем. Если ратники королевы Цикуты увидят его...

— Минуточку, — воскликнул я. — Если я буду разгуливать в личине короля, то что помешает твоим ратникам убрать и меня по ошибке?

— Хммм... Хорошо, что ты подумал об этом. Ладно. Вот что мы сделаем.

Она нырнула в свой гардероб и вынырнула с длинной пурпурной лентой.

— Носи ее прямо на виду всякий раз, когда будешь за пределами своих покоев, — проинструктировала она, втискивая ее мне в руки. — Она даст моим людям знать, что ты тот, за кого я хочу выйти замуж, а не их цель.

Я стоял с лентой в руках.

— А не слишком ли сильно вы полагаетесь на меня, Ваше Величество?

— Как это? — нахмурилась она.

— А может, я не хочу жениться на вас?

— Конечно, хочешь, — улыбнулась она. — Ты уже добыл корону Поссилтума. Если ты женишься на мне, то не только получишь доступ к моей казне, это также избавит тебя от других твоих проблем.

— Других моих проблем?

— От Синдиката, глупый. Помнишь? Я ехала с их представителем. С моими деньгами ты сможешь откупиться от них. Если цена будет достаточно высока, они забудут что угодно. Так вот, разве быть моим мужем не лучше, чем убегать до конца жизни от их и моей мести?

На это у меня был ответ, но в сзарении мудрости я оставил его при себе. Вместо этого я попрощался и вышел.

— Судя по выражению твоего лица, я понимаю так, что ваша беседа с Родриком обернулась меньшим, чем бурный успех, — сухо заметил Плохсекир.

— Избавьте меня от ваших “я же говорил вам”, генерал, — зарычал я. — Нас ждет работа.

Бросив быстрый взгляд направо-налево по коридору, я перерезал пурпурную ленточку пополам о лезвие его секиры.

— Продолжайте искать Машу и короля, — распорядился я. — Если увидите их, позаботьтесь, чтобы Родрик обязательно носил эту ленту. Она сильно облегчит его путь по дворцу.

— Но куда вы идете?

Я натянуто улыбнулся ему.

— Повидать представителей Синдиката. Королева Цикута любезно сообщила мне, как иметь с ними дело.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Превосходство в огневой мощи — неоценимый инструмент, когда вступаешь в переговоры.

Дж. Паттон

Представителей Синдиката поселили в одном из менее часто посещаемых уголков дворца. По идее, это держало их подальше от центра активности, куда мы с Плохсекиром придумывали, что же с ними делать. Фактически же это означало, что теперь, когда я был готов встретиться с ними лицом к лицу, мне предстояла ужасно долгая прогулка до моей цели.

К тому времени, когда я добрался до нужной двери, я так запыхался, что не был уверен, хватит ли у меня дыхания объявить о своем присутствии. И все же по пути я малость накачал себя злостью на Синдикат. Я хочу сказать, да кто они такие, чтобы выскакивать и так вот расстраивать мою жизнь? Кроме того, королева Цикута слишком пугала меня, чтобы попробовать что-то предпринять против нее, и это оставило Синдикат единственной мишенью моей злости.

Размышляя об этом, я глубоко вздохнул и постучал в дверь.

Мне не понадобилось утруждать себя объявлениями о своем приходе. Между вторым и третьим стуком в дверях приоткрылась щель. Мой третий стук ударил по двери, прежде чем я смог его остановить, но дверь осталась недвижимой.

— Эй, Шайк-стер. Это король.

— Такпусти его, идиот.

Дверь открылась пошире, показав одного из массивных

телохранителей Шайк-стера, а затем еще немного шире, чтобы дать мне возможность пройти мимо него.

— Заходите, заходите, Ваше Величество, — поспешил ко мне представитель Синдиката. — Выпейте... дубина, принеси королю что-нибудь выпить.

Это последнее было адресовано второму здоровенному громиле, и тот поднялся с постели, на которой развалился. С застенчивым достоинством он поднял одной рукой конец постели, снова опустил ее, а затем поднял тюфяк и достал из-под него маленькую плоскую бутылку.

Я коротко подумал, не об этом ли говорил Большой Джули, когда поминал о традиции Синдиката залегать на тюфяки*. Почему-то эта фраза всегда вызывала у меня в мыслях иной образ... нечто связанное с женщинами.

Приняв фляжку от телохранителя, Шайк-стер открыл ее и, не переставая улыбаться, предложил ее мне.

— Я прав, полагая, что визит Вашего Величества указывает на известия о местонахождении вашего придворного мага? Наверное, известно даже приблизительное время его ожидаемого возвращения?

Я принял фляжку и, прежде чем ответить, украдкой проверил местоположение телохранителей. Один прислонился к двери, а другой стоял у постели.

— На самом деле у меня еще лучшие известия. Великий Скив... — Я закрыл глаза и сбросил заклинание личины. — ...здесь.

Телохранители при моем преображении заметно вздрогнули, но Шайк-стер остался неподвижен, если не считать сузившихся глаз и растянутой улыбки.

— Вижу. Это чуточку упрощает дело. Мальчики, дайте-ка Великому Скиву стул. Нам требуется обсудить кой-какие вопросы делового характера.

Тон его был не из приятных, да и телохранители его не улыбались, пялясь на меня.

Помните, как Руперт столь легко достал меня? Ну, он захватил меня врасплох и вдобавок имел за плечами триста с лишним лет занятий магией. Действия телохранителей

* Здесь и далее в этой главе поставленные реминисценции с романом М.Пьюзо "Крестный отец". Имеется в виду выражение Пьюзо "залечь на матрац" (прил. перга.).

меня как-то не особенно удивили... Фактически, я их ожидал и собрал свои силы именно для этого мгновения.

С театральным взмахом руки и куда более важным фокусированием мысленной энергии я поднял двоих громил и завертел их в воздухе. Черт, я не прочь украсть новую идею в области применения левитации... даже у Руперта. Однако я люблю в своей работе немного оригинальности и поэтому вместо того, чтобы стукать их головами об пол, я двинул ими о потолок и держал их прищипленными там.

— Нет, спасибо, — поблагодарил я как можно любезней. — Я предпочел бы постоять.

Шайк-стер посмотрел на своих беспомощных защитников, а затем метнул твердый взгляд на меня.

— Наверное, это будет не так просто, как я думал, — признался он. — Скажите, у вас ведь есть единорог, не так ли?

— Совершенно верно, — подтвердил я, удивленный неожиданной сменой темы.

— Полагаю, вы не будете особенно напуганы, если проснетесь утром и обнаружите его в своей постели... не всего его, а только голову?

— Напуган? Да нет, не особенно. Фактически, я весьма уверен, что достаточно взбешусь, чтобы бросить играть в игры и серьезно взяться за месть.

Представитель Синдиката тяжело вздохнул.

— Ну, это финиш. Если мы не сможем заключить сделку, то нам придется сделать это тяжелым способом. Можете опустить мальчиков. Утром мы возвращаемся.

На этот раз пришла моя очередь улыбаться.

— Не так быстро. Кто сказал, что я не хочу заключить сделку?

В первый раз с тех пор, как мы с ним встретились, равновесие Шайк-стера поколебалось.

— Но... я думал... если вы можете...

— Не надо ничего думать, Шайк-стер. Бизнесменам вредно приобретать такую привычку. Просто я не люблю, когда на меня давят, вот и все. Так вот, как вы ранее выразились, я считаю, что нам требуется обсудить кое-какие вопросы, относящиеся к делу.

Представитель Синдиката бросил нервный взгляд на потолок.

— Э-э-э-э... не могли бы вы сперва спустить мальчиков? Это немного отвлекает.

— Разумеется.

Я закрыл глаза и развеял заклинание. Уверю вас, в отличие от заклинания личины, для удаления заклинания левитации мне не требовалось закрывать глаза. Просто я не хотел видеть результаты.

Комната содрогнулась, когда один за другим раздались громкие удары. Я отчетливо услышал, как постель приобрела не поддающуюся разоблачению личину дров.

Я осторожно открыл один глаз.

Один телохранитель лежал без сознания. Другой катался по комнате, издавая слабые стоны.

— Они спущены, — сообщил я без надобности.

Шайк-стер не обратил на меня внимания.

— Тверды, тертые телохранители. Вот погодите, прослышат Большие Парни, какой толк от тупых мускулов против магии. — Он замолк и пнул стонавшего в бок. — Стоны потише. Нам с мистером Скивом нужно немного поговорить.

Завершив уже одно приключение после вражды с военной ветвью крупной организации, я не шибко рвался добавить еще целую группу громил к растущему списку своих врагов.

— Ничего личного, — обратился я к не потерявшему сознание телохранителю. — Вот выпейте.

Я пролевитировал фляжку к нему, и он поймал ее со слабым стоном, который я предпочел истолковать как "спасибо".

— Вы что-то сказали о сделке, — снова повернулся ко мне Шайк-стер.

— Верно. Итак, если моя оценка ситуации правильна, то Синдикату нужны три вещи: вернуть армию Большого Джули, добиться, чтобы я либо умер, либо работал на него, и выход на новые деньги, идущие к Поссилтуму после свадьбы.

Представитель Синдиката чуть склонил голову набок.

— Это немного прямолинейней, чем выразился бы я, но, похоже, вы по существу уловили дух пожеланий моих клиентов. Поздравляю вас с точным обобщением.

— Вот еще одно точное обобщение к нему на пару. Руки прочь от Большого Джули и его команды — он под моей защитой. По тому же принципу — Поссилтумская территория. Держитесь от нее подальше, а не то она обойдется вам дороже того, что вы получите. Что же касается отдельных услуг, то я не имею ни малейшего желания

становиться платным сотрудником Синдиката. Я могу подумать, при случае, взяться за какое-то задание в качестве внешнего подрядчика за конкретный гонорар, но о постоянной работе на Синдикат не может быть и речи.

Представитель Синдиката вновь очутился в своей стихии, лицо его оставалось каменным и невозмутимым.

— Это не очень-то похоже на особо выгодную сделку.

— Разве? — Я мысленно вновь быстро обозрел условия.

— О, извините меня. Я забыл упомянуть еще об одной важной части моего предложения. Я не ожидаю, что ваши наниматели забудут о своих целях, не получив в обмен вообще ничего. Я думал об обмене... армии и, пожалуй, королевства за возможность эксплуатировать целый мир.

Шайк-стер поднял брови.

— Вы собираетесь отдать нам мир? Так какой мир и каким образом? Господин маг, я подозреваю, что вы играете не с полной колодой.

— Я не сказал, что отдам вам мир, я сказал, что дам вам доступ в этот мир. С иголки новая территория, полная пригодных к эксплуатации торговых дел и народа, одна из самых богатых во Вселенной.

Представитель Синдиката нахмурился.

— Другой мир? И предполагается, что я положусь на ваше слово в том, что он так богат и что вы можете дать нам туда доступ?

— Это было бы очень мило, но даже в самые наивные свои минуты я бы не ожидал, что вы вслепую купите такого кота в мешке. Нет, я готов устроить вам короткую турпоездку в предлагаемый мир, чтобы вы могли сами судить о нем.

— Минуточку, — остановил меня, подняв руку, Шайк-стер, — это настолько далеко выходит за рамки моих полномочий, что даже если бы мне понравилось то, что я увижу, я не мог бы одобрить этой сделки. Мне нужно привлечь к такому решению одого из Больших Парней.

Это было лучше, чем я надеялся. К тому времени, когда он сможет привести в Поссилтум какого-нибудь высоко-стоящего в иерархии Синдиката, я сумею разделаться с кое-какими моими другими проблемами.

— Прекрасно. Ступайте и приведите его. Я сохраню сделку в силе до вашего возвращения.

Представитель Синдиката выдал одну из своих натянутых улыбок.

— Ждать незачем, — уведомил он меня. — Мой не-

посредственный начальник готов к вызову именно на случай подобных чрезвычайных обстоятельств.

Прежде, чем я успел сформулировать ответ, он расстегнул ременную пряжку и принялся тереть ее, все время бормоча что-то себе под нос.

Возникла быстрая вспышка света, и в комнате появился старик с волосатыми толстыми щеками и с двойным подбородком. Оглядевшись кругом, он заметил двух растянувшихся на полу телохранителей и схватился ладонями за голову в преувеличенном выражении ужаса.

— Господи помилуй, — прохрипел он таким резким голосом, что я едва его понял. — Шайк-стер, ты нехороший мальчик. Если случилась беда, тебе следовало бы знать, что меня надо было вызвать пораньше. Ах, эти бедные-бедные мальчики.

Лицо представителя Синдиката, когда он обратился ко мне, было опять невозмутимо пустым и бесстрастным.

— Скив — достопочтенный маг Поссилтума, разрешите представить вам дона Брюса, добрейшего крестного отца Синдиката.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вот что я вам скажу. Позвольте мне
немножко подсластить вам ссудку.

Бельзевул

— О, это просто чудесно. И кто бы мог подумать... так говорите, другое измерение?

— Совершенно верно, — не колеблясь, подтвердил я.
— Оно называется Дева.

Я, конечно же, был совершенно согласен с доном Брюсом. Базар Девы — это действительно кое-что, и, каждый раз посещая его, я заново поражался. Во всех направлениях, насколько хватало глаз, он был невероятной путаницей палаток и прилавков, до отказа набитый таким количеством магических приборов и существ, какое не поддавалось ничьему воображению и здравому смыслу. Он служил главным торговым перекрестком измерений. Здесь имелось все стоящее обмена на деньги или в кредит.

Однако на этот раз я был старшим членом экспедиции. Как ни сильно мне хотелось поглазеть по сторонам и поизучать товары, важнее было прикидываться скучающим и изрядно повидавшим мир... или, как в данном случае, иные миры.

Парад возглавлял дон Брюс, паливший глаза, словно сельский паренек, первый раз попавший в большой город, а за ним следовали Шайк-стер, я сам и двое телохранителей. Телохранители, казалось, больше стремились держаться поближе ко мне, чем защищать своих начальников, но, впрочем, опять же, они только что приобрели кое-какой неприятный опыт знакомства с магией.

— Люди здесь все выглядят какими-то странными, — прошептал мне один из них. — Знаете, словно иностранцы.

— Они и есть иностранцы... или, скорее, иностранцы

— вы, -- ответил я. — Вы находитесь на территории, принадлежащей им, и далеко от дома. Это — деволы.

— Дьяволы? — стозвался телохранитель, приобретая малость испуганный вид. — Вы говорите, что мы окружены дьяволами?

Хоть я и успокаивался, видя громил Синдиката перепуганными тем, к чему я уже привык, мне пришлось в голову, что если они слишком перетрусят, то могут сорвать этим мои попытки заключить сделку.

— Послушайте... скажи-ка, как тебя собственно, зовут?

— Гвидо, — поведал телохранитель. — А вот это — мой двоюродный брат Нунцио.

— Ну, так слушай, Гвидо. Не поражайся ты этим шутам гороховым. Посмотри на них. Это такие же лавочники, какие бывают везде. Одно лишь то, что они странно выглядят, не означает, что они не пугаются, как все прочие.

— Полагаю, вы правы. Слушайте, я хотел бы поблагодарить вас за выпивку там, в замке.

— Не стоит благодарности, — отмахнулся я. — Это самое малое, что я мог сделать после того, как стукнул вас о потолок. Между прочим, в этом не было ничего личного. Я не пытался заставить вас выглядеть плохо, я пытался заставить себя выглядеть круто... если ты видишь разницу.

Гвидо слегка наморщил лоб.

— Я... думается, вижу. Да. Я понял. Ну, это сработало. Вы выглядели по-настоящему круто. Я бы не хотел вставать у вас поперек дороги, так же, как и Нунцио. На самом-то деле, если мы когда-нибудь сможем оказать вам услугу... ну, знаете, прижать немного кого-нибудь для вас... ну, только дайте нам знать.

— Эй, что это?

Я посмотрел в направлении, куда показывал дон Брюс. Ларек заполняли короткие раскрашенные палки, плавающие в воздухе.

— Я думаю, они продают волшебные палки, — догадался я.

— О. Я хочу купить. Так никуда не уходите без меня.

Телохранители с миг поколебались, а потом подчинились, в то время как дон Брюс погрузился в переговоры с владельцем ларька, чуть разинувшим рот при виде своего нового клиента.

— Он всегда так одевается? — спросил я Шайк-стера.

— Ну, знаете, во все светлопурпурное?

Представитель Синдиката поднял бровь в мою сторону.

— А вы всегда одеваетесь в зеленое, когда путешествуете по другим измерениям?

Просто на всякий случай перед сопровождением этой команды на Деву я принял еще одну личину. Мне пришлось в голову, что если мои переговоры будут успешными, то будет немудреным стать на Базаре известным, как тот, кто ввел в этом измерении организованную преступность.

К несчастью, дошло до меня это как раз тогда, когда мы готовились к отправке, и поэтому у меня осталось мало времени на выбор того, под кого я подделаюсь. Лучшие друзья отпадали, такие как Маша, Квигли и Гаркин... в отчаянии я остановился на Руперте... я имею в виду, вот кому я задолжал парочку неприятных минут. И посему в настоящее время я шествовал по Базару как чешуйчатый зеленый извращенец... извините, изверг.

— У меня есть свои причины, — высокомерно уклонился я от ответа.

— Ну, у дона Брюса тоже, — нахмурился Шайк-стер. — А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы задать несколько вопросов об этом месте. Если мы попробуем сюда влезть, не возникнет ли языковой барьер? Я не понимаю ничего, что говорят эти уроды.

— Посмотрите, — предложил, указывая, я.

Дон Брюс и лавочник-девол торговались всерьез, явно без труда понимая друг друга, как бы сильно ни расходились они во мнениях.

— Ни один девол, стоящий своей серы, не позволит такой мелочи, как язык, встать на пути продажи.

— Эй, все! Посмотрите-ка, что я приобрел!

Мы обернулись и обнаружили, что дон Брюс несется к нам, гордо размахивая палочкой того же цвета, что и его одежда.

— Это волшебная палочка, — воскликнул он. — И я получил ее задаром, за здорово живешь.

— За здорово живешь плюс немного золота, держу пари, — сухо заметил Шайк-стер. — Что она делает?

— Что она делает? — усмехнулся дон Брюс. — Смотрите.

Он величественно взмахнул палочкой, и у земли заискрило облако сверкающей пыли.

— Вот это? — поморщился Шайк-стер.

Дон Брюс, нахмурившись, посмотрел на палочку.

— Вот странно. Когда так делал вон тот парень, у него получалась радуга.

Он направил палочку на землю и встяхнул ею... и из ниоткуда материализовались три клинка, вонзившиеся в пыль у наших ног.

— Осторожней, — предупредил Шайк-стер, отскакивая за пределы досягаемости. — Вам лучше прочесть инструкции по этой штуке.

— Инструкции мне не нужны, — настаивал дон Брюс. — Я добрейший крестный отец. Я знаю, что делаю.

Говоря это, он сделал выразительный жест палочкой, и струя пламени чуть не задела одного из телохранителей.

— Но это может подождать, — заключил дон Брюс, засовывая палочку за пояс. — Нам требуется обсудить дело.

— Да. Мы как раз... — начал было Шайк-стер.

— Заткнись. Я говорю со Скивом.

Сила, стоящая за внезапным выговором дона Брюса, вместе с быстрым повинованием Шайк-стера заставила меня спешно пересмотреть свое мнение о руководителе Синдиката. Странный или нет, он был признанной силой.

— Итак, мистер Скив, как здесь обстоят дела с полицией?

— Ее вообще нет.

Шайк-стер вскинул брови.

— Как же тогда здесь добиваются соблюдения законов? — забывшись, спросил он.

— Насколько я могу судить, законов тут тоже нет.

— Как насчет этого, Шайк-стер? — засмеялся дон Брюс. — Никакой полиции, никаких законов, никаких юристов. Если бы ты здесь родился, то попал бы в беду.

Я начал было спрашивать, что такое юрист, но крестный отец спас меня от показа собственного невежества, погрузившись в следующий вопрос.

— Как насчет политиков?

— Никаких.

— Профсоюзов?

— Никаких.

— Букмекеров?

— Уйма, — признался я. — Это — игорная столица измерения. Однако, насколько я могу судить, они все работают независимо. Тут нет никакой центральной организации.

Дон Брюс радостно потер руки.

— Ты слышал это, Шайк-стер? Мистер Скив дарит нам мир что надо.

— Он не отдает его нам, — поправил его Шайк-стер.
— Он предлагает доступ к нему.

— Совершенно верно, — быстро подтвердил я. — Эксплуатация его лежит на вашей организации. Ну, если вы думаете, что ваши мальчишки не смогут с этим управиться...

— Мы сможем с этим управиться. При здешних-то порядках? Это проще пареной репы.

Гвидо и Нунцио обменялись нервными взглядами, но сохраняли молчание, покуда дон Брюс продолжал.

— Итак, если я правильно понимаю, в обмен на пропуск нас на эту территорию вы хотите, чтобы мы бросили Большого Джули и Поссилтум. Верно?

Я очень старался сосчитать до трех.

— И меня, — добавил я. — Никаких “поквитаемся с парнем, раздолбавшим наши армейские проекты”, никакого давления “вступай в Синдикат или умри”. Я независимый деятель и счастлив остаться таковым.

— О, разумеется, разумеется, — отмахнулся дон Брюс. — Теперь, когда мы увидели, как вы действуете, нам нет никаких причин не есть из одной чашки. Если мы что-то должны, так это оказать вам услугу в обмен и благодарность за открытие для нашей организации нового участка работ.

— М-м-м-м... вот что я скажу. Я не хочу никакой славы за это дело ни внутри Синдиката, ни вне его. В данную минуту, никто кроме вас не знает, что я приложил к нему руку. Пусть так и останется, идет?

— Если вы хотите именно этого, — пожал плечами дон Брюс. — Я просто скажу Большим Парням, что нам не стоит связываться с вами, так как вы слишком крутой деятель, и поэтому мы и оставляем вас в покое. Всякий раз, когда наши пути скрестятся, мы либо пойдем дальше с вашего одобрения, либо подадим назад. Идет?

— Именно этого я и хочу.

— Заметано?

— Заметано.

Мы церемонно пожали друг другу руки.

— Отлично, — сказал я. — А вот что вам нужно для путешествия отсюда домой и обратно.

Я выудил из рукава И-Прыгатель.

— Вот это для отправки домой. А вот это — для попадания сюда. Отправляясь, нажмите на эту кнопку.

— А что насчет других положений? — спросил Шайкстер.

— Помните волшебную палочку? — ответил я контрвопросом. — Без инструкции с этой штукой можно запросто пропасть. Я имею в виду действительно пропасть.

— Пошли, ребята, — скомандовал дон Брюс, устанавливая И-Прыгатель. — Нам надо спешить домой. Здесь ждет своего завоевания целый мир. Поэтому нам лучше начать, пока нас кто-нибудь не обскакал. Мистер Скив, было очень приятно иметь с вами дело...

Секунду спустя они исчезли.

Устранив, наконец, со своего горизонта один набор проблем, мне полагалось бы испытывать подъем духа. Я же не испытывал.

Последнее замечание дона Брюса о жаждущем своего завоевания мире напомнили мне о планах королевы Цикуты. Теперь, когда Синдикат был нейтрализован, мне требовалось решить другие проблемы. Как только я вернусь во дворец, мне придется...

Тут меня стукнуло.

Убравшись, представители Синдиката забрали с собой И-Прыгатель. А он был моей единственной дорогой обратно на Пент, и я застрял на Базаре без всяких средств вернуться в свое родное измерение.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Такое я устраиваю похода.

И.Джонс

Но я не ударился в панику. С чего бы мне?

Разумеется, я попал в небольшую неприятность, но если и есть какое место в измерениях, где я могу наверное найти помощь, так это здесь, на Базаре. За определенную цену здесь можно достать все, а благодаря тренировке Ааза я счел нужным перед отбытием с Пента набить суму деньгами.

Ааз.

До меня вдруг дошло, что я уже много дней не думал о своем наставнике. Разыгравшаяся вскоре после его отбытия кризисная ситуация настолько заняла мой ум, что не осталось ни времени, ни энергии для подобных дум. За исключением даваемых иногда объяснений его отсутствию, Ааз в настоящее время не играл в моей жизни никакой роли. Я успешно справлялся с делами без него.

Ну...

Ладно. Я успешно справился с некоторыми делами и без него... например, с Синдикатом. Конечно, данное им ранее обучение тоже придало мне уверенность под огнем... еще одно очень нужное нынче качество.

— Будь откровенен, малыш, — сказал я себе в лучшей своей имитации Ааза. — Ты многим обязан своему старому учителю.

Правильно. Многим. Например, обязан не заставлять его стыдиться своего лучшего ученика... скажем, оставив работу наполовину законченной.

И я с новой решимостью проанализировал свое положение. Во-первых, я должен вернуться на Пент... или мне следует поискать решения прямо здесь?

Чем терять время на нерешительные колебания, я пошел на компромисс. Задав ближайшему лотошнику несколько конкретных вопросов, я определил курс к своей конечной цели, зорко высматривая на пути что-нибудь, способное помочь мне разрешить проблему с королевой Цикутой.

Это путешествие по Базару отличалось от моих прежних визитов. Раньше мой опыт заключался в желании иметь побольше времени для неспешного изучения на досуге выставленных товаров, в то время как я торопился не отстать от Ааза. На этот раз шаг ускорил я сам, отмечая витрину за витриной небрежным: "Интересно, но ничего не поможет сегодняшней проблеме". Когда ответственность за кризис лежала на моих плечах, порядок срочности, кажется, делался иным.

Конечно, я не знал, чего ищу. Я только знал, что фокуснические палочки и мгновенные грозы — это не то. С отчаяния я прибегнул к логике.

Чтобы узнать решение, мне нужно знать проблему. Проблема заключалась в том, что королева Цикута собиралась выйти замуж за меня вместо Родрика. Вычеркнем это, Маша везла Родрика обратно во дворец, и я ничем не мог ей помочь. Мне приходилось просто верить, что она сумеет это сделать. Проблемой была королева Цикута.

За кого бы она ни вышла замуж, за меня или за Родрика, она твердо решила использовать военную силу Поссилтума для ведения завоевательских войн. Если ее муж, кто бы он ни был, попытается ей воспрепятствовать, то он окажется своевременно скончавшимся.

Убить королеву было бы неплохим решением, но я как-то шаркался от кладнокровного убийства... или убийства под горячую руку, если уж на то пошло. Нет. Нужно что-то, способное вселить в нее страх.

Большой страх.

Ответ прошел мимо меня прежде, чем я узнал его. К счастью, он двигался медленно, и поэтому я повернулся к нему и догнал его всего за несколько шагов.

Ответы приходят разные по виду и размерам. Этот пришел в образе девола с висевшим у него на ремне небольшим лотком с товарами.

— То, что вы только что сказали — правда?

Девол изучил меня взглядом.

— Я сказал: "Кольца. Один размер подходит всем. Раз наденешь, никогда не снимешь".

— Совершенно верно. Это правда?

— Конечно. Каждое из моих колец предварительно зачаровано. Как только его надеваешь, оно само так подгоняется к пальцу, что уже не слезет, даже если захочешь снять его...

— Отлично. Я возьму пару.

— ...потому что потерять такое ценное кольцо было бы настоящей трагедией. Каждое из них стоит больших денег.

Я закатил глаза.

— Послушайте, — перебил я. — Я знаю, что на Базаре есть традиция договариваться и торговаться, но я спешу. Сколько за пару? Нижняя цена?

Он с миг подумал, а потом назвал цифру. Тут пришел на помощь мой опыт, и я сделал контрпредложение в одну десятую от его суммы.

— Эй. Вы же сказали "не торгуйся", — запротестовал он. — Вы кто, по-вашему, такой?

Ну, это стоило попробовать. По словам Маши, я приобрел на Базаре кое-какую известность.

— Раз вы спрашиваете, то, по-моему, я — Великий Скив...

— ...и приехал на верблюде, — фыркнул лотошник. — Все знают, что Великий Скив не извращенец.

Личина. Я совершенно забыл про нее. Мысленным взмахом руки я восстановил свою обычную внешность.

— Да, я пентех, — улыбнулся я. — И к вашему сведению, изображал я изверга.

— Вы хотите сказать, что вы и в самом деле... да. Думаю, должно быть, это так. Никто другой не стал бы по доброй воле принимать вид пентюха... или защищать извращенца... извините, изверга.

— Итак, теперь, когда это установлено, — зевнул я. — Сколько за пару колец?

— Вот, — сказал он, толкая вперед лоток. — Берите, что хотите, с моими поздравлениями. Я выиграл кучу бабок, поставив на вашу команду в Большой Игре. Я прошу только разрешения говорить, что вы пользуетесь моим товаром.

Я с большим удовольствием выбрал кольца и продолжал свой путь. Приятно иметь репутацию, но еще приятнее заслужить ее. Эти две лежащие на моей руке безделушки вытащат меня из дилемм в POSSILTUME... если вовремя вернусь... и если Маша нашла короля.

Эти отрезвляющие мысли миготом привели меня в чувство.

Торжествовать надо после битвы, а не до. Планы — это еще не победа. Что мне следовало бы знать в первую очередь самому.

Паника стала покусывать мне пятки, и, ускорив шаг, я уже чуть не бежал, когда добрался до своей конечной цели — трактира “Желтый полумесяц”.

Ворвавшись в дверь этого ведущего базарного заведения с подачей несложных блюд, я увидел, что там нет никаких клиентов, за исключением жевавшего в углу стола тролля.

Восхитительно.

Я ожидал, что придется иметь дело с Гэсом, хозяином-горгулом, но удовольствуюсь и троллем.

— Скив, — воскликнул тролль. — Слушай, что я вижу? Вот это сюрприз. Что привело тебя на Базар?

— Позже, Грызь Корреш. В данную минуту мне нужно, чтобы кто-то подвез меня обратно на Пент. Ты занят чем-нибудь?

Троль отставил в сторону полупустую тарелку, отодвинул столик и поднял бровь над одним из разных по цвету лукавых глаз.

— Я не держусь за формальности, — проговорил он. — Но что случилось со “Здорово, Корреш. Как поживаешь?”?

— Извини. Я немного спешу. Нельзя ли нам просто?

— Скив. Как дела, красавчик?

Из женского туалета появилась особа — фигуристый образчик зеленовласой красоты.

— О, привет, Тананда. Как насчет того, Корреш?

Приветственная улыбка Тананды исчезла, сменившись озабоченной нахмуренностью.

— “О, привет, Тананда”? — повторила она, бросив взгляд на тролля. — Тебе не кажется, старший братец, что в этом довольно минорном приветствии есть что-то странное?

— Не более, чем приветствие, только что полученное мной, — поведал Корреш. — Так вот, с ходу, я бы сказал, что либо наш юный друг совершенно забыл свои хорошие манеры, либо попал в какую-то беду.

Их взгляды сцепились, и они кивнули.

— В беду, — хором решили они.

— Мило, — поморщился я. — Ладно, я и впрямь угодил в передрягу. Я не прошу вас ввязываться. Фактически,

мне думается, я уже сам все разработал. Мне нужно только, чтобы вы подкинули меня обратно на Пент.

Брат и сестра подступили ко мне с двух сторон.

— Разумеется, — улыбнулся Корреш. — Однако ты ведь не будешь возражать, если мы пристроимся в хвост, не так ли?

— Но я же не просил вас...

— А когда тебе приходилось просить помощи прежде, красавчик? — попрекнула меня Тананда, обвивая рукой за талию. — Мы же твои друзья, помнишь?

— Но, по-моему, я управился с этим...

— ...и в этом случае наше присутствие не повредит, — настаивала Тананда.

— Если, конечно, что-нибудь не выйдет наперекосяк, — добавил тролль. — А в этом случае мы сможем оказать подмогу.

— ...а если вся наша троица не сможет с этим справиться, то мы будем на месте и опять вытащим тебя сюда, — закончила Тананда.

Мне следовало бы знать, что когда эти двое объединяются, с ними лучше и не пробовать спорить.

— Но... если... ну, спасибо, — сумел сказать я. — Такого я действительно не ожидал. Я имею в виду, вы же не знаете, что тут за беда.

— Ты можешь рассказать нам позже, — твердо заявила Тананда, начиная колдовать для перемещения нас через измерения. — Между прочим, где Ааз?

— Это и есть часть проблемы, — вздохнул я.

И мы вернулись.

Не просто вернулись на Пент, вернулись в мои же покои во дворце. Удача распорядилась так, что мы там оказались не одни. Когданибудь я найду время выяснить, просто ли мне повезло или как утопленнику.

На моей кровати лежал связанный по рукам и ногам король, в то время как Маша и Дж.П.Гримбл наслаждались кубками вина и, очевидно, обществом друг друга. По крайней мере, так сцена выглядела, когда мы прибыли. Как только Маша и Тананда узрели друг друга, настроение резко изменилось.

— Сучка, — прошипела моя новая ученица.

— Бесталанный механик, — огрызнулась Тананда.

— Этот урод у вас на жаловании? — перебил Гримбл, уставясь на Корреша.

— Сказано, как подобает истинному скупердю, — презрительно фыркнул Корреш.

Я попробовал прервать этот обмен любезностями.

— Нельзя ли нам просто...

Это привлекло внимание Гримбла ко мне.

— Вы, — ахнул он. — Но если вы — Скив, то кто же...

— Король Поссилтума — Родрик, — уверенно уведомил я его, кивнув на связанную фигуру на постели. — А теперь, когда все знают друг друга, не могли бы вы заткнуться, пока я рассказываю, каков будет наш следующий ход!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Брак — предприятие пожизненное, к нему надо подходить с заботой и осторожностью.

Синяя Ворога

Прошла свадьба без сучка и задоринки.

Естественно, не знаю, почему я тревожился. Не возникло никаких заминок, никто не забывал своих реплик, не протестовал и даже не закашлял в неподходящее время. Как уже отмечалось, королева Цикута спланировала все до последней мелкой детали... за исключением нескольких припасенных нами сюрпризов.

Ранее, я потому-то и тревожился. Мои сообщники и я знали, что как ни цветаста и пышна Королевская Свадьба, она только разогревающий первый акт перед гвоздем программы. Нагоняло также вдобавок жару на меня знание того, что я поделился с соучастниками отнюдь не всеми своими планами. Это, кажется, еще одна дурная привычка, усвоенная мной от Ааза.

Если Гримбл и Плохсекир занимали свои обычные места разновеликих тумб у трона, в то время как Корреш, Тананда, Маша и я, благодаря моим заклинаниям или генеральскому чину Плохсекира выстроились у подножия трона в качестве телохранителей. Все было подготовленно к действию... если для нас когда-нибудь настанет время.

Все время, пока сановники один за другим выступали вперед и приносили свои поздравления и подарки, я находил, что мои мысли не занимает ничего, кроме дум о том, сколько всего в моем замысле может выйти наперекосяк. Я поставил себя в сильную зависимость от удачи своего плана, и если он не сработает, то затронет массу людей, начиная с короля и подданных Поссилтума.

Однако, чем больше я думал, тем больше тревожился, пока, наконец, вместо мысленных пожеланий сановникам поспешить, я действительно не обнаружил в себе надежду, что они будут возиться вечность и сохранят этот краткий миг мира.

Да, конечно, не успел я начать надеяться на затяжку, как все закончилось. Отошел последний пожелатель всех благ и сама королева поднялась, готовая уйти.

Гримбл и Плохсекир покинули свои привычные позиции и встали перед троном.

— Ранее, чем ты удалишься, дорогая, — сказал Родрик, — наши верные слуги желают принести свои поздравления.

Исказив лицо, Королева Цикута все-же вернулась на место.

— Фактически, министр финансов готов поддержать Ваши Величества во всех отношениях, — начал Гримбл.

— О, конечно, даже при новом притоке богатства в казну мы должны остерегаться ненужных расходов. Как всегда, я готов подать пример в экономии средств и поэтому решил, что приобрести для вас подарок, равный моему уважению, было бы ужасной и ненужной растратой, и поэтому...

— Наш министр финансов Гримбл не меняется, — перебил король. — Мы понимаем и ценим ваше самопожертвование. Генерал Плохсекир?

Гримбл поколебался, а затем уступил место сопернику.

— Я боец, а не оратор, — бухнул генерал. — Армия готова поддержать королевство и трон Поссилтума. Что же до меня самого... то вот мой подарок.

Он снял с пояса секиру и положил ее на лестницу перед троном.

Что бы он там ни предлагал, свое любимое оружие или личную верность, я находил этот жест красноречивее всяких слов.

— Благодарю вас, генерал Плохсекир и Гримбл, — величественно начала отвечать королева Цикута. — Я уверена, что смогу...

— Дорогая, — мягко перебил ее король. — Есть еще один верный слуга.

И мой час настал.

Собрав всю смелость, я сбросил личину и вышел перед троном.

— Ваши Величества, Великий Скив поздравляет вас с этим счастливым событием.

Королева была не дура. На кратчайший миг глаза ее вытаращились, а в следующий она уже уставилась на короля. Можно было почти услышать ее мысли: “Если там маг, то человек, за которого я вышла замуж...”

— Совершенно верно, Ваше Величество. Как вы сами ранее сказали в наших разговорах: “Царствующие особы выходят замуж и женятся на царствующих особах.”

Хотя с драматической точки зрения упиваться этим мигом могло быть и приятно, я заметил, что глаза королевы задумчиво сужаются, и поэтому поспешил продолжить.

— Прежде, чем вы решите, как выразить свою радость, — предупредил я, — наверное, мне следует объяснить свой подарок трону.

Теперь задумчивый взгляд переместился на меня. Я выразил собственную радость обильным потом.

— Мой подарок — обручальные кольца, носимые теперь королем и королевой. Надеюсь, они вам нравятся, потому что их снять нельзя.

Королева Цикута сделала одну короткую попытку стянуть кольцо, а затем снова посмотрела на меня. Но сейчас взгляд ее не был задумчивым.

— Точно так же, как, удобства ради, судьба королевства Поссилтума связана с тронном, так и с того мгновения, как вы надели эти кольца, ваши судьбы связаны друг с другом. В силу заклинания столь простого, что его нельзя ни разбить, ни вытеснить другим, когда умрет один из вас, умрет и другой.

Королеве это совсем не понравилось.

И даже король слегка нахмурил лоб, словно размышляя о чем-то, чего он прежде не учитывал. Это послужило мне сигналом разъяснить ему положение вещей... что в кольцах было-таки кое-что, не упомянутое мной ранее.

— Это предназначено не в качестве “одностороннего” подарка, ибо как королева Цикута должна теперь защищать здоровье и благополучие своего короля, точно так же и король Родрик должен хранить свою королеву от всяких опасностей... от всех опасностей.

Теперь король вскочил на ноги, сверкая глазами.

— Что это значит, господин маг?

Какое бы умение я ни приобрел по части придворной речи, было и такое, что, по-моему, лучше всего говорить по-народному.

— Это значит, что если вы или кто-то другой убьет ее, скажем, по вашему приказу, то и вы станете покойником. А теперь сядьте и слушайте.

Весь гнев и подавленность, которые я испытывал с тех пор, как сообразил, что король пытался меня обмануть, но не мог выразить из-за слишком большой занятости, нашли выход в этой вспышке. Это сработало. Король опустил обратно на трон, бледный и слегка дрожащий.

Я, однако, еще не кончил. Я пережил многое, и несколько слов для моего успокоения было достаточно.

— С тех пор, как я взялся за это поручение, я не слышал ничего кроме разговоров о том, какая безжалостная и честолюбивая эта королева Цикута. Ну, возможно, это и правда, *но ей досталось тоже не сокровище*. В данный момент, король Родрик, я испытываю большее уважение к ней, чем к вам. Она не бросила свое королевство в разгар кризиса. — Распалаясь от затронутой темы, я начал расхаживать взад и вперед перед троном. — Все говорят о “нашем долге перед троном”. Это служит направляющим указателем в повседневной жизни простолюдинов. А вот о чем никогда не упоминается, так это о “долге трона перед народом”. — Я смолк и указал прямо на короля. — Я посидел какос-то время на этом кресле. Это очень забавно — вершить за людей их образ жизни. Власть кружит голову, а побочные выгоды — велики. Все эти поклоны и буханья в ноги, не говоря уж о чертовски большом гардеробе. И все-таки это — работа, как и любая другая, а при любой работе иногда приходится делать то, что тебе не нравится. Плохсекир не просто устраивает парады и смотрит войскам, он должен обучать их и вести их в бой... знаете, в бой типа “меня же здесь могут убить”. Гримбл проводит немислимые часы, корпя над этими своими цифрами ради чести стоять рядом с вами. В любой работе есть плюсы и минусы, и если минусы перевешивают плюсы, то надо набраться смелости и завязать, если, конечно, ты не король Родрик. Тогда, вместо того, чтобы отречься и передать плюсы и минусы кому-нибудь другому, ты подсовываешь кого-нибудь другого выполнять работу от твоего имени и ускользаешь через черный ход. Возможно, там, где вы выросли, люди выполняют свою работу именно так, но я думаю, что такого поведения постыдился бы и крестьянин. — Я повернулся к ним лицом, вызываясь упреком руки в бока. — Ну, свою работу я выполнил. От непосредственной угрозы королевство защитил. При хоть какой-нибудь удаче, вы двое научитесь действовать заодно. Надеюсь, король

Родрик сумеет разбавить честолюбие королевы. И лишь уповаю, что пылкий дух королевы Цикуты сможет преподать королю немного больше твердости и смелости.

На сей раз на ноги вскочила королева.

— Роди, ты собираешься позволять ему так с тобой разговаривать? Ты же король. На короля никто не может давить.

— Стража, — приказал со сдержанной яростью Родрик. — Схватите этого человека.

Сработало. Король и королева объединились против общего врага... меня. Теперь все, что мне требовалось — это уцелеть при этом.

Снова мысленный пасс, и мои товарищи стояли, показывая себя жителями иных миров, такими, какими они и были.

Королева Цикута, непривыкшая к моим делам с демонами, с легким оханьем упала обратно на место. Король же просто нахмурился, поняв настоящую причину присутствия моих друзей.

— Ваше Величество, — обратился, выступив вперед, Плохсекир, — я поклялся защищать трон и охотно отдам жизнь, обороняя вас. Однако, здесь я не вижу физической угрозы. Если тут что и есть, то, на мой взгляд, и трон, и королевство усилились бы, если бы к словам Великого Скива вы прислушались и вняли.

— Я не боец, — сказал, присоединяясь к Плохсекиру, Гримбл. — И поэтому мой долг здесь пассивный. Однако должен добавить, что я тоже считаю, что в словах достойного мага есть немало достойного, и их следовало бы сказать всякому правителю. — Глаза его сузились, и он повернулся лицом ко мне. — Однако я сомневаюсь, следует ли их говорить верному слуге при дворе. Одна из первых наших обязанностей — это проявление уважения к трону, в словах и манерах.

— По этой части у нас нет разногласий, Гримбл, — кивнул Плохсекир, добавляя ко многим сфокусированным на мне взглядам и свой.

— Как ни странно это может показаться, — заявил я, — я тоже согласен. По этой причине я с этой минуты подаю в отставку с поста придворного мага Поссилтума. Королевство теперь обеспечено в военном и финансовом отношении, и, по моему мнению, ему нет смысла нести расходы на постоянно работающего мага... особенно на бывшего непочтительным по отношению к трону. Обсуж-

дать выходное пособие нет надобности. Королевское вознаграждение за последнее задание вкупе с деньгами, уже полученными мной от министра финансов, вполне удовлетворяет мои потребности. Я просто соберу свои вещи и отбуду.

Я увидел, что Гримбл слегка побледнел, когда сообразил, что взятку я ему не верну. Однако я верил в его способность спрятать что угодно в своих пачках покрытых цифирью листов.

Лишь самую малость кивнув трону, я собрал глазами свою свиту и удалился.

Все прошло идеально. Я не мог бы просить, чтобы события обернулись лучше. И потому озадаченно гадал, по какой причине, добравшись до своих покоев, я весь покрылся потом и дрожал, как осиновый лист.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Некоторые прощания бывают легче других.

Ф.Марлоу

— Итак, куда ты отправишься дальше? — спросила Тананда.

Она и Корреш помогали мне упаковываться. Мы дружно согласились, что навлекли на себя объединенный гнев короля и королевы, и поэтому будет самым мудрым как можно меньше задерживаться с моим отбытием. Маша вышла повидать Глипа и Лютика, а также попрощаться с Плохсекиром.

— В общем-то не знаю, — признался я. — Я серьезно говорил, что богатства я накопил покамест достаточно. Вероятно, где-нибудь спрячусь на время и буду упражняться в магии... может быть, в том трактире, который мы с Аазом, бывало, использовали в качестве основной базы.

— Слушай, почему бы тебе не пристроиться со мной и сестричкой? — предложил Корреш. — Обычно мы действуем с Базара Девы. Тебе было бы неплохо держать руку на пульсе такого места, полного магии.

В голове у меня промелькнуло, что Синдикат, должно быть, уже начал просачиваться на Базар. Мне также пришло на ум, что в предсвадебной спешке я не сообщил Коррешу с Танандой об этой особенности своей аферы. Вспомнив, я обнаружил, что мне не хочется признаваться в своей ответственности за то, что они найдут по возвращении.

— Не знаю, Корреш, — увилинул я от ответа. — Вы-то путешествуете порядком налегке. А у меня столько добра, что мне, вероятно, лучше будет поселиться где-нибудь постоянно.

Это был весьма слабый аргумент, но тролль принял его... возможно, потому, что видел, какую гору имущества мы собрали, пытаюсь очистить мои покои.

— Ну, подумай об этом. Мы были бы тебе рады. С тобой неплохо быть рядом в шекотливом положении.

— Это точно, — согласилась со смехом Тананда. — Где ты вообще нашел эти кольца?

— Купил их у лотошника на Базаре.

— На Деве? — нахмурился Корреш. — Два таких заговоренных кольца, должно быть, обошлись тебе не в один грош. Ты уверен, что у тебя осталось достаточно денег?

Теперь настала моя очередь смеяться.

— Прежде всего, никакие они не заговоренные. Это просто блеф, рассказанный мной для их королевских величеств. Эти кольца обыкновенные никчемные украшения... и я получил их задаром.

— Задаром? — Теперь нахмурилась Тананда. — На Базаре никто ничего не получает задаром.

— На самом-то деле — нет. Они достались даром... ну, лотошник получил мое разрешение говорить, что я пользуюсь его товаром, но это ведь все равно, что даром, не так ли? Я хочу сказать, я же не платил ему никаких денег.

Говоря это, я вдруг обнаружил, что не уверен насчет своей "выгодной сделки". Один из самых первых полученных мною уроков насчет сделок с деволами гласил: "Если ты думаешь, будто заключил с деволом выгодную сделку, то сперва сосчитай свои пальцы, потом руки и ноги, а потом родственников..."

— Разрешение использовать твое имя? — повторила как эхо Тананда. — За два паршивых кольца? Без всякого процента или чего-нибудь в этом роде? Неужели Ааз никогда не наставлял тебя по части передаточных надписей?

В воздухе раздалось тихое бух.

— Кто-то поминает мое имя всуе?

И Ааз очутился тут как тут — каждый зеленый чешуйчатый дюйм его — войдя столь небрежно, словно он только что вышел.

Из нас троих первым оправился от удивления я.

Ну, по крайней мере, первым нашел свой голос.

— Ааз.

— Привет, малыш. Скучал по мне?

— Но, Ааз.

Я не знал, смеяться мне или плакать. Чего я действительно хотел, так это обнять его и никогда не отпускать. Конечно, теперь, когда он вернулся, я бы не сделал ничего подобного. Я имею в виду, что наши отношения никогда не отличались сильной демонстрацией чувств.

— Что это со всеми вами случилось? — требовательно спросил учитель. — Вы все ведете себя так, словно никак не ожидали увидеть меня вновь.

— Мы... Ааз... Я...

— Мы и не ожидали, — решительно сказала Тананда, спасая меня от возможности выставить себя еще большим дураком.

— Сестричка хочет сказать, — вставил Корреш, — что, по нашему убеждению, твой племянник Руперт не собирался позволять тебе вернуться с Извра.

Ааз презрительно фыркнул.

— Не говори мне, что кто-то принимает его всерьез.

— Ну, может, и не приняли бы, если бы к тебе в полной мере вернулись твои способности, — сказала Тананда. — Но при настоящем положении дел...

— Вы о Руперте, этом выскочке? — повторил Ааз. — Вы двое знали меня долгое время, верно? Тогда вам следовало бы вбить себе в голову, что никто не удержит меня против моей воли.

— Это верно, — подтвердил я, хотя эта цитата почему-то показалась мне знакомой. И все же я был рад возвращению Ааза, что согласился бы в ту минуту с чем угодно. — Да, — с энтузиазмом откликнулся я. — Это — Ааз. На него никто не может давить.

— Вот, — усмехнулся мой учитель. — Как ни неприятно мне соглашаться с каким-то учеником, но малыш знает, о чем говорит... в этот раз.

Корреш и Тананда посмотрели друг на друга тем особым взглядом, какой брат и сестра применяют для неустного сообщения.

— Знаешь, старший брат, — промолвила Тананда, — мне становится немного трудновато переваривать это общество взаимного восхищения. У меня почему-то застряло в голове выражение “какой-то ученик”.

— Да бросьте вы, — отмахнулся Ааз. — Будьте реалистами, а? Я хочу сказать: мы все любим малыша, но мы также знаем, что он магнит для всяких бед. Я никогда не встречал никого, кто бы так сильно нуждался в при-

смотре, как он. А коль речь зашла о нем... — Он обратился ко мне желтые глаза, с этим, прикидывающим своим выражением. — ...я замечаю, что вы оба здесь... и я определенно слышал свое имя, когда появился. Поэтому мне больше, чем нежные приветствия, нужно быстренько и вкратце услышать, из какой именно передрыги нам придется вытаскивать Великого Скива на этот раз.

Я подобрался, готовясь к быстрому, но громкому уроку по части передаточных надписей, чем бы они ни были, но тролль меня удивил.

— Никакой передрыги нет, — заявил он, небрежно откидываясь назад. — Мы с сестрой просто заскочили в гости. Фактически, мы как раз готовились отправиться восвояси.

— В самом деле? — В голосе моего учителя звучали и удивление, и подозрение. — Просто в гости? Никакой беды?

— Ну, была небольшая беда, — призналась Тананда. — Нечто связанное с королем...

— Так я и знал, — возликовал, потирая руки, Ааз.

— Но Скив управился с ней сам, — закончила с ударением она. — В настоящее время никаких проблем нет и в помине.

— О!

Странное дело, Ааз казался немножко разочарованным.

— Ну, полагаю, тогда нам нужно вас поблагодарить. Я действительно ценю, что вы присматривали за Скивом, пока меня не было.

— По-моему, ты не слушаешь, Ааз, — заметил, глядя в потолок, Корреш. — С бедой управился Скив. А мы только смотрели.

— О, мы бы вмешались, если бы дело запахло керосином, — добавила Тананда. — Знаешь, так же как помогали тебе, Ааз. Как оказалось, наши услуги не понадобились. Твой "какой-то ученик" показал, что задача ему более чем по зубам.

— И закончил работу довольно ловко, понимаешь? — дополнил тролль. — Фактически, я, хоть убей, не помню, когда это я видел, чтобы с такой скверной ситуацией разделялись так гладко или с таким малым шумом.

— Ладно, ладно, — поморщил нос Ааз. — Сообщение принял. Детали вы мне можете рассказать позже. А сейчас нам с малышом надо обсудить кое-какие большие дела... и когда я говорю большие — я не шучу.

— Кикис, к примеру, — нахмурился я.

— Ну, я много размышлял об этом и пришел к выводу, что нам самое время покинуть Поссилтум и переехать.

— Гм, Ааз, — обратился я.

— Знаю, знаю, — отмахнулся он. — Ты думаешь, что тебе нужна практика. Это так, но ты уже проделал долгий путь. Все это дело с улаженной тобой только что бедой только доказывает мой довод. Ты готов к...

— Ааз?

— Ладно. Я знаю, что у тебя здесь есть друзья и обязанности, но в конце концов тебе ведь придется покинуть гнездо. А чтобы узнать, когда подошло время, тебе просто придется положиться на мое суждение и опыт в...

— Я уже завязал.

Ааз остановился, не закончив фразы, и уставился на меня.

— Завязал? — моргнул он.

Я кивнул и показал на упаковываемую нами кучу снаряжения. Какой-то миг он изучал ее, словно не верил своим глазам.

— А, — произнес он наконец. — А, ну в таком случае я всего лишь заскочу поговорить с Гримблом и обсудить твоё выходное пособие. Он страшный скупердяй, но если я не смогу вытрясти из него пяти сотен, то узнаю, почему.

— Я знаю, почему, — осторожно ответил я.

Ааз закатил глаза.

— Слушай, малыш. Это по моей части, понимаешь. У меня тут большой опыт. Еслипустишься торговаться с невысоким прицелом, по тебе пройдут вдоль и поперек. Тебе придется...

— Я уже выторговал тысячу.

На этот раз Ааз "застыл" на более долгий срок... и не посмотрел на меня.

— Тысячу, — произнес наконец он. — Золотом?

— Плюс щедрая премия от самого короля, — любезно дополнила Тананда.

— Ааз, старина, мы пытались втолковать тебе, — улыбнулся Корреш. — Скив без тебя действовал просто прекрасно.

— Вижу.

Ааз отвернулся и молча уставился в окно.

Признаться, я был немного разочарован. Я хочу сказать, может, я выполнил работу не первоклассно, но небольшое

поздравление было бы приятно. А по тому, как вел себя мой учитель, всяк подумал бы, что он...

И тут меня осенило. Ударило, как обухом по голове. Ааз ревновал. Более того, он страдал.

Теперь я видел это с кристальной ясностью. Вплоть до этой минуты меня ослепляла надменная самоуверенность Ааза, но теперь вуаль внезапно раздвинулась.

Бегство Ааза с Извра прошло далеко не так легко, как он давал понять. Была драка — физическая, изустная или магическая — какие-то серьезные обиды, даны или нарушены какие-то твердые обещания. Он пробился обратно на Пент, думая только об одном: его ученик... его любимый ученик попал в беду. И какой же прием ему оказывают по возвращении? Я не только не в беде, но и, по всей видимости, действую без него даже лучше.

Тананда и Корреш все еще продолжали игру, весело болтая о том, как я был великолепен. Хотя и ценил я их поддержку, но отчаянно делал попытки придумать способ вдолбить им, что на самом деле они поворачивают нож в ране Ааза.

— Гмм... Ааз? — перебил я. — Если у тебя найдется минутка, то все-таки есть несколько дел, где мне нужен твой совет.

— Например? — донесся приглушенный ответ. — Судя по всему, ты ни в ком не нуждаешься и меньше всего в учителе, лишенном собственных способностей.

Тананда сразу уловила, в чем дело. Ее осиная манера спала, словно маска, и она отчаянно засигналила Коррешу. Тролль, однако, тоже не страдал нечувствительностью. Он прореагировал, бросив на меня умоляющий взгляд.

Решать предоставляли мне. Восхитительно.

— Ну, вроде... гм.

И в помещение ворвалась Маша.

— Внизу все готово, оторва, и... о! Приветик, Зеленый и Чешуйчатый. Думала, ты пропал навсегда.

Ааз круто обернулся, широко раскрыв глаза.

— Маша? — запинаясь, выдавил он. — Ты-то что здесь делаешь?

— Разве этот герой дня тебе не сообщил, — улыбнулась она, хлопая своими здоровенными ресницами. — Я его новая ученица.

— Ученица? — откликнулся словно эхо Ааз, и в голосе его стал слышен прежний огонь.

— Э... это и есть одно из дел, о которых я хотел с тобой поговорить, Ааз, — кротко улыбнулся я.

— Ученица? — повторил он, словно не расслышал. — Малыш, нам с тобой надо поговорить... сейчас же.

— Ладно, Ааз. Как только я...

— Сейчас же.

Точно. Ааз вернулся.

— Э-э-э, извините нас, ребята, нам с Аазом надо...

И второй раз в помещении раздался бух.

Теперь получилось громче, оно и понятно, так как появилось больше народу. А конкретней, в комнате стояли четыре девола... и они не казались довольными.

— Мы ищем Великого Скива, — прогремел один из них.

Сердце мое сжалось. Неужели так быстро раскрыли мою связь с Синдикатом?

— А кто спрашивает?

Ааз небрежно поместил свою массу между мной и непрошенными гостями. Тананда и Корреш тоже очутились на ногах, а Маша потихоньку отошла в сторону, чтобы получить открытый сектор обстрела. Восхитительно. Все, что мне нужно для завершения дня — это заставить друзей расхлебывать заваренную мной кашу.

— Мы представители купцов с Базара Девы и добиваемся аудиенции у Великого Скива.

— По какому поводу? — преградил им путь мой учитель.

Девоп заморгал и заморозил его ледяным взглядом.

— Нам нужен Великий Скив, а не праздная болтовня с извращенцем.

— Ну, данный конкретный изверг является, между прочим, управляющим делами Великого Скива, и тот не станет тратить зря время на деволов, если я не допущу их.

Я чуть было что-то не ляпнул, но вовремя передумал. Загнан я в угол или нет, сейчас не время перехватывать у Ааза инициативу.

Девоп поколебался, а затем пожал плечами.

— На Базаре возникло новое затруднение, — сообщил он. — Группа организованных преступников получила доступ в наше измерение и угрожает расстроить нормальный ход деловых операций, если мы им не заплатим процента с прибылей.

Тананда и Корреш обменялись взглядами, в то время как Маша подняла бровь в мою сторону. Я же с крайним

вниманием изучал потолок. Невозмутимым остался один только Ааз.

— Круто. И какое же это имеет отношение к Великому Скиву? — осведомился он.

Предвидя ответ, я пытался решить, что мне следует сделать — драться или бежать.

— Разве это не очевидно? — нахмурился девол. — Мы желаем воспользоваться его услугами для борьбы с этой угрозой. Судя по тому, что мы можем сказать, он тут единственный маг, годный для такой работы.

Это меня остановило. Из всех странных поворотов истории, этот мог считаться самым непредвиденным... и, ну, причудливым, что ли.

— Ясно, — пробормотал себе под нос Ааз с нехорошим блеском в глазах. — Вы, конечно, понимаете, что время Великого Скива очень дорого и что такое массированное предприятие потребует равно массированного и вознаграждения?

У меня включились все сигналы тревоги.

— Э-э... Ааз?

— Заткнись, ма... я хочу сказать, будьте терпеливы, мастер Скив. Через минуту это дело будет сделано.

Я не мог смотреть на это.

Вместо этого я подошел к окну и уставился во двор. Прислушиваясь через плечо, я услышал, как Ааз назвал астрономическую цифру, и сообразил, что выход, возможно, есть. Если Ааз будет достаточно жаден, а деволы достаточно прижимисты...

— Заметано, — бросил представитель купцов.

— Это, конечно, только аванс, — поднажал Ааз. — С полным расчетом придется обождать до завершения работы...

— Заметано, — донесся ответ.

— ...и это только гонорар. Расходы будут возмещены отдельно.

— Заметано. Аванс будет ждать вашего прибытия. Еще что-нибудь?

В день щедрости деволов даже Ааз был не в состоянии придумать, под каким бы еще предлогом выбить из них деньги.

Раздалось еще одно бух, и делегация пропала.

— Как насчет этого? — возликовал Ааз. — Наконец-то я продиктовал цены деволу.

— А что ты там всегда говоришь о всяком, кто думает, будто он заключил с деволом выгодную сделку? — сладко спросила Тананда.

— Позже, — приказал мой учитель. — В данный момент нам нужно собрать вещи и махнуть на Базар разведать противника.

— Мы уже знаем, что это за противник.

— Это как это? А, малыш?

Я повернулся лицом к нему.

— Противник — Синдикат. Помнишь, группа организованных преступников, финансировавших армию Большого Джули?

Лицо Ааза нахмурилось, и он решительно взглянул на меня.

— И можно мне спросить, как же тебе достался такой лакомый кусочек информации?

Я ответил ему таким же взглядом.

— Это и есть другие дела, где мне требовался твой совет.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В войне с организованной преступностью
выживание — это или колоссальная
удача или миф.

М. Болан

— Теперь давайте посмотрим, правильно ли я понял, — нахмурился Ааз, расхаживая взад-вперед под нашими обеспокоенными взглядами. — Нам требуется помешать Синдикату захватить власть на Базаре, не позволяя ему узнать, что противодействуем им мы, а деволам — узнать, что именно мы-то и спустили Синдикат на Базар. Правильно?

— Ты это можешь, Ааз, — с энтузиазмом подхватил я.

На этот раз с моей стороны не потребовалось никакого наигранного энтузиазма. Хотя я и прилично действовал самостоятельно, когда дело доходило до заранее обдуманной путаной интриги, я быстро признавал, кто из нас настоящий мастер. Возможно, во множестве измерений и есть кто-то, способный найти закулисные выходы из затруднительных положений лучше Ааза, но я их пока не встречал.

— Конечно, могу, — заговорщически подмигнул в ответ мой учитель. — Просто я хочу, чтобы все признали, что это будет нелегко. Все эти разговоры о Великом Скиве вызвали у меня некоторую неуверенность.

— Некоторую? — оскалилась Тананда.

— Я думаю, это очень даже неплохо. — Корреш ткнул сестру локтем в бок. — Я всегда слышал, как грозен Ааз, когда он кидается в бой. Я лично умираю от желания увидеть, как он в одиночку управится с этим довольно-таки щекотливым положением.

Плечи Ааза слегка обвисли, и он испустил тяжелый вздох.

— Тпру. Стоп. Наверное, я в своем энтузиазме наговорил лишнего. А я хотел сказать, что мой скользкий, но гибкий ум может обеспечить план для выполнения этой задачи. Конечно, исполнение названного мной плана будет зависеть от способностей и доброй воли моих distinguished коллег. Так лучше, Корреш?

— Немного, — кивнул тролль.

— Теперь, когда это решено, — нетерпеливо перебил Гэс. — Нельзя ли нам приступить к делу? Это, знаете ли, мое деловое предприятие, и чем дольше я держу его закрытым, тем больше денег я теряю.

Для тех из вас, кто пропустил мимо ушей и глаз прежние справки, Гэс — это горгуль. Он также владелец-управляющий трактира “Желтый полумесяц”, ведущего базарного заведения с подачей несложных блюд и нашей текущей полевой штаб-квартиры. Подобно Коррешу и Тананде, в прошлом он помог мне выпутаться из пары передраг и, как только услышал о нашем текущем кризисе, снова предложил свои услуги. Однако, как и всякий, кто зарабатывает себе на жизнь на Базаре, он по привычке косит одним глазом на кассу. Даже при том, что он закрыл двери, чтобы дать нам оперативную базу для предстоящей кампании. И все же он рефлекторно ошетикивался из-за упущенных прибылей.

Тут меня осенила одна идея.

— Успокойся, Гэс, — приказал я. — Выдай цифру твоей нормальной торговли за день, приплюсуй к ней приличную сумму, и, когда это дело закончится, мы возместим тебе расходы.

— Что? — завопил мой учитель, мигом теряя выдержку. — Ты с ума сошел, малыш? Кто, по-твоему, вообще будет это оплачивать?

— Купцы Девы, — спокойно ответил я. — У нас расходы за счет фирмы, помнишь? Я думаю, арендовать это заведение, пока мы выполняем задание, не будет неразумным расходом. А ты?

— О, верно. Извини, Гэс. Старые рефлексы. — Смутился Ааз только на миг, затем его глаза задумчиво сощурились. — Фактически, если мы вставим вас в договор, то ваша помощь попадет под рубрику “гонорар консультантам” и никогда не приблизится к нашим собственным прибылям. Мне это нравится.

— Прежде чем тебя чересчур занесет, — быстро вставила Тананда, — я думаю, мы с братом предпочтем работать за процент в деле, чем за заурядный гонорар.

— Но, милая, — моргнула Маша. — Ты же еще не слышала даже, какой у него план. Что заставляет тебя думать, что на проценты ты выдавишь больше гонорара?.. Строго между нами, девочками.

— Строго между нами, девочками, — подмигнула Тананда. — Ты никогда раньше не работала с Аазом. А я работала. И хотя, возможно, он и не самый приятный напарник, я питаю непоколебимую веру в его способности выколачивать прибыли.

— А коль мы теперь коснулись этой тсмы, — твердо уставился на Машу Ааз, — то с тобой мы раньше никогда не работали вместе, и поэтому давай сразу установим четкие правила. У меня, видишь ли, есть свой стиль, и он обычно не позволяет тратить много времени на всякие “пожалуйста”, “спасибо” и объяснения. Покуда ты делаешь, что тебе говорят и когда тебе говорят, мы прекрасно поладим. Верно?

— Неверно.

Мой ответ выскочил прежде, чем Маша смогла сформулировать свой. Я смутно осознавал, что в помещении сделалось очень тихо, но большая часть моего внимания сосредоточилась на Аазе, когда тот медленно повернул голову и скрестил со мной взгляд.

— Послушай, малыш, — начал он опасным тоном.

— Нет, это ты послушай, Ааз, — взорвался я. — Я твой ученик, но Маша-то моя. Вот если она захочет похерить соглашение и записаться к тебе, тогда все прекрасно. Но до тех пор, пока она этого не сделает, она моя ученица и находится под моей ответственностью. Если ты думаешь, что она может помочь, то предложи это мне, и уж я решу, годится ли она на это. Ты, дорогой мой наставник, много раз вдальблывал мне в голову один урок, хотел ли ты этого или нет. “Никто не опирается на твоего ученика, кроме тебя, никто...” Если ты не хотел преподавать мне такой урок, то тогда тебе, возможно, лучше быть поосторожней в следующий раз с тем примером, какой ты подаешь ученику.

— Ясно, — тихо произнес Ааз. — Становимся чересчур большими для своих штанов, так, малыш?

— Да вообще-то, нет. Я отлично понимаю, как мало я знаю, спасибо. Но это мое задание, или, по крайней мере,

его приняли от моего имени, и я намерен уделить ему все свои силы... как бы плохо они не могли соответствовать ему. Так вот, для этого задания мне нужна твоя помощь, Ааз... черт, вероятно, мне всегда будет нужна твоя помощь. Ты — мой учитель, и я должен еще многому научиться. Но намерен не бунтовать и не умирать без этой помощи. Если получение твоей помощи означает передачу тебе моего задания и моей ученицы, то забудь о ней. Я просто попытаюсь справиться с этим делом без тебя.

— Тебе вышибут мозги.

— Может быть. Я не говорил, что одержу победу, только — что попробую сделать все, что в моих силах. А все мои силы извлекаешь на свет ты, Ааз. Ты толкаешь меня на дела, пугающие меня. Но покамест мне как-то удавалось выкарабкаться. Мне нужна твоя помощь, но мне не обязательно получать ее. Даже если ты не хочешь признаться в этом мне, я думаю, тебе следует признаться в этом самому себе.

И с этим мы оба впали в безмолвие.

Что до меня, то я не мог придумать, что бы еще сказать. Вплоть до этой минуты меня влекли мой гнев и ответ Ааза. И вдруг мой наставник неожиданно перестал отвечать. Вместо этого он разглядывал меня ничего не выражающими желтыми глазами и не говорил ни слова.

Это более чем малость пугало. Если я и мог всегда рассчитывать на какое-то качество Ааза, так это на его экспрессивность.

Либо выражением лица, либо жестами, либо ухмылками или же изустными взрывами мой учитель обычно давал знать всем, кто поблизости, что именно он чувствовал или думал по поводу любого события или выраженного мнения. Однако в данную минуту я не знал, взорвется он сейчас или просто уйдет.

Я начал уже сожалеть, что вызвал это столкновение. А затем внутренне ожесточился. Сказанное мной было правдой и высказать ее требовалось. У меня промелькнуло в голове, что из-за этого задания я могу потерять Ааза. Моя решимость заколебалась. Правда это или нет, я мог бы сказать ее лучше... мягче. По крайней мере, мог бы выбрать время, когда не будут смотреть и слушать все наши друзья. Может быть...

Ааз внезапно отвернулся, встав лицом к Тананде и Коррешу.

— Вот теперь я готов вам поверить, — объявил он. —

Малыш действительно сам управился с передрягой на Пен-те, не так ли?

— Именно это мы и пытались тебе втолковать, старик, — подмигнул Корреш. — Твой ученик вырастет и, как нам кажется, более чем способен в последнее время сам стоять на ногах.

— Да, я заметил.

Он снова посмотрел на меня, и на этот раз в его глазах имелось выражение. Я не узнал этого выражения, но, по крайней мере, оно имелось.

— Малыш... Скив, — сказал он. — Если я когда-нибудь гадал, зачем я потрудился брать тебя под свое крыло, то ты только что дал мне ответ. Спасибо.

— Э-э... спасибо. Я хотел сказать... пожалуйста. Нет. Я хотел сказать...

Как всегда, я оказался очень речистым перед лицом неожиданного. Я привык сносить тирады Ааза, но как справиться с этим, я не знал. К счастью, на выручку пришел мой любимец.

— Глип? — спросил он, просовывая голову в дверь и мотая ею.

— Но если ты воспринял все, что я тебе показывал, то я, наверное, сделаю перерыв и преподам ту же науку этому дракону, — взревел мой наставник. — Нам с тобой предстоит выйти на пару раундов. Мы понимаем друг друга, ученик?

— Да, Ааз.

На самом-то деле, я не понял. И все же, казалось, это неподходящее время просить разъяснений.

— Осади назад, Глип, — приказал я. — Пойди, поиграй с Лютиком или займись еще чем-нибудь.

— Глип, — и голова дракона исчезла так же быстро, как и появилась.

— Слушай, оторва, — протянула Маша. — Как ни сильно я ценю, что ты вступился за меня, мне в некотором роде любопытно услышать, что за план у Большого и Зеленого.

— Верно, — кивнул я. — Извини, Ааз, я не хотел перебивать. Каков план?

— Ну, во-первых, — начал Ааз, снова занимая свое привычное место в центре внимания. — У меня есть вопрос к Гэсу. С чем, покамест, подъезжал Синдикат?

— Судя по тому, что я слышал, — ответил горгул, —

ихняя шайка подваливает к купцу и предлагает продать ему какую-то страховку. Знаешь, “заплатите нам столько-то со своего дохода — и с вашим бизнесом ничего не случится”. Если кто-то не торопится с согласием, они устраивают небольшую демонстрацию того, что может стрястись: несколько “случайных” повреждений товара или парочка хулиганов, стоящих перед лавкой и досаждающих покупателям. Пока это оказалось действенным. Деволы не любят терять бизнес.

— Хорошо, — усмехнулся мой учитель, показывая все до единого многочисленные заостренные зубы. — Значит, мы можем их обставить.

— Как?

Если я не научился ничему, то очень даже наострился подавать Аазу нужные реплики.

— Легко. Только задайте себе такой вопрос: если бы ты был деволом и платил Синдикату за защиту твоего бизнеса, а с ним все равно что-нибудь стряслось бы, что бы ты сделал?

— На это я могу ответить, — отозвалась Маша. — Я либо потребовала бы лучшей защиты, либо завопила: “деньги назад”, либо и то, и другое.

— Не улавливаю, — нахмурился я. — А что случится с защищаемым Синдикатом бизнесом?

— Мы, — усмехнулся Ааз.

— Наш стратег пытается сказать, — любезно пояснил Корреш, — что самая лучшая оборона — это хорошее нападение. Не жутко оригинально, но тем не менее действительно.

— Ты чертовски прав, оно действительно, — воскликнул мой учитель. — Вместо того, чтобы защищаться от Синдиката, мы поднимаем волну преступности прямо здесь, на Базаре. И тогда посмотрим, насколько хорош Синдикат в защите от нас.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Разрушать всегда легче, чем созидать.

Любой генерал, любой армии,
любого века.

— Эй, Гвидо, как дела?

Рослый телохранитель круто повернулся, обозревая толпу и высматривая, кто окликнул его по имени. Когда он увидел меня, лицо его просветлело.

— Мастер Скив.

— Никак не ожидал наткнуться на тебя здесь, — соврал я.

По описанию Гэса я знал, что и Гвидо, и его кузен Нунцио служат в контингенте Синдиката на Базаре. Эта “случайная встреча” произошла после того, как я почти полдня искал и руководствовался слухами.

— Что вы здесь делаете? — доверительно спросил он.

— Покупаете штучки, чтобы потрясти народ POSSILTUMA?

— Просто устроил себе небольшой отпуск. Мы с этой новой королевой не очень-то ладим. Я подумал, что если я на время исчезну, то накал спадет.

— Очень жаль. Если бы вы покупали, я бы мог сосватать вам несколько “особых сделок”, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Значит, вы, ребята, действительно подвалили? — подивился я. — Как идут дела? Есть какие-нибудь затруднения?

— Не-а, — похвалился телохранитель, выпячивая грудь. — Вы были правы. Эти деволы такие же лавочники, как и везде. Чуть нажал, и они ходят по струнке.

— Не говори мне, что ты с этим управляешься в одиночку. Я имею в виду, я знаю, ты молодец... но...

— Шутите? Я теперь администратор... ну, по крайней

мере, бригадир. Нам с Нунцио подчиняется дюжина парней, благодаря нашему "широкому знакомству с Базаром". Здорово, а?

— Ты хочешь сказать, что руководишь всей операцией?

— Это работа Шайк-стера. Мы с Нунцио обо всем докладываем, но приказы парням отдаем мы.

Я выжидающе оглянулся кругом.

— Твоя бригада рядом? Я хотел бы познакомиться с ребятами.

— Не, этот район мы обработали пару дней назад. Я иду встретиться с ними и дать задание на сегодняшний день. Сегодня нам предстоит пощупать район у загонов с живностью.

— А команда Нунцио?

— Они примерно в трех часах к западу отсюда. Знаете, это действительно замечательное место.

Я надел на лицо маску предельного разочарования.

— Очень жаль, мне бы хотелось встретиться с кем-нибудь из тех, кто выполняет настоящую работу.

— Вот что я вам скажу, — воскликнул Гвидо. — Почему бы вам иногда не заскочить в "Салон Спагетти" Толстяка? Мы все ошиваемся именно там. Если нас там нет, то там всегда могут сказать, где мы.

— Обязательно заскочу. Ну, не надрывайся на работе... будь осторожен. Эти парни, возможно, сквернее, чем кажутся.

— Проще пареной репы, — засмеялся он, уходя своей дорогой.

Я все еще весело махал вслед его удаляющейся фигуре, когда из толпы вокруг меня появились остальные члены моей "шайки".

— Все слышали? — спросил я уголком рта.

— Две бригады, но в этом районе ни одной из них нет. Спектаклем руководит Шайк-стер и он же, значит, держит мешок с деньгами, — перечислила Тананда. — Этот район и чист, и под защитой.

— Их штаб в "Салоне Спагетти", у Толстяка, где мы и можем найти Шайк-стера, — заверил Корреш. — Есть еще что-нибудь?

— Да, — усмехнулся Ааз. — Скив получил постоянное приглашение заскакивать, и когда он заскочит, они будут готовы рассказать ему, какая в тот день бригада работает и в каком районе. Неплохая работа.

— Повезло, — признал без всякого смущения я. — Ну, приступим?

— Верно, — кивнул Ааз. — Все, как наметили, Тананда и Корреш в одной команде. Гэс, ты со мной. Скив и Маша, вы начинаете здесь. Мы все расходимся в разные стороны и наносим удары так, чтобы не было никакой системы. Идет?

— Только одно, — добавил я. — Не спускайте глаз со своих личин. Я не уверен, в каком именно диапазоне могу удержать это заклинание. Если ваша личина начнет таять, смените направление на параллельное моему.

— Встретимся в “Желтом Полумесяце”, — закончил Гэс. — И следите все за своими спинами. У меня не так уж много средств первой помощи.

— Хорошая мысль, — добавил я. — Ладно. Хватит разговоров. Давайте, рассыпаемся и начинаем причинять Синдикату головную боль.

Две другие команды растаяли в толпе даже раньше, чем я повернулся к Маше.

— Ну, тебе попало на глаза что-то притягательное для нас?

— Знаешь, ты начинаешь говорить малость как тот троль.

Это прозвучало немного резче, чем обычно для Маши, ее стиля. Я с любопытством изучал ее.

— Тебя что-то беспокоит?

— Полагаю, просто немного нервничаю, — призналась она. — Тебе приходило в голову, что в этом плане есть один крупный изъян? Что осуществление его означает потенциально натравить на нас весь Базар, так же как и Синдикат?

— Да, это так.

— Разве тебя это не пугает?

— Да. Пугает.

— Ну, а как же ты с этим справляешься?

— Думай об этом как можно меньше, — ответил я ровным тоном. — Слушай, ученица, помимо показа фокусов во дворце для развлечения масс эта наша профессия весьма опасна. Если мы начнем размышлять обо всем, что может стрястись в будущем, мы наломаем дров уже в настоящем из-за того, что наши мысли будут заняты не тем, что мы делаем в данную минуту. Я стараюсь осознать потенциальную опасность этой ситуации, но не беспоко-

иться о неприятностях, пока они не произошли. Это немного шатко, но пока срабатывало.

— Если ты так говоришь, — вздохнула она. — А, ладно, снаряжай меня и начнем.

Сделав мысленный пасс, я изменил ее черты. Вместо того, чтобы быть массивной женщиной, она стала теперь массивным мужчиной... в некотором роде. В последнее время я экспериментировал с цветом и поэтому сделал ее пурпурной с рыжеватыми бачками, тянущимися у нее по рукам до самых костяшек пальцев.

Добавьте несколько кистеобразных рогов на кончиках ушей и шершавую дубленую кожу на лице и кистях рук, и вы получите существо, с которым я не хотел бы связываться.

— Интересно, — поморщилась Маша, обозревая то, что она могла видеть в своей персоне без зеркала. — Ты сам это выдумал, или есть какое-то скверное измерение, где я еще не побывала?

— Мое личное изобретение, — признался я. — Тебе предстоит приобрести такую репутацию, какой я не желаю стяжать ни одному измерению. Назову это существо Хто-етом из измерения Хто.

— Кто?

— Ты уловила.

Она в раздражении закатила глаза.

— Сделай милость, оторва, учи меня только магии, ладно? Оставь свое чувство юмора при себе. У меня и так хватает врагов.

— Нам все еще требуется цель, — напомнил я ей, слегка обиженный.

— Как насчет той? Она выглядит поддающейся ломке.

Я посмотрел, куда она кивнула, и согласился.

— Подходит. Дай мне фору, сосчитав до двадцати. Если она не под защитой, я вернусь. Если не увидишь меня через двадцать секунд, она — законная добыча. Сделай все, на что способна. Самое худшее.

— Знаешь, — улыбнулась она, потирая руки. — Это может быть забавным.

— Только вспомни, что и я буду там, прежде чем решить, что именно сегодня “самое худшее”.

Выбранная ею цель была небольшой трехсторонней палаткой с полосатым верхом. Ее перечеркивали полки, заставленные массой заткнутых бутылок всех размеров и

цветов. Войдя, я заметил, что в каждой из бутылок что-то есть — дымчатое вещество, шевелящееся, словно живое.

— Чем могу служить, сударь? — спросил девол-продавец, скаля зубы в том, что, несомненно, считал обаятельной улыбкой.

— Да я просто шатаюсь, смотрю, — зевнул я. — На самом-то деле, ищу, где бы укрыться от сплетен. Все до одного только и говорят об этой стае громил, продающих свою страховку.

Лицо девол потемнело и он сплюнул за дверь.

— Страховку. Я называю это вымогательством. Они разгромили два моих сокровища, прежде чем я сумел остановить их на такой срок, чтобы подписаться на их услуги. Мрачный это был день, когда они впервые появились на Базаре.

С деланным безразличием я приподнял одну бутылочку не больше чем на высоту ладони и присмотрелся к ее содержимому. Мой взгляд уловил неясные движения и смутную искорку.

— Осторожней, — предостерег продавец. — Если выпустить джина, его можно обуздать, только обратившись к нему по имени.

— Джина?

Девол окинул меня расчетливым взглядом. Поскольку я тяжелой работой не занимался, то личины не надел и выглядел... ну, собой...

— На Пенте, по-моему, их называют гениями.

— А. У вас здесь очень приличная коллекция.

Девол просиял от этой похвалы.

— Пусть вас не обманывает величина подборки в моей бедной лавочке, юноша, они крайне редки. Я лично прочесал дальние пределы всех измерений... с большими личными расходами, могу добавить... чтобы найти эти немногие образчики, заслуживающие...

Я гадал, когда же Маша намерена выйти на сцену. Ну, она вышла. Ну, и вышла же она. Прямо сквозь стену палатки.

Чуть ли не с музыкальным хором полки вдоль той стены опрокинулись, сваливая на пол бутылки. Поднялось облако выпущенных джинов и хлынуло в открытую сторону палатки, визжа на лету от нечеловеческой радости.

Девол, понятное дело, расстроился.

— Идиот, — завопил он. — Что ты делаешь?

— Очень хилые полки, — пробасила Маша.

— Хилые полки?

— Разумеется. Я хочу сказать, я ведь всего лишь сделала вот такой...

Она пихнула одну из оставшихся двух полок, и та послушно опрокинулась на последний стенд с товарами.

На этот раз джины даже не потрудились воспользоваться дверью. Они устремились в небо, прихватив с собой верх палатки, когда, вопя, пролагали себе дорогу к свободе.

— Мой товар, моя палатка! Кто за это заплатит?

— Я — Хтоэт, а не Ктозаэто, — огрызнулась Маша.

— И платить я, конечно, не буду. У меня нет денег.

— Нет денег? — ахнул продавец.

— Нет. Я просто зашел сюда укрыться от дождя.

— От дождя, от дождя. Но никакого дождя нет.

— Неужели? — моргнула моя ученица. — Тогда дасвидания.

С этими словами она вышла вперевалку, проделав по выходе дыру в стене — еще не тронутой стороне палатки.

Девол бессильно опустил на разбитые остатки товаров и закрыл лицо руками.

— Я разорен, — простонал он. — Разорен.

— Извините, что спрашиваю в такую минуту, — обратился я к нему. — Но почему вы не назвали их по именам и не обуздали их?

— Назвать их по именам? Да не могу же я помнить имена всех джинов в своей коллекции. Каждый раз, когда я продаю бутылку с джином, мне требуется посмотреть их в списке.

— Ну, по крайней мере, эта проблема теперь у вас позади.

Это снова завело его.

— Разорен, — повторил без надобности он. — Что мне придется теперь делать?

— Я, в общем-то, не понимаю, чего вы так расстраиваетесь, — заметил я. — Разве вы мне только что не говорили, будто застраховались?

— Застраховался?

Девол медленно поднял голову.

— Конечно. Вы платите за гарантию того, что ничего подобного не произойдет, не так ли? Ну, оно произошло. Мне кажется, что кто бы там ни защищал вашу лавку,

они обязаны дать вам объяснения, не говоря уже о немалой сумме денег.

— Совершенно верно. — Теперь продавец улыбался. — Больше последнего, чем первого, но вы правы.

Теперь я его настропилил. Все, что осталось сделать, это куп де грас*.

— Вот что я вам скажу. Просто, чтобы этот день не был для вас сплошным разочарованием, я возьму вот это. Теперь вам не потребуется оставлять лавку открытой со всего лишь одним джином на полке.

Я кинул ему самую мелкую монету, какая только нашлась в моей сумке. Верный своему наследию, он оскалился даже, выхватывая ее на лету.

— Неужели это всерьез? — возмутился он. — Это? За джина? Это не покрывает даже стоимости бутылки.

— Да бросьте, бросьте, дорогой, — возразил я. — Мы с вами оба люди, повидавшие свет... или измерения. Мы оба знаем, что это чистая прибыль.

— Да, — нахмурился он.

— Конечно. — Я показал на усеявшее пол стекло. — Никто же не сможет определить, сколько бутылок сейчас разбили. Я знаю, что вы просто включите это в список утраченного товара и сполна получите по своей страховке в добавок к тому, что я только что дал, фактически, если вы ощущаете настоящую алчность, то, вероятно, можете добавить пять-шесть бутылок к общему числу.

— Это верно, — задумчиво произнес девол. — Эй, спасибо. Возможно, в конце концов, это дело обернется не таким уж плохим.

— Не стоит благодарности, — пожал я плечами, изучая бутылочку в своей руке. — Хотя, раз мы теперь пришли к согласию насчет цены, не могли бы вы посмотреть в книге имя моего джина?

— Мне этого не требуется. Этот достаточно новый, чтобы я мог вспомнить. Его зовут Кальвин.

— Кальвин?

— Эй, не смейтесь. Это последняя новинка среди джинов.

* *Куп де грас (франц.) — удар милосердия; удар, которым добивают поверженного противника (прим. перев.).*

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Самые лучшие планы часто выходят боком.

Хитрый Койот

— Ну, за исключением этого, как идут дела?

— За исключением этого? — недоверчиво переспросил Шайк-стер. — За исключением этого? За исключением этого дела идут скверно. Весь этот проект — катастрофа.

— Ну и ну, это тяжело, — произнес я с деланным сочувствием.

Я стал здесь, в “Салоне Спагетти” Толстяка, почти постоянным предметом обстановки. Каждый вечер я заскакивал узнать о передвижениях войск... их и моих.

Приятно было иметь возможность проверить эффективность нашей деятельности, слушая как на нее жаловался враг. Еще приятней было иметь возможность намечать свой следующий ход, слушая контратаки в стадии обсуждения.

— Я все еще не возьму в толк, — возразил Геидо, заглядывая в котел, откуда он взял еще одну огромную порцию спагетти. — Сперва все шло великолепно. Совершенно никаких хлопот-забот. Потом — бум, все кувырком, понимаешь, что я хочу сказать?

— Да. Выглядит так, словно кто-то намеренно вытеснил нас из бизнеса.

Эту последнюю мысль высказал кузен Нунцио. Очень долгое время я думал, что он физически неспособен говорить. Однако, как только он привык к моему присутствию, он малость приоткрылся.

В действительности, Нунцио был робок, что усиливалось его писклявым голоском, казавшимся неуместным у такого долбака.

— Я вас предупреждал, что деволы могут быть скверной

компанией, — напомнил я им, стремясь увести от темы возможности организованного сопротивления. — А если лавочники трусоваты, то кажется вполне разумным, что местный преступный элемент должен отличаться большей расторопностью. Верно, Гвидо?

— Совершенно верно, — энергично кивнул громила с болтающимися изо рта прядями спагетти. — Мы, уголовники, в чем угодно обставим любого честного гражданина. Слушай, я когда-нибудь рассказывал о том, как мы с Нунцио раз...

— Заткнись, дубина, — оборвал его Шайк-стер. — В случае, если ты этого не заметил, по счету за этих местных любителей платим мы. Нам в финансовом смысле вышибают мозги, и вам-то, ребята, и надлежит поймать противника. И отплатить добром за добро... физически.

— Они нас боятся, — настаивал Гвидо. — Где бы мы ни появились, их нет как нет. Если мы не можем их найти, то они не могут наносить такого уж большого вреда.

— Знаешь, Гвидо, мозги никогда не относились к твоим достоинствам, — прорывал Шайк-стер. — Разреши мне показать тебе это на пальцах. Пока что мы заплатили в шесть раз больше того, что получили. Прибавь к этому все наши счета и расходы и, возможно, уловишь, почему Большие Парни недовольны.

— Но мы же собирали-то не очень-то долго. После того, как мы расширим свою клиентуру...

— ...мы будем оплачивать претензии по большому числу заявок, — мрачно закончил Шайк-стер. — Не пудри мне мозги этим "наверстаем с объемом". Либо операция с самого начала окупает себя и приносит прибыли, либо быть беде. А мы завязли так глубоко, что даже если бы могли дышать через макушку, то все равно остались бы там.

— Может быть, если мы привлечем еще нескольких парней из дому... — начал было Нунцио.

Шайк-стер хлопнул ладонью по столу, останавливая своего помощника.

— Никаких новых накладных расходов, — закричал он. — У меня хватает неприятностей с объяснением Большим Парням нашего отчета о прибылях-убылях и без ухудшения баланса. Мы не только не станем получать никакой новой помощи, но и начнем сокращать расходы, и я имею в виду прямо сейчас. Скажите парням, чему вы улыбаетесь?

Это последнее относилось ко мне.

— Так, ничему, — невинно ответил я. — Просто мне на минуту показалось, что вы говорите точь-в-точь, как некто, кого я знал на Пенте... по имени Гримбл.

— Дж.П.Гримбл? — моргнул Шайк-стер.

Теперь настала моя очередь удивляться.

— Ну да. Он министр финансов в Поссилтуме. Неужто вы его знаете?

— Разумеется, мы учились в одной школе. Министр финансов, а? Неплохо. Если бы я знал, что он работает при дворе Поссилтума, то задержался бы там и сказал бы ему "привет".

Мысль о том, что Шайк-стер и Гримбл знают друг друга, почему-то встревожила меня. Шансов, что эти двое сойдутся и сравнят табели, было немного, и даже если это произойдет, Гримбл совсем не так уж много знал о моем образе мыслей и действий. И все же это послужило мрачным напоминанием, что я играю в очень рискованную игру с кое-какими опасными людьми.

— Я по-прежнему думаю, что где-то тут действует другая банда, — проворчал Нунцио. — Слишком много выходит не так, чтобы это были независимые детали.

— Ты прав наполовину, — поправил Шайк-стер. — Слишком много выходит не так, если бы это была банда. Никто не пускается в столько дел, даже мы.

— Тут я потерял нить ваших рассуждений, Шайк-стер. — Мне стало действительно любопытно.

Синдикалист наградил меня покровительственной улыбкой.

— Совершенно верно. Будучи магом, вы не так уж много знаете о том, как действуют организованные преступники. Позвольте мне попробовать объяснить. Когда Синдикат хочет подъехать, мы бьем за раз по одной специализированной области... знаете, вроде защиты или нелегальной лотереи. Вроде этого. Фокусирование наших усилий дает большую насыщенность так же, как проникновение на рынок.

— Это имеет смысл, — кивнул я, не желая признаваться, что снова ничего не понял.

— А теперь посмотрите, что происходит здесь. Мы получаем жалобы всех видов — на погром, кражи, вооруженные ограбления, есть даже пара случаев поджога. Тут намешано чересчур много, чтобы это было работой одной группы. Мы имеем дело с кучей мелких, независимых банд, и если мы сумеем сделать нескольких из них пока-

зательным примером, то другие решат, что где-то в другом месте найдется добыча полегче.

В некотором смысле я обрадовался, услышав это. Мне полагалось еще раз похлопать Ааза по плечу. Именно он решил, что усилия нашей команды чересчур ограничены. Для ускорения нашей "волны преступности" он ввел на Деве сомнительную практику "страхового мошенничества" и деволы оказались отличными учениками.

Товар идет слишком плохо? Перебей его сам и заяви о погроме. Пытаешься продать лавку, но никто не хочет покупать даже ниже минимальной цены? Подожги ее и получи сполна. Или, еще лучше, хочешь немного увеличить личную прибыль? Подделай несколько накладных и подавай жалобу об "украденных товарах". Сплошная прибыль, никаких расходов.

Деволам это очень даже понравилось. Это позволяло им сделать деньги и одновременно насолить Синдикату. Не удивительно, что стол Шайк-стера быстро исчезал под горой претензий и протестов.

Это было восхитительно... за исключением той части, где говорилось о делании показательного примера из всех, кого они поймают.

Я мысленно взял на заметку, что надо предупредить команду о дополнительной осторожности.

— Если это не банда и они не работают против нас, — нахмурился Нунцио, — то почему все это случается в наших районах? Папаша меня учил относиться к совпадениям с подозрением. Его одно такое убило.

— Откуда ты знаешь, что это происходит только в наших районах? — возразил Шайк-стер. — Может, мы выбрали на Базаре неудачный район для начала операции. Может, весь Базар — неудачный район. Может, нам следовало бы проявить подозрительность, когда Скив сообщил нам, что тут нет никакой полиции. Когда кругом плавают так много денег, а полиции нет и в помине, то, конечно, разведется уйма проходимцев.

— Так что же нам делать? — зарычал Гвидо, вырывая из-под подбородка салфетку и бросая ее на стол. — Мои ребята не могут быть одновременно в двух местах. Мы не можем следить за нашими текущими клиентами и в то же время подыскивать новых.

— Совершенно верно, — согласился Шайк-стер, — поэтому мы будем делать вот что. Во-первых, поделимся группами. Две трети ребят будут патрулировать районы,

взятые нами под защиту. Другие пойдут за новыми клиентами... и больше мы не будем брать их просто под защиту. Мы расследуем и порасспросим. Мы выясним, много ли бед случилось в новой лавке или в новом месте до того, как мы сделаем их своими клиентами. Тогда мы будем знать, где риск велик, и если мы вообще будем брать их под защиту, они будут платить вдвойне. Сечете?

И Гвидо, и Нунцио принялись думать, и этот процесс явно был для них болезненным.

— Не знаю, — прописклявил наконец Нунцио. — В этом плане чтой-то, кажется, какое-то не то.

— Преступность не окупится, если ею управляет правительство, — любезно помог я, пробормотав про себя.

— Что-что? — вскинулся Шайк-стер.

— Да просто нечто сказанное мне однажды моим учителем, — пожал плечами я.

— Эй. А Скив прав, — воскликнул Гвидо.

— Вы говорите, что нам предстоит быть полицейскими и следователями страховых фирм.

— Ну, я бы не употреблял таких слов...

— Никаких "ну". Мы не станем этого делать.

— Это почему же?

— Брось, Шайк-стер. Мы же скверные парни. Сам знаешь — урки. Что станет с нашей репутацией, если до Синдиката дойдет, что мы превратились в полицейских?

— Там подумают, что вы ценные сотрудники, упорно работающие, защищая их вклады.

— Да? — нахмурился непреубежденный Гвидо.

— Кроме того, это лишь временно, — успокоил их Шайк-стер. — И мало того — это дымовая завеса для того, что мы действительно будем делать.

— И что же это? — мягко спросил я.

Шайк-стер окинул быстрым взглядом ресторан, а затем нагнулся вперед, понизив голос.

— Ну, я не собираюсь ничего говорить, но помните, что я рассказывал о том, как Синдикат фокусируется на одной области за раз? Как мне представляется, возможно, мы выбрали на Деве не ту область. Возможно, нам не следовало пробовать рэкёт с защитой.

— Значит, вы собираетесь сменить область? — подтолкнул я.

— Правильно, — улыбнулся Шайк-стер. — Мы временно

притормозим рэкет с защитой и одновременно начнем наваливаться на букмекеров.

- Вот теперь ты говоришь дело, — возликовал Гвидо.
- На азартных играх всегда делают хорошие деньги.
- Говори потише, идиот. Это же тайна.
- А кто услышит? — возразил Гвидо.
- Как насчет их?

Шайк-стер ткнул большим пальцем в сторону столика, где сидели четыре просто громадных существа, попеременно то набивая рот, то оглушительно хохоча.

— Их? Это братья Хатт. Они бывают здесь раз в неделю. Они слишком заняты собственными играми, чтобы беспокоить нас.

— Играми? Они игроки?

— Не... ну, возможно, за исключением Дарвина. Он вожак стаи. Но он играет, только ставя на разный баланс и бизнес.

— Который он?

— Самый худой. Я слышал, невеста посадила его на диету. Это делает его злым, но не опасным для нас.

Шайк-стер снова повернулся к нашему столику.

— Ну, все равно, говори потише. Как насчет этого, Скив? Я имею в виду азартные игры. Вы уже бывали здесь, на Базаре. Знаете каких-нибудь букмекеров, пригодных для нашего давления?

— Ну, дела. Единственный, кого я знаю наверняка, Живоглот, — сказал я. — Он довольно крупный. Однако, если вы, ребята, собираетесь прищемить его, не говорите ему, что навел вас я.

Шайк-стер дружески подмигнул мне.

— Уловил. Но со всего, что мы с него получим, вам будет процнт. Знаете, гонорар наводчика. Мы не забываем своих друзей.

— Ну, спасибо, — сумел поблагодарить я, чувствуя себя более чем малость виноватым. — Ну, мне лучше отчалить. Пошли, Глип.

— Глип, — откликнулся мой дракон, вытаскивая голову из лоханки со спагетти при звуке своего имени.

Толстяк ощутил мгновенную симпатию к моему приятелю, основанную, как я подозревал, на новоприобретенной способности Глипа поглощать едва скрытое кроваво-красным соусом личинкообразное содержание, бывшее основным блюдом этого сезона.

Я так никогда и не сумел набраться достаточно храбрости попробовать спагетти, но моему дракону они очень понравились. Как маг, я знал, что кое-какие сомнительные вещи, съедобные и не очень, живые и нет, тоже получали кулинарное одобрение Глипа, это мало поощряло меня расширить свои диетные горизонты до включения этого конкретного блюда. И все же, пока со мной был Глип, нас встречали у Толстяка с распростертыми объятиями несмотря на то, что у моего приятеля начала развиваться походка вперевалку, напоминающая хозяина ресторана.

— Скажи-ка, Скив, где вы держите днем своего дракона?

Я оглянулся и обнаружил, что Шайк-стер с сошуренными задумчивыми глазами изучает моего приятеля.

— Обычно он со мной, но иногда я оставляю его с драконьей няней. А что?

— Просто я вспомнил жалобу на “прерывание торговли”, которую нам пришлось однажды оплачивать... пришлось оплачивать... Черт, мы до сих пор ее оплачиваем. В любом случае этот парень, видите ли, продает драконов, если не считать того, что вот уже неделя, как он не продал ни одного. Обычно продает примерно трех в день и говорит, что поскольку он заплатил нам за гарантию, что с его бизнесом ничего не случится, нам полагается возместить ему разницу в снижении сбыта... и, знаете, эти твари дорогие...

— Знаю, — согласился я. — Но какое это имеет отношение к Глипу?

— Вероятно, никакого. Просто этот парень клянется, что как раз перед тем, как все пошло прахом, подошел какой-то маленький дракон и поговорил с его драконами. Теперь они не режут, не дышат огнем, ничего не делают. Только спят и резвятся... а кому нужен резвящийся дракон, понимаете?

— Переговорил с его драконами? — обеспокоенно переспросил я.

По какой-то причине у меня внезапно возник в голове образ Глипа, выступившего против дракона Большого Джули — зверя, по сравнению с которым он выглядел карликом — и победившего.

— Ну... они не совсем чтобы говорили, но сгрудились и придвинули головы друг к другу, издавая невнятные пыхтящие звуки. И не давали тому парню приблизиться, пока не закончили. Единственное, в чем он уверен, это в том, что маленький, тот, который, по его словам, испортил

ему весь бизнес, сказал что-то вроде “пип”. Сказал так пару раз.

— Пип? — переспросил я.

— Глип, — ответил мой дракон.

Шайк-стер снова уставился на него.

— Брось, Шайк-стер, — вмешался Гвидо, дружески ткнув своего начальника. — Говорящие драконы? Тебе кто-то вешает лапшу на уши. Мне кажется, он получил неудачную партию драконов и пытается заставить нас платить за них. Пошли ты его подальше.

— Это будет не так-то легко, — пробурчал Шайк-стер. — Но, полагаю, ты прав. Я имею в виду, что все драконы выглядят очень похожими друг на друга.

— Достаточно верно, — отозвался я, постепенно отодвигаясь к ближайшему выходу.

— Пошли, Пип... я хотел сказать, Глип.

Может быть, подозрения Шайк-стера и поутихли, но у меня все равно имелось несколько своих, когда мы шли обратно к трактиру “Желтый Полумесяц”

— Скажи мне откровенно, Глип, ты имел какое-нибудь отношение к порче чьей-то торговли драконами?

— Глип? — ответил мой приятель, точно таким же тоном, какой бывает у меня самого, когда я слишком упорно стараюсь казаться невинным.

— Угу. Ну, не суйся в это дело. Я думаю, мы его схватили и без того, чтобы ты попадал под обстрел.

— Глип.

На этот раз ответ был куда более подавленным, и я понял, что он заметно повесил нос.

— Да не сердись ты. Просто я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Вот и все.

Я вдруг осознал, что прохожие смотрят на нас. Полагаю, как ни странен Базар, они не привыкли видеть, чтобы кто-то шел по улице, споря с драконом.

— Поспешим, — настойчиво предложил я, переходя на рысь. — Не знаю, что мы сможем сделать с намсрением Синдиката подъехать к букмекерам, но уверен, что Ааз что-нибудь придумает.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Жизнь может быть прибыльной, если ты знаешь шансы.

Дунли

Спортивная арена, где мы сидели, заметно уступала по величине стадиону на Джаке, где мы играли в Большой Игре, но ничуть не уступала по шумности. Наверное, на акустику как-то влияло то, что арена была крытой, а не открытой, но даже при наполовину заполненных народом трибунах гул стоял такой, что я едва слышал собственные мысли.

Потом, опять же, еще запах. Те же стены и потолок, что кое-как создали акустику, совсем ничего не делали для вентиляции. В такой тесноте несколько тысяч существ из разных измерений производили такую смесь запахов тел, что мой желудок подвергался медленным спазмам... или, может быть, дело было просто в нервах.

— Ты не мог бы еще раз объяснить мне насчет шансов?

— Не сейчас, — рыгнул Живоглот, нервно теребя программу. — Я слишком занят беспокойством.

— Дай, я попробую, оторва, — вызвалась сидевшая с другого боку от меня Маша. — Может быть, я смогу сказать это на менее техническом жаргоне, чем наш друг.

— Я бы это оценил, — признался я.

За это я заработал мрачный взгляд со стороны Живоглота, но Маша уже приступила к делу.

— Во-первых, ты должен понять, что букмекеры по большей части не ставят собственных денег. Они выступают в роли агентов или посредников для людей, ставящих на разные стороны в одном состязании. В идеале деньги, поставленные на каждую из сторон, равны друг другу, и

поэтому сам букмекер не ставит на состязании никаких собственных денег.

— А как же тогда они наживают деньги?

— Иногда на процентах, а иногда... но это уже другая история, а мы говорим о шансах. Идет?

— Ладно, — пожал плечами я.

— Так вот, описанная мной ситуация — идеальная. Она предполагает, что команды, или бойцы, или что бы там ни было равны по силе. Тогда некоторые люди ставят на одну сторону, некоторые на другую, но в общем все уравнивается. Это — равные шансы — или 1:1.

Она слегка переместила свой вес, не обращая внимания на прожигающие взгляды других зрителей, когда в ответ на ее движение закачался весь ряд.

— Но, предположим, дело обстоит иначе. Что, если вместо равенства сил у одной стороны есть преимущество... как, скажем, в случае, если бы Плохсекир вышел драться с королем Родриком?

— На это легко ответить, — улыбнулся я. — На короля никто бы не поставил.

— Именно, — кивнула Маша. — Значит, все поставят на одну сторону, и букмекерам придется покрывать все ставки собственными деньгами... ставки, которые у них большая возможность проиграть.

— Поэтому они не принимают никаких ставок.

— Нет. Они обставят дело так, что люди будут ставить на короля.

Я вскинул бровь.

— Они могут попробовать, но я уверен, что сам не стал бы так выбрасывать золото. Я бы поставил на Плохсекира.

— В самом деле? — улыбнулась Маша. — А что, если вместо того, чтобы ставить один золотой для выигрыша одного золотого, тебе приходилось бы ставить на Плохсекира десять золотых ради выигрыша одного?

— Ну...

— Разреши мне еще немного затруднить дело. Как насчет того, что если ты поставишь на короля один золотой и он победит, то вместо получения одного золотого ты получишь сто?

— Я... э-э... мог бы заключить рискованное пари, поставив на короля, — поколебавшись, ответил я. — Всегда есть вероятность, что ему повезет. Кроме того, если я проиграю, то потеряю только один золотой.

— ...и именно так, я уверена, и используют шансы букмекеры для собственного прикрытия. Ну, а как они рассчитывают, сколько ставок им нужно на короля при шансах “Х” для прикрытия ставок, принятых на Плохсекира при шансах “У”, это уже выше моего понимания.

Я посмотрел на сидящего рядом со мной девола с новым уважением.

— Вот это да, Живоглот. Я никогда не представлял по-настоящему, как сложна твоя работа.

Девол чутьчку смягчился. Они столь же восприимчивы к лести, как и все прочие.

— На самом-то деле, все бывает еще сложнее, — скромно признался он. — Приходится быть в курсе сразу нескольких состязаний, иногда даже использовать рискованные ставки с одного для прикрытия верных ставок с другого. И потом, есть побочные ставки, например, на то, как часто кто-то добьется успеха и в каком периоде Большой Игры. Это не легко, но продувной малый может с этого заработать на жизнь.

— И какие же шансы сегодня вечером?

Девол скорчил гримасу.

— Паршивые. Это один из тех матчей типа “Плохсекир-король”, если я правильно понял ваш пример. В данном случае команда, которую вы увидите в красных трусах — это Плохсекир. Они горячей десятидолларового лазера и выиграли последние свои пятнадцать схваток. А слабые сестрички... по-вашему, король... будут в белых трусах и не выиграли ни одной схватки за два года. Когда Синдикат сделал свою ставку, шансы стали примерно двести к одному против белых.

Я тихо присвистнул.

— Ух ты. Двести золотых в ответ на ставку в один золотой. Ты не забыл прикинуться удивленным, когда они поставили свои деньги?

— Мне не пришлось прикидываться, — процедил сквозь зубы Живоглот. — Со ставкой таких размеров, какую выдали они, это не потребовалось. Получив заблаговременное предупреждение, я ожидал, что они кинут немало, но все же...

Он покачал головой и впал в молчание.

Я раньше как-то по-настоящему не задумывался о том, что вытекает из таких шансов, но теперь прикинул. Если, поставив один золотой, получаешь двести, то ставка в

тысячу потенциально могла принести двести тысяч. А ставка в десять тысяч...

— Какой же величины их ставка? — со страхом спросил я.

— Достаточно велика, чтобы в случае проигрыша я до конца дней своих работал на Синдикат, расплачиваясь по ней... А у деволов отнюдь не краткая продолжительность жизни.

— Минуточку. Разве Ааз не сказал, что если ты проиграешь, мы покроем твой проигрыш за счет денег на текущие расходы?

— Сказал, — согласился девол. — А также указал, что если вы будете покрывать мои проигрыши, то будете забирать также и все выигрыши, если все пройдет как намечено. Я предпочел рисковать и выигрывать сам.

Маша нагнулась вперед, уставясь на него.

— Ты так уверен или так жаден?

— Больше последнее, — признался Живоглот. — Потом, опять же, я довольно сильно обжегся, ставя в Большой Игре против Скива. По моим расчетам стоит, по крайней мере, один раз поддержать стрелка, попавшего сразу в струю.

Я озадаченно покачал головой.

— Разве ты не боишься проиграть?

— Ну, мне приходило в голову, что, возможно, здесь надувают меня, а не Синдикат. Вот потому-то я и сижу рядом с тобой. Если окажется, что это обман...

— Ты весьма мал, чтобы угрожать, Живоглот, — предупредила Маша.

— А ты слишком велика, чтобы увернуться, если я решу, что грозят мне, — отпарировал девол.

— Бросьте вы это, — приказал я. — В любом случае вопрос чисто академический. У нас не будет никаких затруднений... или, если будут, то я буду так же удивлен, как и ты, Живоглот.

— Надеюсь, больше удивлен, — фыркнул девол. — Я наполовину ожидаю, что эта затея лопнет, не забыл?

— Но Ааз заверил меня, что все схвачено.

— Очевидно. Иначе Синдикат не ставил бы так много. Вопрос в том, чей фокус удался — их или ваш?

И тут мой глаз уловил суматошную деятельность по другую сторону арены. Синдикат только-только прибыл... в полном составе. Там был Шайк-стер, по бокам от него Гвидо и Нунцио, а сзади остальные члены двух бригад,

откровенно рассаживающиеся по своим местам. Увиденные вместе и в движении, в противоположность набивающим по отдельности животы у Толстяка, они составляли впечатление группы. Мое мнение явно разделили и другие. Хотя они опоздали, никто не оспаривал их права на лучшие места, когда они гуськом прошли в первый ряд. Фактически, когда они приблизились, возникло заметное срывание с желанных мест.

Видеть другие существа, знакомые мне по толпе на Базаре, все еще было для меня достаточно новым опытом, чтобы я встал и помахал им рукой, прежде чем сообразил, что делаю. И тут до меня дошло, если они увидят меня сидящим рядом с Живоглотом, а потом проиграют крупное пари, то смогут без труда сообразить, что к чему.

Я перестал махать и попытался было сесть на место обратно, но было уже слишком поздно. Гвидо заметил мои жесты и толкнул локтем Шайк-стера, показав на меня. Наши взгляды встретились, и он кивнул, признав меня, прежде чем вернуться к рассматриванию толпы.

Удрученный, я повернулся извиниться перед Живоглотом, и обнаружил лишь, что обращаюсь к субъекту, не имевшему ни малейшего сходства с сидевшим рядом со мной деволом.

Я чуть... чуть... не принялся оглядываться, ища, куда делся Живоглот. А затем произвел умозрительно небольшие арифметические действия и вычислил это.

Заклинание личины.

Я так привык сам дурачить людей этим заклинанием, что когда кто-то проделал то же самое со мной, я оказался полностью захваченным врасплох.

— Все еще малость новичок в подобных интригах, не так ли? — сухо заметил он с нового лица.

К счастью, меня спасло от проблемы придумывания подходящего ответа появление участников соревнования. Из-за возни с планированием и запуском наших контрмер я, по-настоящему, так и не услышал на что ставит Синдикат, за исключением того, что это будет слабая команда в матче по борьбе. Никто не сказал, какими будут с виду борцы, и я исходил из того, что все будет примерно как на матчах, виденных мной на Пенте. Мне следовало бы знать, что этого лучше не делать.

Две команды состояли из существ, едва доходивших мне до пояса. Я хочу сказать, они были маленькими. Они выглядели как дети... если вы привыкли видеть детей с четырьмя руками у каждого.

— Что это за?.. — не нашел я слов.

— Это команда, — любезно объяснил Живоглот.

— Я имею в виду, что они такое? Откуда они?

— А... Это вторы.

— И ты ставишь на них? Я хочу сказать, я слышал о борьбе лиллипутов, но это не смешно.

— Не пренебрегай ими, — пожал плечами девол. — В борьбе они мастаки. Фактически, подобные команды — самый популярный экспорт их измерения. Они известны всем, как Внушительные Вторы. Они куда пагубней, чем можно предположить по их размерам.

— Это пародия, верно?

— Если ты действительно хочешь кое-что увидеть, то тебе следует поглядеть другой их экспорт. Это — гастролирующая танцевальная группа под названием “Выездные Вторы”.

Маша уронила мне на плечо тяжелую ладонь.

— Оторва, помнишь про наш уговор насчет моих уроков?

— Позже, Маша, матч вот-вот начнется.

На самом деле, он вот-вот заканчивался. Такой он оказался короткий, извиняюсь за выражение.

Первый член команды фаворитов в красных трусах просто прогулялся и положил на обе лопатки своего соперника в белых трусах. Хотя укладывание это малость походило на попытку обмотать пакет спутанной бечевкой. Борец в красных трусах заставил это казаться ужасно легким. Все усилия партнера его противника отцепить победителя оказались тщетными, и, схватив последнего за голову, победитель закончил схватку.

— Ну, вот и ладно, — молвил, вставая, Живоглот. — Приятно иметь с тобой дело, Скив. Повидай меня опять, если у тебя наклюнется лопух-фраер.

— Разве ты не собираешься забрать свой выигрыш?

Девол пожал плечами.

— А зачем спешить? Кроме того, я думаю, твои игроки сейчас немного заняты.

Я посмотрел туда, куда он показывал, и увидел Шайк-стера, стремительно несущегося к раздевалке, а Гвидо и Нунцио — за ним по пятам. Никто из них не выглядел особенно довольным, что вполне понятно при данных обстоятельствах.

— Хоп. Это мне сигнал. До встречи в “Желтом Полумесяце”, Маша.

С этими словами я пустился бегом, курсом наперехват разгневанным синдикалистам.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Надо научить этих типов уважению к
высшим.

Генерал Корнуоллис

Я чуть не упустил их. Уверяю вас, это не оттого, что я медленно передвигался. Просто они действительно неслись на всех парах.

— Привет, ребята, — окликнул я их, как раз когда Шайк-стер занес кулак для удара по двери раздевалки. — Вы тоже пришли поздравить победителей?

Три пары глаз вперились в меня, когда мои "друзья" круто обернулись.

— Поздравить? — зарычал Гвидо. — Я их так поздравлю...

— Минутку, — перебил его Шайк-стер. — Что вы имели в виду под "тоже"?

— Ну, я пришел сюда именно за этим. Я только что выиграл на последнем матче приличное пари.

— Насколько приличное?

— Ну, приличное для меня, — сбавил тон я. — Я получил пятьдесят золотых.

— Пятьдесят, — фыркнул Гвидо. — Ты знаешь, сколько мы потеряли на этом фиаско?

— Потеряли? — нахмурился я. — Разве вы не знали, что красные — фавориты?

— Конечно, знали, — прорычал Шайк-стер. — Вот потому-то мы и решили сорвать убойный куш, когда они проиграют.

— Но что заставило вас подумать, что они... А. Вы об этом-то и говорили, когда сказали, что собираетесь взяться за игорное дело?

— Совершенно верно. Команда “красных” должна была изяшно пасть на третьем раунде. Мы заплатили им достаточно... на самом-то деле, более чем достаточно.

Говоря это; он так походил на Гримбла, что я не смог сдержаться от дешевой шпильки.

— Судя по исходу, мне кажется, что вы заплатили немного меньше, чем достаточно.

— Это не смешно. Теперь вместо того, чтобы возместить свои убытки, нам придется объяснять Большим Парням еще один крупный проигрыш.

— Да бросьте, Шайк-стер, — улыбнулся я. — Много ли может стоить схватывание боя?

— Немного, — признался он. — Но если принять в расчет только что проигранные нами вложенные в проект деньги, то получится...

— Вложенные в проект деньги?

— Он имеет в виду пари, — объяснил Гвидо.

— А. Ну, полагаю, что это риск, на который приходится идти, когда пытаешься сорвать убойный куш.

На лице Шайк-стера промелькнула злая улыбка.

— О, кое-что убойное мы сварганим, что и говорить, — пообещал он. — Местным на этом Базаре самое время усвоить, что значит становиться Синдикату поперек дороги.

И с этими словами он кивнул Гвидо, а тот открыл дверь в раздевалку.

Все четверо борцов пользовались одной раздевалкой, и когда мы вошли колонной по одному, они выжидательно подняли головы.

Совершенно верно. Я сказал именно “мы”. Я, в некотором смысле, пристроился в хвост колонны, и никто, казалось, не возражал.

— Слушайте, вы, шуты гороховые, вы там ничего не забыли? — обратился к ним вместо приветствия Шайк-стер. — Например, кому полагалось победить?

Члены разных команд обменялись взглядами. Затем самый маленький из команды “красных” пожал плечами.

— Подумаешь. Ну, передумали мы, что тут такого?

— Да, — вступил в разговор его товарищ по команде. — Мы решили, что проигрыш плохо скажется на нашем образе... особенно этим хилякам.

Это подняло на ноги команду “белых”.

— Хилякам? — проревел один из них. — Вы захватили

нас врасплох, вот и все. Нам сказали не напрягаться до третьего раунда.

— Если бы вы даже понапряглись еще, то просто уснули бы. Нам полагалось бороться, а не танцевать.

Шайк-стер снова шагнул вперед.

— Значит, вы все признаете, что поняли первоначальные инструкции?

— Эй, отцепись от нас, а? Ты получишь обратно свои вонючие деньги, так какого хрена тебе тогда надо?

— Даже если вы дадите нам полное возмещение, — мягко уведомил их Шайк-стер, — есть еще деньги, проигранные нами из-за вас. Полагаю, никто из вас не обладает независимым капиталом?

— О, разумеется, — рассмеялся один из “красных”. — Мы занимаемся борьбой только ради острых ощущений.

— Так я и думал. Гвидо, Нунцио, посмотрите, что вы можете сделать для сведения счетов с этими господами. И не торопитесь. Я хочу, чтобы они это почувствовали, понимаете?

— Не знаю, Шайк-стер, — нахмурился Гвидо. — Они страшно маленькие. Не думаю, что мы сможем заставить их протянуть чересчур долго.

— Ну, сделайте все, что в ваших силах. Скив, не присоединитесь ли ко мне за дверь? Не думаю, что вам захочется это увидеть.

Он был ближе к правде, чем знал сам.

Хотя я пережил в последние годы несколько лихих потасовок, это не означает, что я наслаждался ими — даже как зритель.

Не успела за нами закрыться дверь, как изнутри раздалась серия глухих ударов и треска. И слушать-то было просто больно, но продолжалось это недолго.

— Я же сказал им не торопиться, — нахмурился при этой тишине Шайк-стер. — А, ладно, полагаю, сойдет и...

Дверь открылась, показав одного из команды “белых”.

— Если у вас тут есть еще какие-то урки, то предлагаю прислать их сюда. Эти двое научили нас совсем немногому.

Он опять закрыл дверь, но не раньше, чем мы успели увидеть на полу двух телохранителей. Ну, Гвидо — тот лежал на полу, а Нунцио, в некотором роде, стоял на голове у скамейки в углу.

— Крутые малыши, — небрежно заметил я. — Должно

быть, дело в чстырех руках. Как по-вашему, вы сможете найти для них работу в Синдикате?

Увиденное заметно потрясло Шайк-стера, но он быстро оправился.

— Значит, они хотят играть без правил. Ну, меня это вполне устраивает.

— Вы ведь не собираетесь туда один? А? — спросил я, искренне озабоченный.

Он наградил меня испепеляющим взглядом.

— Нет шансов.

И с этим сунул пальцы в рот и громко дунул. По крайней мере, выглядело это именно так. Ничего иного я не услышал.

Прежде, чем я успел спросить, что он сделал, грохот шагов объявил о прибытии подкрепления в две дюжины синдикалистов.

Ловкий фокус. Полагаю, свист был слишком высоким, чтобы я услышал... или слишком низким.

— Они взяли Гвидо и Нунцио, — закричал Шайк-стер прежде, чем громилы успели полностью остановиться. — Ну как, покажем, кто здесь командует. За мной!

И, рванув дверь, он ринулся в раздевалку, увлекая за собой по пятам всю стаю.

Не уверен, бывал ли когда-нибудь Шайк-стер в настоящей драке, не говоря уже о вождении в бой команды. Я однако же определенно уверен, что больше он никогда этого не попробует.

Хлынувшие из раздевалки крики и вопли боли побудили меня к действию. Я отошел немного дальше по коридору и стал ждать там. Моя осторожность оказалась излишней. Стена не рухнула, равно как и потолок и само здание. Однако же все-таки отвалилось несколько кусков штукатурки, и один раз кто-то пробил в стене дыру... собственной головой...

Мне пришло в голову, что если поклонники боев на арене действительно хотели получить за свои деньги стоящее зрелище, то им следовало бы оказаться здесь. Добавочное размышление заставило меня решить, что их отсутствие все-таки и того лучше. В раздевалке и так к этому времени набилось достаточно существ... что не хуже любой другой причины рекомендовало мне настоятельно оставаться в коридоре.

В конечном счете звуки боя стихли, оставив только зловещую тишину. Я напомнил себе, что обладаю полной

уверенностью в исходе боя. Когда продолжительность тишины возросла, я обнаружил, что мне необходимо напомнить себе об этом несколько раз.

Наконец, дверь с шумом открылась, и вышло четверо второв, смеясь и болтая мвжду собой.

— Мило, — окликнул я их. — Не спешим, не суетимся... Я могу здесь весь вечер изнывать от беспокойства.

Один из команды "белых" подбежал ко мне, обнял и поцеловал:

— Извини, красавчик. Мы так здорово забавлялись, что начисто позабыли о тебе.

— Э-э... ты не могла бы что-нибудь сделать с личинами, прежде чем опять поцелуешь меня?

— Хоп. Извини. Забыла.

Более высокий член команды "красных" закрыл глаза, и вторы пропали. Вместо них стояли Ааз, Гэс, Тананда и Корреш. Вот потому-то и мог я не беспокоиться за исход сражения... чересчур сильно...

— Хорошая работа, Гэс, — одобрительно кивнул я. — Но все равно, я думаю, что вполне мог бы управиться с заклинанием личины сам.

— Ты видел когда-нибудь раньше втора? — отпарировал Ааз.

— Ну, нет.

— А Гэс видел. Именно поэтому с личинами управлялся он. Конец дискуссии.

— Бывало, держал секретаршу по имени Этейл, — объяснил спокойно горгул, игнорируя приказ Ааза. — Она была большой поклонницей борьбы.

— Секретарша? — моргнул я.

— Разумеется, неужели ты никогда не слышал о второпалой машинистке?

— Хватит, — настойчиво сказал Ааз, поднимая руку. — Я голосую за то, чтобы отправиться в "Желтый Полу-месяц" и немного отпраздновать. Думаю, мы достаточно насолили Синдикату за один вечер, не так ли?

— Да, — усмехнулась Тананда. — Это научит их выбирать таких, кто одного с ними роста.

— Но вы же одного с ними роста, — нахмурился я.

— Знаю, — подмигнула она. — В том-то вся соль.

— Слушай, Ааз, ты уверен? — вмешался Корреш. — Я имею в виду, мы задали им хорошую трепку, но удержит ли это их до утра?

— Если им повезет, — усмехнулся мой учитель. — Вспомни, как только они очнутся, им придется идти докладывать своему начальству.

— Ты думаешь, они попытаются возместить убытки новым поползновением на игорное дело? — спросил я.

— Надеюсь, что да, — усмехнулся Ааз. Его улыбка стала мечтательной и широкой. — Следующее соревнование с крупными ставками — скачки единорогов, а тут мы легко все наладим.

— Ты имеешь в виду Лютика? Его нельзя пускать на скачки. Он не боевой единорог.

— Знаю. Вот и подумай об этом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вычислите то последнее, что, по вашим ожиданиям, сделает враг, а потом можете смело рассчитывать, что именно так он и сделает.

Ришелье

После катастрофической попытки подъехать к букмекерам Девы Синдикат не пробовал других гамбитов. Фактически, после этого провала какое-то время все было тихо... слишком тихо, как выражался Ааз.

— Мне это не нравится, — объявил он, вперясь взглядом в фасадное окно трактира “Желтый Полумесяц”. — Они что-то затевают. Я чувствую это.

— Толстяк говорит, что они неделю как не показываются, — сообщил я. — Возможно, они сдались.

— Нет шансов. Должна быть, по крайней мере, еще одна попытка. Хотя бы только ради спасения лица. А мы вместо того, чтобы готовиться, просиживаем штаны.

Он был прав. В последние дни основной деятельностью нашей команды было ошивание около заведения Гэса в ожидании, не поступят ли какие-то сведения. Наши разведывательные вылазки ничего не принесли, и поэтому мы теперь полагались главным образом на то же, что и нормальная базарная сеть слухов о деятельности Синдиката.

— Будь разумным, Ааз, — возразил Корреш. — Мы не можем планировать и готовиться, не основываясь ни на каких фактах. Ты же сам говорил, что действия при отсутствии информации — это напрасный труд, а почему? Заставляют войска нервничать.

Ааз прошел туда, где развалился на стуле тролль.

— Не надо меня цитировать. Обычно именно ты-то и споришь со всем, что я ни скажу. Если все начнут согла-

шаться со мной, то вы перестанете использовать все свои умственные ресурсы, которые еще у вас сохранились.

— Но именно ты и говоришь, что нас следует планировать, — указал я.

— Правильно, — улыбнулся мой учитель. — Поэтому мы с таким же успехом можем приступить к этому. За отсутствием твердых фактов, нам придется косвенно угадать их. Так вот, где Базар уязвимей всего для захвата Синдикатом? Тананда, ты видела... Тананда?

Тананда перестала глазеть в окно и сосредоточилась на дискуссии.

— О чем шла речь, Ааз? Извини. Я смотрела, как по улице проходит этот пентюх, одетый в ярко-пурпурное.

— Пурпурное? — Мы с Машей воскликнули это хором.

Я кинулся к окну наперегонки с ней, а затем передумал. Что, если я выиграю забег? Я не хотел оказаться между окном и ее массой, когда она, наконец, доберется туда. Вместо этого я подождал, пока она не заняла позицию, а потом втиснулся рядом с ней.

— Это он, что и говорить, — произнес я вслух, подтверждая свои неоглашенные мысли. — Это — дон Брюс. Ну, теперь мы знаем, что делает Синдикат. Ну, теперь мы знаем. Они свистнули тяжелую артиллерию. Вопрос в том, что он делает на Базаре? Когда мы получим ответ на это, то сможем спланировать наш следующий ход.

— На самом деле вопрос следует поставить так: что он делает здесь, у “Желтого Полумесяца”? — сухо заметил вставший рядом со мной Гэс. — И я думаю, мы вот-вот получим ответ.

Достаточно верно: дон Брюс направлялся прямо к тому зданию, из которого мы наблюдали за ним. При его походе у меня ушла минута на исчисление его направления.

— Ладно. Мы знаем, кто он такой и что он идет сюда. А теперь, давайте бросим пялиться в окно, точно куча туристов.

Ааз снова вернулся к своей знакомой роли командира. И все же я заметил, что он покинул окно не быстрее всех остальных.

— Всем сесть и вести себя естественно. Скив, когда он доберется сюда, предоставь говорить мне, идет?

— Нет шансов, Ааз, — ответил я, опускаясь на стул. — Он привык уже иметь дело со мной. Если мы попытаемся вклинить посредника, он поймет, что тут нечистая возня.

Лучше будет, если ты просто сядешь за один столик со мной. Тут мне понадобится твой совет.

К тому времени, когда дон Брюс открывал дверь, мы все расселись: Ааз и я за одним столиком, а два других достались соответственно Маше с Гэсом и команде Корреш-Тананда. Я заметил, что ради того, чтобы сесть за соседние столики, мы оставляли пустой две трети помещения, что могло выглядеть немного подозрительно. Я также заметил, что мы рефлекторно снова разбились на команды по двое, но было уже слишком поздно исправлять и то, и другое.

— Привет, — окликнул меня дон Брюс, сразу заметив, где я сижу. — Как хорошо, что я нашел вас здесь. Побродить по этому Базару очень занятно, но тут просто зверски трудно найти то — или того — что ищешь.

— Вы меня искали?

Это была не самая лучшая новость, какую я услышал за весь день. Несмотря на его жеманную речь, я питал к дону Брюсу большое уважение. Судя по тому, что я видел, Синдикат был группой жестокой, и по моим расчетам никто бы не смог сохранить такое высокое положение, как у дона Брюса, если бы под этой мягкой внешностью не скрывалась какая-то действительно твердая скала. Несмотря на дружеское приветствие, я начал чувствовать, как мой желудок сжимают пальцы холодного страха.

— Совершенно верно. Мне требуется встретиться с вами, понимаете? Я надеялся, что смогу поговорить с вами наедине.

Последнее, что я хотел в данную минуту, это оказаться один на один с доном Брюсом.

— Пустяки, — отмахнулся я. — Это мои друзья. Любое дело, какое у меня есть с вашей... организацией, общее для нас обоих... Я имею в виду, можно обсуждать при них.

— О, отлично.

Предводитель Синдиката бухнулся на стул за моим столиком.

— Я не собирался быть невежливым, и я хочу познакомиться со всеми вами. Просто в первую очередь нужно разобраться с некоторыми делами, не терпящими отлагательства.

— Жарьте, — предложил я и сразу же пожалел, что не выбрал другое слово.

— Ну, как вы знаете, мы пытались утвердиться в этом

местечке, и как вы знаете, дело пошло не очень хорошо... нет, не отрицайте. Это правда. Шайк-стер часто упоминал вас в своих докладах, и поэтому я знаю, насколько хорошо вы информированы.

— В последнее время я Шайк-стера не видел, но знаю, что он усердно трудился над этим проектом.

— Совершенно верно, — встрял Ааз. — Судя по тому, что Скив нам рассказывал, Шайк-стер — молодец. Если уж он не потянет, то вы можете с таким же успехом улоковывать вещишки и отправляться домой, отдыхать.

— Он идиот, — рывкнул дон Брюс, и мы на мгновение увидели сталь в бархатной перчатке. — Вы не видели его потому, что я полностью снял его с проекта. Он тоже думал, что нам следует завязывать со здешними делами.

— Значит, вы не завязываете? — со страхом спросил я.

— Я не могу. Ах, если бы вы только знали, что мне пришлось пережить на Совете. Я так расписал этот проект "Дева" и сколько он может принести Синдикату. Если мы теперь уйдем, это будет все равно, что сказать, будто я не способен узнать хорошие дела, увидев их. Нет, сэр. Называйте это семейной гордостью, мы намерены остаться именно здесь.

У меня зашемило сердце.

— Но если операция приносит убытки... — начал было я, однако он жестом оборвал меня.

— Пока... но не надолго. Видите ли, я вычислил для себя, что здесь вышло наперекосяк.

— Да? Как? Я хочу сказать — это же ваш первый шаг, визит сюда с начала проекта.

Я начал малость потеть, дон Брюс разглядывал меня с масляной улыбкой, которая мне совсем не нравилась.

— Я видел это в докладах, — провозгласил он. — Так же четко, как нос у вас на лице. Вот потому-то я и знаю, что Шайк-стер идиот. Проблема была у него прямо перед носом, но он не сумел разглядеть ее. И проблема эта — вы.

Пот мой стал холодным. Уголком глаза я увидел, что Тананда провела рукой по волосам, загребая по ходу дела один из отравленных дротиков, а Маша начала поигрывать со своими кольцами. Корреш и Гэс обменялись взглядами, а затем чуть сместились на стульях. Из всей нашей команды беззаботным казался один только Ааз.

— Вам придется сказать немного пояснее для нас, ту-

годумов, — протянул он. — Как именно вы вычислили, что проблема эта — Скив?

— Посмотрите на факты, — стал загибать пальцы дон Брюс, отсчитывая доводы. — Он был здесь все время, когда у меня возникли неприятности — и у моих ребят тоже; он знает Базар лучше моих ребят; он достаточно знает магию, чтобы сделать такое, о чем моим ребятам и не снилось; а теперь я выясняю, что у него здесь куча друзей и связей.

— И? — мягко произнес мой учитель.

— И? Разве это не очевидно? Проблема с этой операцией в том, что ему все время следовало бы работать на нас.

К этому времени я достаточно справился, чтобы подготовиться к обороне.

— Но одного лишь того, что я... что?

— Разумеется. Именно поэтому я здесь и нахожусь. Так вот, я знаю, что вы прежде говорили о нежелании постоянно работать на Синдикат. Именно поэтому я готов заключить с вами сделку. Я хочу, чтобы вы занимались операцией Синдиката здесь, на Базаре... и готов платить длинный доллар.

— Сколько это будет золотом? — Ааз теперь нетерпеливо наклонился вперед.

— Вы не можете говорить это всерьез, — торопливо перебил я, — у меня нет ни времени, ни знаний, чтобы сделать эту операцию прибыльной.

— Она и не должна быть прибыльной, — возразил дон Брюс. — Вполне подойдет и нулевой баланс или просто более медленная потеря денег. Все что угодно, лишь бы Совет искал сам чего-нибудь хапнуть на наших ежемесячных заседаниях где-нибудь в других местах, в других измерениях. Вы можете заняться этим в свободное время.

Я начал было что-то возражать, но Ааз небрежно положил ладонь мне на плечо. Я знал это предупреждение. Если я попытаюсь его перебить или поправить, рука будет медленно сжиматься, пока не затрещат мои кости.

— Итак, разрешите мне взглянуть, правильно ли я вас понял, — сказал он, показывая все свои зубы. — Вы хотите, чтобы мой человек заправлял вашей операцией, но вас не волнует, даст ли она прибыль или нет?

— Совершенно верно.

— Конечно, при таком шатком положении, как сейчас, вам придется гарантировать его жалование.

Дон Брюс поджал губы и посмотрел на меня:

— Сколько он стоит?

— Много, — поведал ему Ааз. — Но менее общего жалования тех сил, какие у вас здесь сейчас.

— О'кей. Он того стоит.

— Ааз, — начал было я, но рука у меня на плече сжалась крепче.

— И вы не столько озабочены репутацией здесь, на Деве, сколько тем, как отнесется к вам Совет, верно?

— Ну... да. Полагаю, именно так.

— Поэтому он должен иметь свободу рук и проводить операцию так, как сочтет нужным. Никакого навязанного ему штата сотрудников и никакой предписанной политики.

— Нет. Я должен придать ему, по крайней мере, пару телохранителей. Всякий, заведующий операцией Синдиката, должен иметь пару ребят Семьи для гарантии, что с ним ничего не случится.

Ааз нахмурился.

— Но у него уже есть...

— Как насчет Гвидо и Нунцио? — сумел произнести я сквозь стиснутые зубы.

Внезапно давление на мое плечо исчезло.

— Этих исудачников? — покосился дон Брюс. — После этой катастрофы я собирался потолковать с ними по душам, но если вы хотите, они ваши.

— Но поскольку настаиваете на них вы, они не будут проходить как наши накладные расходы. Правильно? — твердо сказал Ааз.

Я откинулся на спинку стула, незаметно двигая плечом и пытаясь не обращать внимания на полные ужаса взгляды, которыми обменивались мои друзья. Я не знал наверняка, что такое затеял Ааз, но знал, что лучше не вставать у него на пути, когда он почуял запах денег.

Я мог только скрестить пальцы и надеяться, что он знает, что делать... для разнообразия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Не умирай! Не умирай!

В. Дракула

Представители купцов Базара выглядели отнюдь не довольными, но, впрочем, деволы никогда таковыми не выглядят, расставаясь со своими деньгами.

— Благодарю вас, господа, — просиял Ааз, торжественно потирая руки над лежащей на столе немалой кучей золота.

— Вы уверены, что Синдикат убрался? — спросил главный представитель, тоскливо глядя на золото.

— Убежден. Мы сломали их царство террора и выгнали взащей.

Деволы кивнули.

— Хорошо. Ну, раз это разрешено, мы отправляемся восвояси.

— Конечно, — зевнул Ааз. — Нет решительно никакой гарантии, что они завтра не вернутся.

От этих слов делегаты застыли, как вкопанные.

— Что? Но вы же сказали...

— Посмотрим фактам в лицо, господа. В данный момент единственное, что стоит между Синдикатом и Базаром — это Великий Скив, а коль скоро он отбудет...

Деволы обменялись взглядами.

— Полагаю, вы подумываете остаться, — с надеждой сказал один.

Я одарил его покровительственной улыбкой.

— Мне бы очень хотелось, но вы же знаете, как это сложно. Расходы высоки, и мне приходится постоянно переезжать, чтобы хоть как-то зарабатывать на жизнь.

— Но при вашей репутации клиенты сами вас будут искать. Что вам действительно нужно, так это постоянное

место жительства, где вас всегда смогут найти те, кто в вас нуждается.

— Достаточно верно, — улыбнулся Ааз. — Но говоря напрямик, с какой стати нам даром давать то, за что другие измерения готовы платить? Я бы подумал, что если кто и может это понять, так это вы, деволы.

— Вот теперь мы подходим к сути дела, — вздохнул главный представитель, усаживаясь на стул. — Ладно. Пусть будет по-вашему. Сколько?

— Сколько? — откликнулся, словно эхо, Ааз.

— Не надо мне вкручивать, — отрезал девол. — На извращенце невинность выглядит плохо. Просто скажите нам, какой доход понадобится, чтобы удержать Великого Скива в качестве мага с постоянной пропиской на Базаре.

Ааз подмигнул мне.

— Я уверен, вы сочтете его гонорар разумным, — заверил он. — Ну, разумным, если вы немного подумаете о том, что получаете за свои деньги. Конечно, цифра, о которой я думаю — только за то, чтобы он сделал Базар своей оперативной базой. Если возникнет какая-то конкретная неприятность, нам придется договариваться об этом отдельно.

— Конечно, — поморщился девол.

Я устроился поудобнее и приготовился ждать. На это уйдет какое-то время, но в конечном итоге я был уверен. А также знал, что о каком бы гонораре ни думал первоначально Ааз, тот только что удвоился, когда девол брякнул насчет “извращенца”. Будучи извергом, Ааз очень чувствителен к тому, как к нему обращаются... и на сей раз я не собирался с ним спорить.

— Мне это нравится, — скромно возликовал Ааз. — Мы не только получаем постоянный доход и от Синдиката, и от деволов, но вдобавок ничего не должны делать, чтобы заработать его. Это даже лучше, чем порядок, выбитый нами в Поссилтуме.

— Сделка отличная, Ааз.

А как насчет этого жилища? Далеко ушло от того сарая, который мы с Гаркином называли домом, когда мы впервые встретились.

Мы с Аазом изучали свой новый дом, предоставленный в качестве добавочной статьи в нашей сделке с купцами Базара. Он был огромен, соперничая в размерах с королевским дворцом в Поссилтуме. Интересно то, что снаружи

он выглядел не больше среднего базарного ларька, только чуть повыше.

— Конечно, доторговаться до пожизненной сделки на все товары Базара было гениальным штрихом, если мне позволительно самому так выразиться.

— Да, Ааз гениален.

Мой учитель оборвал свое шумное ликование и самопоздравления и озадаченно посмотрел на меня.

— Тебя что-то беспокоит, Скив? Ты, кажется, немного понурился, или мне так показалось?

— Да, в общем-то, это пустяки.

— Брось, выкладывай, — настаивал он. — Тебе сейчас полагается быть на седьмом небе, а не хандрить, словно ты только что услышал, будто твой дракон смертельно болен или что-нибудь в этом роде.

— Ну, есть пара вещей, — нехотя признался я. — Во-первых, у меня возникло нехорошее чувство из-за только что устроенных тобой сделок.

— Эй, минуточку, — нахмурился мой учитель. — Мы обговорили все это перед тем, как подкатиться к купцам, и ты сказал, что двурушничество тебя не очень-то беспокоит.

— Так оно и есть. Если оно как-то и действует на меня, то я даже рад видеть, что и Синдикат, и деволы для разнообразия сами немного жуют того, чем кормят других.

— Тогда что же неладно? Я добыл тебе все, что смог придумать.

— Вот это-то и неладно.

Мой учитель резко тряхнул головой, словно прояснял зрение.

— Должен признаться, что на этот раз я потерял нить твоих рассуждений. Ты не мог бы прокрутить свою последнюю фразу еще раз, но помедленнее?

— Брось, Ааз, ты ведь знаешь, о чем я говорю. Ты добыл мне больше денег, чем я смогу потратить за всю жизнь, предоставил прекрасный дом... постоянную работу в любое время, когда мне захочется... короче, все, что мне нужно не только для выживания, но и процветания. Все.

— И?

— И ты устроил меня, чтобы тебе можно было удалиться? Вся возня именно для этого?

В тайне я надеялся, что Ааз расхохочется мне в лицо и скажет мне, что я дурак. Вместо этого он отвел взгляд и замкнулся в молчании.

— Я подумывал об этом, — проговорил он наконец. — Ты в последнее время действовал весьма неплохо и, как ты говоришь, эта самая последняя сделка гарантирует, что ты не умрешь с голоду. Истина в том, что ты больше не нуждаешься, по-настоящему не нуждаешься во мне.

— Но, Ааз.

— Нечего мне “но-аазить”. Я всего лишь повторяю то, что ты вбил мне в голову в начале этой аферы. Ты не нуждаешься во мне. Я много размышлял об этом, и ты прав. Я думал, тебе всегда хотелось услышать, как я скажу тебе это.

— А может, мне не нравится быть правым, — жалобно произнес я, — может быть, я желаю и дальше нуждаться в тебе и в том, чтобы все могло бы вечно продолжаться так же, как было в прошлом.

— В этом-то, в общем, и состоит повзросление, малыш, — вздохнул Ааз. — В умении смотреть в лицо действительности, нравится она нам или нет. Ты это сделал, и я считаю, что мне тоже самое время сделать то же самое. Вот почему я и собираюсь остаться рядом.

— Но ты не обязан... что?

Лицо моего учителя раздвинулось в одной из его экспансивных усмешек.

— В данном случае действительность, которой я смотрю в лицо, заключается в том, что независимо от того, нуждаешься ты во мне или нет, взяв тебя в ученики, я поразвлекался больше, чем мне удавалось за много веков. Я не уверен в том, что именно случится с тобой дальше, но не упушу этого и за все золото на Деве.

— Это великолепно.

— Конечно, я еще многому могу тебя научить, точно так же, как сам многому научиться у тебя.

— У меня? — моргнул я.

— Угу. Я уже какое-то время учусь у тебя, малыш. Просто никогда раньше не набирался мужества признаться в этом. У тебя есть навык, как иметь дело с людьми, которые тебя уважают, даже теми, кто тебя недолюбливает. Боятся-то меня многие, но уважают не слишком много. Вот поэтому я и изучал твои методы и твердо намерен продолжить.

— Это... э-э... интересно, Ааз. Но как получилось, что теперь ты говоришь мне об этом?

— Потому что если я останусь, то при одном условии: ты проснешься и примешь то, что ты теперь — полноправный партнер в наших отношениях. Чтобы больше никакого такого вздора как “ученик”. Это слишком тяжело для моих нервов.

— Ну и ну, Ааз... я...

— Заметано?

— Заметано.

Мы торжественно пожали друг другу руки, и я вспомнил, что он отказался совершить этот последний акт, когда впервые принял меня в ученики. Полноправнейший партнер. Ух, ты. У меня даже закружилась голова.

— А теперь, что за другая вещь?

— Хммм... извиняюсь?

— Если я правильно помню, ты сказал, что тебя беспокоит пара вещей. Какая же другая?

— Ну... она — этот дом.

— Что такого в этом доме? — взорвался Ааз, с легкостью впадая в знакомую схему поведения. — В нем достаточно места для нас, и наших друзей, и твоих телохранителей, когда те заявятся, и для Лютика с Глипом, и всех прочих, кто ни забредет.

— Это правда.

— И что еще важнее, он достался нам даром. Это выгодная сделка.

— Скажи, Ааз, это еще раз.

— Я сказал... “это выгодная”... О.

— С деволами, верно?

— Да брось, Скив. Это же просто дом. Что тут может быть неладно?

— Как ты выражаешься, “ум лукавит”. Я пытался засечь, в чем тут уловка, и хочу, чтобы ты проверил меня. Мне надо посмотреть, верны ли мои факты и логика.

— Добро.

— Итак. Деволы — мастера путешествовать по измерениям. Если я правильно понял, они сумели построить эти дома “более внутри, чем снаружи”, попросту чуть сместив измерения. То есть, если и мы пронумеруем измерения и Дева будет номером один, то наша дверь находится в измерении номер один, а остальной дом в измерениях... в измерении номер два, четыре или что-то в этом роде.

— А вот об этом я раньше не подумал, — признался Ааз.
— Деволы об этом не очень-то распространяются. Это, однако, имеет смысл. Лавочнику было бы трудно прикидываться нищим, имея сразу за плечами такие хоромы. Если бы я подумал, то сообразил бы, что для хранения своего богатства деволу нужно какое-то потайное место.

— Значит, нам практически подарили собственное измерение, — продолжал я. — Измерение, не числящееся в реестре — и все наше. И даром, а не как иначе.

— Совершенно верно, — кивнул Ааз, но теперь в его голос закралась нота сомнения.

— Чего мне хочется знать, так это к скольким таким ответвленным измерениям имеют доступ деволы и почему именно это остается пустым? Что находится в этом измерении?

— Наш дом? — предположил на пробу мой учитель.

— А еще что? — не отставал я. — Я заметил, что тут нет никаких окон. Что находится за задней дверью, с чем деволы, так и не сказав нам, охотно расстались?

— За задней дверью?

Я отдернул гобелен, показав дверь, замеченную мной во время нашего первого осмотра. Она была из тяжелого дерева с нарисованными на ней странными символами. Ее также держал массивный засов и несколько меньших, но не менее действенных на вид замков вдоль всего косяка.

— Я пытался что-нибудь сказать в то время, но ты говорил мне заткнуться.

— Да, говорил, точно.

Мы оба несколько секунд смотрели молча на дверь.

— Вот что я тебе скажу, — тихо произнес Ааз. — Давай подождем с исследованием этого дела до другого дня.

— Правильно, — без каких-либо колебаний согласился я.

— И пока мы не расследуем, давай не упоминать об этом другим.

— Я думаю точно так же.

— И, партнер?

— Да, Ааз.

— Если кто-нибудь постучит в эту дверь, не отвечай, если с тобой не будет меня.

Наши взгляды встретились, и я дал гобелену упасть обратно, на место.

Конец четвертой книги.

Миф-ические личности

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До определенного момента репутация — отличная штука. После него она становится мукой!

Д. Жуан

Делая то, что, как ты знаешь, тебе делать не полагается, получаешь какое-то греховное удовольствие. Вот примерно в таком душевном состоянии я и подходил к конкретной неопределенного вида палатке на Базаре Девы с завтраком подмышкой... чувствуя себя виноватым, но довольным собой.

— Извините меня, юноша!

Я обернулся и обнаружил спешившего ко мне, отчаянно машущего руками, пожилого девола. Обычно, я уклонился бы от такой встречи, так как деволы всегда что-нибудь продают, а я в данный момент не покупал, но поскольку я не спешил, то решил послушать, чего он хотел сказать.

— Хорошо, что я вовремя догнал вас, — с трудом перевел он дух. — Хоть я обычно и не вмешиваюсь, но вам действительно не следует заходить туда!

— Это почему же? Я просто...

— Разве вы не знаете, кто там живет?

— Ну, на самом-то деле, я думал...

— Это жилище Великого Скива!

Этот сующийся не в свое дело чем-то раздражал меня. Возможно, тем, что ни разу не дал мне закончить фразы. Так или иначе, я решил еще немного поводить его за хобот.

— Великого Скива?

— Неужели вы никогда не слышали о нем? — Девол, казалось, искренне поразился. — Он, вероятно, самый могучий маг на Базаре.

Мое мнение об этом любителе соваться не в свои дела воспарило на новые высоты, но игра стала слишком забавной, чтобы бросить ее.

— Я никогда не верил чересчур в магов, — обронил я с деланной небрежностью. — Как я обнаружил, их способности по большей части сильно преувеличены.

Старикан раздраженно закатил глаза.

— В большинстве случаев это, возможно, и верно, но только не в тех, когда речь идет о Великом Скиве! Вам известно, что он якшается с демонами и держит при себе ручного дракона?

Я одарил его светской улыбкой.

— Ну и что? Дева — перекресток измерений. Путешествующие демонстраторы измерений, или, как вы их называете, демоны, здесь обычное явление. А так как вы — девол, то должны получать свой основной доход от сделок с демонами. Что же касается дракона, то не далее, как в восьми рядах отсюда, есть ларек, где драконов продают всякому, способному заплатить цену.

— Нет, нет! Вы не понимаете! Конечно, мы все имеем дело с демонами, когда речь идет о бизнесе. Разница в том, что этот Скив действительно ДРУЖИТ с ними... приглашает их к себе в дом и живет вместе с ними. Один из постоянных гостей у него в доме — извращенец, и я не знаю ни одного девола, способного так низко опуститься. И что еще хуже, я слышал разговоры, будто у него есть связи с преступным миром.

Игра эта начинала надоедать. Любые очки, какие этот девол набрал своей данью уважения к Великому Скиву, пропали с процентами, когда он принялся отпускать замечания о демонах.

— Ну, спасибо за заботу, — поблагодарил я, протягивая руку для рукопожатия. — Обещаю вам запомнить все сказанное вами. Как вас, вы сказали, зовут?

Девол схватил меня за руку и начал энергично пожимать ее.

— Я — Аля-Мент и рад быть полезным, — заискивающе улыбнулся он. — Если вы действительно хотите выразить свою благодарность, то запомните мое имя. Если вам когда-нибудь понадобится УВАЖАЕМЫЙ маг, то у меня есть племянник, только что открывший свое дело. Уверен, мы сможем вам устроить некоторую скидку в цене. Скажите, а как ВАС зовут, чтобы я мог сказать ему, кого высматривать?

Я сжал ему руку чуть покрепче и выдал самую широкую свою улыбку.

— Ну, друзья зовут меня Скив.

— Я обязательно скажу... СКИВ?

Глаза девола расширились, а цвет полинял с красного до бледно-розового.

— Совершенно верно, — подтвердил я, не выпуская его руки. — Да, и к вашему сведению, демоны с Извра называются извергами, а не извращенцами... и он не гость у меня в доме, а мой партнер.

Девоп теперь отчаянно боролся, пытаясь высвободить руку.

— А теперь скажите-ка, сколько клиентов вы отпугнули от моего дома своими сказками о том, какой я страшный?

Девоп вырвал руку из моих цепких пальцев и исчез в толпе, издавая на бегу невнятный визг ужаса. Короче, Али-Мент убрался. Правильно?

Я наблюдал за его бегством с определенным озорным удовлетворением. Уверяю вас, я на самом-то деле не особенно сердился. Денег у нас сейчас имелось буквально больше, чем мы могли потратить, поэтому я не злился на него из-за клиентов. И все же я никогда по-настоящему не задумывался о том, каким внушительным должен казаться наш бизнес со стороны. Посмотрев на него глазами чужака, я оказался более чем малость довольным. Учитывая сомнительный характер моего начала, мы за последние несколько лет создали себе неплохую репутацию.

Я вполне серьезно говорил Али-Менту, что не особенно верю в магов. Моя собственная репутация была, мягко говоря, преувеличенной, и если меня считали мощным магом, то, на мой взгляд, это делало других членов моей профессии более чем малость подозрительными. Понаблюдав в течение нескольких лет изнанку магического бизнеса, я начинал гадать, а был ли ЛЮБОЙ маг на самом деле столь хорош, как думали окружающие.

Входя в нашу скромную палатку, я был настолько занят этими мыслями, что напрочь забыл о том, что мне полагалось прошмыгнуть туда украдкой. Напомнили мне почти сразу же.

Напоминание пришло в виде огромного человека, выросшего передо мной, преграждая мне путь.

— Босс, — заявил он писклявым голосом, всегда удивлявшим, поскольку исходил из такого огромного тела. —

Вам не следовало бы выходить так вот в одиночку. Сколько раз нам надо говорить вам...

— Да пустяки, Нунцио, — отмахнулся я, пытаюсь обойти его. — Я всего лишь высочил приобрести небольшой за-втрак. Хочешь пончик?

Нимало не убежденный и не смущенный, Нунцио продолжал распекаать меня.

— Как нам предполагается быть вашими телохранителями, если вы все время, при каждом удобном случае, выскакиваете на улицу в одиночку? Вы знаете, что с нами сделает дон Брюс, если с вами что-нибудь случится?

— Да брось, Нунцио. Ты же знаешь, как обходят дела на Базаре. Если деволы видят меня с телохранителем, то цены на все взлетают выше потолка. Кроме того, я люблю время от времени побродить сам по себе.

— Вы можете позволить себе цены и повыше. Чего вы не можете себе позволить, так это подставлять себя в качестве мишени для всякого рыжего детины, желающего прославиться, прихлопнув Великого Скива.

Я начал было спорить, но тут у меня промелькнул в голове недавний разговор с Али-Ментом. Нунцио был прав. Обладание репутацией имело две стороны. Если кто-то поверит слухам на Базаре и все-таки захочет причинить мне вред, то соберет для этой попытки такую огневую мощь, что шансы выжить станут несуществующими.

— Нунцио, — медленно проговорил я, — возможно, ты и прав, но если говорить совершенно откровенно, то что вы с Гвидо можете сделать для пресечения магического нападения на меня?

— Ничего, — спокойно ответил он. — Но нападающие, вероятно, сперва попытаются убрать ваших телохранителей, и это может дать вам время скрыться или самому ударить по ним, прежде чем они соберутся с силами для повторной атаки.

Он сказал это легко, как мы с вами могли бы сказать "солнце всходит на востоке", но меня это потрясло. Мне никогда по-настоящему не приходило в голову, с какой легкостью пускают в расход телохранителей и с какой готовностью они принимают опасности своей профессии.

— Постараюсь на будущее запомнить это, — пообещал я с определенной долей мрачного смирения. — И что еще важнее, думается, я обязан извиниться перед тобой и Гвидо. А где, собственно, Гвидо?

— Спорит наверху с Его Милостью, — усмехнулся

Нунцио. — Собственно говоря, я и искал-то вас затем, чтобы прервать их спор, когда обнаружил, что вы снова ускользнули на улицу.

— Чего же ты сразу не сказал мне об этом?

— Зачем? Не горит. Они будут спорить, пока вы не доберетесь туда. На мой взгляд, важнее было убедить вас бросить выходить в одиночку.

Я слегка застонал про себя, но уже давным-давно усвоил, что бесполезно спорить с Нунцио о порядке срочности.

— Ну, еще раз спасибо за совет, но мне лучше подняться наверх, пока эти двое не убили друг друга.

И с этими словами я направился через внутренний двор к лестнице с фонтанами, ведущей к нам в кабинеты...

Внутренний двор? Лестница с фонтанами?

Что случилось со скромной палаткой, куда я вошел минуто назад?

НУ-У-У... Я ведь сказал, что я — маг, не так ли? Наша маленькая палатка на Базаре внутри больше, чем снаружи. Намного больше. Я жывал в королевских дворцах, бывших не столь большими, чем наша "скромная палатка". Однако я не могу приписать честь этого конкретного чуда себе, за исключением того, что именно моя деятельность помогла нам заработать наше текущее место жительства. Мы живем здесь, не внося арендной платы, за счет Ассоциации Купцов Девы — это их частичная плата за не так давно провернутое нами для них дельце. Благодаря ему же я также обзавелся и телохранителями... но это уже другая история.

Ассоциация Купцов Девы, спросите вы? Ладно. Для непосвященных объясню все это только раз. Измерение, где я в настоящее время проживаю, называется Дева и является родиной самых прожженных торгашей и дельцов во всех измерениях. Возможно, вы слышали о них. В моем родном измерении их называют дьяволами, но я уже давно научился прокзносить правильно — деволы. Так или иначе, мое шикарное жилище — результат того, что мы с моим партнером обставили деволов в их же игре... то есть заключили с ними более выгодную для нас сделку. Но не говорите никому об этом. Это погубит их репутацию и, возможно, даже лишит меня доходного места. Видите ли, они все еще не знают, что их обставили.

В любом случае, на чем я остановился? Ах, да. Направляясь с кабинетами. Обыкновенно после вылазки я оставаюсь у стойл поделиться завтраком с Глипом, но при

кризисе на руках решил забыть о радостях общения со своим зверьком и взяться за дело. Глип. Это тот самый дракон, о котором говорил Али-Мент... и я НЕ намерен пытаться изложить в сжатом виде ЭТУ историю. Она просто чересчур сложна.

Задолго до того как добраться до кабинетов, я услышал их голоса, тянувшие на повышенных тонах свою любимую "песню". Слова время от времени менялись, но мелодию я знал наизусть.

— Сапожник недоделанный!

— Ты кого это назвал сапожником недоделанным?

— Вношу поправку. Ты доделанный сапожник!

— Полегче на поворотах! Даже если ты партнер Босса, еще одно слово и я...

— Что ты? Если ты нанесешь удар, то самое безопасное место будет там, куда ты целишься.

— Вот как?

Похоже, я прибыл в самый раз. Набрав побольше воздуха в легкие, я небрежно вошел в эпицентр ссоры.

— Привет, ребята, — притворился я совершенно неведающим, что тут происходит. — Кто-нибудь хочет пончик?

— Нет, я не хочу пончик! — фыркнул в ответ один из скандалистов. — Чего я хочу, так это некоторой заслуженной помощи.

— ...и раз уж ты спрашиваешь, то посмотри, не сможешь ли ты добиться для меня малость уважения! — не замедлил с ответом другой.

Последнее замечание исходило от Гвидо, старшего из двух моих телохранителей. Если он чем и отличался от своего кузена Нунцио, так это еще большей массивностью и занудностью.

Первая же реплика исходила от Ааза. Ааз — мой партнер. Он также демон, если точнее — изверг, и хотя он слегка ниже меня ростом, своим занудством он с легкостью превосходит обоих телохранителей вместе взятых.

Моя стратегия сработала в том смысле, что теперь их раздражение сфокусировалось на мне, а не друг на друге. Теперь, понимая, каких бед способны натворить их телераменты по отдельности, не говоря уж совместно, я имел причину усомниться в мудрости своей стратегии.

— Что за беда тут, по-вашему?

— Беда, — прорычал Ааз, — в том, что этот вот твой ас-телохранитель только что лишил нас пары клиентов.

У меня екнуло сердце. Ранее я упоминал, что денег у нас с Аазом больше, чем мы можем потратить, но со старыми привычками трудно расстаться. Когда речь заходит о деньгах, Ааз — самое сквалыжное существо, какое я когда-либо встречал, а при жизни на Базаре Девы это о чем-то говорит! Если мы действительно потеряли из-за Гвидо потенциального клиента, то будем долго еще слышать об этом.

— Не спеши так, партнер, — осадил я его, стремясь скорее выиграть время, чем добиться чего-либо еще. — Я же только вошел, не забыл? Ты не мог бы сообщить мне некоторые подробности?

Ааз наградил Гвидо еще одним мрачным взглядом.

— Да рассказывать тут особенно нечего, — буркнул он. — Я наполовину закончил завтракать...

— Он выпивал еще одну порцию, — презрительно перевел Гвидо.

— ...когда этот безмозглый болван ревет во всю глотку, что внизу, в приемной, ждут несколько клиентов. Я крикнул в ответ, что сей минут спущусь, а потом прикончил завтрак.

— Он заставил их ждать по меньшей мере полчаса. Нельзя ожидать от клиентов...

— Гвидо, ты не мог бы отложить на один круг пометы редактора? Пожалуйста? — вмешался я, прежде чем Ааз смог накинуться на него. — Я все еще пытаюсь получить примерное представление о происходящем, помнишь? Ладно, Ааз. Так ты говорил?..

Ааз глубоко вдохнул, а затем возобновил доклад.

— Так или иначе, когда я спустился вниз, клиентов было не видеть. А ведь можно бы надеяться, что у твоего охранителя хватит сил задержать их или, по крайней мере, хватит ума вызвать подкрепление, если они начнут рваться прочь.

— Брось, Ааз. Гвидо полагается быть телохранителем, а не заниматься приемом посетителей. Если какие-то клиенты устали ждать, пока ты явишься, и ушли, то не вижу, как ты сможешь снять вину с себя, переложив ее...

— Минутку, Босс. Вы кое-что упускаете из виду. Они не уходили!

— Как-как?

— Я оставил их там, в приемной, а потом и глазом не успел моргнуть, как г-н Горластый орет, что я упустил клиентов. Они вообще не выходили! Так вот, мне, как вы

говорите, полагается быть телохранителем. На мой взгляд, по дому бродит несколько лишних людей, а этот жлоб желает только орать о том, кто в этом виноват.

— Я знаю, кто в этом виноват, — прожег его взглядом Ааз. — Из этой приемной есть только два выхода, и мимо меня они не проходили!

— Ну, они не проходили и мимо МЕНЯ! — огрызнулся Гвидо.

В желудке у меня начал образовываться очень холодный ком.

— Ааз, — тихо произнес я.

— Если ты думаешь, будто я не знаю, когда...

— ААЗ!

Это заставило его резко умелкнуть. Он обернулся ко мне с гневным отпором на устах, а затем увидел выражение моего лица.

— Что такое, Скив? У тебя вид, словно...

— Из той приемной есть больше, чем два выхода.

На несколько мгновений мы в ошеломленном молчании глазели друг на друга, а затем оба рванули к приемной, предоставив Гвидо бежать следом за нами.

Комната, отведенная нами под приемную, была одной из самых больших в доме и единственной большой комнатой с легком доступом со стороны передней двери. Меблировали ее достаточно шикарно, чтобы произвести впечатление даже на тех избалованных чудесами Базара посетителей, которые ожидали увидеть надомную контору преуспевающего мага. У нее имелся только один недостаток и именно он-то и стоял в фокусе нашего внимания, когда мы ворвались туда.

Единственным украшением, оставленным нами от прежних владельцев, был изысканный гобелен, висевший на северной стене. Обычно я проворней Ааза, но на сей раз он очутился у гобелена раньше меня и откинул его в сторону, открыв спрятанную за ним тяжелую дверь.

Наши наихудшие опасения подтвердились.

Дверь была незаперта и стояла приоткрытой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Успех часто зависит от выбора надежного партнера.

Ред

— Что такое? — потребовал ответа Гвидо, воспользовавшись нашим ошеломленным молчанием.

— Это дверь, — объяснил я.

— Открытая дверь, если конкретней, — уточнил Ааз.

— Это я и сам вижу! — зарычал телохранитель. — Я имею в виду, что она здесь делает?

— Она выглядела бы весьма глупо, находясь сейчас посреди улицы, не так ли? — отпаривал Ааз.

Гвидо побагровел. Как я уже говорил, у этих двоих положительно талант раздражать друг друга.

— Слушайте, я всего лишь спрашиваю...

— Гвидо, ты не мог бы просто подождать несколько минут, пока мы решим, что делать дальше? Потом мы объясним, обещаю.

Мои мысли неслись вскачь, обдумывая проблему, и препирательства Ааза и Гвидо ничуть не помогали мне сосредоточиться.

— Думаю, первое, что нам следует сделать, партнер, — задумчиво проговорил Ааз, — это закрыть дверь так, чтобы нас не... прервали, пока мы ищем выход.

Вместо ответа я осторожно вытянул ногу и, ткнув носком дверь, закрыл ее. Ааз быстро задвинул на место два засова, запирая ее.

Сделав это, мы прислонились к двери и молча посмотрели друг на друга.

— Ну? Что ты думаешь? — спросил я наконец.

— Я за то, чтобы снова замуровать ее и забыть обо всем этом деле.

— Думаешь, это безопасно?

— Вообще-то, не знаю. Не достает информации.

Мы оба медленно повернулись, наведя задумчивые взгляды на Гвидо.

— Скажи-ка, э, Гвидо, ты не мог бы чуть побольше рассказать нам об этих клиентах, зашедших сегодня утром.

— Нет ничего легче, — скрестил руки Гвидо. — Это вы, ребята, настаиваете на правиле “информация за информацию”. Верно? Ну так я ничего вам не скажу, пока кто-нибудь не расскажет мне об этой двери. Я имею в виду, что мне полагается быть вашим телохранителем, и никто не потрудился сообщить мне, что в этом доме есть другой ход.

Ааз оскалил зубы и рванул было вперед, но я схватил его за плечо.

— Он прав, партнер. Если мы хотим от него помощи, мы обязаны объяснить ему.

На миг мы сцепились взглядами, а затем он пожал плечами и отступил.

— На самом-то деле, Гвидо, объяснение тут очень простое...

— Оно будет первым, — пробурчал телохранитель.

Ааз одним прыжком пересек приемную и схватил Гвидо за грудки.

— Ты хотел услышать объяснение? Тогда ЗАТКНИСЬ И ДАЙ ЕМУ ОБЪЯСНИТЬ!

Так вот, Гвидо потяжелее пера и никогда не испытывал недостатка в смелости. И все же ничто не может сколь-нибудь сравниться с Аазом, когда тот действительно взбешен.

— А, ладно! Извиняюсь! Говорите, Босс. Я слушаю.

Ааз отпустил его рубашку и вернулся на свое место у двери, незаметно подмигнув мне на обратном пути.

— Случилось следующее, — сказал я, скрывая улыбку. — Мы с Аазом нашли эту дверь, когда впервые переехали сюда. Нам не понравился ее вид и поэтому мы решили оставить ее в покое. Вот и все.

— Вот и все? Задняя дверь, которая даже по вашему признанию выглядит опасной, и вы всего-навсего оставляете ее без внимания? И, словно это недостаточно плохо, даже

не беспокоитесь сообщить о ней своим телохранителям? Из всех безмозглых полоу...

Ааз шумно прочистил горло, и Гвидо вновь взял себя в руки... стремительно.

— Э-э-э... я хотел сказать, что... а, ладно. Теперь все это у нас позади. Вы не могли бы дать МНЕ чуть больше сведений теперь, когда эта тема затронута. Что, собственно, находится по другую сторону этой двери?

— Не знаем, — признался я.

— НЕ ЗНАЕТЕ? — завопил Гвидо.

— Но вот чего мы-таки знаем, — поспешно вмешался Ааз, — это — чего НЕТ на другой стороне. Там нет любого известного нам измерения.

Гвидо моргнул, а затем покачал головой.

— Чего-то не пойму. Вы не могли бы прокрутить это снова... очень-очень медленно?

— Дай попробую, — вызвался я. — Слушай, Гвидо, ты уже знаешь об измерениях, верно? Что мы живем в измерении Дева, которое совершенно непохоже на наш родной мир — измерение Пент? Ну, здешние жители, деволы, такие мастера путешествовать по измерениям, что наострились строить себе дома за барьерами измерений. Именно потому-то это жилище и больше внутри, чем снаружи. Дверь находится на Деве, но остальной дом — в другом измерении. Это значит, что если мы пройдем через эту дверь — только что показанную тебе нами заднюю дверь — то окажемся в другом мире... мире, о котором мы ничего не знаем. Вот потому-то мы и были готовы скорее оставить ее замурованной, чем совать нос в совершенно незнакомую ситуацию.

— Все равно, по-моему, вам следовало бы проверить, — упрямо стоял на своем телохранитель.

— Подумай еще раз, — предложил Ааз. — Ты видел только два измерения. Скив посетил дюжину. Я сам бывал в сотне. С другой стороны, деволы, которых ты видишь здесь, на Базаре, знают свыше тысячи различных измерений.

— Ну и?

— Ну и, по нашему мнению, они дали нам этот дом потому, что он ведет в измерение, которого ОНИ знать не желают... “знать не желают” в смысле “до смерти бояться”. Так вот, ты сам видел, девол для извлечения прибыли проявит немалую храбрость. Ты хочешь отпра-

виться исследовать мир, оказавшийся слишком неприятным для НИХ?

— Понимаю, что вы хотите сказать.

— Кроме того, — победоносно закончил Ааз, — посмотри еще раз на эту дверь. На ней больше замков и засовов, чем на трех обыкновенных банковских сейфах-хранилищах.

— КТО-ТО ведь открыл ее, — заметил Гвидо.

Это несколько сбило пафос Ааза. Он невольно бросил нервный взгляд на дверь.

— Ну, хороший вор с отмычкой, работая с этой стороны...

— Некоторые из этих замков, Ааз, не отмыкали.

Воспользовавшись их дискуссией, я немного осмотрелся и теперь протягивал им для изучения одно из своих открытий. Это был амбарный замок с разорванной металлической дужкой. Их там валялось несколько штук, словно кому-то надоело возиться с отмычкой и он просто сорвал остальные голыми руками.

Гвидо поджал губы, бесшумно присвистнув.

— Вот это силища. Что за тип мог такое сделать?

— Именно это мы и пытаемся узнать у тебя, — язвительно сказал Ааз. — А теперь, если ты не против, расскажи нам, как выглядели те посетители.

— Их было трое... двое мужчин и женщина... довольно молодая на вид, но ничего особенного. Судя по их виду — пентюхи. Теперь, задним числом, помнится, они, кажется, немного нервничали, но я думал, это просто оттого, что они пришли поговорить с мага.

— Ну, теперь они по другую сторону двери. — Ааз поднял один из невероятных замков и защелкнул его на место. — Думаю, они не смогут отомкнуть замки или сломать их, если не сумеют до них дотянуться. Они там, что является их бедой, накликаемой, могу добавить, ими самими, а мы здесь. Конец загадки. Конец проблемы.

— Ты действительно так думаешь, Ааз?

— Положись на меня.

Эта фраза почему-то задела в моей памяти знакомую струну и вызвала не очень-то приятное эхо. Я уж собрался высказать это Аазу, когда в дверь сунул голову Нунцио.

— Эй, Босс. У нас посетители.

— Видишь? — воскликнул, просияв, мой партнер. — Я же говорил тебе, что дела могут пойти только лучше! Еще и полудня нет, а у нас уже новые клиенты.

— На самом-то деле, — внес ясность Нунцио, — это делегация деволов. По-моему, это домовладелец.

— Домовладелец? — отозвался глухим эхом Ааз.

— Видишь, насколько лучше пошли дела? — с отвращением улыбнулся я. — А еще и полудня нет.

— Выгнать их взащей, Босс? — предложил Гвидо.

— Думаю, вам лучше повидаться с ними, — посоветовал Нунцио. — Они, кажется, вроде как расстроены. Болтают что-то насчет укрывательства беглых.

Мы с Аазом молча сцепились взглядами, что вполне естественно, так как сказать больше было нечего. Неопределенным взмахом руки, граничившим с нерзным тиком, я сделал Нунцио знак проводить посетителей сюда.

Как и следовало ожидать, явилась та же самая делегация из четырех лиц от Торговой Палаты Девы, которая первоначально наняла нас для работы на Базаре, во главе с нашим старым противником, Мер-Зером. При нашей последней сделке он находился в затруднительном положении, чем мы не преминули безжалостно воспользоваться. Хоть он и согласился на наши условия, я всегда подозревал, что предоставление нам столь выгодной сделки больно задело его девольскую гордость, и с тех пор он все дожидался возможности расплатиться с нами. Судя по улыбке, игравшей у него на лице, когда он вошел в приемную, похоже, он считал, что такая возможность наконец представилась.

— А-а-а-а, мастер Скив, — обрадовался он. — Как приятно столь быстро свидеться с вами без предварительной договоренности. Я знаю, как вы заняты, и поэтому перейду прямо к сути. Как я считаю, в этой резиденции находятся определенные лица, с которыми нашей организации ОЧЕНЬ хотелось бы потолковать. Если вы будете столь любезны вызвать их, мы не будем вас больше беспокоить.

— Минутку, Мер-Зер, — вмешался Ааз, прежде чем я успел ответить. — Что заставляет вас думать, будто разыскиваемые вами лица находятся здесь?

— Потому что многие видели, как они входили в нашу палатку менее часа назад и все еще не вышли, — сказал самый рослый из бригады поддержки Мер-Зера.

Я заметил, что, в отличие от Мер-Зера, он не улыбался. Фактически, он выглядел откровенно разгневанным.

— Он, должно быть, говорит о зашедших раньше, — любезно предположил Нунцио. — Знаете, Босс, о двух парнях с девахой.

Ааз закатил глаза в беспомощной подавленности, и на сей раз я склонен был согласиться с ним.

— М-м-м, Нунцио, — промычал я, уставясь в потолок, — почему бы тебе с Гвидо не подождать снаружи, пока мы разбираемся с этим?

Двое телохранителей молча проследовали за дверь, хотя, как я заметил, Гвидо глядел на своего кузена с таким презрением, что, по моим подозрениям, суровая головомойка произойдет даже раньше, чем я сам доберусь до него. Синдикат ничуть не меньше магов не терпит сотрудников, болтающих лишнее при противнике.

— Теперь, когда мы установили, что все мы знаем, о ком речь и что они здесь, — сказал, потирая руки, Мер-Зер, — вызовите их и покончим с этим раз и навсегда.

— Не так быстро, — вмешался я. — В первую очередь, ни я, ни Ааз в глаза не видели тех, кого вы ищите, потому что, во вторую очередь, их здесь нет. Они удрали через заднюю дверь, прежде чем мы смогли встретиться с ними.

— Я почему-то не жду, что вы поверите нам на слово, — добавил Ааз. — И поэтому не стесняйтесь, обыскивайте весь дом.

Улыбка девола расширилась, и я осознал, что на лбу у меня выступил холодный пот.

— В этом нет необходимости. Видите ли, поверю я вам или нет, не имеет большого значения. Даже если мы поищем, то, уверен, вы лучше умеете прятать, чем мы — находить. Значение имеет только одно: мы установили, что они заходили сюда, и ввиду этого ответственность за них ложится на ВАС.

Я был не совсем уверен в том, что здесь происходит, но БЫЛ-таки уверен, что с каждой минутой происходящее нравится мне все меньше и меньше.

— Минутку, Мер-Зер, — начал я. — Что значит “мы в ответе”? В ответе за что?

— Да за беглецов, конечно. Разве вы не помните? Когда мы согласились предоставить в ваше пользование этот дом без всякой арендной платы, то договоренность включала в себя положение, что если кто-нибудь из живущих в этом доме нарушит какие-нибудь правила Базара и либо исчезнет в другое измерение, либо иначе откажется отвечать на обвинения, то вы возьмете ответственность за их действия на себя лично. Это стандартная статья при любой аренде на Базаре.

— Ааз, — вспыхнул я, — сделку заключал ты. Была в ней такая статья?

— Была, — признал он. — Но я в то время имел в виду Тананду и Корреша... а за них мы всегда заступимся. И за Машу тоже. Мне никогда не приходило в голову, что они попытаются утверждать, будто всякий, прошедший через нашу дверь, живет в нашем доме. Не понимаю, как они надеются доказать...

— Нам не требуется доказывать, что они находятся у вас в доме, — улыбнулся Мер-Зер. — Это вы должны доказать, что их здесь нет.

— Это же бред, — взорвался Ааз. — Как мы можем доказать...

— Никак, Ааз. Мы не можем этого доказать. В том-то и вся суть. Ладно, Мер-Зер. Вы нас достали. А теперь, что именно натворили эти типы, за коих мы в ответе, и каков наш выбор? Я думал, что одно из главных достоинств Базара в том и состоит, что здесь нет никаких правил.

— Их немного, — поправил меня девол, — и немногие существующие строго соблюдаются. Конкретное правило, нарушенное вашими друзьями, связано с мошенничеством.

Он быстро поднял руку, предупреждая мое возражение.

— Я знаю, что вы собираетесь сказать. Учитывая все односторонне выгодные сделки, заключаемые здесь, на Базаре, мошенничество кажется глупым обвинением, но для нас это дело серьезное. Хотя мы гордимся своим умением упорно торговаться и заключать выгодные для себя сделки, но коль скоро сделка заключена, вы получаете обещанный товар. Иногда в описании товара опускаются специфические детали, но все, что действительно СКАЗАНО о нем — правда. То есть, наша репутация и длительный успех Базара зависят от скрупулезного поддержания этого правила. Если торговец или купец продает что-то, утверждая, будто это магический предмет, а оказывается, что предмет этот не обладает никакими магическими свойствами, то это мошенничество... и если позволить преступникам уйти безнаказанно, то это может означать конец того Базара, каким мы его знаем.

— На самом-то деле, — сухо произнес я, — я всего-навсего собирался настоятельно просить вас не называть их нашими друзьями, но пропустим это. Вы как-то не упомянули о наших вариантах выбора.

Мер-Зер пожал плечами.

— Их, в общем-то, всего три. Вы можете заплатить полученные ими обманом деньги плюс двадцать пять процентов пени, принять постоянное изгнание с Базара, или

же попытаться убедить своих др... э-э-э-э, я хотел сказать, беглецов, вернуться на Базар и уладить дело самим.

— Понимаю... Отлично. Вы свое слово сказали. А теперь выйдите, пожалуйста, и дайте нам с партнером обсудить нашу позицию по этому вопросу.

Ааз взял на себя заботу о выпроваживании их, в то время как я погрузился в размышления о том, что нам следует сделать. Когда он вернулся, мы оба просидели молча почти целый час, прежде чем кто-либо из нас заговорил.

— Ну, — сказал наконец я, — что ты об этом думаешь?

— Изгнание с Базара исключается! — прорычал Ааз. — Это не только погубит нашу репутацию, но я не потерплю, чтобы нас выгнали с Базара И из нашего дома из-за такого идиотского случая!

— Согласен, — мрачно сказал я. — Хотя мне и приходит в голову, что с этим вариантом Мер-Зер блефовал. Он хочет закрепить нас на Базаре не меньше, чем мы — остаться на нем. Именно он-то в первую очередь и нанял нас, помнишь? По-моему, он ожидает, что мы плюнем и заплатим деньги. Таким образом, он выжмет из нас кое-что из того, с чем в свое время с таким скрипом расстался. Мне почему-то очень не хочется уступать такому давлению.

Ааз кивнул.

— Мне тоже.

Последовало еще несколько минут молчания.

— Ладно, — сказал наконец Ааз. — Кто из нас это скажет?

— Придется нам отправиться за ними, — вздохнул я.

— Наполовину верно, — поправил Ааз. — Придется МНЕ отправиться за ними. Партнер ты или нет, мы здесь говорим о совершенно новом измерении, и оно слишком опасно для человека с твоим уровнем магического искусства.

— МОИМ уровнем? А как насчет тебя? У тебя и вовсе нет никаких способностей. Если оно слишком опасно для меня, то что же сохранит в безопасности тебя?

— Опыт, — высокомерно обронил он. — Я, бывало, это проделывал, а ты нет. Конец спору.

— Как бы не так, "конец спору"! Как же это ты предполагаешь оставить меня тут, если я не соглашусь?

— Это легко, — усмехнулся Ааз. — Видишь, кто стоит в углу?

Я повернулся посмотреть, куда он показал, и это последнее, что я запомнил надолго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Для успешного планирования нужна надежная информация.

Х. Колумб

— Эй! Оторва! Очнись!! Ты в норме?

Если бы я вел иную жизнь, то эти слова произнесло бы чувственное видение — гений чистой красоты. А так, их воскликнула Маша.

Это было одним из первых впечатлений, пробившихся сквозь туман у меня в голове, когда я пытался вновь прийти в сознание. Я никогда не проявляю себя в лучшем виде по утрам, даже когда спокойно просыпаюсь сам. Пробуждение, навязанное мне кем-либо другим, лишь ГАРАНТИРУЕТ, что настроение у меня будет менее чем приятным.

Однако при всем моем состоянии "трогги", нельзя было ошибиться насчет того, что это Маша трясла меня, заставляя очнуться. Даже сквозь несфокусировавшиеся глаза ее фигуру было ни с чем не перепутать. Представьте себе, если сможете, самую массивную, самую толстую женщину, какую вы когда-либо встречали. Теперь увеличьте этот образ на пятьдесят процентов во всех измерениях, увенчайте его крикливыми оранжевыми волосами, накладными ресницами и лиловой помадой и украсьте его тачкой броских ювелирных изделий. Видите, что я имсю в виду? Я мог бы узнать Машу за милю темной ночью... с завязанными глазами.

— Конечно, в норме, УЧЕНИЦА! — прорычал я. — Разве тебе не положено заниматься какими-нибудь уроками или еще чем-нибудь?

— Ты УВЕРЕН? — безжалостно поднажала она.

— Да, уверен. А почему ты спрашиваешь? Неужели

нельзя немного вздремнуть, не подвергнувшись за это насмешкам?

— Просто ты обычно не ложишься вздремнуть на полу посреди приемной.

Это привлекло мое внимание, и я заставил свои глаза сфокусироваться. Она была права! По какой-то причине я лежал, растянувшись на полу. Это что же такое могло овладеть мною, чтоб...

И тут все вспомнилось! Ааз! Экспедиция в новое измерение!

Я сел, резко выпрямившись... и тут же пожалел об этом. В голову с силой финки вонзилась ослепительная боль, а желудок у меня перекувырнулся и приземлился на спину, проделав все это с изяществом кома переваренной овсянки.

Когда я начал крениться, Маша схватила меня за плечо.

— Держись покрепче, Девятый Вал. Похоже, твое представление о состоянии "в норме" немного не совпадает с моим.

Не обращая на нее внимания, я осторожно ощупал затылок и обнаружил за ухом большую саднящую шишку. Если у меня и были какие-то сомнения насчет случившегося, то теперь они рассеялись.

— Этот проклятый извращенец! — выругался я, вздрагивая от новой волны боли, вызванной звуками моего же голоса. — Он, должно быть, оглушил меня и ушел один!

— Ты имеешь в виду Ааза? Мрачного, Зеленого и Чешуйчатого собственной персоной? Чего-то не пойму. С какой стати твоему же партнеру наносить тебе такой удар, будто неопытному сопляку?

— Для того, чтобы пройти через дверь без меня. Я совершенно ясно дал понять, что не хотел при такой операции остаться на базе.

— Дверь? Какую дверь? — нахмурилась Маша. — Я знаю, у вас есть свои тайны, Босс, но думаю, тебе лучше немного поподробней растолковать мне, что, собственно, здесь происходит.

Я как можно короче ввел ее в курс дела вплоть до событий сегодняшнего дня, включая объяснение, почему мы с Аазом никогда ничего не говорили о таинственной задней двери дома. Будучи сама закаленной путешественницей по измерениям, она намного быстрее, чем Гвидо и Нунцио, усвоила понятие незарегистрированного измерения и его потенциальных опасностей.

— Чего я не понимаю, так это того, что даже если он не хотел брать с собой тебя, то почему он не взял себе в помощь КОГО-НИБУДЬ другого?

— Кого, к примеру? — скривился я. — Мы уже установили, что ты МОЯ ученица и он не отдает тебе приказаний без консультации со мной. На Гвидо и Нунцио он никогда не производил впечатления. Тананда и Корреш отправились на задания по собственным контрактам и должны вернуться только через несколько дней. Даже Гэс отправился с Берферт в давно заслуженный отпуск. Кроме того, он отлично знает, что если он примется сколачивать команду и не включит в нее меня, то прежде чем уляжется пыль, обязательно возникнут кой-какие серьезные затруднения. Я не стал бы лежать спокойно, снося что-нибудь подобное!

— Теперь уже незаметно, но ты как раз этим и занимался, — сухо указала моя ученица, — хотя должна признать, он в некотором роде вынудил тебя к этому.

И с этими словами она сунула руки мне под мышки и подняла меня, осторожно поставив на ноги.

— Ну, что теперь? Полагаю, ты собираешься броситься следом за ним с налитыми кровью глазами. Ты не против, если я отправлюсь с тобой? Или ты твердо решил непременно быть таким же глупым, как он?

Собственно говоря, именно это я и намеревался сделать. Однако, нескрываемый сарказм в ее голосе вкупе с непрощедшей шаткостью моих ног, привели меня к пересмотру планов.

— Нет, — осторожно проговорил я. — Хватит и одного из нас, прущего в воду, не зная броду... или и одного чересчур много, зависит от того, как считать. Карты в этой партии сдавал Ааз, ему их и разыгрывать. Мое дело — стеречь склад до его возвращения.

Маша поглядела на меня, вскинув бровь.

— Это имеет смысл, — согласилась она, — хотя, признаться, я немного удивлена, услышав такое от тебя.

— Я теперь ответственный бизнесмен, — пожал я плечами, — и больше не могу позволить себе опрометчивых поступков незадумывающегося мальчика. Кроме того, я вполне уверен в способности моего партнера управляться с делами.

Это были прекрасные слова, и я говорил их всерьез. Однако, два дня спустя, данный конкретный "ответственный бизнесмен" готов был ОПРОМЕТЧИВО кинуться в

дверь, не задумываясь о последствиях. Гвидо и Нунцио перестали жаловаться на мои одиночные вылазки... в основном потому, что я вообще не вылезал из дому! Фактически, я проводил почти все часы бодрствования и все часы сна (хотя, признаться, спал я не много) в приемной на тот случай, чтобы суметь поздравить Ааза с победоносным возвращением.

К несчастью, мое бдение оставалось не вознагражденным.

Я изо всех сил скрывал свою озабоченность, но мне не требовалось утруждать себя. По мере того, как тянулись часы за часами, беспокойство моих сотрудников все росло до тех пор, пока я не стал тратить большую часть времени, говоря им: "Нет, он еще не вернулся. Когда он будет здесь, я дам вам знать". Даже Гвидо, никогда по-настоящему не ладивший с Аазом, взял в привычку заходить по меньшей мере раз в час за сообщением: "Никаких изменений".

Наконец, с целью побереечь собственные нервы, я созвал всех сотрудников в приемную на собрание.

— Мне хочется знать одно: сколько еще нам сидеть, сложа руки, прежде чем мы признаем, что чего-то вышло наперекосяк? — в пятый раз пробурчал Гвидо.

— Сколько, по-твоему, требуется времени на розыск беглеца в незнакомом измерении? — огрызнулся я. — Сколько тебе потребовалось бы, чтобы разыскать их на Пенте, Гвидо? Мы должны дать ему некоторое время.

— Сколько времени? — не отступил он. — Прошло уже два дня...

— Теперь вот-вот вернутся Тананда и Корреш, — перебила Маша. — Думаешь, они будут просто сидеть, сложа руки, когда выяснят, что Ааз там совсем один?

— Я думал, именно ТЫ и считала отправку за ним следом глупой идеей?

— И по-прежнему так считаю. Хочешь теперь узнать, какого я мнения об идее НИЧЕГО не делать?

Прежде чем я успел ответить, раздался тихий стук в дверь... заднюю дверь!

— Видите! — победоносно гаркнул я. — Я же говорил вам, что он вернется!

— Звучит непохоже на его стук, — с подозрением заметил Гвидо.

— И с чего бы ему вообще стучать? — добавила Маша. — С тех пор как он ушел, дверь оставалась незапертой.

В своем облегчении и энтузиазме я пропустил их замечания мимо ушей. Молниеносно очутившись у двери, я

рванул, распахивая ее и оглашая репетируемое два дня приветствие.

— Самое время вернуться, парт... нер.

Там стоял не Ааз

Фактически, существо за дверью вообще ничуть не походило на Ааза. Но что вдвойне удивительней — я ее узнал!

Мы никогда по-настоящему не встречались... до такой степени, чтоб представиться друг другу, но вскоре после встречи с Аазом разгневанная толпа задернула меня в то время, как я изображал из себя ее, и я видел ее среди кучи народа, когда успешно прошел "собеседование" перед приемом на работу придворным магом в Поссилтуме.

Но мне ни разу не довелось непосредственно лицезреть ни ее лучезарного лица, обрамленного волнами солнечно-золотых волос, ни непринужденного изящества, с которым она держалась, ни...

— Это Великий Скив, верно? За открытым ртом?

Голос ее был таким музыкальным, что мне потребовалось несколько мгновений, чтобы нацелиться на сказанное ею и сообразить, что она ждет ответа.

— Э-э-э-э... да. Я имею в виду, к вашим услугам.

— Рада наконец встретиться с тобой лицом к лицу, — живо проговорила она, нервно поглядывая на Гвидо и Машу. — Я давно искала повода и полагаю, это он и есть. У меня есть для тебя новости... о твоём ученике.

Мне все еще было трудно сосредоточиться на ее словах. Не только голос ее гиптонизировал меня, но и сама она была едва ли не самой прекрасной женщиной, какую я когда-либо встречал... Ну, на самом-то деле, девушкой. Она не могла быть намного старше меня. Что еще важнее, я ей, кажется, нравился. То есть, она не переставала нерешительно улыбаться, и ее синие глаза не отрывались от моих. Ну, я встречал уважение к себе со стороны коллег и существ на Базаре, но никогда со стороны девушки, выглядевшей словно...

Затем ее слова дошли до меня.

— Моем ученике?

Я невольно украдкой взглянул на Машу, прежде чем сообразил, что тут явное недоразумение.

— А, ты имеешь в виду Ааза. Он мне больше не ученик. Он мой партнер. Заходите, пожалуйста. Мы как раз о нем и говорили.

Я посторонился и величественным взмахом руки при-

гласил ее войти. Раньше я такого никогда не пробовал, но видел этот жест пару раз, когда работал при дворе в Поссилтуме, и он произвел на меня впечатление.

— М-г-м, Босс? Нельзя ли мне минуточку поговорить с вами?

— Позже, Гвидо.

Я повторил жест, и девушка ответила быстрой улыбкой, озарившей всю приемную.

— Спасибо за приглашение, — поблагодарила она. — Но мне придется воспользоваться им потом. Я действительно не могу задерживаться. На самом-то деле, мне вообще не следовало бы быть здесь. Просто я подумала, что кто-то должен известить вас о том, что ваш друг... Ааз, не так ли? В любом случае, ваш друг в тюрьме.

Это живо спустило меня на землю.

— Ааз? В тюрьме? За что?

— За убийство.

— ЗА УБИЙСТВО! — завопил я, бросив всякие попытки вести себя изысканно. — Но Ааз не стал бы...

— Не кричи на меня! О, я знаю, что мне не следовало приходить. Слушай, я знаю, что он его не совершал. Вот потому-то мне и требовалось уведомить тебя о происходящем. Если ты чего-нибудь не предпримешь, его казнят... а здесь знают, как казнить демонов.

Я круто обернулся лицом к остальным.

— Маша! Иди за своей шкатулкой с драгоценностями. Гвидо, Нунцио! Снаряжайтесь. Нам предстоит нанести небольшой визит к нашим соседям.

Я пытался говорить спокойно и ровно, но слова почему-то выходили чуть погромче, чем я намеревался.

— Не так быстро, Босс, — уперся Гвидо. — Сперва вам надо кое-что узнать.

— Позже. Я хочу, чтобы вы...

— СЕЙЧАС, Босс. Это важно!

— В ЧЕМ ДЕЛО?

Незачем говорить, что в данную минуту я не горел желанием вступать в какие-либо длительные разговоры.

— Она — одна из них.

— Прошу прощения?

— Из троицы, ушедшей через заднюю дверь. Тех, за кем гоняется ваш партнер. Она — та самая деваха.

Словно громом пораженный, я повернулся к девушке за подтверждением и обнаружил лишь пустой дверной

проем. Моя таинственная посетительница исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Знаешь, это может быть западней, — задумчиво произнесла Маша.

— Она права, — кивнул Гвидо. — Можете положиться на слово того, кто сам бывал в бегах. Когда удираешь от правосудия и тебя может найти всего пара человек, возникает сильное искушение ликвидировать это звено. Что ваш партнер попал в беду, вам известно только с ее слов.

— Не надо быть гигантом мысли, чтобы догадаться, что деволы, скорее всего, наймут в охотники тебя и Ааза. В конце концов, они ведь знали, через чей дом рвут когти, — добавила Маша.

Гвидо поднялся на ноги и принялся рассказывать взад-вперед.

— Верно, — согласился он. — А теперь предположим, что Ааза взяли ОНИ. Можете вы придумать лучший способ убрать другую половинку пары, чем стукнув вам о беде с вашим партнером, чтобы вы кинулись в какую-то расставленную ими западню? Вся эта комбинация дурно пахнет, Босс. Я не разбираюсь в незнакомых измерениях, но в преступниках-то я разбираюсь. Как только вы шагнете через эту дверь, так сразу станете неподвижной мишенью.

— Вы ВПОЛНЕ высказались?

Даже для моих ушей собственный голос показался мне ледяным, но сейчас я для разнообразия плевал на это.

Гвидо и Маша переглянулись, а затем молча кивнули.

— Отлично. Возможно, вы правы, и я ценю вашу заботу о моем благополучии. ОДНАКО...

Голос мой упал до страшного шипения.

— ...что, если вы ошибаетесь? Что, если наша беглянка все-таки говорит правду? Вы все пилили меня за то, что я ничего не делаю для помощи Аазу. Неужели вы действительно думаете, будто я стану просто сидеть, сложа руки, в то время как моего партнера И друга сжигают за преступление, которого он не совершал... из-за того, что вмешательство МОЖЕТ оказаться опасным для меня?

Огромным усилием я вернул свой тон к норме.

— Через десять минут я отправляюсь через эту дверь следом за Аазом... и если я иду напрямик в западню, то лучше ей быть покрепче. А теперь, хочет ли кто-нибудь из вас отправиться со мной или мне идти одному?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бесполезно пытаться планировать,
готовясь к неожиданному...
поопределению!

А. Хичкок

На самом-то деле прошло больше часа, прежде чем мы действительно подготовились к выходу, хотя мне это ожидание показалось куда более долгим. И все же, даже мне пришлось признать, что отправка в этот поход без надлежащих приготовлений будет не только глупостью, но и прямым самоубийством!

Решено было оставить Нунцио дома, чтобы на базе был кто-то, способный уведомить о происходящем Тананду с Коррешем, когда те вернутся. Незачем говорить, такое поручение отнюдь не привело его в восторг.

— Но мне же полагается быть вашим телохранителем! — возражал он. — Как же мне охранять вас, если я буду сидеть здесь, в то время как вы будете на линии фронта?

— Гарантируя, что войска поддержки получают нужные для следования за нами сведения, — ответил я.

Как ни мало мне улыбалось спорить с Нунцио, я все же предпочел бы упереться рогом, сопротивляясь дюжине синдикатских телохранителей, чем быть вынужденным объяснять Тананде и Коррешу, почему их не включили в спасательную миссию.

— Мы могли бы оставить записку.

— Нет.

— Мы могли бы...

— НЕТ! Ты нужен мне ЗДЕСЬ! Так достаточно ясно? Телохранитель тяжело вздохнул.

— Ладно, Босс. Я буду ошиваться здесь, пока они не появятся, а потом мы втроем...

— Нет! — снова отверг я. — Потом следом за нами отправятся Тананда и Корреш. А ты останешься здесь.

— Но, Босс...

— Потому что если снова появится Мер-Зер со своей командой, то здесь должен быть кто-то, кто даст им понять, что мы — на работе, а не просто отправились в отпуск. Допустим на миг, что нам-таки доведется вернуться, тогда нам понадобится выходной маршрут, и ты будешь здесь гарантировать, что он останется свободным. Только нам еще и не хватало, чтоб домовладельцы вслили нового жильца, пока мы в отъезде... скажем, какого-нибудь взду-мавшего заложить дверь кирпичом, пока мы находимся по другую сторону.

Нунцио молча обдумал сказанное.

— А что если вы не вернетесь? — спросил наконец он.

— Этот мост мы сожжем, когда дойдем до него, — вздохнул я. — Но помни, убить нас не так-то легко. По крайней мере, один из нас, вероятно, сумеет вернуться.

К счастью, прибытие Гвидо оторвало мой ум от этой неприятной цепочки размышлений.

— К походу готов, Босс.

Несмотря на отчаянность положения и неотступно поджимающее время, я оказался глядящим на него, разинув рот.

— Что это? — сумел наконец выговорить я.

Гвидо облачился в темное длиннополое пальто и надел широкополую шляпу и солнцезащитные очки.

— Это? Это моя рабочая одежда, — гордо сказал он. — Она не только декоративна, но и функциональна.

— Какая-какая?

— Я хочу сказать, что она не только отпугивает народ, но в полушинели полно вот таких вот кармашков, видите? Именно там я и ношу свою амуницию.

— Но...

— Привет, Оторва. Милый у тебя наряд, Гвидо.

— Спасибо! Я как раз рассказывал о нем Боссу.

Маша оделась... или лучше сказать разделась в СВОЮ рабочую одежду. Короткий жилет выбивался из сил, пытаясь прикрыть ровную часть ее массивного торса, в то время как еще более короткий низ, похоже, готовился вот-вот капитулировать, окончательно проиграв свою битву.

— Мгммм... Маша? — осторожно поинтересовался я.

— Я всегда хотел спросить. Почему ты не... ммм... надеваешь побольше?

— Я люблю одеваться попрохладней, когда мы лезем в пекло, — подмигнула она. — Видишь ли, когда дела летят вскачь, я становлюсь немного нервной... а единственное, что хуже толстой девахи в компании, это ПОТНАЯ толстая деваха в компании.

— По-моему, это очень сексапильный наряд, — вставил Гвидо. — Напоминает мне тряпки, носимые, бывало, шмамой моего старика.

— Ну, спасибо, Сумрачный и Смертельный. Я бы сказала, что у твоего старика был хороший вкус... но я его никогда не пробовала.

Я задумчиво изучал их, пока они дружно смеялись над машиной шуткой. Всякая надежда втихую проникнуть в это неизвестное измерение стремительно рушилась. Даже по отдельности и Гвидо и Маша бросались в глаза, но вместе они будут столь же незаметными, как происходящие на одной дороге парад-алле и армейские маневры. Затем мне пришло в голову, что раз неизвестно, как обстоят дела там, куда мы направляемся, то может случиться, что они впишутся в общество, а вот Я буду выделяться. Это была пугающая мысль. Если там все так выглядят...

Я вытеснил эту мысль из головы. Нет смысла пугать себя больше, чем требуется, пока не появятся сведения, подкрепляющие эти страхи. Гораздо важнее то, что боялись также и мои помощники. Они из всех сил старались не показывать этого, но при этом и он, и она впадали в давно знакомую мне систему, прячась за старые характерные маски. Гвидо всюду разыгрывал роль "крутого гангстера", в то время как Маша опять усилению подавала себя в своей любимой роли "вампа". Конечный итог, однако, заключался в том, что, боялись они или нет, но были готовы поддержать мой шаг или умереть, пытаясь. Это было бы трогательным, если бы этот факт не означал, что они рассчитывали на мое руководство. А это значило, что мне требовалось сохранять спокойствие и уверенность... как бы сильно ни боялся я сам. Лишь задним числом мне пришло в голову, что руководящая роль — это маска, за которую учился прятаться Я, когда положение осложнялось. Это заставило меня немного погадать о том, а знал ли на самом деле ХОТЬ КТО-НИБУДЬ, что он делает, и испытывал ли искреннюю уверенность, или же жизнь являлась просто массовым разыгрыванием ролей.

— Ладно. Мы готовы? — спросил я, стряхивая разбредшиеся мысли. — Маша? Твои драгоценности при тебе?

— Большая часть на мне, а остальное тут, — похлопала она по сумке у себя на поясе.

Хотя я иной раз мысленно отпускал ехидные замечания по поводу ювелирных украшений моей ученицы, тем не менее, они служат двойной цели. Машины побрякушки, на самом деле, довольно обширная коллекция накопленных ею за минувшие годы магических предметов. Насколько обширная? Ну, прежде чем записаться ко мне в ученицы для усвоения настоящей магии, она имела постоянную работу в качестве мага города-государства Та-Хо в измерении Валлет, исключительно в силу набранных ею механических “способностей”. Хотя я соглашался с Аазом, что настоящая магия предпочтительней механической, так как при ней меньше вероятность неполадок (урок, усвоенный по опыту из первых рук), я безусловно был не прочь иметь в подкрепление ее арсенал.

— Ты помнишь то кольцо для отслеживания? То, приращенное тобой для розыска короля? У тебя в сумке нет, случайно, лишнего?

— Только вот это, — помахала она соответствующим пальцем.

Я мысленно выругался, а затем принял первое из, как я опасался, множества неприятных решений в этом предприятии.

— Отдай его Нунцио. Оно понадобится Тананде и Коррешу, чтобы найти нас.

— Но если мы оставим его, то как же мы найдем твоего партнера?

— Придется нам что-нибудь придумать, но мы не можем позволить себе разделить свои силы. Иначе, даже если мы выручим Ааза, то, возможно, все равно в конечном итоге будем бродить там, пытаясь отыскать другую половину команды спасателей.

— Как скажешь, Оторва, — поморщилась она, отдавая кольцо, — но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Так же как и я, Маша, так же как и я. Ладно, ребята, давайте-ка посмотрим, на что там **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** похож наш задний двор!

* * *

Снаружи наше жилище выглядело куда внушительней, чем со стороны, видимой на Базаре. На самом-то деле оно походило с виду на замок... и притом довольно зловещий, одиноко стоящий на вершине холма. Хотя я в общем-то не слишком пристально изучал его, лишь настолько, чтобы суметь снова узнать его на обратном пути. Как можно было ожидать, мое внимание сосредоточилось, в основном, на самом новом измерении.

— Довольно темновато тут, верно.

Замечание Гвидо явилось скорее констатацией факта, чем вопросом, и он был прав.

Где бы мы ни находились, освещение оставляло желать лучшего. Сперва я подумал, что здесь ночь, и это меня озадачило. так как до сих пор во время моих путешествий все измерения, кажется, соблюдали одно и то же расписание восходов и закатов. Затем мои глаза привыкли к мраку, и я сообразил, что небо просто затянуто густыми и сплошными тучами... до такой степени, что сквозь них не проникало почти ни малейшего света, придавая дню иллюзорное сходство с ночью.

Помимо этого, судя по всему увиденному мною, эта новая местность казалась весьма похожей на любую другую из посещенных мною: деревья, кустарник и дорога, ведущая то ли к замку, то ли от замка, в зависимости от того, с какой стороны смотреть. По-моему, это Тананда любила говорить: "Если ты видел одно измерение, значит, видел их все". Ее брат, Корреш, возражал, что причина геологического сходства заключалась в том, что все посещенные нами измерения являлись различными реальностями одной и той же основы. Мне всегда представлялось, что тут он малость хватил через край... "Они все похожи потому, что они — одно и то же? Брось, Корреш!", но его возражения всегда оставляли у меня ощущение, что я слушаю кого-то, читающего на другом языке, и поэтому в последнее время я предпочитал уклоняться от таких дискуссий.

— Ну, Оторва, что теперь будем делать?

На сей раз у меня для разнообразия имелся ответ на этот блестящий вопрос.

— Эта дорога должна куда-то вести. Одно лишь ее существование указывает, что мы в этом измерении не одни.

— Я думал, это мы уже знаем, — пробурчал себе под нос Гвидо. — Вот потому-то мы и находимся здесь.

Я бросил на него свой самый лучший мрачный взгляд.

— По-моему, возникал НЕКОТОРЫЙ спор по поводу того, наврали нам насчет ареста Ааза или нет. Если здесь есть дорога, то построили ее наверняка не мой партнер и не те, кого он преследовал. Это значит, что нам придется иметь дело с туземцами... возможно, враждебными.

— Правильно, — быстро вставила Маша. — Засохни, Гвидо. Я хочу услышать план действий, и мне не нравится все ждать и ждать этого из-за освистывателей.

Телохраинитель нахмурился, но сохранил молчание.

— Ладно. Теперь нам требуется действовать так: следовать по этой дороге и выяснить, куда она ведет. Держитесь обочины и будьте готовы исчезнуть, если слышите чье-то приближение. Мы не знаем, как выглядят местные, и пока у меня не будет образчика для работы, мне нет смысла пытаться замаскировать нас с помощью магии.

И в таком вот общем походном порядке мы зашагали в темноте по дороге, двигаясь тихо, чтобы не выдать свое присутствие никому, находящемуся впереди нас. В скором времени мы подошли к первой точке, где требовалось принимать решение. Дорога, по которой мы шли, внезапно закончилась, встретившись с другой, куда более торной. Мои помощники выжидающе посмотрели на меня. Пожав плечами, я принял произвольное решение и повел их направо по новому курсу. И пока мы шли, я с некоторым раздражением размышлял, что хотя и Маше и Гвидо известно, что я такой же новичок в этой местности, как и они, выбор пути почему-то выпал на мою долю.

Мои размышления прервали звуки голосов впереди, двигающиеся в нашу сторону. Другие тоже услышали их и без единого слова или сигнала мы растаяли в кустарнике. Присев на корточки, я сквозь мрак вглядывался в дорогу, жаждавшая поскорее взглянуть на туземные формы жизни.

Ждать мне пришлось недолго. Появились две фигуры, судя по их виду, молодая парочка, весело болтавшая и смеявшаяся на ходу. На мой взгляд, они выглядели вполне нормальными, что определенно являлось облегчением, учитывая, с какими формами жизни мне пришлось познакомиться в некоторых других измерениях. Они были достаточно гуманоидными, чтобы сойти за пентюхов... или, скорее, за валлетов, так как выглядели чуточку бледноватыми. Одежда их не слишком отличалась от моей, хотя и была чуточку цветастей. Усвоив все это с одного взгляда, я решил сделать первую попытку извлечь информацию. Я имею в виду, раз после всех моих страхов они оказались чуть ли не до разочарования обычными, так почему бы

не попереть напролом? Если сравнить их с некоторыми из существ, с какими мне приходилось иметь дело в прошлом, здесь все выглядело проще пареной репы.

Сделав другим знак оставаться на месте, я вылез на дорогу позади намеченной пары.

— Извините! — окликнул я. — Я в этом районе недавно, и мне нужна небольшая помощь. Вы не могли бы направить меня к ближайшему городу?

Кулоны перевода — стандартное снаряжение путешественников по измерениям, и так как я носил сейчас такой, то не боялся быть непонятым.

Пара повернулась лицом ко мне, и меня сразу же поразили их глаза. “Белки” их глаз пылали темно-красным, вызывая у меня мурашки по спине. Мне пришло в голову, что я мог бы и чуть подольше изучить местных, прежде чем пытаться сойти за туземца. Мне также пришло в голову, что я уже безвозвратно выбрал этот курс действий, и придется продолжать блеф, невзирая ни на что. И наконец, мне пришло в голову, что я идиот-самоубийца и что, будем надеяться, Маша с Гвидо готовят свое оружие поддержки для спасения меня от моего же нетерпения.

Достаточно странно, пара, кажется, не заметила в моей внешности ничего необычного.

— Ближайшего города? Это будет Блут. Он недалеко, мы только что оттуда. Там весьма бурная ночная жизнь, если вы увлекаетесь этим.

Что-то у него во рту саднило мне память. К несчастью, я не мог заглянуть прямо в него, не нарушив глазного контакта, и поэтому, подбодренный очевидным принятием меня за своего, я ринулся продолжать разговор.

— На самом-то деле, я не слишком торчу от ночной жизни. Я пытаюсь отыскать одного старого друга, с которым потерял связь. В Блуте есть почта или полицейский участок, где можно навести справки?

— Там есть кое-что получше, — рассмеялся мужчина. — Вам нужно поговорить не с кем-нибудь, а с Диспетчером. Он за всеми следит. Третий склад налево от вас, когда войдете в город. Он превратил весь второй этаж в свой кабинет. Если он не сможет вам помочь, то никто не сможет.

Как ни важна была эта информация, я лишь частично обратил на нее внимание. Когда мужчина рассмеялся, я сумел разглядеть его рот получше. Зубы у него были...

— Посмотри на его зубы! — ахнула, впервые заговорив, девушка.

— Мои зубы? — моргнул я, внезапно сообразив, что она палится на меня с нескрываемым удивлением, даже поражению

Ее спутник в это же время заметно побледнел и пятился на нетвердых ногах.

— Вы... вы... откуда вы пришли?

Пытаясь изо всех сил сохранять нормальную манеру, пока не разберусь, что происходит, я двинулся вперед для поддержания разговора на прежнем расстоянии.

— Из замка вон там на холме. Я просто...

— ИЗ ЗАМКА!?!

Парочка молниеносно повернула и дунула от меня по дороге во все лопатки.

— Чудовище!! На помощь!! ЧУДОВИЩЕ!!!

Я по-настоящему круто обернулся и посмотрел на дорогу позади меня, пытаюсь разглядеть предмет их ужаса. Однако, по мере глядения на пустую дорогу до меня постепенно стало доходить. Они боялись МЕНЯ! Чудовище?

Из всех реакций, какие я пытался предвидеть при приеме нас в этой новой стране, такого я не ожидал даже в самых диких фантазиях.

Я? Чудовище?

— По-моему, у нас возникли проблемы, Девятый Вал, — сказала Маша, выбираясь вместе с Гвидо из кустов и подходя ко мне.

— Я бы сказал: если я не совершенно ошибся с чтением признаков, они меня боятся.

Она тяжело вздохнула и покачала головой.

— Я говорю совсем не об этом. Ты видел их зубы?

— Я видел его зубы, — уточнил я. — Клыки у него длинные и острые. Очень странно, а?

— Да совсем не так уж и странно, Оторва. Подумай об этом. Держу пари, ты только что разговаривал с парой вампиров!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чтобы выжить, надо уметь приспособ-
ливаться к меняющимся ситуациям.

Тиранозаврус Рекс

— Вампиры, — осторожно повторил я.

— Разумеется. Все сходится, — кивнула Маша. — Бледная кожа, острые клыки, красные глаза, то, как они превратились в летучих мышей...

— Превратились в летучих мышей?

— Вы это пропустили, Босс, — сообщил Гвидо. — Когда они это сделали, вы смотрели в другую сторону. Самая дикая штука, какую я когда-либо видел. Секунду назад они улепетывали, спасая шкуру, а в следующую уже улетали в темноту. Все другие измерения похожи на это?

— Вампиры...

На самом-то деле, испытанный мною шок был совсем не так уж и велик. Учитывая, с чем сталкивались мы с Аазом при круизах по так называемым "известным и безопасным" измерениям, я ожидал встретить в этом что-нибудь чуточку незаурядное. Если я чего и испытывал, так это некоторое облегчение. Второй ботинок упал... и все оказалось совсем не так уж и плохо! То есть, могло быть и хуже. (Если пребывание в обществе Ааза чему-то и научило меня, так это тому, что дела всегда могут обстоять и хуже!) Повторяющийся характер моих блестящих реплик был всего-навсего хитроумным приемом с целью прикрыть мои мысленные усилия переварить эти новые сведения, так и решить, что с ними делать.

— Вампиры редки в любом измерении, — отвечала моя ученица, заполняя пустоту в ответ на вопрос Гвидо. — И что еще важнее, их всегда порядком боятся. Вот чего я не могу понять, так это почему те двое так испугались Скива.

— Впрочем, опять же, — задумчиво проговорил я, — есть вопрос, а можно ли нам смело считать все измерение населенным существами вроде только что встреченных нами первых двух. Знаю, такое маловероятно, но мы могли наткнуться на единственных вампиров в этом краю.

— Не знаю, Девятый Вал. Вели они себя тут явно как дома и безусловно не думали, будто ты найдешь что-то необычное в ИХ внешности. По моим предположениям они здесь норма, а мы — исключения.

— Что бы там ни было, — отмахнулся я, принимая наконец решение, — они пока единственные имеющиеся у нас для работы образцы, и потому будем основывать свои действия именно на них, пока не доказано обратное.

— Так что же нам делать против оравы вампиров?

Как телохранитель, Гвидо, казалось, малость встревожился из-за нашего анализа ситуации.

— Успокойтесь, — улыбнулся я. — Первое дело — это обратиться к старому надежному заклинанию личины. Всего несколько быстрых мазков и нас не смогут отличить от туземцев. Мы сможем пройти через целый город вампиров, а они нас даже не заметят.

И с этими словами я закрыл глаза и приступил к работе. Как я и сказал сотрудникам, это будет легко сделать. Сохранить всем обычную внешность за исключением более бледной кожи, более длинных клыков и небольшого искусственного подкраснения глаз, и дело сделано.

— Ладно, — снова открыл я глаза. — Что дальше?

— Мне не нравится цитировать в ответ тебя же, Оторва, — протянула Маша, — но разве ты не сказал чего-то о том, что прежде чем переходить к следующим действиям, надо сперва заняться личинами?

— Конечно. Именно потому я только что... минутку. Ты пытаешься сказать, что у нас по-прежнему та же внешность, как и до того, как я навел чары?

Одна из проблем с наведением чар личины в том, что я, как наводящий чары, никогда не вижу результата. То есть, я вижу людей такими, какие они есть на самом деле как при чарах, так и без них. Я настолько привык полагаться на действие этого конкретного заклинания, что мне и в голову не пришло, будто оно может не сработать.

Маша и Гвидо с немалой степенью озабоченности посмотрели друг на друга.

— Мгम्म... возможно, ты забыл.

— Попробуй еще раз.

— Совершенно верно! И на этот раз запомни...

— Погодите-ка, — приказал я самым повелительным своим тоном. — Судя по вашей реакции, мне думается, ответ на мой вопрос будет "да". То есть, что заклинание не действует. А теперь помолчите секундочку и дайте мне подумать. Идет?

Для разнообразия они выслушали меня и впали в почтительное молчание: Я мог бы урвать миг, чтобы поупиваться этим триумфом, не будь я столь обеспокоен из-за возникшей проблемы.

Заклинание личины было одним из первых усвоенных мною заклинаний и вплоть до сегодняшнего дня служило мне одним из самых лучших и самых надежных инструментов. Если оно не действовало, значит, случилось что-то серьезное. А так как я знал, что прохождение через дверь не уменьшило моего знания этого конкретного заклинания, то значит, если что и барахлит, так это наверняка...

— Эй, Оторва! Проверь-ка силовые линии!

Очевидно, мы с ученицей одновременно пришли к одинаковым выводам. Быстрое магическое сканирование неба и окружающей местности подтвердило мои наихудшие опасения. Сперва я подумал, что тут вообще нет никаких силовых линий. А затем понял, что они есть, но такие слабые, что даже для того, чтобы заметить их, потребовалась почти вся моя резервная энергия.

— Что это за разговор о силовых линиях? — захотел узнать Гвидо.

Маша нетерпеливо вздохнула.

— Если ты намерен гулять в этой компании, Сумрачный и Смертельный, то тебе лучше немного усвоить начала магии... или, по крайней мере, ее словарь. Силовые линии — это невидимые потоки энергии, протекающие по земле и в воздухе. Они — источник силы, которую мы черпаем, когда проворачиваем свои кривле-крабле-бумсы. Это значит, что в подобной местности, где силовые линии либо не существуют, либо очень слабы...

— ...вы ничего не можете сделать. — закончил за нее телохранитель. — Эй, Босс! Если сказанное ею правда, то как же эта только что встреченная нами парочка смогла все же проделать тот трюк с превращением в летучих мышей?

— Благодаря очень, ОЧЕНЬ большому мастерству по части магии. Чтобы сделать столь многое при столь малых средствах, они не упускают ни одного трюка... извиняюсь

за каламбур... в области поиска и использования силовых линий. Короче, в магической игре они намного лучше и Маши, и меня.

— Это имеет смысл, — кивнула Маша. — В любом измерении, где я бывала и где водятся вампиры, они числятся среди самых сильных магобандитов. Если им придется тренироваться именно здесь, то я могу понять, почему они словно с цепи срываются, когда попадают в измерение, где силовые линии и многочисленнее и мощнее.

Я потер лоб, отчаянно пытаюсь думать, как предотвратить надвигающуюся, как я чувствовал, головную боль. Точно по графику, положение становилось еще хуже!

— Полагаю, в твоей коллекции драгоценностей нет ничего, способного справиться с личинами, так?

Несмотря на наше затруднительное положение, Маша негромко рассмеялась.

— Ну, подумай сам, Девятый Вал, Будь у меня что-нибудь, способное сделать личины, разве я разгуливала бы в таком виде?

— Значит, мы выступаем против мира матерых магов при нехватке боеприпасов для прикрытия огнем нас самих, — подытожил Гвидо.

— Ладно. Допустим, нам придется чуть потуже, чем я сперва думал. Только помните — мой партнер весьма неплохо действовал в эти последние несколько лет вообще без всяких способностей.

— Ваш партнер в настоящее время сидит в каталажке за убийство, — указал Гвидо. — Вот потому-то мы в первую очередь и оказались здесь. Не забыли?

— Кроме того, — продолжал я, игнорируя его замечание (этому умению я тоже научился у Ааза), — в наши намерения никогда и не входило “выступать против всего мира”. Нам требуется всего-навсего быстро нашкодить и смыться. Хапнуть Ааза и вернуться, как можно меньше контактируя с туземцами. Это означает, что нам всего лишь требуется немножко больше осторожности. Вот и все.

— А как насчет погони за троицей, которую мы взялись вернуть на Базар?

Я немного подумал о блондинке, предупредившей нас о бедственном положении Ааза.

— Это и входит в проявление большей осторожности, — торжественно объявил я. — Если... я имею в виду, КОГДА мы вытащим Ааза из тюрьмы, то направимся домой

и будем считать, что нам повезло. Поэтому мы... расплатимся с деволами. Это... дешевая цена... в уплату за...

Я сообразил, что сотрудники смотрят на меня немножко косо. А также сообразил, что когда я дошел до слов о расплате с деволами, моя речь постепенно замедлилась до мучительной прерывистой дикции.

Я прочистил горло и попробовал опять.

— Мгммм, давайте просто скажем, что снова оценим эту ситуацию, когда доберемся до Ааза. Идет?

Мое войско все еще, похоже, немного сомневалось, и поэтому я счел за благо поскорее перейти к следующей теме.

— Что же касается противника, то давайте соберем наши общие знания о вампирах, чтобы иметь представление, с чем нам предстоит столкнуться. Так вот, мы знаем, что они могут превращаться в летучих мышей и собак...

— ...или просто в туманное облачко, — дополнила Маша.

— Они пьют кровь, — мрачно сказал Гвидо.

— Они не любят яркого света и крестов...

— ...и их можно убить, воткнув им в сердце осиновый кол или...

— Они пьют кровь.

— Хватит про питье крови! Ладно, Гвидо?

Бесконечный пессимизм моего телохранителя начинал меня более чем малость раздражать. Я имею в виду, что нам всем не особенно нравился такой оборот дела, но мрачными раздумьями о негативных сторонах ничего не добьешься.

— Сожалею, Босс. Полагаю, в моем деле входит в привычку видеть во всем темную сторону.

— Чеснок! — воскликнула вдруг Маша.

— Чего-чего?

— Я сказала, чеснок, — повторила она. — Вампиры не любят чеснок!

— Совершенно верно! Как насчет этого, Гвидо? У тебя, случайно, нет с собой чеснока?

Телохранитель и впрямь, похоже, смутился.

— Терпеть его не могу, — признался он. — Другие ребята в Синдикате, бывало, подшучивали надо мной из-за этого, но у меня от него тут же течет из носу.

Восхитительно. Нам достался, вероятно, единственный

на свете член Синдиката, страдающий аллергией к чесноку. Еще одна блестящая мысль полетела к чертям.

— Ну, — вздохнул я, — теперь мы знаем, с чем нам придется столкнуться.

— Мгммм... скажи-ка, Оторва? — тихо произнесла Маша. — Шутки в сторону? Разве нас тут малость не превосходят в силах? Я имею в виду, что Сумрачный и Смертельный может обеспечить свою сторону физической защиты, но я не уверена, что моей коллекции драгоценностей хватит на прикрытие нас в магическом плане.

— Ценю вогум доверия, — печально улыбнулся Гвидо, — но я не уверен, что от моей амуниции будет хоть какой-то прок против вампиров. При Боссе, вышедшем из строя по части магии...

— Не торопись сбрасывать меня со счета. Моя магия, возможно, и не действует на полную мощь, но если дело станет действительно жарким, я всё же смогу выкинуть фокус-другой...

Маша нахмурилась.

— Но силовые линии...

— В наших уроках, ученица, я пока не затронул одну мелочь, — сказал я с легкой довольной улыбкой. — При таком обилии энергии на Деве в этом, в общем-то, и не было необходимости... фактически. Так или иначе, все сводится к тому, что для магических действий не всегда подсоединяются к силовой линии. Можно накопить энергию внутри себя, как в батарее, чтобы она была на месте, когда тебе понадобится. Пока мы разговаривали, я подзаряжался, и поэтому могу обеспечить толику магического прикрытия, когда понадобится. Так вот, я не смогу устроить ничего столь длительного, как постоянное заклинание личины, и мне желательно поосторожней применять свои возможности, потому что после каждого применения требуется некоторое время на перезарядку, но мы будем полагаться не только на твои ювелирные украшения.

Я ожидал от сотрудников определенного волнения при выяснении, что я не совсем беспомощен. Вместо этого, судя по их виду, они чувствовали себя как-то неуютно. Они переглянулись, потом посмотрели на небо, а затем на землю.

— Мгммм... это значит, что мы идем дальше? — сказал наконец Гвидо.

— Совершенно верно, — плотно сжал губы я. — Фактически, я, вероятно, продолжил бы экспедицию, даже

если бы мои чары совершенно пропали. Мой партнер где-то там в беде, и я не собираюсь возвращаться, по крайней мере, не ПОПЫТАВШИСЬ помочь ему. Я бы сделал то же самое и ради любого из вас, но мы здесь говорим об Аазе. Он спасал мою шкуру чаще, чем мне охота вспоминать. Я просто не могу...

Я остановился и вновь овладел своим голосом.

— Слушайте, — начал я снова. — Признаю, что когда мы начали поход, то никак не ожидали этого столкновения с вампирами, и огорчение в магии — достаточно серьезное препятствие, чтобы заставить призадуматься всякого. Если кто-либо из вас хочет повернуть назад, вы можете это сделать без всяких тяжелых чувств и комплексов вины. В самом деле. Я хочу жать дальше только потому, что знаю себя. Что бы там ни ждало нас впереди, оно никак не может быть хуже того, чему я сам себя подвергну, если оставлю Ааза умирать в одиночку, не попытавшись, чем только смогу, выгнать его из тюрьмы. Но то я. Если вы хотите уйти, действуйте.

— Не сердись, Оторва, — мягко упрекнула меня Маша. — Я все еще не уверена, велика ли будет от меня помощь, но я с тобой. Вероятно, если бы с тобой что-нибудь случилось, когда меня нет рядом, у меня возникла бы та же проблема, что и у тебя, если чего-нибудь случится с Аазом. Я ведь, знаешь ли, твоя ученица.

— Ремесло телохранителя не ахти какое, но это все, что я умею делать, — хмуро сказал Гвидо. — Мне полагается охранять это ваше тело, поэтому куда оно, туда и я. Просто я не в восторге от соотношения сил, понимаете, что я имею в виду?

— Значит, решено, — твердо сказал я. — Отлично. Как я понимаю, следующая наша остановка — Блут.

— Блут, — осторожно повторила Маша.

— Совершенно верно. Я хочу навестить этого самого Диспетчера и посмотреть, что-то он скажет. Я имею в виду, город есть город, а мы все посетили уже немало незнакомых городов. Нам сейчас нужно ничто иное, как информация, а ближайший ее источник, кажется, в Блуте.

— Диспетчера, — откликнулась без энтузиазма Маша.

— В Блуте*, — повторил с еще менее радостным предвкушением Гвидо.

Мне пришло в голову, что хотя мои помощники обязались и твердо решили остаться со мной в этом предприятии, но если я хочу заручиться полной поддержкой, мне лучше поискать ее у туземцев... перспектива, с которой я и вовсе не связывал больших надежд.

* *Кровь (нем.).*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Агент — это вампир с телефоном!

Любой редактор

Помните, как я говорил о том, что если вы видели один городишко, то считайте, видели их все? Ну, забудьте об этом. Хотя я посетил уйму измерений и повидал уйму городишек, мне пришлось признать, что Блут выглядел немного странным.

Все казалось сделанным, в основном, до предела черным. (Наверно, “до предела” — неудачный оборот. Как бы там ни было.) Прошу заметить, когда я говорю все, я имею в виду ВСЕ. Мостовая, стены, черепица крыш, все выдерживалось в одной и той же маловдохновляющей цветовой гамме. Может быть, сами по себе черные обертона не показались бы чересчур зловещими, если бы не архитектурные украшения, торчавшие, казалось, везде, куда ни глянь. Все коньки крыш и карнизы украшались каменными драконами и змеями, наряду с неизбежными горгульями и, конечно же, летучими мышами. Здесь я имею в виду не “летучих мышей”, а “ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ”!!! Больших летучих мышей, маленьких летучих мышей, летучих мышей с полуразвернутыми крыльями и других с широко развернутыми крыльями... ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ!!! Общим у них было, кажется, (помимо черного цвета) только одно — рты, полные острых, как иглы, зубов, — образ, ничуть не прибавлявший уверенности моему и без того уже нервноичавшему отряду. Я и сам чувствовал нарастающее напряжение, когда мы шагали по улице под ногами у этих сзирепых украшений. Идя мимо них, так и ждешь, что эти каменные фигуры оживут и ринутся на нас получить пияту-другую обеда.

— Веселенькое местечко, не правда ли? — спросила, поглядывая на крыши, Маша.

— Не хотел бы жаловаться, Босс, — вставил, прибегая к откровенной лжи, Гвидо, — но я бывал на кладбищах, более дружественных с виду.

— Да будете вы наконец держать язык за зубами! — зарычал я, говоря по возможности сквозь плотно сжатые губы. — Помните о наших личинах.

Я и впрямь прибег к заклинанию личины, когда мы вступили в город, но, стремясь побереечь магическую энергию, всего лишь превратил наши глаза в красные. Если кто-нибудь из других прохожих, а их попадалось немало, случаем, заметит наши невампирские зубы, сигнал будет подан раз и навсегда. Впрочем, опять же, возможно, и нет. Мы все еще не разобрались, почему встреченная нами по дороге парочка так испугалась меня, но я не собирался основывать успех нашей миссии на чем-то, столь хрупком, как надежда, что целый город пустится бежать при виде наших незамаскированных черт.

К счастью, мне не пришлось заниматься никакой магической возней с нашим гардеробом. Если мы чем и выделялись, так это некоторой сероватостью по сравнению с большинством вампиров на улице. Хотя большинство из них выглядели довольно молодыми, едва ли старше меня, нам встречались вампиры всех видов и размеров, разодетые в одни из самых колоритных и броских нарядов, какие я когда-либо имел несчастье видеть, когда они кричали друг другу и входили-выходили в таверны и обратно по всей улице.

Уже наступила ночь, и тучи достаточно рассеялись, чтобы показать усыпанное звездами ночное небо, и верные своему призыванию вампиры, кажется, любили ночную жизнь.

— Если здесь все вампиры, — сказал, игнорируя мое предупреждение, Гвидо, — то как же они находят кого-нибудь, у кого можно выпить кровь?

— Насколько я могу судить, — ответила Маша, тоже предпочтя не расслышать приказ заткнуться, — они покупают ее в бутылках.

Она показала на небольшую группу вампиров, сидевших на невысокой стене, весело пуская по кругу бутылку с красной жидкостью. Несмотря на наше знание местности, я подсознательно полагал, что они пили вино. Столкнувшись с неумолимым логическим выводом, что распиваемое ими пойло подразделялось по группам, а не по градусам, мой желудок совершил быстрый переворот и падение направо.

— Если вы закончили рассматривать достопримечательности, — прошипел я, — то давайте попытаемся найти этого Диспетчера, пока кто-нибудь не пригласил нас отсканиться с ними.

И с этими словами я увел прочь своих слегка притихших помощников, кивая и махая по пути веселящимся вампирам. На самом-то деле, происходящее выглядело порядком забавно, и у меня могло бы возникнуть искушение присоединиться к общему веселью, если бы не настоятельность нашего поиска... и, конечно же, тот факт, что они **БЫЛИ** вампирами.

Следуя инструкциям, полученным мною от пары на дороге до ее панического бегства, мы без всякого труда нашли контору Диспетчера. Оставив Гвидо на страже, мы с Машей смело поднялись по лестнице и вошли в кабинет Диспетчера.

Каким бы странным ни показался мне Блут, он не подготовил меня к помещению, в которое мы вступили.

Стены закрывали от глаз сотни стеклянных картин — картин, изображавших движущихся, живых существ почти так, словно глядишь на ряд аквариумов. Что еще важнее, показывалось там невероятное насилие и неопишуемые действия, совершаемые с вроде бы беспомощными жертвами. Общее воздействие не было ни успокаивающим, ни приятным... определенно, не то, что мне хотелось бы видеть на стене у себя дома.

Эти картины так заворожили меня, что я чуть не упустил из виду самого Диспетчера, пока тот не поднялся из-за стола. Наверно, "поднялся" — неточное определение. На самом-то деле, он спрыгнул на пол с кресла, бывшего высоким изначально, но сделанным еще выше добавлением на сидение подушки.

Сияя широкой улыбкой, он заспешил к нам, протягивая руку для рукопожатия.

— Привет Меня зовут Вильгельм Ваша проблема — моя проблема Не садитесь Стоячие проблемы я разрешаю даром За сидячие проблемы беру гонорар Разумные расценки Всего лишь небольшой процент сверху Чем могу помочь?

Все это он произнес своего рода одной фразой, в том смысле, что не останавливался передохнуть. Он, однако, схватил меня за руку, дважды пожал ее, потом повторил ту же процедуру с Машей, а затем опять стиснул руку мне... и все это прежде, чем перестал говорить.

В общем и целом, такой натиск немного подавлял. У меня возникло мимолетное впечатление невысокого, коренастого субъекта с пухлыми розовыми щеками и до крайности суетливыми движениями. Я намеренно постарался не гадать, каким будет с виду Диспетчер, но вампир-херувим малость захватил меня врасплох.

— Я... мгмм... как вы узнали, что у меня есть проблема?

За это я заработал добавочное пожатие руки и подмигивание.

— Сюда никто не заходит, если у него нет проблем, — сказал он, снижая, наконец, чуточку скорость речи. — Я имею в виду, мне всегда не помешает небольшая помощь, но разве кто-нибудь кинется на подмогу? Держи карман. Кажется, я вижу во плоти другое лицо, только когда это означает еще больше работы для меня. Докажите мне, что я неправ... сделайте милость! Скажите, что вы зашли подменить меня на часок-другой и дать мне высочить выпить.

— Ну, на самом-то деле, у нас есть проблема, и нам сказали...

— Вот видите! Что я вам говорил? Ладно. Что там у вас? Стоячая проблема или сидячая? Со стоячими проблемами я разбираюсь...

Он снова завелся. В отчаянном усилии не затягивать наш визит я прервал его излияния.

— Мы ищем одного друга, который...

— Больше ни слова! Друга! Секундочку!

И с этими словами он прыгнул обратно в кресло, сорвал верхушку со странного на вид прибора у себя на столе, немного повозился с ней, а затем принялся говорить в нее.

— Да, Дарвин? Вильгельм. Мне нужно... разумеется.

Откинувшись на спинку кресла, он сунул устройство под склоненную набок голову и схватил другое.

— Говорит Вильгельм. Кей тут?.. Ну, соедините, когда она закончит...

Второе устройство скользнуло под то же ухо, что и первое, а он протянул руку за новым.

— Я знаю, мне не следует про это спрашивать, — шепнул я Маше, — но что он делает?

— Это телефоны, — прошептала в ответ Маша, когда в игру вступил четвертый инструмент. — Ты говоришь с этого конца провода, а тот, кто находится на другом конце, слышит тебя и отвечает. Это куда лучше, чем бегать в поисках ответа по всему городу.

К этому времени маленький вампир повешал себе на плечи и руки столько инструментов, что выглядел подвергшимся нападению целого клубка змей. Однако он, казалось, неплохо управлялся с ними, говоря сперва в один, затем в другой, явно поддерживая сразу несколько разговоров, словно жонглер, управляющийся с целой корзиной мячей.

— Вот здорово, ловко получается! — воскликнул я. — Как по-твоему, мы не могли бы достать несколько таких штук для нашего дома на Базаре?

— Поверь мне, от них больше хлопот, чем толку, — отсоветовала мне Маша. — Не успеешь и глазом моргнуть, как будешь все время болтать по телефону, а ничего не добьешься. Кроме того, с тех самых пор, как расчленили корпорацию...

— По-моему, я нашел! — объявил Вильгельм, снова прыгивая на уровень пола. — Я достал на ваше усмотрение одного друга, но буду с вами честен — он всего лишь так себе. Мне еще должны позвонить насчет двух других, так что прежде чем вы остановитесь на ком-то определенном, давайте посмотрим, что они из себя представляют. Идет?

— Мгम्म... по-моему, здесь вышла какая-то ошибка, — отчаянно вмешался я, пытаюсь остановить это безумие, пока оно не зашло еще дальше. — Я не пытаюсь найти себе НОВОГО друга. Я пытаюсь отыскать уже имеющегося у меня друга, который может находиться в вашем городе.

Он несколько раз моргнул, когда до него дошла наконец эта новость. И невольно начал снова поворачиваться к телефонам, а затем с отвращением махнул рукой, отказавшись от них.

— Черт с ними, — сказал он со вздохом. — Если им удастся что-нибудь подыскать, я всегда могу с выгодой всучить их кому-то другому. Итак, давайте тогда попробуем снова. Вы ищете кого-то определенного. Они горожане или приезжие? Мне, знаете, не помешает-таки, если вы дадите мне какой-то материал для работы.

Он казался немного раздраженным, и мне хотелось сказать или сделать что-нибудь, способное развеселить его. Однако, прежде чем я смог что-либо придумать, в разговор решила вступить моя ученица.

— Ну и здорово же тут у вас все оборудовано, Скоростной Работник. Вас не обидит, если я спрошу, чем вы занимаетесь?

Как всегда, машино "чутье на публику" оказалось по-

лучше моего. При этом комплименте маленький вампир заметно просветлел лицом и, выпятив грудь, пустился в объяснения.

— Ну, эта работа первоначально числилась под названием Диспетчер... ну, знаете, в смысле — Диспетчер Кошмаров. Но так или иначе, подобно любой другой работе, она оказалась связанной с множеством дел, не входящих в должностные обязанности. Теперь эта должность — комбинация диспетчера, агента бюро путешествий, стола нахонок и бюро по розыску пропавших лиц.

— Кошмаров? — спросил я, не сдержавшись.

— Разумеется. Все, исходящее из Лимба, будь то сны, будь то реальность, проходит через эту контору. Откуда вы взялись, если не знаете этого?

Ясное дело, я не горел желанием развивать тему нашего происхождения.

— Э-э-э-э, вы действительно можете помочь нам найти друга? Он новичок в городе, как и мы.

— Совершенно верно. Вы кого-то ищете. Извините. Я иногда немного увлекаюсь, когда говорю о своей работе. Новичок в городе, хмм? Надо думать, обнаружить будет не так уж трудно. У нас не так уж много гостей.

— Он может находиться в тюрьме, — выпалила Маша, прежде чем я сообразил, что она собиралась сказать.

— В тюрьме? — нахмурился вампир. — Единственный чужак, сидящий сейчас в тюрьме... Послушайте! Теперь я вас узнал! Глаза на минуту сбили меня с толку. Вы — Скив, не так ли?

— Экран 97Б! — гордо провозгласил он, неопределенно показывая через плечо. — В дюжине измерений отсюда живет кто-то, кто продает "горячих собак", заказывающий вас в самых частых своих кошмарах. Вас, дракона и извращенца. Я прав, предполагая, что текущий обитатель нашей прекрасной тюрьмы никто иной, как ваш подручный Ааз?

— Правильней, изверг, а не извращенец... но за исключением этого, вы правы. Вы заперли там именно моего партнера, а мы намерены вызволить его.

Вероятно, я слишком много болтал, но это опознание меня в измерении, о котором я никогда и не слыхивал, вывело меня из равновесия. И потом, опять же, Диспетчер, казалось, вовсе не стал враждебным, сделав такое открытие. Он проявлял скорее любопытство, чем что-либо иное.

— Ну и ну. Сам Скив. Никогда не ожидал лично встре-

титься с вами. Вы должны как-нибудь рассказать мне, что вы сделали тому бедняге, чтобы определить себе первое место в его хит-параде кошмаров.

— Что насчет Ааза? — нетерпеливо спросил я.

— Вы знаете, что он арестован за убийство, не так ли?

— Слышал про это. Не верю в это. Его можно назвать по-всякому, но только не убийцей.

— Есть довольно много улик, — пожал плечами Вильгельм. — Но скажите мне. Что это за вампирский прикид? Вы же не больше вампир, чем я — пентюх.

— Это долгая история. Давайте просто скажем, что это показалось мне местной униформой.

— Давайте не будем, — усмехнулся Диспетчер. — Пододвиньте себе стул... без всякого гонорара, конечно. У меня есть время и множество вопросов о других измерениях. Возможно, мы сможем немного обменяться информацией, пока вы здесь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Не вижу в этом ничего бросающего в
грозы!

М.Джексон

— Я действительно не понимаю, как вы можете пить такое, — провозгласил я, глядя на бокал с кровью в руке Вильгельма.

— Забавно, — улыбнулся он в ответ. — Я собирался сказать то же самое. Я имею в виду, вы же знаете, что говорил о воде В.К.Филдс!*

— Нет. Что?

— Ну-ка, позвольте мне уточнить, — перебил Гвидо, прежде чем я успел получить какой-либо ответ. — Вы говорите, что ваша вампирская шатия на самом деле не пьет кровь у народа?

— О, некоторые пьют, — пожал плечами Диспетчер, — но это — благоприобретенный вкус, вроде бифштекса по-татарски. Некоторые говорят, что это блюдо для гурманов, но я лично этого добра никогда не выносил. Я в любую ночь предпочитаю держаться недорогих домашних разновидностей.

На данном этапе мы все сидели, развалиясь, в кабинете Диспетчера, потягивая каждый свою выпивку и завязывая весьма неплохой разговор по душам. Мы сняли Гвидо с караула у двери, и, стремясь не выкачивать свою резервную энергию, я отбросил наши личины.

Диспетчер поиграл с телефонами, звоня то с одного, то

* Американский киноактер-комик, обладающий носом
алкоголика.

с другого, а потом положил все трубки и объявил, что они у него на "держке", любопытное выражение, поскольку он впервые за полчаса не держал ни одной трубки.

Сам Вильгельм оказался бесценным источником информации и, как и обещал, обладал, казалось, ненасытным любопытством насчет инопланетных дел.

— Как же тогда объяснить все легенды о вампирах в других измерениях? — скептически поинтересовалась Маша.

Диспетчер состроил гримасу.

— Прежде всего, вы должны понять, с кем вам придется иметь дело. Большинство совершающих дорогие турпоездки за пределы Лимба принадлежат к категории "золотой молодежи". Мы говорим о состоятельных бездельниках... а это обычно равнозначно скучающим искателям острых ощущений. Трудяги вроде меня не могут позволить себе оторваться на столь долгий срок от своей работы. Черт, мне едва удастся выкроить две недели в году. Так или иначе, нас в разных измерениях намного больше, чем вы можете себе представить. Просто уравновешенные предпочитают держаться в тени и сливаться с туземцами. Они довольствуются кровью домашней живности, во многом так же, как у нас здесь, дома. Проблемы вызывают другие. Как и в любой группе туристов, всегда попадают некоторые, считающие, что раз они в другом мире или городе, то всякие правила перестают действовать... включая сюда также обычные манеры и хороший вкус. Именно они-то и навлекают беду, заставляя местных вооружаться против "сосущих кровь чудовищ". Если это вас утешит, то вы люди, и сами пользуетесь здесь, на Лимбе, дурной славой.

Это привлекло мое внимание.

— Вы не могли бы разъяснить это последнее поподробней, Вильгельм? Какая может быть у местных беда с нами?

Диспетчер рассмеялся.

— Да та же, что и у вас, людей, с вампирами. Хотя люди отнюдь не главная причина смерти вампиров, точно так же как вампиры — не главная причина смерти людей, это безусловно один из наиболее широко освещаемых и сенсационных способов отправиться к праотцам.

— Вот потому-то первые встреченные нами местные и рванули прочь, как летучие мыши из ада... извиняюсь за выражение? — спросила Маша.

— Вы уловили. Думаю, вы обнаружите, что граждане

Блута прореагируют точно так же, как и вы, если бы наткнулись на вампира в своем родном измерении.

— Я что-то не заметил, чтобы вы особенно пугались нас, — с подозрением сказал Гвидо.

— Одно из немногих преимуществ этой работы. Понаблюдав несколько лет по мониторам другие измерения, поневоле порядком пресытишься видом демонов. Насколько я могу судить, большинство из них ничуть не хуже некоторых личностей, каких у нас и здесь хватает.

Все это было очень интересно, но я начинал немного нервничать по поводу нашей миссии.

— Раз вы знаете, что мы не все злодеи и не занимаемся постоянной охотой на вампиров, то что можете сообщить нам о той передраге, в какую угодил Ааз? Вы можете чем-то помочь нам тут?

— Не знаю, — задумчиво потер челюсть Диспетчер. — Пока я не выяснил, кто он, я был готов поверить, что он виновен, как смертный грех. Против него страшно много улик.

— Каких, к примеру? — поднажал я.

— Ну, его поймали с осиновым колом и молотком в руках, и двое очевидцев засвидетельствовали, что они видели, как он убил одного из наших граждан и развеял его прах по ветру.

— Минуточку. Вы имеете в виду, что у вас не было никакого *corpus delicti*?* — выпрямился на своем стуле Гвидо. — Извините, что перебиваю, Босс, но теперь вы играете на моем поле. Уж в этом-то я малость разбираюсь. Нельзя пойти под суд за убийство без трупа, понимаете, что я имею в виду?

— Там, откуда вы родом, возможно, и так, — поправил Вильгельм, — но когда имеешь дело с вампирами, все обстоит немного иначе. Если бы у нас БЫЛО тело или даже просто кучка праха, мы бы его мигом оживили. А так, беда бывает, когда НЕТ тела... когда вампира превратили в прах, а прах развеяли. Вот тогда уж никак невозможно вернуть их в рабочее состояние.

— Но если нет тела, то откуда же вам знать, что жертва вообще мертва? — спросил я.

* Состав преступления (лат.).

— В том-то и загвоздка, — согласился Вильгельм. — Но в данном случае есть свидетельство двух очевидцев.

— Двух, да? — задумчиво пробормотала Маша. — У вас случайно нет описания этих двух глазастиков?

— Сам их видел. Они оба иномирцы, как и вы. Одна — молодая девушка, белокурая и невинная внешне. А другой — весьма подлый на вид парень. На самом-то деле именно она и убедила нас в этой истории. Ему, я думаю, никто не поверил бы, даже если бы он сказал, что волки покрыты шерстью.

У меня екнуло сердце. Мне очень сильно хотелось верить, что девушка, предупредившая нас о грозившей Аазу опасности, оказалась каким-то образом невинной свидетельницей происходящего. Теперь же все выглядело так, словно...

— Описания кажутся знакомыми, Оторва? Все еще думаешь, будто мы с Гвидо впадаем в паранойю, говоря, что все это может быть подстроено? Похоже, они слепили чернуху на твоего партнера, а потом вернулись за тобой — получить полный комплект.

Я избегал встречаться с ней взглядом, упорно глядя на настенные мониторы.

— Может быть, знаешь и другое объяснение.

Моя ученица резко рассмеялась.

— Если оно есть, мне до смерти хочется услышать его. Надо смотреть фактам в лицо, Оторва, как на это дело ни взгляни, оно дурно пахнет. Если они за такое короткое время слепили такую крупную чернуху на Зеленого и Чешуйчатого, то мне до смерти хочется увидеть, какую ловушку они расставят для нас теперь, когда у них было время подготовиться, ПРЕЖДЕ ЧЕМ пригласить тебя зайти.

Мне пришло в голову, что когда я был учеником, то никогда так много не пререкался. А также пришло в голову, что теперь мне понятно, почему Ааз так сердился в тех редких случаях, когда я высказывал свое мнение... и в еще более редких случаях, когда я оказывался прав.

— По-моему, я где-то пропустил часть этого разговора, — нахмурился Вильгельм. — Как я понимаю, вы знаете этих свидетелей?

Маша принялась вводить Диспетчера в курс дела, а Гвидо порывкивал контрапунктом к теме. На сей раз я с радостью предоставил говорить им. Это дало мне время собраться с рассеянными мыслями и попытаться сформу-

лизовать план. Когда они закончили, я все еще не очень далеко зашел в направлении к обоим целям.

— Должен признать, при рассмотрении в свете этих новых сведений все это дело кажется немного подозрительным, — задумчиво проговорил вампир.

— НЕМНОГО подозрительным! — фыркнула Маша. — Да оно фальшивей улыбающегося девола!

— Вот что я вам скажу, — начал Гвидо, — дайте нам всего несколько минут наедине с этими вашими свидетелями, и мы вытрясем из них правду.

— Боюсь, что это будет немного трудновато, — отвечал Диспетчер, глядя в потолок. — Видите ли, их уже какое-то время нигде нет. Исчезли сразу же после суда.

— Суда? — вскинулся я, бросив всякие усилия собраться с мыслями. — Вы хотите сказать, что суд уже состоялся?

Вампир кивнул.

— Совершенно верно. Незачем говорить, вашего друга признали виновным.

— И почему это у меня такое ощущение, что ему не дали условного приговора ввиду первого правонарушения? — проворчал себе под нос Гвидо.

— Фактически, его приготовились казнить в конце недели, — признал Вильгельм.

Это сообщение выбросило меня из кресла и заставило расхаживать взад-вперед по комнате.

— Мы должны что-то сделать, — сказал без надобности я. — Как насчет этого, Вильгельм? Вы можете нам хоть чем-то помочь? Есть какой-то шанс отменить вердикт или, по крайней мере, задержать казнь?

— Боюсь, что нет. Одни только свидетели, подтверждающие репутацию обвиняемого, ничего не изменят, а что касается новых улик, то будет лишь ваше слово против слов уже существующих свидетелей, а вы уже признали, что подзащитный — ваш друг. Уверяю вас, Я вам верю, но другие заподозрят, что вы расскажете или сфабрикуете любую байку, лишь бы спасти своего партнера.

— Но вы ЛИЧНО можете оказать нам помощь?

— Нет, не могу, — отвернулся вампир. — Вы все, кажется, действительно, милые ребята, а ваш друг, возможно, соль земли, но мне придется здесь жить и еще долго иметь дело со здешними жителями. Если я выступлю на стороне пришлых против юридической системы города, то вся моя карьера пойдет прахом, независимо от того,

прав я или нет. Это некрасиво и не нравится мне, но так уж обстоят дела.

— Мы могли бы устроить так, что вам это будет нравиться еще меньше! — мрачно произнес Гвидо, сунув руку за пазуху.

— Прекрати, Гвидо, — приказал я. — Не будем забывать об УЖЕ оказанной Вильгельмом помощи. Она намного больше, чем мы ожидали получить, когда впервые вступили в это измерение, и поэтому незачем делать врагом нашего единственного здешнего друга. Идет?

Телохранитель снова погрузился в кресло, бурча что-то, чего я, к своей радости, не расслышал, но рука его вылезла из-под пальто пустой и оставалась на виду.

— Так что же нам теперь делать, Оторва? — вздохнула Маша.

— Единственное, что я могу придумать, это попытаться отыскать этих свидетелей до дня казни, — сказал я. — Вот чего я не могу придумать, так это как взяться за розыски, не натравив на себя полгорода.

— На самом-то деле, нам нужно нечто иное, как ищейка, — проворчал Гвидо.

— Слушайте, а ведь это неплохая мысль! — воскликнул, оживившись, Вильгельм. — Возможно, я все-таки сумею вам помочь!

— У вас есть ищейка? — поднял брови телохранитель.

— Еще лучше, — провозгласил вампир. — Не понимаю, почему я раньше об этом не подумал. Вам нужно связаться не с кем иным, а с Ав-Авторами.

Я внимательно изучил его, пытаюсь понять, не является ли сказанное какой-то шуткой.

— Ав-Авторами? — повторил наконец я.

— Ну, мы в Блуте называем их за спиной именно так. На самом-то деле, это команда вервольфов, состоящая из мужа и жены, и они ведут большую кампанию, добиваясь роста симпатий к людям.

— Вервольфы, — осторожно повторил я.

— Разумеется. У нас здесь, на Лимбе, есть всякие. В любом случае, если в этом измерении кто и согласится рискнуть ради вас головой, так это они. Они занимаются своим делом, и им в общем-то плевать, что об этом думают другие местные. Кроме того, когда речь идет о вынюхивании следа, вервольфы никому не уступят.

— Вервольфы.

Вильгельм с любопытством посмотрел на меня, чуть склонив голову набок.

— Мне мерещится, Скив, или вы это уже говорили?

— Что еще лучше, — сладко улыбнулась Маша, — он, вероятно, скажет это еще раз. Это поддается повторению.

— Вервольфы, — снова произнес я, просто чтобы поддержать мою ученицу.

— Босс, — начал Гвидо, — мне не хочется этого говорить, но никто ничего не сказал о вервольфах, когда мы...

— Вот и хорошо, — грубо перебил я. — Тебе не хочется этого говорить, а мне не хочется этого слышать. Ну раз мы достигли соглашения, давай просто спустим это и...

— Но, Босс! Не можем же мы встать в одну упряжку с вервольфами.

— Гвидо, мы это просто преодолеем. Мы в тяжелом положении И в незнакомом измерении. И не можем позволить себе быть поразборчивей с союзниками.

— Вы не пожимаете, Босс. У меня к ним аллергия!

Я погрузился в кресло и закрыл лицо руками.

— Я думал, у тебя аллергия к чесноку, — проговорил я сквозь пальцы.

— Это тоже, — подтвердил телохранитель, — но больше всего у меня аллергия к мохнатым и волосатым штукам, вроде котят или меховых пальто, или...

— ...или вервольфов, — закончила за него Маша. — Честно говоря, Сумрачный и Смертельный, просто удивительно, как тебе удавалось эффективно функционировать все эти годы.

— Эй, такое выпадает не так уж часто, понимаешь, что я имею в виду? — возразил, защищаясь, Гвидо. — Сколько раз на тебя нападало что-то волосатое?

— Не так уж часто, как мне хотелось бы! — плотоядно усмехнулась Маша.

— Хватит веселиться, — приказал я, подняв голову. — Гвидо, ты когда-нибудь действительно находился рядом с вервольфом?

— Ну, нет, но...

— Тогда, пока не узнаем изверняка, будем считать, что у тебя НЕТ аллергии к ним. Идет? Вильгельм, где именно нам найти этих ваших Ав-Авторов?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сперва давай решим, кто верет, а кто следует.

Ф.Астер

— Босс, а где, собственно, этот Покипси?*

Я гадал, все ли телохранители тратят большую часть своего времени на жалобы, или это только мне так повезло.

— Слушай, Гвидо. Ты там был и слышал те же указания, что и я. Если Вильгельм прав, то до него осталось всего лишь пара миль дальше по дороге.

— ..."довольно глухая спальная община, годная только для неспешающих за скоростным образом жизни большого города", — процитировала Маша, довольно точно подражая голосу вампира.

Гвидо грубо засмеялся.

— И почему это у меня такое ощущение, что ты, Маша, относишься к Вильгельму без особого тепла? — подавил я собственную усмешку.

— Может быть, потому что он единственный встреченный нами парень, к которому она не подклеивалась? — предположил Гвидо.

Маша в ответ показала ему язык, а прежде чем ответить мне, скосила глаза.

— О, Вильгельм молодец, — сказала она. — Довольно приятный, к тому же... по крайней мере, в верхней части его головы. И он признал, что вампиры, в общем, больше любят города и вечеринки, в то время как вервольфы

* Университетский городок на реке Гудзон, выше Нью-Йорка.

предпочитают атмосферу сельской жизни в духе "назад к природе". Просто, мне не нравится эта затея, вот и все. Я, знаешь ли, выросла на ферме. И сельские завтраки имеют немалое отношение к моему нынешнему панорамному телосложению. Кроме того, что-то говорит мне: не стоит доверять улыбающемуся вампиру... или, по крайней мере, не стоит чересчур доверять ему.

Я собирался упомянуть о том, что я тоже вырос на ферме, но оставил эти сведения при себе. Деревенская пища явно не особенно повлияла на мое телосложение, и мне не хотелось лишать ученицу удобного оправдания.

— Если бы он хотел причинить нам вред, ему требовалось бы всего-навсего настучать на нас, пока мы еще находились в городе, — указал я. — Давайте просто принимать все за чистую монету и считать его действительно таким милым, каким он кажется... ради нашего общего душевного спокойствия.

Желал бы я быть таким уверенным, каким казался. Мы забрались далеко в захолустье, и если Вильгельм хотел отправить нас гоняться за недостижимой химерой, то не мог бы выбрать для этого лучшего направления.

— Да, ну, я бы чувствовал себя куда спокойнее, если бы за нами никто не следовал, — пробурчал Гвидо.

Я встал как вкопанный. Так же как и Маша. Телохранитель же сумел врезаться в нас, прежде чем сам остановился.

— Что такое, Босс? Что-нибудь случилось?

— С минуту назад мне показалось, будто я услышал, как ты сказал, что за нами кто-то следует.

— Да. С тех самых пор как мы вышли от Диспетчера. А почему... вы хотите сказать, что вы не знали?

Я удержался от порыва придушить его.

— Нет, Гвидо. Не знал. Видишь ли, мой телохранитель мне не сообщил. Он был слишком занят жалобами на дорожные условия, чтобы найти время упомянуть о чем-то, столь тривиальном, как кто-то, идущий следом за нами.

Затрясшись, Гвидо отступил на несколько шагов.

— Эй! Бросьте, Босс. Не будьте таким. Я думал, вы знали! Честно. Кто бы там за нами ни топал, они не очень-то здорово скрывают, что идут по нашему следу. Любой идиот мог бы заметить... я имею в виду...

— Продолжай, Сумрачный и Смертельный, — подтолкнула его Маша. — На случай, если ты не заметил, ты с каждым словом закапываешь себя все глубже и глубже.

Огромным усилием воли я вновь взял себя в руки.

— Как бы там ни было, — отмахнулся я, — полагаю, ты совершенно не представляешь, кто это там?

— Нет. Их только один человек. Если они не...

Голос его смолк, и он внезапно стал выглядеть встревоженным.

— Выкладывай, Гвидо. Если они не что?

— Ну, иной раз, когда выслеживаешь кого-то **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** по-хитрому, то выставляешь вперед одного настоящего увальня, чтобы его заметили, в то время как ты держишь своего настоящего аса-ликвидатора невидимым. Раньше я об этом как-то не подумал. Этот индюк позади нас может быть манком, понимаете, что я имею в виду?

— Я думала, манками служат утки, а не индюки, — нахмурилась Маша.

— Ну, если тебя это утешит, то коли дело обстоит именно так, тогда неподвижные, как в тире, утки сейчас **МЫ**.

— Вы не могли бы просто стихнуть на несколько минут и дать мне подумать?

Мне вдруг стало нестерпимо слушать их обмен шуточками.

— Ну, возможно, все не так уж плохо, — произнес с сомнением в голосе Гвидо. — Я порядком уверен, что заметил бы бригаду поддержки, будь она там.

— О, разумеется, — фыркнула Маша. — Выходящую из города, полного вампиров, способных, когда им угодно, превратиться в туман. Конечно, ты бы их заметил.

— Эй, Босс может грызть меня, сколько влезет, но я не обязан терпеть этого от тебя. Ты даже индюка-то не заметила, не забыла?

— Единственный индюк, какого вижу я, это...

— Хватит! — приказал я, приняв решение, несмотря на отсутствие содействия с их стороны. — Мы должны выяснить наверняка, кто за нами идет и чего им надо. Это место не хуже любого другого, и поэтому я предлагаю нам всем убраться в кусты и ждать, когда наша тень догонит нас... Нет, Маша. Я буду здесь с Гвидо. А ты займи другую сторону дороги.

Эта часть моего плана имела меньше отношения к военной стратегии, чем к усилиям с моей стороны сберечь то малое, что осталось от моих нервов. Я считал разделение этих двоих единственным способом заткнуть им рты.

— Сожалею, Босс, — шепнул мне Гвидо, когда мы притаились бок о бок в кустах. — Я все забываю, что вы не столь сведущи в уголовщине, как те ребята, с которыми я обычно вожусь.

Ну, я оказался прав лишь наполовину. Маша по другую сторону дороги сидела тихо, но покуда у Гвидо было с кем поговорить, он собирался и дальше выражать свои мысли и мнения вслух. Я начинал понимать, почему в присутствии телохранителей дон Брюс настаивал на праве говорить исключительно ему одному. Поощрение сотрудников высказываться, словно равных, определенно имело свои недостатки.

— Нельзя ли понизить голос? — попробовал я еще раз. — Это же вроде бы засада.

— Об этом не беспокойтесь, Босс. Пройдет еще какое-то время, прежде чем они нагонят нас, а когда это произойдет, я услышу их раньше...

— Это ты, Скив?

Голос донесся из темноты лишь чуть дальше по дороге.

Я бросил на Гвидо самый сумрачный свой взгляд, и он в ответ, оправдываясь, пожал плечами, что на мой взгляд выглядело не особенно искренне.

И тут до меня дошло, где я прежде слышал этот голос.

— Точно, здесь, — отозвался я, поднимаясь из согнутого положения и выходя на дорогу. — Мы тебя ждали. Думаю, нам самое время немного поболтать.

Помимо прикрывания моего смущения из-за этого обнаружения, эти слова должны считаться самым лучшим моим преуменьшением за довольно долгий срок. Когда я видел эту конкретную особу в последний раз, она предупреждала меня об аресте Ааза.

— Хорошо. — Она шагнула мне навстречу. — Именно поэтому я и последовала за вами. Надеюсь, что мы сможем...

Ее слова внезапно оборвались, когда из-за кустов поднялись и двинулись, чтобы присоединиться к нам, Гвидо и Маша.

— Ну и ну, смотрите-ка, кто у нас тут, — сверкнула одной из своих менее приятных усмешек Маша.

— Никак ты птичка, что насвистела вампирам, — плотоядно ухмыльнулся Гвидо, соревнуясь с угрожающим тоном моей ученицы.

Девушка наградила их испепеляющим взглядом, а затем снова повернулась лицом ко мне.

— Я надеялась, что мы сможем поговорить наедине. Мне нужно многое сказать, и у меня для этого мало времени. Разговор пойдет быстрее, если нас не будут перебивать.

— Не выйдет, любезная, — зарычал Гвидо. — Я не собираюсь выпускать Босса из поля зрения, пока ты рядом.

— ...кроме того, мне тоже надо сказать тебе кое-что, — добавила Маша. — Например, какого я мнения о тех, кто думает, что лепить лучше не керамику, а чернуху.

Глаза девушки ни на миг не отрывались от моих. При всей ее бравате мне показалось, что я заметил в глубине их мольбу о помощи.

— Пожалуйста, — тихо проговорила она.

В душе у меня произошла короткая схватка и, как обычно, здравый смысл проиграл.

— Ладно.

— ЧТО! Бросьте, Босс. Не можете же вы позволить ей оказаться наедине с вами! Если рядом ее корешки...

— Оторва, даже если мне придется сесть на тебя верхом, ты не...

— Послушайте. — Я оторвал глаза от девушки и обратился к своим взбунтовавшимся сотрудникам. — Мы всего лишь пройдем по дороге несколько шагов вперед, у вас на виду. Если что-нибудь случится, вы сможете прискакать прежде, чем стрясется что-то серьезное.

— Но...

— ...и вы определенно не можете думать, будто ОНА намерена напасть на меня. Я хочу сказать, ведь при ней наверняка нет никакого скрытого оружия.

Это был факт. С тех пор как мы виделись в последний раз, она переделалась в иной наряд, вероятно, для большего соответствия экзотическим одеяниям любящих костюмированные вечеринки вампиров. Она носила нечто, именуемое, как я слышал, "аквариумным верхом", оставляющее ее живот и пупок восхитительно открытыми, и юбку с разрезами до пояса (если можно назвать два куска ткани юбкой), показывавшую ее ножки куда выше бедер. Будь при ней оружие, она его могла только проглотить. Либо так, либо...

Я поволок свои мысли обратно к спору.

— Неоспоримый факт, что перед толпой она говорить не будет. Так вот, получу я шанс выслушать другую точку зрения на происходящее, или мы будем и дальше вслепую нащупывать информацию, когда на весах жизнь Ааза?

Мои сотрудники умолкли и переглянулись, каждый ожидал, что попасть под следующую молнию рискнет другой.

— Ну ладно, — согласилась, наконец, Маша. — Но будь поосторожней, Оторва. Помни, яд может подноситься и в красивых сосудах.

И так вот, под неусыпным бдительным наблюдением своих помощников, я отошел на несколько шагов дальше по дороге, сказать свои первые слова наедине с...

— Слушай, а как тебя, собственно, звать?

— Хммм? О. Я — Луанна. Слушай, спасибо за поддержку. Около тебя ошивается весьма грозная на вид команда. Я слышала, что у тебя есть последователи, но совсем не представляла, какие они опасные.

— О, коль скоро узнаешь их, они очень даже ничего. Если работаешь с ними изо дня в день, то быстро выясняешь, что они... черт, да никто из нас, на самом-то деле, не столь опасен или эффективен, какими нас подает раздутая реклама.

Я вдруг осознал на себе ее взгляд. На лице у нее появилось странное выражение... своего рода горькая полуулыбка.

— Я всегда слышала, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** могущественные люди склонны преуменьшать свои возможности, что им не требуется похвалиться. До этой минуты я никогда по-настоящему в это не верила.

Я действительно не знал, чего и сказать на это. Я имею в виду, что моя известность стала достаточно большой, чтобы я начинал привыкать к тому, что на Базаре меня узнают и много говорят обо мне, но чувства, проявляемые ею, не относились ни к страху, ни к зависти. Среди моих личных друзей и восхищение, и похвалы тщательно скрывались под оболочкой нашей личной разновидности грубого юмора или поддразнивания. Столкнувшись с незамутненным выражением тех же чувств, я растерялся, не зная, как ответить.

— Мгммм, о чем ты хотела поговорить со мной?

Лицо у нее вытянулось, и она опустила глаза.

— Это так неловко. Пожалуйста, будь терпелив со мной, Скив... ничего, что я называю тебя Скив? У меня нет большого опыта в извинениях... черт, у меня вообще мало опыта общения с людьми. Только с партнерами и лохами. И теперь, когда я здесь, я действительно не знаю, что и сказать.

— Почему бы нам не начать с начала? — Я хотел

помочь ей избавиться от скованности. — Вы действительно надули деволов на Базаре?

Луанна, не поднимая глаз, медленно кивнула.

— Именно этим мы и занимаемся. Я и Мэтт. Этим и убеганием, хотя я иногда думаю, что убегаем мы куда лучше, чем жульничаем. Может быть, если бы мы лучше умели проворачивать аферы, нам не пришлось бы так много заниматься бегом.

Ее слова ударили по мне, словно умягченный тряпьем молот. Мне очень сильно хотелось услышать, что она невиновна и что все это сплошная ошибка. Я хочу сказать, что она была такой хорошенькой, такой милой, что я мог головой ручаться за ее невиновность, и все же вот она открыто призналась мне в своей вине.

— Но почему? — сумел наконец выговорить я. — Я имею в виду, как ты в первый раз впуталась в обжуливание народа?

Ее мягкие плечи поднялись и упали в беспомощном пожатии.

— Не знаю. Когда Мэтт впервые объяснил мне свою затею, это показалось хорошей идеей. Мне до смерти хотелось убраться с фермы, но я не умела зарабатывать на жизнь ничем, кроме работы на ферме... пока Мэтт не объяснил мне, как легко добыть у людей деньги, сыграв на их жадности. “Обещай им что-нибудь за здорово живешь, — говорил он, — или за такой мизер, что они подумают, будто это ОНИ надувают ТЕБЯ”. Когда он излагал в таком духе, это дело казалось не таким уж плохим. Выглядело скорее умением оказаться достаточно умным, чтобы перехитрить думающих обмануть тебя.

— ...продавая им магические предметы без признаков магии, — закончил я за нее. — Скажи мне, почему вы просто не занялись магической торговлей по-настоящему?

Она подняла голову, и я уловил в ее печальных синих глазах быструю вспышку огня.

— Мы не знали никакой магии и поэтому нам приходилось подделывать ее. Тебе этого, вероятно, не понять, так как ты — неподдельный мастер-маг. Я это поняла, когда впервые увидела тебя в Поссилтуме. Мы собирались обманом добыть места Придворного Мага, пока не появился ты и не блеснул перед короной образчиком настоящей магии. Даже Мэтту пришлось признать, что нас превзошли в мастерстве, и мы своего рода слиняли, прежде чем кто-

нибудь попросил нас показать, на что мы способны. Думаю, именно тогда я и...

Она оборвала фразу, бросив на меня испуганный, виноватый взгляд, словно она собиралась сказать что-то такое, чего ей говорить не следовало.

— Продолжай, — подтолкнул я с обостренным любопытством.

— Да, в общем-то, больше нечего, — поспешно сказала она. — Теперь твоя очередь. Поскольку я рассказала тебе свою историю, ты, возможно, будешь не против моего вопроса о том, как ты начал заниматься магией.

Это несколько остановило меня. Подобно ей, я вырос на ферме. Я, однако, сбежал, собираясь поискать счастья в качестве умелого вора, и лишь случайная встреча с моим прежним учителем Гархином и вследствие этого с Аазом переориентировала мои карьерные цели на магию. Задним числом мои мотивы представлялись ничем не лучше, чем у нее, но именно сейчас мне и не хотелось признаваться в этом. Мне в некотором роде нравилось, как она смотрела на меня, пребывая в убеждении, будто я какой-то благородный и особенный.

— Повесть эта слишком долгая, чтобы пускаться в нее именно сейчас, — грубо ответил я. — Мне хотелось бы получить от тебя еще несколько ответов. Как вышло, что вы использовали наш дом в качестве пути бегства с Девы?

— О, это Вик придумал. Мы столкнулись с ним как раз перед тем, как начали свою аферу на Базаре. Когда дело запахло жареным, он сказал, что знает ход в измерение, за которым никто не будет наблюдать. Мы с Мэттом даже не знали, что это твой дом, пока ваш швейцар не спросил, не тебя ли мы хотим видеть. Мэтт так боялся связываться с тобой, что хотел забыть обо всем этом деле и найти другой выход, но Вик показал нам дверь, и все выглядело таким легким, что мы просто подыграли ему.

— Конечно, вам и в голову не приходило, что нам навяжут заботу по попыткам вернуть зас.

— Тебе лучше поверить, что нам это в голову приходило. Я хочу сказать, мы не думали, что вам НАВЯЖУТ ее. Мы ожидали, что ты взбесишься на нас за впутывание тебя в это дело и кинешься за нами сам. Бик не переставал твердить, что нам незачем тревожиться, что если ты найдешь нас здесь, на Лимбе, он сможет устроить так, что тебе не удастся забрать нас обратно. Я не знала, что он задумывал слепить чернуху, пока он не повесил ее на твоего партнера.

Я попытался утешиться этим, но не получилось.

— Как я замечаю, выяснив, что на Ааза слепили чернуху, ты все же подыграла ей.

— Ну... я не хотела, но Вик не переставал твердить, что если вы с ним так хороши, как все говорят, то твой партнер сам выберется из тюрьмы. Мы считали, что он сбежит до казни, но раз целое измерение будет охотиться за ним, как за беглым убийцей, он будет слишком занят бегством домой, чтобы утруждать себя поимкой нас.

Я начал ПО-НАСТОЯЩЕМУ жадать встретиться с этим Виком. Мне также пришло в голову, что из всех потенциальных проблем, навлеченных на нас нашей же растущей известностью, такой мы никак не ожидали.

— И ты ему поверила?

Луанна состроила гримасу. а затем пожала плечами.

— Ну... считается, что ты способен сделать кое-что, весьма невероятное, и я не хочу, чтобы ты думал, будто я не верю в твои способности, но я достаточно встревожилась, чтобы ускользнуть и дать тебе знать, что происходит... просто на всякий случай.

Было почти забавным, что она извинялась за предупреждение нас. Почти, но не совсем. В голове у меня не переставала крутиться мысль о том, что могло бы случиться, если бы она-таки полностью верила в меня.

— Полагаю, единственный оставшийся у меня вопрос должен быть о том, кто же этот гражданин, которого Ааз будто бы убил?

— Разве тебе никто не передал? — моргнула она. — Это Вик. Он из этого измерения... ну, знаешь, вампир. Так или иначе, он затаился, пока все это дело не разрешится тем или иным образом. По-моему, даже Мэтт не знает, где он прячется. Вампиры обычно подозрительны, а после того, как я ускользнула в первый раз, он стал с нами и того осторожней. Он просто заскакивает время от времени посмотреть, как у нас дела.

Теперь я ЗНАЛ, что хочу встретиться с нашим другом Виком. Если мне повезет, я встречу с ним раньше Ааза.

— Ну, я очень ценю, что ты уведомила меня об этой беде. А теперь, если ты просто вернешься с нами в Блут и объяснишь все властям, моя благодарность будет полной.

Луанна дернулась, словно я ткнул ее булавкой.

— Минутку! Разве кто-то говорил что-нибудь о явке к властям? Я не могу этого сделать! Это было бы предательством МОИХ партнеров. Я не хочу зла ни тебе, ни твоим

друзьям, но я не могу пожертвовать ради их спасения своими.

Честный мошенник — и нелеп и бесит. Ааз часто указывал мне на это, когда какой-нибудь принцип в моей этике не давал мне согласиться на один из его замыслов, и теперь я начинал понимать, о чем он говорил.

— Но тогда почему же ты здесь?

— Я хотела предупредить тебя. Вик думал, что ты можешь отправиться на Лимб за своим партнером, и поставил на этот случай какую-то западню. Если он прав, то, я думала, тебе следует знать, что тебя ждет беда. Я прикинула, что если ты придешь, то заглянешь к Диспетчеру, и поэтому подождала там и, когда вы появились, последовала за вами. Я просто хотела тебя предупредить, вот и все. Предупредить и...

Она снова опустила глаза и понизила голос до такого уровня, что я еле-еле слышал ее.

— ...мне хотелось увидеть тебя опять. Я знаю, это глупо, но...

Как ни лестно это звучало, на сей раз ее слова не произвели на меня впечатления.

— Да, разумеется, — перебил я. — Ты настолько интересовалась мной, что готова была дать моему партнеру сесть за убийство, просто чтобы иметь возможность посмотреть на мое выступление.

— Я уже объяснила тебе это, — горячо сказала она, шагая вперед и кладя ладонь мне на руку.

Я указующе поглядел на ее руку, пока она не убрала ее.

— Ну, — притихшим голосом произнесла она. — Я вижу, мне больше нечего сказать. Но, Скив? Обещай мне, что ты не последуешь за мной, когда я уйду? Ни ты, ни твои друзья. Я пошла на большой риск, отыскивая тебя. Пожалуйста, не заставляй меня жалеть об этом.

На долгий миг я уставился на нее, затем отвел взгляд и кивнул.

— Я знаю, ты разочарован во мне, Скив, — донесся ее голос, — но я не могу пойти против своих партнеров. Разве тебе никогда не приходилось делать для поддержки партнера то, чего тебе не хотелось бы делать?

Это замечание попало не в бровь, а в глаз... болезненно.

— Да, приходилось. — Я с трудом втянул в себя воздух. — Извини, Луанна. Просто я тревожусь за Ааза, вот и все. Вот что я тебе скажу. Просто чтобы показать, что нет

никаких тяжелых чувств, нельзя ли мне получить какой-нибудь сувенир или символ? Что-нибудь, напоминающее о тебе, пока я снова не свижусь с тобой?

Она покелебалась, а затем вытащила откуда-то из своего наряда тонкий, как паутинка, шарф. Подойдя поближе, она сукула его мне в тунику, а потом поднялась на цыпочки и мягко поцеловала меня.

— Спасибо, что попросил об этом, — поблагодарила она. — Даже если для тебя это ровным счетом ничего не значит, все равно приятно, что ты попросил об этом.

И с этими словами она повернулась и убежала по дороге в темноту.

Я уставился ей вслед.

— Ты даешь ей уйти?!

Внезапно рядом со мной очутилась Маша, а сбоку от нее Гвидо.

— Бросьте, Босс. Мы должны ее догнать. Она — пропуск из камеры смертников для вашего партнера. Куда она уходит?

— На встречу со своими партнерами по преступлению, — ответил я. — Заключая одного удивительно живого парня по имени Вилк... удивительно, поскольку именно его-то Ааз якобы и убил.

— Значит, мы можем поймать их всех вместе. Неплохая работа, Оторва. Ладно, давай последуем за ней и...

— Нет!

— Почему нет?

— Потому что я ей обещал.

Наступила мертвая тишина, пока мои помощники переваривали эту информацию.

— Значит, она уходит, а Зеленый и Чешуйчатый умирает, так, что ли?

— Ты продаешь своего партнера из-за телки? Должно быть, поцелуй этот был еще тот.

Я медленно повернулся лицом к ним, и при всей своей злости они сразу смолкли.

— А теперь слушайте повнимательнее, — спокойно произнес я, — потому что повторять я не собираюсь. Если бы мы попытались выследить через нее их укрытие, а она нас заметила, то повела бы нас гоняться за химерой, а их мы никогда не догнали бы... а нам нужен этот так называемый труп. Думаю, одни лишь ее свидетельские показания не изменят вердикт.

— Но, Босс, если мы дадим ей уйти...

— Мы их найдем, — заверил я. — Если мы не будем топтать за ней по пятам, она направится напрямик к своим партнерам.

— Но как же мы...

В ответ я вытащил из туники шарф Луанны.

— К счастью, она оказалась достаточно любезной, чтобы обеспечить нас средствами выследить ее, коль скоро мы заручимся помощью нужного вервольфа.

Гвидо хлопнул меня по спине так крепко, что чуть не сшиб с ног.

— Вот это дело, Босс, — гаркнул он. — Вы на миг действительно одурачили меня. Я думал, эта цыпочка действительно охмурила вас.

Я поднял взгляд и увидел, что Маша смотрит на меня с подозрением.

— Это БЫЛ тот еще поцелуй, Оторва, — сказала она. — Не будь я уверена в ином, я бы подумала, что эта юная особа более чем малость втюрилась в тебя... а ты просто злоупотребил этим.

Я отвел глаза и обнаружил, что снова гляжу на дорогу.

— Как однажды сказала мне одна мудрая женщина, — произнес я, — иногда для поддержки партнера приходится делать такое, что тебе не нравится... А теперь, идемте-ка искать этих Авторов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы с жюцли коллеги считаем, что независимые, вроде "Волшебного поиска" — ничто иное как овцы в волчьих шкурах!

С.Лу

Ав-Авторы оказались куда более симпатичными, чем я смел надеяться, что и к лучшему, так как созданные мною личины вервольфов относились к одним из самых ненадежных моих творений. У Гвидо и впрямь, как он и опасался, обнаружилась аллергия к вервольфам (он начал чихать за сто ярдов от их дома), и его оставили ждать за дверью, но даже попытки поддерживать только две личины оказались в этом бедном энергией измерении неспособным напряжением для моих способностей. Я попробовал снизить расход энергии, сведя перемены к минимуму, но сумел лишь сделать их невероятно неубедительными, хотя мои помощники заверили меня, что они отличные. Что бы вам ни рассказывал кто-либо иной, поверьте мне, заостренные уши еще не создают волка.

Вы, возможно, гадаете, зачем я вообще утруждал себя созданием личин? Ну, честно говоря, мы начинали немного нервничать. Все, с кем или о ком мы говорили в этом измерении, были такими МИЛЫМИ! Мы все время ждали падения другого ботинка. Все наши разговоры и дискуссии о возможных ловушках сделали нас такими дерганными, что мы пребывали теперь в убеждении, что где-то впереди затаился обман. Нас занимал лишь один вопрос: когда и кто нас предаст.

* Название популярной видеоигры.

С такими вот мыслями на уме мы решили, что лучше всего будет попробовать выдать себя за вервольфов, пока точно не узнаем, что Ав-Авторы столь хорошо расположены к человекам, как говорил Вильгельм. По нашей теории, если они окажутся иными, личины, возможно, дадут нам шанс убраться восвояси, прежде чем откроется наша истинная природа. Единственная трудность с этим планом заключалась в том, что я никогда в жизни не видел ни одного вервольфа и поэтому работал не только при дефиците энергии, но и без уверенности, на что должен походить конечный результат. Как оказалось, несмотря на их квалифицированные советы, мои сотрудники тоже этого не знали.

И пока мы отвечаем на вопросы публики, вы можете спросить, откуда я знаю, что личины никуда не годились, если ни я, ни мои помощники не знали, как выглядит вервольф? Просто. Я выяснил это после одного взгляда на настоящих вервольфов. И вдобавок мне сообщили об этом Ав-Авторы. Разве я не сказал вам, что они были отличные ребята? Конечно, они дали нам немного попотеть, прежде чем признались, что они сразу раскусили в нас плохо замаскированных человек, но я лично склонен приписать это их своеобразному чувству юмора. А вот Маша упорно усматривает в таком розыгрыше откровенный садизм. Конечно, именно ей-то и пришлось съесть кость, прежде чем они сознались в шутке.

Так или иначе, я говорил об Ав-Авторах. Встреча была интересна тем, что мне никогда раньше не доводилось видеть в действии команду “муж-да-жена” (мои родители не в счет). Самым близким к этому явлению была наблюдаемая мною команда “барт-сестра” Тананды и Корреша, но те при разговорах меж собой тратили большую часть времени на попытки “переплюнуть” друг друга. Ав-Авторы, кажется, наоборот, поочередно разыгрывали роли “ненормальный партнер — нормальный партнер”. Они так и не спросили моего мнения, но мне думается, она лучше играла ненормальную, чем он. Он так здорово разыгрывал нормального, что когда он переходил в режим сумасшедшего, это всегда оказывалось сюрпризом.

— Ну, в самом деле, дорогая, — говорила Иднова Маше, — разве вам не хотелось бы сменить эту нелепую личину на что-нибудь поудобнее? Вервольфика всего с двумя грудями выглядит глупо.

— Иднова, — строго сказал ей муж, — ты заставляешь

гостей чувствовать себя неловко. Не все обсуждают свои тела столь непринужденно, как ты.

— Во мне сказывается художник, — парировала она. — И кроме того, Драсир, кто предложил ей съесть кость, да притом старую? Будь ты немного заботливей, отправляясь за покупками, вместо того чтобы копить дрянную еду...

— О, не беспокойся обо мне, Волосатый и Вольяжный, — гладко перебила Маша, впадая в свою роль "вампа". — Обсуждение моего тела несколько меня не беспокоит, лишь бы мы получили равное время на разговор о твоем. Мне всегда нравились мужчины с обилием волос на лице, если ты улавливаешь мой намек.

Я заметил, что уши Идновы прижались на миг к голове, прежде чем вернуться к своему нормальному положению торчком. Хотя это могло быть всего-навсего нервным подергиванием, мне пришло в голову, что если мы намерены просить помощи у этой пары, то, возможно, будет не слишком мудро раздувать какие бы то ни было угли ревности, которые могут тут тлеть.

— Скажите мне, пожалуйста, — поспешно вмешался я, стремясь увести тему разговора подальше от явного машинного восхищения Драсиром, — что побудило вас начать кампанию борьбы за улучшение отношений между людьми и вервольфами?

— Ну, тут участвовало много факторов, — объяснил Драсир, впадая в лекторскую манеру, с которой я так хорошо познакомился за столь короткое время. — Мне думается, прежде всего надо помнить, что дурная репутация человеков страшно преувеличена. На самом-то деле, существует очень мало документированных свидетельств, подтверждающих легенды о дурном поведении человеков. Вервольфы, по большей части, склонны забывать, что при надлежащих условиях мы сами превращаемся в человеков. Большинство из нас боятся или стыдятся этого и прячутся, пока такой период не минует, но мы с Идновой — нет. Скорее, наоборот, мы в общем-то хватаемся за всякую возможность выйти показаться обществу и дать публике привыкнуть к виду безвредных человеков в ее среде. Хотя, говоря строго между нами, по-моему, Иднова любит это делать потому, что народ до смерти пугается, внезапно столкнувшись с человеком, когда этого никто не ждет. На случай, если вы этого не заметили, у моей жены сильна жилка эксгибиционизма. Лично для меня же это просто

достойное дело, которым чересчур долго никто не занимался.

— А другой фактор, о котором мой муж как-то забыл упомянуть, — схибно вставила Иднова, — состоит в том, что это дело приносит немало денег.

— Неужели? — спросил я.

Работа с Аазом научила меня замечать выгодные возможности там, где их никто не видел, но на этот раз мне не удалось взглянуть на это дело под таким углом зрения.

— Из нашей кампании удастся извлечь... мгмм... определенный доход, — выдавил из себя Драсир, бросив сумрачный взгляд на жену. — Футболки, наклейки на бамперы, графические миниатюры, членские взносы клуба поклонников, поздравительные открытки и календари, это лишь несколько примеров. Работа эта грязная, но кто-то ведь должен ею заниматься. Однако, чтобы моя жена не оставила у вас неправильное впечатление обо мне, позвольте мне указать, что данное конкретное дело я поддерживаю потому, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** считаю его правым. Есть уйма других способов делать деньги.

— ...и он знает их все. Не правда ли, дорогой? — улыбнулась Иднова.

— В самом деле? — с энтузиазмом перебил я. — Вы не против перечислить несколько? Можно мне записать?

— Прежде чем ты увлечешься, Девятый Вал, — предупредила Маша, — вспомни, зачем мы первоначально явились сюда.

— О! Верно! Спасибо, Маша. Я на миг... Верно!

Мне потребовалось несколько секунд для направления мыслей по новому руслу. Хотя данная Аазом тренировка помогла мне выпутаться из многих тяжелых передраг и, в общем, улучшила мой уровень жизни, у нее имелись, к несчастью, некоторые побочные эффекты.

Вернув свои мысли на верный путь, я быстро ознакомил вервольфов с нашей текущей проблемой. В подробности я не вдавался, как потому, что мне уже надоело повторять все с самого начала и до конца, так и из желания не выпячивать роль Луанны в возникновении нашего затруднительного положения. И все же эта повесть, кажется, совершенно заворожила Ав-Авторов, и они внимательно слушали, пока я не закончил.

— Ну и ку, вы действительно угодили в переделку, — проговорила Иднова, когда я наконец остановился. — Если мы можем чем-нибудь помочь...

— Не можем, — твердо уведомил нас Драсир. — У тебя вышли все крайние сроки, Иднова, а у меня в этом месяце еще три выступления... не говоря уж об ответах на письма, скопившиеся за последние две недели, когда я был в отъезде.

— Драсир... — произнесла Иднова, растягивая его имя.

— Не смотри на меня так, дорогая, — возразил ее муж даже прежде, чем она успела привести свои доводы, — и голову набок тоже не склоняй. А то кто-нибудь обязательно сунет под нее граммофон. Вспомни, именно ТЫ без конца указываешь, что нам надо вкладывать больше времени в нашу работу.

— Я говорила о сокращении твоих личных выступлений, — возразила Иднова. — Кроме того, это важно.

— Так же как и поспевать к крайним срокам. Я не меньше твоего сочувствую их проблеме, но мы не можем позволить беде с одной маленькой группой человек мешать нашей работе в крупном масштабе.

— Но ведь именно ТЫ настаиваешь, что крайние сроки не так важны как...

Она внезапно оборвала фразу и засемафорила мужу ушами.

— Минутку. Всякий раз, когда ты заводишь речь о “крупных масштабах” и “грандиозных кампаниях”... Наш банковский счет опять резко уменьшился?

Драсир отвел глаза и неловко засучил ногами.

— Ну, я собирался тебе сказать, но боялся, что это может отвлечь тебя, когда ты пыталась работать...

— Ладно. Давай выясним, — прорычала его жена, и шерсть у нее на загривке слегка поднялась. — Во что ты на этот раз вложил наши деньги?

Я вдруг почувствовал себя очень неуютно. Наша маленькая беседа, кажется, переходила в семейную ссору, при которой, по моему мнению, нам совершенно незачем было присутствовать. Маша явно разделяла мое мнение.

— Ну, если вы не можете нам помочь, то тут и делу конец, — поднялась она на ноги. — Никаких проблем. Услуга не услуга, если приходится уговаривать кого-то оказать ее. Пошли, Оторва. Мы зря теряем и свое и ИХ время.

Хотя я частично соглашался с ней, отчаяние побудило меня сделать еще одну, последнюю попытку.

— Не так быстро, Маша, Драсир прав. Время — деньги. Возможно, мы сумеем организовать какой-то гонорар для

компенсации за потраченное нам в помощь время. Тогда это будет не услуга, а деловая операция. Давай смотреть фактам в лицо, в этом деле нам **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** нужна их помощь. Наши шансы найти этого Вика самым крайне ничтожны.

Если бы Ааз услышал, что я признаю, насколько сильно мы нуждаемся в их помощи ДО определения суммы гонорара, то его наверняка хватила бы кондрашка, но эта реакция — ничто по сравнению с тем, как восприняли мое предложение Ав-Авторы.

— Что вы сказали? — потребовал Драсир, прижав уши к голове и подымаясь на четвереньки.

— Я сказал, что, возможно, вы поможете нам, если мы предложим вам плату, — повторил я, слегка отступая. — Я не хотел вас оскорбить...

— Деньгами Драсира не оскорбишь, — оборвала меня его жена. — Он имел в виду, что вы сказали о Вике?

— Разве я ранее не упоминал про него? — нахмурился я. — Это тот самый вампир, которого Ааз якобы...

Внезапно на стропилах у нас над головами раздалось громкое хлопанье, словно кто-то шумно тряс газетой, спугивая со стола кошку. Это подействовало... не на кошку (думается, вервольфы такой не держали), а на меня с Машей.

Моя ученица бухнулась на пол, прикрыв голову руками, в то время как я, более привычный к внезапным опасностям и более подвижный и гибкий, нырнул под кофейный столик.

К тому времени, когда мы оправились от паники... извиняюсь, от последствий наших хитрых оборонительных маневров, было уже не на что смотреть, кроме исчезающего в передней двери неясного силуэта кого-то с огромными крыльями.

— Это уж целиком на тебе, дорогая, — твердо сказал Драсир, стоя, несмотря на внезапную деятельность, прямо и неподвижно.

— Брось, милый, — взмолилась его жена. — Ты же объясняешь куда лучше меня. Ведь тебе полагается помогать мне, когда дело доходит до бесед.

— Это умение я отшлифовал именно на тех личных выступлениях, которые ты так критикуешь, — неуступчиво огрызнулся он.

— **КТО-НИБУДЬ** скажет мне, что происходит? — поинтересовался я куда более громким тоном, чем обычно использую, находясь у кого-то в гостях.

Прежде чем я смог получить ответ, дверь снова резко распахнулась, начисто уничтожив то небольшое, что еще оставалось от моей нервной системы.

— Эй, Босс! Вы ви-вид-чт-бы...

— Быйди, Гвидо! — приказал я, радуясь возможности накричать на кого-то, не чувствуя себя виноватым. — Вытри нос... и у меня ВСЕ ПРЕКРАСНО, спасибо! Рад, что ты спросил!

К тому времени, когда телохранитель, спотыкаясь, завалился за дверь, наполовину уткнувшись лицом в платок, я в основном сумел восстановить самособладание.

— Извините, что нас прервали, — как можно небрежней обронил я. — Но мой коллега-таки поднял интересный вопрос. Что это БЫЛО?

— Страшно? — предположила Маиа.

Очевидно, она восстановила самособладание немного лучше моего.

— ЭТО, — свысока отвечал Драсир, едва поспев удерживать меня от порыва взять ученицу за горло, — был Вик... один из странных друзей-художников моей жены, внезапно ссалившийся к нам на длительное житье И, если я не ошибся в своих догадках, тот самый разыскиваемый вами преступник, слепивший чернуху на вашего партнера.

— На самом-то деле, он не был моим другом, — вставила притихшим голосом Иднова. — В действительности, он всего лишь друг одного друга. Непонятые художники склонны держаться вместе и обходить стороной шумные районы. Он был всего лишь еще одним неудачником, нуждавшимся в благотворительности и...

— ...и летящий сейчас с своему сообщнику с новостями о том, что мы идем по их следу, — с гримасой закончил я.

— А разве не правильней сказать “к сообщникам”, во множественном числе? — мягко спросила Маиа.

Я проигнорировал ее.

— Ах, Драсир, — сказала Иднова, — теперь мы обязаны им помочь. Только так мы сможем искупить предоставление убежища тому самсму лицу, которое они пытались отыскать.

— Если мне можно заметить, — ответил ее муж, — мы едва знакомы с этими людьми. На самом-то деле, мы не обязаны им чего бы то ни было объяснять, не говоря уж об оказании помощи. Кроме того, тебе все еще надо поспеть к крайнему сроку и...

— Драсир! — перебила Иднова. — Возможно, спать в старой конуре, пока я тружусь, поспевая к крайнему сроку, станет слишком одиноко, если ты улавливаешь мой намек.

— Ну-ну, дорогая, — успокоил жену Драсир, придвигаясь к ней бочком, — прежде чем выходить из себя, выслушай меня. Я обдумал это дело и, по-моему, у нас есть способ оказать помощь, не посягая на наши расписания. Я имею в виду, что у нас есть-таки один друг... проживающий к северу отсюда... он временно дожидается следующего задания и работа ему не мешает. Я уверен, он согласится провести для них небольшое отслеживание за малую долю того гонорара, какой требуем за ту же службу мы.

Он явно говорил завуалированными намеками, какие применяют партнеры для общения или обмена идеями при посторонних, так как я из его слов ровным счетом ничего не понял, но у Идновы они сразу же вызвали определенную реакцию.

— Ах, Драсир! — взволнованно воскликнула она; всякие следы ее бывшего гнева пропали. — Это идеально! И он будет просто В ВОСТОРГЕ от Маши.

— Есть еще вопрос, а сможем ли мы вовремя доставить его сюда, — предостерег ее муж. — И я, конечно же, хотел бы получить процент сверху в качестве гонорара нашедшему...

— ЧТО! — воскликнул я.

— Согласна, — твердо произнесла Иднова. — Гонорар нашедшему совершенно...

— Нет! Перед этим, — наслал на них я. — Что вы сказали о том, что, возможно, времени не хватит? Я думал, казнь назначена только в конце недели!

— Совершенно верно, — подтвердил Драсир. — Но конец недели — завтра. Вашего друга намечено казнить ровно в полночь.

— Пошли, Маша, — скомандовал я, направляясь к двери. — Мы отправляемся обратно в Блут.

— Для чего? — потребовала ответа она. — Что мы можем сделать без следопыта?

— Мы пытались действовать по-хорошему, и у нас не получилось, — мрачно ответил я. — Теперь мы сделаем это по-другому. Ты жаждала действия, ученица? Как тебе понравится помочь мне устроить небольшой побег из тюрьмы?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

А чем плохо совершить иной раз
небольшое безвредное преступление?

М.Блейз

— Но я же вам говорю, Босс, побег из тюрьмы — дурное дело. Раз вы работаете всего лишь на половинной тяге, в смысле магии, то невозможно сказать, чего может выйти не так, и тогда...

— Прежде чем мы разберемся со всем, чего может выйти не так, Гвидо, — сказал я, пытаюсь извлечь из разговора что-то конструктивное, — ты не мог бы дать мне немного сведений по части того, насколько именно трудно вытащить кого-то из тюрьмы? Или ты тоже никогда не устраивал побегов из тюрьмы?

— Конечно, я помогал в нескольких побегах, — гордо вытягиваясь, провозгласил телохранитель. — Я принимал участие в организации ТРЕХ побегов. Да за какого же члена Синдиката вы меня принимаете, в самом-то деле?

Героическим усилием я удержался от искушения ответить на этот конкретный риторический вопрос.

— Отлично. Так как насчет некоторых ценных указаний? Я организую побег впервые и хочу, чтобы все вышло так, как надо.

Я вполне приготовился выслушать длинную лекцию, но вместо того, чтобы взяться за тему, Гвидо приобрел малость застенчивый вид.

— Мгмм... на самом-то деле, Босс, я думаю, вам нежелательно пользоваться любыми планами, какие я выполнял. Видите ли, все три побега провалились. Ни один из них не сработал, а в двух операциях погибал тот самый парень, которого мы пытались спасти. Вот потому-то я и

знаю, какое дурное дело — побег из тюрьмы, понимаете, что я имею в виду?

— О, великолепно! Просто великолепно! Скажите мне, господин телохранитель, вы, с вашими аллергиями и послужным списком побегов со счетом три-ноль в пользу тюрьмы, сделали когда-нибудь для Синдиката хоть ЧТО-ТО удавшееся?

Сзади на мое плечо упала мягкая рука.

— Эй, полегче, Девятый Вал, — тихо посоветовала Маша, — я знаю, ты тревожишься за своего партнера, но не вымещай свою тревогу на Гвидо... да и на меня тоже, если уж на то пошло. Возможно, мы и не очень, но мы здесь, и мы пытаемся по мере сил помочь, когда оба могли бы с таким же успехом вернуться на Базар. Ты в достаточно скверном положении и без развязывания войны на два фронта нападением на своих же союзников.

Я начал было огрызаться, но вовремя остановился. Вместо этого я медленно, с трудом, втянул в себя воздух и не менее долго выпускал его. Она была права. Нервы у меня так натянуты — того и гляди порвутся... что будет для меня заслуженным наказанием за неумение следовать собственным советам.

В данный момент мы скрывались от чужих глаз у Диспетчера, в единственном месте для городской оперативной базы, до какого я смог додуматься, и как только мы прибыли, я настоял на том, чтобы и Маша и Гвидо малость соснули. Мы бегали без остановки с тех самых пор, как ступили на Лимб, и по моим представлениям войскам понадобится весь отдых, какой они смогут урвать, прежде чем мы попытаемся вызволить Ааза. Конечно же, едва успев убедить их в необходимости покемарить, я быстро забыл про собственную мудрость и провел все это время в размышлениях.

Оправдывал я этот безумный поступок тем, что мне нужно некоторое дополнительное время для спокойной перезарядки моих внутренних батарей, дабы имеющийся в моем распоряжении минимум магии был готов для наших усилий. В действительности же я просто изводил себя тревогами. Хотя с тех пор как я столкнулся с Аазом, мне и впрямь доводилось участвовать в нескольких уголовно наказуемых деяниях, все они планировались либо Аазом, либо Танандой. Теперь мне впервые приходилось самому руководить операцией, а ставки были высоки. От моего успешного дебюта зависело будущее не только Ааза, но и Маши с Гвидо, а уровень моей уверенности постоянно

находился на низкой отметке. После долгих раздумий я решил проглотить свою гордость и усиленно опереться на опыт Гвидо. Вот потому-то для меня и стало таким тяжелым ударом открытие, что он знает об успешных побегах из тюрьмы еще меньше моего.

— Извини, Гвидо, — сказал я, пытаюсь перестроить свое мышление. — Полагаю, я устал больше, чем мне представлялось. Не хотел набрасываться на тебя.

— Не беспокойтесь, Босс, — усмехнулся телохранитель. — Я этого ожидал. Все крупные деятели, с которыми я работал, становятся малость раздражительными, когда обстановка накаляется. Если я чего и увидел в вашем выходе из себя, так это самое лучшее, чего доводилось видеть, с тех пор как мы начали эту операцию. Вот потому-то я и был сам таким дерганым. Не был уверен, относитесь ли вы к этому делу всерьез или же просто слишком тупы, чтобы понимать, против какого силового превосходства мы выступаем. А теперь, когда вы ведете себя нормально для такой ситуации, я чувствую себя намного лучше и смотрю на конечный исход с куда большим оптимизмом.

Восхитительно! Именно теперь, когда я зашел в тупик, наш вечный пессимист считает, что дела идут великолепно.

— Ладно, — потер я пальцем лоб. — У нас мало сведений для работы, а те, что есть, неважные. По словам Вильгельма, Ааза держат в самой гарантированной от побегов камере, какая у них есть, находящейся на верхнем этаже самой высокой башни в городе. Если мы попытаемся забрать его изнутри, то нам придется либо одурачить либо одолеть всех охранников по пути наверх И вниз. Для меня это означает, что нам лучше всего ставить на извлечение его снаружи.

Мои помощники энергично закивали с таким энтузиазмом на лицах, словно я только что сказал нечто поразительно умное и оригинальное.

— Так вот, поскольку мои способности находятся в упадке, мне думается, я не смогу пролевитировать так высоко И расколоть камеру. Маша, в твоей коллекции украшений есть что-нибудь, способное заменить веревку и альпинистские крючья?

— Н-нет, — колеблясь, произнесла она, что меня удивило, так как обычно полный список опасных побрякушек вертелся у нее на кончике языка.

Я видел моток веревки, висевший сразу за дверью, — подал предложение Гвидо.

— Я тоже его заметил, — признался я. — Но он чересчур мал. Придется нам просто воспользоваться для подъема к камере моими способностями и вычислить какой-то иной способ открыть окно.

— Мгмм... тебе не понадобится этого делать, Девятый Вал, — со вздохом сказала Маша. — У меня есть кое-что, чем мы можем воспользоваться.

— Что именно?

— Надетый на мне пояс, увешанный всем моим снаряжением. Это левитационный пояс. Управление не слишком надежное, но он должен бы доставить нас к вершине башни.

Я поглядел на ученицу, вскинув бровь.

— Минутку, Маша. Почему же ты не упомянула об этом, когда я спросил?

Она быстро отвела взгляд.

— Ты спрашивал не о поясе. Только о веревке и альпинистских крючьях.

— С каких это пор мне нужно задавать тебе точные вопросы... или, если уж на то пошло, любые вопросы для получения от тебя полной справки?

— Ладно, — вздохнула она. — Если тебе действительно хочется знать, то я надеюсь, что мы сможем найти какой-то способ сделать то же самое, не прибегая к поясу.

— Почему?

— Он меня смущает.

— Он что?

— Он смущает меня. Я глупо выгляжу, плавая в воздухе. Для тощих парней, вроде тебя и Гвидо, это пустяки, но когда такое пробую я, то выгляжу, словно дирижабль. Для полноты картины мне не хватает только одного — вытатуированного на боку плаката "С Новым Годом!"

Я закрыл глаза и попытался помнить только, что я устал и что мне не следует вымещать свою усталость на друзьях. То, что Маша беспокоилась о своей внешности, в то время как я пытался выдумать способ вытащить нас всех живыми из этой передраги, это, на самом-то деле, не повод для бешенства. Это скорее... лестно! Вот именно! Она настолько уверена в моих способностях помочь нам справиться с этим кризисом, что нашла время подумать о внешности! Конечно, возможность не оправдать такое доверие пустила меня по новому кругу беспокойства. Чудесно.

— Вы в порядке, Босс?

— Хммм? Да. Разумеется, Гвидо. Ладно. Значит, Маша

подлетает к окну, что дает нам с тобой возможность спокойно...

— Погоди, Оторва, — подняла руку Маша. — Думаю, мне лучше объяснить насчет пояса чуть поподробнее. Я купила его на распродаже случайных вещей, и управление не совсем такое, каким ему следовало бы быть.

— Как так?

— Ну, кнопка “подъем” работает отлично, но “высота” ненадежна и поэтому никогда нет уверенности, удастся ли вообще подняться и как высоко взлететь. Однако, настоящая беда с кнопкой “спуск”. Всякий эффект убывания по конусу напрочь отсутствует и поэтому она либо работает, либо нет.

Я никогда особенно не владел техническим жаргоном, но в полетах я кое-что понимал и поэтому почти улавливал нить ее рассуждений.

— Дай мне посмотреть, правильно ли я понял, — сказал я. — Когда ты взлетаешь, то не уверена, сколько у тебя тяги, а когда приземляешься...

— ...то посадка не из мягких, — закончила она за меня. — Как правило, приходится падать с той высоты, на какую ты поднялся.

— Я мало разбираюсь в этой магии, — сухо заметил Гвидо, — но она кажется не такой уж хорошей. Зачем ты вообще пользуешься таким снаряжением.

— Я им не пользуюсь... по крайней мере для полетов, — уточнила Маша. — Помнишь, я говорила вам, что, по-моему, выгляжу в полете глупо? Я применяю его просто в качестве утилитарного пояса... ну, знаешь, как у Бэтмена? Я имею в виду, что он довольно красивый, да и не так-то легко найти пояс моего размера.

— Как бы там ни было, — вклинился я в их обсуждение мод, — нам придется сегодня ночью использовать его для взлета к камере, даже если понадобится сварганить какую-то балластную систему. Теперь нам нужно всего лишь придумать, как открыть окно камеры, и составить план бегства. Гвидо, мне приходит в голову, что ты, возможно, кое-чему научился на своем опыте в побегах, даже если они БЫЛИ-таки неудачными. Я имею в виду, что отрицательные примеры могут быть не менее поучительными, чем положительные. Поэтому, скажи мне, что на твой взгляд вышло не так в ранее исполняемых тобой планах?

Телохранитель наморщил лоб, взявшись за непривычное дело думания.

— Не знаю, Босс. Кажется, сколько бы ни планировали, все равно всегда подвертывается чего-то, на что мы не рассчитывали. Если бы мне требовалось взвалить наши неудачи на какую-то одну причину, то я сказал бы, что она состояла именно в этом... в излишнем планировании. Я имею в виду, что после нескольких недель лекций и тренировок становишься малость чересчур уверенным в своих силах, и поэтому когда что-то выходит не так, то оказываешься захваченным врасплох, понимаете, что я имею в виду?

Как ни нервничали мы, это вызвало смех и у меня и у Маши.

— Ну, уж об этой проблеме нам не придется беспокоиться, — хмыкнул я. — У нас ВСЕГДА отводится минимум времени на планирование, а уж эту операцию нам придется спланировать за какие-то несколько часов.

— Если вы прождете еще несколько часов, то никогда ее не проведете.

Вильгельм вошел в наш зал совещаний как раз вовремя, чтобы услышать мое последнее замечание.

— Что бы это значило? — проворчала Маша.

— Слушайте, а вы УВЕРЕНЫ, что вы на уровне? — спросил вампир, игнорируя мою ученицу. — Мне приходит в голову, что я знаю обо всем этом только с ваших слов... что Вик по-прежнему жив и все такое. Если вы злоупотребляете моей добротой, чтобы втянуть меня во что-то незаконное...

— Он жив, — заверил его я. — Я сам повидал его с тех пор, как мы были здесь в последний раз... но вы не ответили на вопрос. Что вы там говорили о том, чего произойдет, если мы потратим несколько часов на планирование побега?

Диспетчер пожал плечами.

— Полагаю, вы, ребята, знаете, что делаете, и мне следует помалкивать в тряпочку, но я начинаю немного тревожиться. Я имею в виду, что ведь уже начинается закат, и если вы намерены сделать свой ход до казни, то лучше сделать его поскорей.

— Как это так? — нахмурился я. — Казнь назначена лишь ровно в полночь. Я рассчитывал немного подождать, пока стемнеет и в городе немного поутихнет.

— Шутите? — дернулся вампир; брови у него взлетели к самым волосам. — Ведь именно тогда... о, понял. Вы по-прежнему мыслите категориями расписаний в вашем

измерении. Вы должны... мhm, возможно, вам лучше присесть, Скив.

— Вываливайте на меня, — снова потер я лоб. — Чего я проглядел теперь? Даже без сигареты и завязанных глаз я предпочитаю выслушивать плохие новости стоя.

— Ну, вы должны помнить, что имеете здесь дело с городом вампиров. Закат для нас — эквивалент вашего рассвета. Именно тогда-то и вся деловая жизнь и разворачивается, а вовсе не сворачивается! Это означает...

— ...что ровно в полночь наступает самый час пик, и чем дольше мы ждем, тем больше будет народу на улицах, — закончил я, пытаюсь подавить стон.

Коль скоро мне указали на основную ошибку, я и сам мог вывести экстраполяции... со всеми их ужасающими последствиями. Пытаясь подавить собственный страх, я повернулся к помощникам.

— Ладно, войско. Мы отправляемся. Гвидо, хватай веревку, которую ты приметил. Она может нам понадобиться, прежде чем мы закончим.

Глаза телохранителя пораженно расширились.

— Вы имеете в виду, что мы выходим на операцию тотчас же? Но, Босс! Мы же не спланировали...

— Эй, Гвидо, — блеснул я почти нормальной усмешкой. — Это ведь ты сказал, что беда именно в чрезмерном планировании. Ну, если ты прав, то это будет самый успешный побег в истории!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Неплохая тюрьма. Выглядит крепкой.

Г.Гугини

Вильгельм оказался прав в одном. На улицах толпилось куда меньше народу, чем во времена, когда мы лавировали по ним давно после заката. То тут то там бродило лишь несколько случайно попадавшихся существ, по большей части развозивших товары или подметавших тротуары перед своими лавками, прежде чем открыться. Если не считать отсутствия света, улицы выглядели точь-в-точь как в любом городе, готовящемся к будничным делам... Этого, а также красных глаз граждан.

Под покровом света мы пробирались по городу...

Совершенно верно. Я сказал "под покровом света". Одну и ту же ошибку я пытаюсь сделать не больше дюжины раз. В других измерениях мы, избегая быть замеченными или узнанными, шли бы "под покровом темноты". А здесь мы шли "под покровом света". Не смейтесь. Это сработало.

Так или иначе, когда мы пробирались по улицам Блута, большую часть моего внимания занимали попытки наметить хороший маршрут бегства. Вытаскиванием Ааза из тюрьмы я займусь, когда мы доберемся туда. А в данную минуту меня беспокоило, что мы будем делать, коли вызволим его... знаю, предположение смелое, но у меня было так мало оптимизма, что я цеплялся за оставшийся всеми четырьмя конечностями.

Внешне наша троица достаточно походила на вампиров, чтобы пройти небрежную проверку. Однако мы никак не сможем выдать за туземца моего зеленого и чашуйчатого партнера без заклинания личины, а мне не хотелось расчитывать, будто после освобождения Ааза у меня останется хоть сколько-нибудь магической энергии. И поэтому я

постоянно вытягивал шею, заглядывая в боковые улочки и переулки, надеясь найти малолюдный маршрут, которым мы сможем вывести нашего коллегу-беглеца из города, не увлекши в погоню за собой все население. К тому времени, когда мы добрались до своей цели, я был порядком уверен, что смогу привести нас обратно к Диспетчеру тем же маршрутом, каким мы пришли, и ПОЛОЖИТЕЛЬНО уверен, что если попробую повести команду задом, то мы совершенно и беспомощно заблудимся.

— Ну, Босс. Вот она. Думаете, мы сможем расколоть ее?

Думаю, Гвидо на самом-то деле не ожидал ответа. Он говорил, просто чтобы прервать молчание, навалившееся на нас, когда мы стояли, глядя на свою цель.

Здание Муниципалитета было строением внушительным, с толстыми каменными стенами и угловой башней, вытянувшейся к небу, чуть не пропадая в темноте с глаз долой. Судя по его виду, мы не смогли бы сделать на нем вмятину даже из пушки... если бы у нас была пушка, которой мы не имели. Я привык к палаткам Базара и довольно ветхому строительному стилю Пента. Хотя я постепенно преодолевал благоговейный страх перед строениями, преобладающими здесь, в Блуте, это местечко меня пугало. Я видывал менее прочные на вид горы!

— Ну, уж одно-то определенно ясно, — начал я почти про себя.

— Что именно?

— Пялясь на нее, не сделаешь ее слабее.

Никто из помощников не посмеялся моей шутке, но впрочем, так же как и я.

Страхивая дурное предчувствие, я повернулся к сотрудникам.

— Ладно, Гвидо. Оставайся здесь, внизу, и сторожи. Маша? Как по-твоему, этот твой пояс сможет поднять двоих? Пришло мне время подняться наверх и хорошенько посмотреть на эту неприступную камеру.

Моя ученица нервно провела языком по губам и пожала плечами.

— Не знаю, Оторва. Я тебя предупреждала, что управление этой штукой работает неважно. При всем, что я знаю, он может вознести нас на орбиту.

Я похлопал ее по плечу, успокаивающе, как я надеялся.

— Ну, давай попробуем и выясним.

Она кивнула, обхватила меня одной рукой поперек гру-

ди, а другой принялась поигрывать с самоцветами на пряжке пояса.

Вспыхнула искра света, но помимо этого — ничего.

— Газу не хватает, — пробурчала она про себя.

— Так включай поскорей, — поторопил я ее.

Даже если вампиры склонны избегать света, мы загорелись, как рождественская елка и обязательно привлечем внимание, если еще надолго задержимся на уровне земли.

— Скрести пальцы, — мрачно предложила она и снова коснулась самоцветов.

Свет усилился, и мы начали быстро подниматься... даже чересчур быстро.

— Осторожней, Босс! — закричал Гвидо и схватил меня за ноги, когда мы пролетали мимо него.

Это остановило наш взлет... ну, почти. Вместо взмывания в ночь как ракета, мы поднимались медленно, почти незаметно.

— Получилось, Девятый Вал! — воскликнула Маша, хватая меня по-другому, обеими руками. — Хотя балласта немного больше, чем я рассчитывала.

Я коротко подумал, не велеть ли Гвидо отпустить мои ноги, но отверг эту мысль. Если он их отпустит, то мы несомненно вернемся к прежней скорости... и хотя многие на Базаре поговаривали о моем стремительном взлете, я предпочел бы оставить это выражение фигуральным. Существовала также та мелкая деталь, что мы уже находились на такой высоте, где для Гвидо будет опасно пытаться падать обратно на улицу. Эта деталь — и его сжатые в мертвой хватке руки.

— Не говори мне, дай я сам угадаю, — крикнул я ему. — У тебя еще и акрофобия?*

Развернувшийся под нами вид Блута был действительно захватывающим. Действительно! Мою жизнь в эти дни настолько переполняли кризисы и опасности, что такая мелочь, как разглядывание зданий с высоты, не особенно меня волновала, но даже у меняхватило дух от рассматривания вблизи крутых стен, украшенных каменными тварями. И все же пока я не почувствовал, как его ногти впились мне в лодыжки, мне и в голову не приходило,

* Страх высоты (мед.).

что подобные вещи могут расстроить такого крутого и тертого парня как Гвидо.

— Нет. Я ничего не имею против пауков-арахнид, — нервно ответил он. — Меня пугает высота.

Я оставил это без внимания. Меня занимало изучение башни, видимой с этой высоты куда яснее. Если эта часть здания чем и отличалась на вид от нижней, то только еще большей прочностью. Мое внимание, однако, приковала одна особенность. Вершина башни, та часть, где, как я полагал, находилась камера Ааза, имела вид большой драконьей головы. Ожидаемое мной окно оказалось на поверку пастью чудовища, а зубы служили прутьями решетки.

Мне следовало предвидеть что-нибудь в этом роде, учитывая изобилие каменных зверей на всех других зданиях города. И все же это стало некоторым сюрпризом... но приятным сюрпризом. Я пытался придумать способ миновать железные решетки, но каменные зубы могут поддаться чуточку легче. Возможно, если Ааз будет работать над ними изнутри, а мы будем работать снаружи, то сможем расковырять строительный раствор и...

Я вдруг сообразил, что через несколько мгновений мы очутимся на одном уровне с камерой... а несколько мгновений спустя — минуем ее! Если не сделать чего-то для останова нашего мерного подъема, и быстро, то у нас хватит времени лишь перекинуться с Аазом несколькими торопливыми словами, прежде чем мы расстанемся навски. Так как время быстро истекало, я заметался в поисках решения. Стена находилась слишком далеко, за нее не ухватишься, а вес наш никак не увеличить, если не...

Когда Ааз в первый раз учил меня летать, он объяснил мне процесс полета как "левитацию наоборот". То есть, вместо поднимания предметов с помощью мысли, ты отталкиваешься от земли и поднимаешь самого себя. Сфокусировав свой резерв магической энергии, я использовал малую толику, пытаясь ЛЕТЕТЬ наоборот. Вместо того, чтобы оттолкнуться вверх, я оттолкнулся вниз!

Ладно. Допустим, я дошел до отчаяния. При кризисе я испробую, что угодно, любую глупость. К счастью, эта глупая идея сработала!

Наш подъем замедлился и прекратился, так что я завис на уровне драконьей пасти.

Пытаясь не показывать своего облегчения, я повысил голос.

— Эй, Ааз! Когда часы свиданий?

Какой-то миг не было ни ответа ни привета, и меня внезапно охватил страх, что мы висим в сотне футов над землей перед пустой камерой. Затем в окне появилась легко узнаваемая и неповторимая физиономия моего партнера.

— Скив? — недоверчиво произнес он. — Скив! Что ты там делаешь?

— О, мы просто проходили мимо и подумали, что неплохо было бы заскочить, — ответил я самым что ни на есть беспечным тоном. — Прослышали, что у тебя небольшие неприятности и подумали, что нам лучше вытащить тебя, пока они не стали большими.

— Кто это мы? — потребовал ответа партнер, а затем сфокусировался на моих помощниках. — О, нет! Эти двое? Где Тананда и Корреш? Брось, Скив. Мне нужна спасательная команда, а ты приводишь мне цирковую труппу!

— Это самое лучшее, что я смог достать за короткий срок, — огрызнулся я, слегка обидевшись. — Тананда и Корреш еще не вернулись с собственного задания, но я оставил им сообщение, попросив догнать нас, если смогут. Конечно, я не уверен, много ли помощи будет и от них. На случай, если ты гадаешь, почему я возношусь с помощью ученицы вместо свободного полета, то в этом измерении силовые линии с исключительно невысокой отдачей энергии. Если уж о том речь, то, по-моему, мне порядком повезло, что я привел с собой “этих двоих” вместо того, чтобы оказаться в итоге с целой командой настоящих магов, слишком гордых, чтобы пользоваться приборами. Именно благодаря “этим двоим” мне вообще удалось добиться хотя бы этого. А теперь, тебе нужна наша помощь, или ты хочешь подождать, пока мимо проплывет следующая команда? Я имею в виду, ты ведь никуда не торопишься, не так ли?

— Ну, не надо так горячиться, партнер, — успокаивающе проговорил Ааз. — Ты захватил меня немного врасплох, вот и все. Поэтому скажи мне, как именно ты думаешь вытащить меня отсюда?

Это живо вернуло меня на землю... или настолько близко к ней, насколько я мог быть, зависнув высоко в воздухе.

— Мгммм... на самом-то деле, Ааз, я, некоторым образом, надеялся, что У ТЕБЯ могут найтись какие-нибудь идеи по этой части. Ты обычно здорово изобретаешь планы, как нам выкрутиться из сложных положений.

— А мне хочется знать, — прорычал, слегка покачиваясь

на ветру, Гвидо, — как это ваш партнер сам не изобрел способа выбраться отсюда, если он такой чертовски умный?

Я хотел уж было сделать телохранителю выговор, но постепенно его слова дошли до меня. Это был хороший вопрос! Ааз был силен... я имею в виду, СИЛЕН! По всем правилам ему полагалось бы самому выдернуть из окна каменные зубы. Что же таки держало его здесь?

— О, я здесь так развлекался, что просто не смог бы вынести расставания с тюрьмой, — рявкнул в ответ Ааз. — Я здесь потому, что не могу выбраться, вот почему. И что еще важнее, если у кого-то из вас есть какие-то идеи насчет того, как меня вытащить, то я думаю, теперь самое подходящее время поделиться ими с остальными.

— Минутку, Ааз, — остановил его я. — ПОЧЕМУ ты не можешь выбраться... и как вообще тебя сумели поймать?

— На меня слепили чернуху, — огрызнулся он, но я заметил, что голос у него малость поутих.

— Это мы уже знаем, — не отставал я. — А хочется мне знать, почему ты просто не расшиб несколько голов и не дунул домой? Раньше ты никогда особо не уважал местные власти.

К моему удивлению, Ааз, похоже, действительно смутился.

— Меня опоили, — проговорил он негодующим тоном. — Мне подсыпали что-то в выпивку, и не успел я и глазом моргнуть, как оказался с молотком и осиновым колом в руках, а в помещении полно чинуш. Что б они там ни применили, оно продержало меня в дурмане до конца суда... я имею в виду, что и ходить-то не мог по прямой, не говоря уж о том, чтобы внятно защищаться в суде, а после этого я очутился ЗДЕСЬ!

— Старый прием с подмешиванием наркотика! — фыркнула, покачнув всю нашу связку, Маша. — Удивляюсь, как это такой повидавший измерения тертый калач, как ты, мог попасться на такой затасканный трюк.

— Да, меня это тоже удивило, — признался Ааз. — Я хочу сказать, что ведь этот фокус такой старый, ну кто бы, в самом деле, ожидал, что кто-нибудь вообще попробует применить его?

— Только если сочтешь, что у лоха больше бахвальства, чем ума, — презрительно фыркнул Гвидо.

— Вот как! — вскинулся мой партнер, готовый возобновить их старую вражду. — Ну, когда я выберусь отсюда, мы с тобой сможем...

— Прекратите-ка, вы, — приказал я. — В данную минуту проблема в том, как нам всем выбраться отсюда, пока не взлетела сигнальная ракета... не обижайся, Маша. А теперь выкладывай, Ааз. Чего такого особенного в этой камере, что она закупила тебя?

Мой партнер тяжело вздохнул.

— Посмотри на нее еще раз, Скив. **ВНИМАТЕЛЬНО** посмотри.

Я посмотрел. Она по-прежнему выглядела для меня такой же: вершиной башни в виде головы дракона.

— Да. Посмотрел. И?

— И вспомни, где мы находимся. Эту штуку построили с расчетом держать в ней преступников-ВАМПИРОВ. Ну, знаешь, существ сверхчеловеческой силы, умеющих превращаться в туман?

Мой взгляд метнулся обратно к голове дракона.

— Чего-то не пойму, — признался я. — Как же может удержать подобных существ какая-то каменная камера?

— Вот в том-то и вся суть, — скривился Ааз. — Каменная камера **НЕ МОЖЕТ!** Эта штука сделана из **ЖИВОГО** камня. Если кто-то сидящий в ней пытается вырваться, она проглатывает его. А если он пытается превратиться в туман, она вдыхает его.

— Ты хочешь сказать...

— Теперь картина тебе ясна.

Несмотря на очевидную подавленность, он сверкнул мне зубастой усмешкой.

— Эта камера — живая!

Пораженный этим откровением, я снова посмотрел на верхушку башни. словно дождавшись нужной реплики, драконья голова открыла глаза и посмотрела на меня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Для нужной личности и невозможное
— пустяк!

Дулбо

Пародоксально, но к всеобщему удивлению, особенно моему же собственному, открытие истинной природы заочения Ааза вовсе не обескуражило меня. Скорее наоборот, я был вдвойне доволен. У меня не только сразу же возникла мысль, как справиться с этой проблемой, но и пришел я к ней раньше своего знающего партнера... ну, действительно раньше, так как он много дней ломал голову над своей дилеммой, тогда как я получил исходную информацию только теперь. Конечно, его положение, вероятно, не давало ему о отличие от меня увидеть легкое решение.

— Есть чему усмехаться? — потребовал он. — Если в этом есть что-то смешное, то до меня юмор решительно не доходит.

Различие, между моим дружелюбием и склонностью Ааза проявлять свое беспокойство выражается в том, что Ааз делается злым.

Если поразмыслить, он склонен выражать почти любые эмоции, ДЕЛАЯСЬ злым. Ну, по крайней мере, он последователен.

— Вот скажи-ка, — поглядел я на голову дракона. — Ты говоришь, что эта штука живая. Насколько она живая?

— О, что значит, “насколько она живая”? — нахмурился Ааз. — Она достаточно живая, чтобы проглотить меня, если это взбредет ей в голову. Для меня это — достаточно живая.

— Да, я имею в виду, может ли она видеть и слышать?

— Говоря откровенно, а кого собственно это волнует? — бросил мой партнер, демонстрируя во всем блеске оба-

яние и любознательность, придающие ему такое очарование. — Я не собирался назначать ей свидание.

Раздумывая, я смотрел на зверя.

— Иногда, я просто гадал, услышит ли она меня... скажем, если я скажу, что, по-моему, она — самое некрасивое архитектурное украшение, какое я видел здесь, в городе?

Фактически, драконья голова, сузив глаза, прожгла меня злым взглядом.

— По-моему, она вас слышит, Босс, — нервно заперемещал захват у меня на ногах Гвидо. — Похоже, это последнее замечание ей не понравилось.

— О, шикарно, — проворчал Ааз. — Вот что я скажу тебе, партнер. Почему бы ТЕБЕ не зайти сюда и не посидеть вместо меня на языке этой штуки, прежде чем начинать сердить ее?

— Я просто испытывал ее, — улыбнулся я. — По правде говоря, по-моему, это самая невероятная штука, какую я видел с тех пор, как начал путешествовать по измерениям. То, другое, я сказал просто для проверки ее реакции.

Дракон перестал прожигать меня взглядом, но выглядел по-прежнему подозрительным и настороженным.

— Ну, найди для проверки какие-нибудь другие реакции, идет? — резко бросил мне партнер. — По какой-то неясной причине я нынче немного нервничаю, и каждый раз, когда эта штука шевелит языком, я старею на несколько веков.

Я оставил его ворчание без внимания и дрыгнул одной ногой.

— Эй, Гвидо! Ты еще обращаешь внимание на происходящее внизу?

Его руки свирепо сжались.

— Конечно, обращаю, маленький ты... я имею в виду, да, Босс. Мало чем еще можно заняться, пока мы висим здесь, понимаете, что я имею в виду? И перестаньте дергать ногами... пожалуйста.

Я счел его оговорку довольно интересной, но сейчас было не до дальнейших выяснений.

— Ну, так слушай, — сказал я. — Я хочу, чтобы ты сделал следующее: разожми одну руку и передай мне веревку...

— Ни в коем разе, Босс! Вы видели, как далеко до земли? Я не разожму руки, что бы вы не...

— ...потому что если ты этого не сделаешь, — продолжал я, словно он не перебивал меня, — то я начну извиняться, пока либо ты не разожмешь обе руки, либо Маша не выпустит меня. При любом исходе ты упадешь. Улавливаешь мой намек? А теперь, ты не мог бы хоть раз просто выполнить приказ без долгих пререканий? У нас не так много времени на проворачивание этого дела.

Внизу воцарилось пораженное молчание, покуда Гвидо переваривал мой ультиматум и взвешивал возможности.

— Что проверить? — потребовал Ааз. — Почему кто-нибудь не объяснит мне чего-нибудь? Если этот твой гениальный план зависит от этого, с позволения сказать, телохранителя, то можешь смело тут же и забыть о нем. Я все время тебе твердил, что он слишком труслив, чтобы на что-то годиться при...

— Это кто труслив!? — закричал Гвидо. — Слушай, ты, Длинный Язык, как только мы вытащим тебя оттуда, мы с тобой выясним это раз и...

— Сперва нам надо вытащить его, Гвидо, — прервал я его. — Вербку.

— Верно, Босс. Будет вам веревка. Посмотрим, кто из нас труслив. Последним человеком, назвавшим меня трусом, была моя мамуля, и к тому времени, когда я разобрался с ней...

Вся наша связка начала опасно раскачиваться, когда он зашарил одной рукой по пальто в поисках веревки. Я на минуту испугался, что он достаточно взбесился, чтобы разжать обе руки для ускорения поисков.

— Полегче, Гвидо, — предостерег я. — Мы можем...

— Вот она, Босс! — Он кинул веревку вверх с такой силой, что та чуть не шмякнула меня по лицу. — Надеюсь, вы сможете применить ее по назначению — повесить этого сукиного...

— Повесить мало! — поддразнил его Ааз. — Чтобы разделаться со мной, требуется нечто большее, чем кусок веревки.

— Да. Требуется девочка с синими глазками и выпивка с отравой, — презрительно фыркнул в ответ мой телохранитель. — Если ты думаешь, будто я позволю тебе забыть ЭТОТ облом...

Я заставил себя игнорировать их. Хоть меня и подмывало выступить в защиту Луанны, требовалось заняться другими, более срочными делами.

Двигаясь как можно осторожнее, я перекинул один конец

вокруг талии Маши. На это потребовалась пара попыток и куда больше веревки, чем мне нравилось, но я сумел наконец поймать болтающийся конец и надежно завязать его.

— Для чего веревка, Оторва? — спокойно осведомилась Маша, единственная из всей нашей группы, сумевшая не потерять хладнокровия за время всего происшедшего.

— Ну, при хоть какой-то удаче мы скоро направимся вниз... вместе с Аазом, — объяснил я. — Хоть я и знаю твою силу, думаю, даже твои руки недостаточно сильны, чтобы удержать всех троих, пока мы спускаемся. Это для гарантии не потерять никого ПОСЛЕ того, как раскроем камеру.

— Кстати, об этом, — окликнул Ааз. — Я все еще жду не дожусь услышать, как ты собираешься извлечь меня из этой штуки. Можно даже сказать, что я ДО СМЕРТИ желаю это выяснить.

Желал не он один. Драконья голова следила сквозь щелки глаз за каждым моим движением. Не уверен, сильно ли она гордилась своей работой, но эта зверюга явно не собиралась ошеломить нас своим содействием.

Все было настолько готово, насколько я мог добиться, и поэтому я решил, что пришло время сыграть козырем.

— Да на самом-то деле тут нет ничего такого, — с улыбкой поведал я своему партнеру. — Поговори со мной.

Мне не часто удается поднести моему старому наставнику совершенный сюрприз... расстраивая я его довольно регулярно, но совершенный сюрприз — настоящая редкость: Это был один из таких золотых случаев.

— Говорить ЧТО? — громко воскликнул Ааз.

— Положись на меня, Ааз, — настаивал я. — Я знаю, что делаю. Просто поговори со мной. Расскажи мне что-нибудь. Как ты впервые встретился с Гаркином?

— Ах, про это, — сказал он, выразительно закатывая глаза. — Ну, понимаешь, мы оба присутствовали на одной скучной вечеринке, куда нас пригласили на коктейль... ну знаешь, на одной из этих тоскливых гулянок, где толпа прижимает тебя к стене и тебе приходится болтать со всяким, кого не прибьет к тебе потоком? Так или иначе, он пытался произвести впечатление на какую-то малютку, шеголяя своей магией, которая в те дни была у него совсем не такой уж замечательной... скажу тебе прямо, партнер, всякий раз, как будешь переживать из-за отсутствия успехов в области магии, напomini мне рассказать тебе, каким

был твой прежний учитель Гаркин, когда мы впервые с ним встретились. Но, как я говорил, из уважения к нашему ремеслу я просто обязан был подгрести и показать им, на что похоже НАСТОЯЩЕЕ искусство... не то чтобы я сам сколь-нибудь заинтересовался ею, как ты понимаешь...

Я почувствовал, как Гвидо дернул меня за штанину.

— Слушайте, Босс, — пожаловался он. — Что это такое? Я думал, мы спешим.

— Вот для этого-то нам и нужно время, — прошептал я в ответ.

— Для ЭТОГО? — проворчал он. — Но, Босс, если мы не начнем...

— Мы уже начали, — ответил я. — А теперь обрати внимание на его слова.

Я боялся, что наши реплики в сторону могут отвлечь Ааза, но мне не требовалось беспокоиться. По своему обыкновению, коль скоро мой партнер заводит рассказ, останавливать его не так-то легко.

— ...вот так мы и очутились там, одна лишь наша троица, заметь себе, и не забудь, наша одежда находилась в тот момент пятью этажами выше...

— Что происходит, Оторва? — прошипела сверху Маша. — Я ЗНАЮ, что ты уже слышал этот рассказ. Черт, Я сама слышала его четыре раза.

— Не спускай глаз с дракона, — посоветовал я ей. — И будь готова действовать быстро.

Я для видимости автоматически реагировал на рассказ Ааза и по мере сил отбивался от нетерпеливых вопросов своих помощников, но по-настоящему мое внимание сфокусировалось на драконьей голове. Моя тактика уже срабатывала. Заунывный отчет Ааза о минувших победах начинал оказывать свое действие.

Драконьи глаза определенно начинали стекленеть.

— ...конечно, после всего этого я просто ОБЯЗАН был отвести ее к себе домой. Это самое малое, что я мог при таких обстоятельствах сделать для бедняжки.

Ааз уже заканчивал рассказ! Мне требовалось заставить его поболтать немножко подольше.

— Это была та вечеринка, где ты встретил Тананду? — спросил я, намеренно подавая ему новый повод к красноречию.

— С Танандой? Нет. То совсем другая история. Я встретил ее, когда сидел и отчаянно резался с драконий покер у Живоглота. Нам попался настоящий протаск, ну

знаешь, из тех идиотов, какие ставят битое столкновение против открытой флешки единорогов? Ну, у меня тогда как раз немного не хватало наличных, и поэтому...

Гвидо снова забеспокоился.

— Босс, сколько мы еще будем...

— Уже недолго, — перебил я. — Берись за веревку. Мы вот-вот двинемся.

— ...теперь я держал великанов спиной к спине... или, может, эльфов? Нет, великанов. Я это помню потому, что эльфов загребла Тананда. Конечно, узнали мы об этом только в конце партии. В любом случае, как только Живоглут начал торговлю, я загнул его обратно к пределу, а Тананда...

Это сделало дело. Мне следовало бы знать, что описание драконьего покера, партия за партией, ставка за ставкой, послужит последней каплей.

Без всякого предупреждения дракон зевнул... раскрыв пасть широко и надолго.

Ааз прервал свое повествование — событие само по себе достопамятное — и удивленно моргнул.

— Быстро, Ааз! Прыгай сюда!

При всей его ошеломленности, с рефлексами у моего партнера был полный порядок. Он молниеносно выскочил из пасти дракона, пролетев в воздухе и схватив веревку под Гвидо.

Как только его руки сомкнулись на нашем страховочном фале, произошло сразу несколько событий одновременно.

От добавочной нагрузки на левитационный пояс Маши вся наша связка с пугающей скоростью устремилась к земле... моя ученица не удержала меня, став причиной появления у меня на руках слабых ожогов, когда я бешено вцепился в веревку, едва не слишком поздно, чтобы последовать совету, который я столь охотно давал всем прочим... а дракон закрыл пасть.

Я в последний раз мельком увидел зверя, прежде чем мы умчались из поля его зрения вниз, и, честно говоря, по-моему, он даже не заметил нашего исчезновения. Веки у него приспустились, а сами глаза потеряли фокусировку от скуки. Рассказы Ааза обыкновенно производят такое воздействие на всех мало-мальски разумных существ. Я просто нашел этому явлению практическое применение.

— Мне надо переключить управление, Оторва! — крикнула Маша, снова напомнив мне о нашем текущем положении.

Земля с угрожающей скоростью неслась нам навстречу.

Я вспомнил про неисправное управление, державшее всех нас в своей власти.

— Нет! погоди, Маша! Дай, я попробую...

Пустив в ход последнюю унцию своих резервных сил, я заработал над левитированием всего нашего экипажа. При нормальных обстоятельствах я мог бы с легкостью поднять трех человек, а в случае чего и четырех-пятерых. А здесь, на Лимбе, используя все наличные силы, при помогающем мне машином поясе, мне едва удавалось замедлить наше снижение до умеренного сползания.

— Что там произошло, партнер? — окликнул меня Ааз.
— Как ты узнал, что эта штука собиралась зевнуть?

— Назовем это удачной догадкой, — крикнул я, по-прежнему сосредоточившись на том, чтобы не дать нам грохнуться. — Позже объясню.

— Проверь зону посадки, — предупредил Гвидо.

Я выкроил один беглый взгляд.

Мы занимались своей задачей дольше, чем я думал. На тротуаре толпились то тут, то там вампиры, так как разгоралась легендарная ночная жизнь Блута.

— По-моему, нам не удастся открутиться от этого с помощью обмана, — спокойно сказал Ааз. — Ты случайно не мог бы вырулить нас за угол, в переулок? Там, кажется, не так много народу.

Прежде чем я успел ответить, что-то пронеслось сверху мимо нас, хлопая перепончатыми крыльями.

— **ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ!** — завопило оно, делая вираж за угол. — **Убийца на свободе! ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ!**

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Никогда, черт возьми, не видел столько индейцев.

Д.А.Кастер

Сигнал тревоги произвел интересное воздействие на толпу внизу. Бросив один короткий взгляд вверх и увидев, как мы снижаемся в их среду, все как один развернулись и убежали. Улица мигом опустела.

— Что происходит? — окликнул я Ааза, не в состоянии поверить нашему везению.

— Понятия не имею! — крикнул в ответ партнер. — Полагаю, никому из нормальных граждан неохота связываться с беглым убийцей. Нам лучше спуститься побыстрее, пока они не разобрались, насколько превосходят нас числом.

Дважды мне повторять не требовалось. Нашему побегу только что выпало неожиданное счастье, но я не сибирался биться об заклад на то, сколько оно продлится. Я сократил свою магическую поддержку, и мы быстро упали на мостовую.

— Что же это настучало на нас? — гадала вслух Маша, вглядываясь в темноту, где исчез таинственный вредитель.

— По-моему, это был тот тип — Вик, — ответил из-под меня Гвидо. — Я довольно неплохо разглядел его, когда он стрелой пролетел мимо меня, там, у Ав-Авторов.

— В самом деле? — переспросил я наполовину про себя, выворачиваясь посмотреть вслед отбывшему злодею. — Значит, у нас к нему еще один должок за это.

— Позже, — скомандовал Ааз, наконец приземляясь. — Сейчас нам надо убраться отсюда.

Через секунду рядом с ним очутился Гвидо. Мне пришлось падать с большей высоты, так как после удаления с веревки добавочного груза мы перестали опускаться.

— Давай, Маша! — позвал я. — Выключай ток в этой штуке. Падать не так уж много.

— Я пытаюсь! — огрызнулась она, снова взясь с пряжкой пояса. — Эта проклятая штука снова барахлит!

Настройка пояса изменилась. Держа веревку, я больше не чувствовал тяги вверх. К несчастью, Маша также и не опускалась. Вместо этого она парила в воздухе футах этак в пятнадцати над землей.

— Эй, Босс! У нас компания!

Я посмотрел туда же, куда глядел телохранитель. На улице слева от нас собиралась толпа, и выглядела она отнюдь не довольной. Трудно, конечно, сказать наверняка, но у меня определенно сложилось впечатление, что глаза у них светились краснее обычного, и я как-то не мог убедить себя, будто это добрый знак.

— Маашшшша! — завопил я, голос мой неуправляемо поднялся, когда я потянул за веревку.

— Заклинило! — простонала она. — Брось, Оторва, беги. Нет смысла попадаться нам всем.

— Мы не можем просто оставить тебя здесь, — возразил я.

— У нас нет времени для споров, — зарычал Ааз. — Гвидо! Дуй впереди нас и держи улицу открытой. Мы не можем допустить, чтобы нас отрезали. Ладно, ходу!

И с этими словами он выхватил веревку из моей руки и кинулся бежать по улице прочь от толпы, при Гвидо в авангарде и Маше, плывущей у него над головой, словно крикливо изукрашенный воздушный шар. На сей раз я не возражал против его командования моим телохранителем. Я был слишком занят, торопясь не отстать от основной группы.

Если следившая толпа и затруднялась прежде, решая, что делать, то при виде нашего бегства ее сомнения отпали. Она с воем хлынула по улице в погоню за нами.

Когда я говорю “с воем”, я выражаюсь отнюдь не фигурально. Некоторые вампиры превращались на бегу в больших, свирепых с виду собак, другие — в летучих мышей, надо полагать, для ускорения погони. Хотя за нами с Аазом уже гонялись толпы, теперь впервые стая преследователей буквально лаяла, гонясь за нами по пятам. Должен сказать, что этот опыт мне не особенно понравился.

— Куда мы бежим, Ааз? — задыхаясь, спросил я.

— Подальше от них! — отозвался он.

— Я имею в виду, в конечном итоге, — не отставал я.

— Мы бежим в противоположную сторону от нашего убежища.

— Мы не сможем спрятаться, пока не стряхнем с хвоста клуб своих поклонников, — стоял на своем партнер. — А теперь заткнись и беги.

У меня имелись некоторые сомнения насчет нашей способности оторваться от преследования, пока влекомая у нас над головами Маша отмечает наше местонахождение, но я выполнил инструкции Ааза и жал по мостовой, что было сил. Хотя бы потому, что если бы я указал партнеру на этот очевидный факт, он мог просто отпустить веревку и предоставить моей ученице выкручиваться самой. Потом опять же, альтернативой бегству было остановиться и решительно столкнуться с толпой. В общем и целом, бегство казалось **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хорошей идеей.

Гвидо расчищал нам путь на удивление удачно. Я никогда по-настоящему не видел своего телохранителя в деле, но из-за его постоянных пререканий и проблем с аллергиями в течение всего этого предприятия я склонен был сбросить со счета его полезность. И напрасно. Встреченные нами по ходу бегства вампиры не слышали тревоги и оказались неподготовленными к ворвавшемуся в их среду смерчу. Гвидо, казалось, ни разу не сбился с шага, сбивая с разгону жертву за жертвой, но что бы он там с ними ни делал, это оказалось эффективным. Ни одно из упавших тел, отмечавших его путь, не пыталось задержать ни меня, ни Ааза... черт, они даже не двигались.

— Впереди река, Босс! — крикнул он через плечо.

— Что-что? — пропыхтел я, в первый раз понимая, насколько я потерял форму за время своего процветающего житья на Базаре.

— Река! — повторил он. — Мы бежим по тупиковой улице, упирающейся через несколько кварталов в реку. Я вижу ее отсюда. Нам придется сменить направление, а то нас прижмут к воде.

Я гадал, не будет ли для нас удачной мыслью просто переть в реку и оставить между собой и вампирами проточную воду, так как я, кажется, помнил, что по легенде это одно из препятствий, способных их остановить. Затем мне пришло в голову, что мой телохранитель, наверное, не умсет плавать.

— Напра-во! — крикнул Ааз. — Туда! В тот переулок.

Гвидо дунул по указанному курсу, а мы с партнером тяжело топали шагах в пятнадцати позади него. Мы немного

оторвались от преследователей, хотя все еще слышали их крики и твяканье в квартале-другом от нас, и я в первый раз начал надеяться, что мы действительно сможем удрать от них. Теперь, когда мы скрылись у них из виду...

— Поберегись...

Сверху раздался внезапный крик, и Маша рухнула на-земь, приобретя сомнительную уникальность, как первая личность, когда-либо совершавшая посадку у меня на глазах брюхом по земле. Уверен, земля на самом-то деле не затряслась, но столкновение было достаточно сильным, чтобы оставить такое впечатление. Я испытал быстрый укол вины, осознав, что первой моей мыслью было не благополучие моей ученицы, а скорее неудержимое облегчение, что она приземлилась не на одного из нас.

— По-моему, управление только что расклинило, — сказал Ааз, на мой взгляд, совершенно без надобности.

— С тобой все в порядке, Маша? — склонился я над ней.

— Чт-слу... — вышел через силу ответ.

— Конечно, не все, — отрезал Ааз, беря на себя обязанность переводчика. — У нее как минимум отшибло дыхание.

Какие бы именно повреждения не причинило ей падение, моя ученица даже не пыталась подняться. Мне хотелось бы дать ей несколько минут оклематься, но голоса наших преследователей уже приближались.

— Ты сможешь снести ее, Ааз?

— Не сумел бы даже в лучшие свои дни, — признался партнер, глядя на солидную массу Маши. — А ты? Хватит у тебя оставшегося топлива на ее левитирование?

Я усиленно замотал головой.

— Израсходовал все на управление нашими воздушными маневрами там, у тюрьмы.

— Эй, Босс! — прошипел Гвидо, появляясь из тени позади нас. — Переулок заблокирован. Это — единственный выход!

И это решало все. Даже если мы подыдем Машу на ноги и заставим двигаться, то это всего лишь означало, что нам придется вернуться по собственному следу обратно в зубы толпе. Мы пробежали свой забег до финиша... и проиграть его нам предстояло довольно эффектно.

Остальные тоже понимали это.

— Ну, приятно было поработать с тобой, Гвидо, — проговорил со вздохом Ааз. — Знаю, я пару раз доводил

тебя до белого каления, но в случае чего твое присутствие бывает очень на пользу. Ты действительно довольно неплохо разгонял публику, дав нам добраться хоть досюда. Извини за тот последний приказ свернуть.

— Я не в обиде, — пожал плечами мой телохранитель. Я бы тоже выбрал этот переулок, если бы работал в одиночку. Босс, я же вас предупреждал, я приношу несчастье, когда дело доходит до организации побегов. Хотя должен признать, на какое-то время я действительно поверил, что этот мы сумеем повернуть.

— Предприятие это было по меньшей мере рискованное, — усмехнулся я. — Во всяком случае, ты не можешь сказать, что ЭТА операция пострадала от чрезмерного планирования.

Ааз хлопнул меня по плечу.

— Ну, партнер! — обратился он. — Есть какие мысли насчет того, как сыграть дальше? Попробуем мирно сдаться или падем, устроив махач?

Я не был уверен, что толпа даст нам выбор. Она уже почти добралась до переулка, и, судя по звукам их голосов, преследователи не слишком стремились к переговорам.

— НЕ В ЭТУ СТОРОНУ! ОНИ ЗАВЕРНУЛИ ОБРАТНО К ТЮРЬМЕ!

Этот неожиданный крик раздался с улицы неподалеку от входа в наш переулок.

Я не мог этому поверить, но толпа явно поверила. Раздались проклятья и громкие приказы, но по их быстрому стиханию становилось ясно, что толпа повернула и направлялась теперь туда, откуда прибежала.

— Что это было? — сумела произнести Маша; к ней наконец вернулся голос.

Я сделал ей знак помолчать и поглядел на Ааза, вскинув бровь, молча задавая тот же вопрос.

Он ответил так же безмолвно, покачав головой.

Никто из нас не знал наверняка, что происходит, но мы оба чувствовали, что это своевременное вмешательство не случайность и не ошибка. Кто-то намеренно отвлек толпу от наших шкур. И прежде чем радоваться своему везению, мы хотели знать, кто и почему.

У входа в переулок появилась пара фигур.

— Теперь можете выходить, — позвала одна из них. — Извините за вмешательство, но дело выглядело таким презабавным, что мы просто ОБЯЗАНЫ были тоже принять участие в игре.

Этот голос я узнал бы где угодно, даже если бы не признал фигуру, равно как и неповторимый силуэт ее брата.

— Тананда! Корреш! — крикнул я, махнув рукой, показывая наше местонахождение. — Я все гадал, когда же вы появитесь.

Команда, состоящая из брата и сестры, тролля и троллины, поспешила присоединиться к нам. Несмотря на все их легкомысленное подтрунивание, мне приходит на ум не так много других существ, которых я предпочел бы видеть рядом со мной или на моей стороне, когда дело станет жарким.

— С тобой все в порядке? — повторила мой вопрос Тананда, останавливаясь помочь Маше подняться на ноги.

— Вообще-то я никогда не обладала большим достоинством, — ответила моя ученица, — и даже та малость, какая у меня была, теперь полетела к черту. За исключением этого у меня все прекрасно. Я начинаю понимать, почему вы, члены Высшей Лиги, смотрите свысока на механическую магию.

Корреш схватил мою руку и энергично пожал ее.

— Ну, не будь, голубушка, слишком суровой к своей аппаратуре, — посоветовал он. — Это оставленное нам колечко оказалось именно тем билетом, какой нам требовался, чтобы попасть сюда вовремя для самого последнего из спасений в последнюю минуту в нашем непрерывном ряде подобных успехов. За исключением типичной путаницы, устроенной вами в конце игры, вы, похоже, действовали довольно неплохо и без нас. Теперь все на месте и в сборе, включая Ааза, который кажется замечательно целым после того, как еще раз едва ушел от гибели. Кажись, осталось только спешно отступить и неспешно отпраздновать... а, что?

— В общем, примерно так, — согласился я. — Хотя нам здорово повезло, что вы прикрыли наш отход. И кстати, коль зашла речь об отходе, вы можете найти отсюда дорогу к замку? Я немного заплутал...

— Погодите-ка! — вмешался Ааз. — Пока мы не слишком увлеклись поздравлением друг друга, разве мы не проглядели несколько мелких деталей?

Группа переглянулась.

— Например? — осведомилась наконец Тананда.

— Например тот факт, что меня лично все еще разыскивают по обвинению в убийстве, — сверкнул глазами

мой партнер. — И потом, опять же, нам всдь предполагалось привести с собой на Деву трех беглецов.

— Да брось ты, Ааз, — пожурела его троллина, игриво ткнув в ребра. — С той репутацией, какую ты уже стяжал, что тебе такая мелочь, как приказ об аресте за убийство?

— Я его не совершал, — настаивал Ааз. — Не только я не убивал этого Вика, этого типа вообще никто не убивал. Он по-прежнему где-то там посмеивается над нами в кулак. Так вот, хоть я и признаю, что моя репутация в целом небезупречная, такого пятна как спокойное снесение подстроенного обвинения на ней нет... равно как и дозволения кому бы то ни было выставлять меня дураком!

— Конечно, экономия денег на уплату долгов аферистов плюс штрафы не имеет к этому никакого отношения, а, Ааз? — подмигнул глазом побольше Корреш.

— Ну... не без того, — признал партнер. — Разве не будет для нас неплохо позаботиться об обеих неприятных задачах разом?

— Может, мы могли бы удовольствоваться поимкой одного лишь Вика и дать другим уйти, — пробормотал я.

— Что-что ты сказал, партнер?

— Ничего, Ааз, — вздохнул я. — Просто, дело в том, что... ничего. Идемте. Если мы собираемся поохотиться, то потребуется составить небольшой план, и мне думается, нам не следует делать это здесь, на виду у всех.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Успокойся, Джули. Все поймут.

Ролео

К счастью, возвышенное положение Маши во время нашего бегства дало ей превосходный обзор окружающей местности, и мы смогли найти дорогу обратно к Диспетчеру необнаруженными раздраженным населением. Однако теперь, когда наша численность возросла, Вильгельм приветствовал нас заметно прохладнее.

— Я начинаю верить тому, что все говорят, — пожаловался маленький вампир. — Впустишь одного демона и не успеешь оглянуться, как вся округа будет кишеть ими. Когда я решил поговорить с вами, вместо того чтобы настулчать на вас, то не рассчитывал превращать свою комнату в место встречи иномирян.

— Полно, Вильгельм, — сказал я, пытаясь просунуть ногу в дверь. — Нам в этом городе больше некуда идти. И нас не ТАК УЖ много.

— Мы всегда можем просто подождать на улице, пока не явятся власти, — предложил Ааз. — Как мне представляется, их не понадобится долго убеждать, что этот парень укрывает беглых.

— Завянь, Зеленый и Чешуйчатый, — приказала Маша, надуваясь вдвое больше своих обычных размеров. — Вильгельм покамест был добр к нам, и я не потерплю, чтобы ему кто-то угрожал, даже ты. Помни лишь, что если бы не он, ты по-прежнему загорал бы в каталажке. Либо он помогает по собственной воле, либо мы ищем иного убежища.

Ааз отступил перед ее праведным негодованием.

— Ты позволишь своей ученице разговаривать со мной в подобном тоне? — потребовал он у меня.

— Только когда она права, — пожал плечами я.

— Слушай, Ааз, — вмешался Корреш. — Ты не мог бы на несколько минут пообуздать свои обыкновенно дурные манеры? Нам действительно ни к чему еще один враг в этом измерении, и я лично оценил бы шанс выразить свою благодарность этому господину, прежде чем он выкинет нас.

Работая, Корреш действует под именем Большой Грыз и изображает неандертальца на зависть половине варваров Базара. Однако в свободное время его изысканное обаяние разрешило нам множество проблем... почти столько же, во сколько нас втравило буйство Ааза.

— А, заходите, — проворчал Диспетчер. — Входите свободно, по своей воле и все такое. Никогда не мог повернуться спиной к попавшему в беду. Полагаю, именно потому-то я сам никогда и не путешествовал по иным измерениям. Меня бы там заживо съели.

— Спасибо, Вильгельм, — поблагодарил я, проскальзывая мимо него в контору, пока он не передумал. — Вы должны извинить моего партнера. На самом-то деле он не всегда такой. Пребывание в камере смертников не улучшило его чувство юмора.

— Полагаю, я и сам немного дерганый, — признался вампир. — Как ни странно это может показаться, я тревожился за вас... а составлявший мне компанию ваш моторноротый друг мало помогал успокоиться.

Я быстро пересчитал по головам все наше войско.

— Минутку, — нахмурился я. — Кто это нас ждал?

Теперь настала очередь Вильгельма выглядеть удивленным.

— Разве один из вас не посылал за вервольфом? Тот сказал, что он с вами.

— А-а-а-а! Но веть так оно и есть! Мои друзья, они есчо не знают меня, но я буду их спасителем, нет?

И с этими словами на меня накинудся лохматый ковер. Ну, по крайней мере, именно так я думал, пока он не оторвался от пола и не бросился в мои объятия с энтузиазмом щенка... очень большого щенка.

— Что ЭТО такое?! — опасно сузил глаза Ааз. — Скив, неужели я и на несколько дней не могу оставить тебя одного без того, чтобы ты не подобрал всех заблудших любого данного измерения?

“Этим” в данном случае был самый всклокоченный на вид вервольф, какого я когда-либо видел... учитывая, ко-

нечно, что до этой минуты я видел только двоих. У него были темные лохматые брови (если вы поверите такому про вервольфа), а над ними он носил вязаную шапочку с кленовым листом на боку. Его тщательно расчесанные усы не торчали отдельными волосками, а были подкручены кверху, а из-под подбородка высывалось нечто, могущее считаться эспаньолкой. На самом-то деле, если рассматривать его по частям, он выглядел очень хорошо ухоженным. Просто он казался всклокоченным, воспринимаемый в целом. Может, дело заключалось в плотоядном взгляде...

— Честное слово, Ааз, — запротестовал я, пытаюсь выпутаться. — Я никогда в жизни прежде его не видел!

— О, но прости же меня, — извинился зверь, освобождая меня так внезапно, что я чуть не упал. — Я такой глупый, забить представиться. Итак! Я художник-оригиналь, но также и самый отличный следопит в странэ. Мои друзья, Ав-Автори, они сообсчили мне о вашей про-блэме и я как ветэр полетель вам на помосчь. Нет? Я — Пепе Ле Гару А.* и я к вашим услугам.

И с этими словами он отвесил низкий поклон с таким шиком, что не будь я столь изумлен, непременно зааплодировал бы. Мне пришло в голову, что теперь понятно, почему Ав-Авторы посмеивались, когда сказали нам, что знают того, кто сможет нам помочь.

— Босс, — попросил Гвидо голосом, приглушенным рукой, которую он держал перед носом и ртом. — Мне подождать за дверью?

Тананда поглядела на него, вскинув бровь.

— Проблемы с аллергией? Вот, попробуй немного этого снадобья. Никому не следует путешествовать без него по измерениям.

Она извлекла маленький пузырек и бросила его телохранителю.

— Намажь немного над верхней губой, под самым носом.

— Вот здорово, спасибо, — принялся выполнять ее инструкции Гвидо. — Что это за штука?

— Это противоаллергенная паста, — пожала плечами она. — По-моему, она на чесночной основе.

— ЧТО? — воскликнул телохранитель, роняя пузырек.

Тананда одарила его одной из своих бесовских усмешек.

* *Оборотень (франц.).*

— Просто пошутила. Нунцио тревожился за тебя и рассказал нам о твоих аллергиях... обо всех.

Тролль слегка шлепнул ее пониже спины.

— Стыдно, сестричка, — упрекнул он ее, улыбаясь вопреки своим словам. — После того как ты извинишься перед Гвидо, я предлагаю тебе попросить прощения и у нашего хозяина. По-моему, ты этой последней шуточкой чуть не вызвала у него сердечный приступ.

Только этого мне, конечно, и не хватало, когда я застрял во враждебном измерении. Нервный вампир, мелодраматичный вервольф, а теперь еще товарищи по команде решили, что сейчас самое время поразыгрывать друг друга.

— Мгмми... скажите-ка, господин А., — игнорируя другие проблемы, повернулся я к вервольфу. — Как по-вашему, вы сможете...

— Нет, нон, — перебил он. — Я просто Пепе, а?

— Пепе А., — послушно повторил я.

— Совершенно верно, — просиял он, явно в восторге от моей способности усвоить такое простое выражение. — А теперь, прежде чем мы, как вы говорите, перейдем к делу, не окажется ли вы мне честь, представив своих коллег?

— О. Извиняюсь. Это мой партнер Ааз. Он...

— Ну конечно! Знаменитый Ааз! Я так давно желал встретиться с вами.

Если что и способно выманить Ааза из плохого настроения, так это лесть... а Пепе казался мастером по этой части.

— Вы слышали обо мне? — моргнул он. — Я имею в виду... что именно вы слышали? За долгие годы у меня было столько приключений.

— Нэужели вы не помните Пьера? Я со щенячьих лет рос на его рассказах о вашей борьбе с Иштваном.

— Пьера? Вы знаете Пьера?

— Знаю ли я его? Он мой дядя!

— Кроме шуток? Эй, Тананда! Ты слышала это? Пепе — племянник Пьера. погоди, вот расскажу Гэсу.

Я удалился от беседующих, явно забытый при такой встрече.

— Слушай, Скив, — появился рядом со мной Вильгельм.

— Похоже, это займет какое-то время. Не сбегать ли мне за вином?

Это привлекло мое внимание.

— За вином? У вас есть вино?

— Запасся им после вашего последнего визита, — признался с усмешкой вампир. — Прикинул, что оно может пригодиться, когда вы явитесь в следующий раз. Может, я немного и ворчу, но беседовать с вами и вашими друзьями куда забавней, чем смотреть на экраны.

— Ну, что ж, приносите... но чур первый бокал мне. Если у вас его не уйма, то после того, как его заполучит в свои лапы мой партнер, другим останется мало.

Я повернулся обратно к происходящему как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пепе целует ручку моей ученице.

— Не бойтесь, мой цветочек, — говорил он. — Перед вами тот, кто истинно ценит вашу красоту, равно как и... как мне следует сказать, ее количество?

— Ты довольно мил, — захихикала Маша. — Но я никогда особо не увлекалась межвидовыми связями, если ты улавливаешь мой намек.

Я привлек внимание Ааза и отвел его подальше от группы.

— Ты не мог бы временно покомандовать здесь, партнер? — попросил я. — С начала этого дела я бегал без остановки, и мне не помешает побыть немного одному для перезарядки батарей, прежде чем мы снова откроем огонь.

— Никаких проблем, — кивнул он, кладя руку мне на плечо. — Думаю, до рассвета мы никуда не двинемся... и Скив? У меня не было случая сказать, но спасибо тебе за такое освобождение под залог.

— Пустяки, — слабо улыбнулся я. — Не говори мне, что ты не сделал бы для меня то же самое.

— Не знаю, — отпарировал он. — Ты никогда не валил меня ударом для сопляка в начале операции.

— Вот за ЭТО у меня еще к тебе счетец.

Вот тут-то и появился Вильгельм с вином, а Ааз поспешил снова присоединиться к группе.

Я сумел урвать бокал и отступить в тихий уголок, пока в конторе разгоралась вечеринка. Пепе, казалось, отлично состыковался с остальной командой, если не действовал в качестве комбинации клоуна и запальной свечи, но я почему-то чувствовал себя немного отстраненно. Потягивая вино, я уперся взглядом в пространство, не глядя ни на что конкретно, давая своим мыслям разбредиться.

— Что за беда, красавчик?

— Хммм? О. Привет, Тананда. Ничего особенного. Просто немного устал, вот и все.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? —

спросила она, шлепаясь на пол рядом со мной, прежде чем я смог остановить ее. — Итак. Ты намерен рассказать мне об этом? Кто она?

Я медленно повернул голову и посмотрел ей прямо в лицо.

— Прошу прощения?

Она избегала встречаться со мной взглядом, праздно водя пальцем по краю бокала.

— Слушай, — сказала она. — Если ты не хочешь об этом говорить, то так и скажи... это действительно не мое дело. Только не пытайся обмануть ни меня, ни себя, убеждая, будто тебя ничего не беспокоит. Я уже давно тебя знаю и обычно могу определить, когда тебя чего-то грызет. Сейчас самая лучшая моя догадка, если я вообще способна судить об этом явлении, заключается в том, что все дело в девушке.

С тех пор как я встретил Тананду, я всегда был равнодушен к ней. Однако после ее слов я вдруг понял, как сильно требовался мне кто-то, с кем можно поговорить. Я имею в виду, что для Гвидо и Маши я был авторитетом, а перед Аазом я не желал раскрываться, пока не буду уверен, что он отнесется к проблеме серьезно, а не просто посмеется, а что касается Корреша... как говорить с троллем о затруднениях с женщиной?

— Ладно. Ты меня достала, — сдался я, снова посмотрев на вино. — Дело в девушке.

— Так я и думала, — улыбнулась Тананда. — Где ты ее держал? Скажи, она прекрасна и чувствительна?

— Все это и больше, — кивнул я, снова отпивая из бокала. — И она, вдобавок, не на той стороне.

— Ух ты, — выпрямилась Тананда. — Тебе лучше растолковать это последнее еще разок.

Я рассказал ей и своих встречах с Луанной. Говорить я старался беспристрастно и только факты, но даже сам видел, что тон мой менее сдержанный, чем мне хотелось бы.

После того, как я закончил, Тананда несколько минут сидела молча, обхватив руками ноги и положив подбородок на колени.

— Ну, — проговорила наконец она, — судя по твоим словам, она самое большее — соучастница. Возможно, мы сможем отпустить ее, когда загребем их всех.

— Разумеется.

Я произнес это ровным тоном. И Тананда и я знали,

что коль скоро Ааза занесет, то невозможно сказать, насколько милостивым или злобным он будет в любую данную минуту.

— Ну, всегда есть шанс, — настаивала она. — Когда речь идет о тебе, Ааз всегда делается податлив. Если ты вступишься за нее и если она согласится бросить своих партнеров...

— ...и если бы у стола были крылья, мы могли бы улететь обратно на Базар, — нахмурился я. — Нет, Тананда. Прежде всего, она не покинет своих партнеров просто потому, что те в кризисной ситуации. Уж это-то я знаю. Кроме того, если я окажу на нее такое давление, предоставив выбирать между мной и ими, то никогда не буду знать наверняка, действительно ли ей нужен был я или она просто пыталась спасти собственную шкуру.

Тананда поднялась на ноги.

— Не становись таким мудрым, что делаешься глупым, Скив, — мягко сказала она, прежде чем уйти. — Вспомни, Луанна уже дважды выбрала тебя, а не своих партнеров. В обоих случаях она рисковала своей жизнью и их спасением, чтобы предупредить тебя. Возможно, ей и нужно только то, чего ты ей еще не дал — приглашение к возможности новой жизни с новым партнером. Не будь таким гордым или неуверенным, чтоб предпочесть скорей бросить искреннюю поклонницу волкам, чем допустить ошибку. Если ты это сделаешь, то не будешь больше мне нравиться... да и себе, думаю, тоже.

После того, как Тананда удалилась, я поразмыслил над ее советом. Существовало одно дополнительное осложнение, о котором у меня не хватило духу ей упомянуть. Какие бы чувства ни испытывала ко мне Луанна, как-то еще они изменятся, когда она узнает, что я использовал ее шарфик... ее знак приязни, для наведения на цель стаи охотников?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Каждому нужен свой илдрессарно!
Легу Макбет

— Так где же он? — пробурчал Ааз в сотый раз... за последние пять минут.

Солнце уже давно взошло или, по крайней мере, настолько взошло, насколько оно вообще способно подняться в этом измерении. С момента своего прибытия на Лимб я никогда не видел того, что привык считать полным солнечным светом. Я так наверняка и не дознался, вызвана ли эта, казалось, преобладавшая днем постоянная сильная облачность действием магии или какими-то странными метеоусловиями, но она никак не уменьшала мрачный вид, окутавший город Блут словно саван.

Начать не терпелось всей команде, но только Ааз позволял себе выражать свои чувства так часто... и так громко. Конечно, возможно, дело просто в том, что он так много жаловался, что остальные молчаливо соглашались скорее предоставить ему шуметь за них всех, чем видеть, как их собственные усилия постоянно оказываются на заднем плане.

— Да не волнуйся ты, партнер, — успокаивающе сказал я, стараясь сдерживаться и не сказать ему какую-нибудь резкость из-за собственного нервного нетерпения. — Не так уж много магазинов работает в этом измерении круглые сутки.

— А чего еще ожидать, имея дело с компанией вампиров, — отрезал он. — И все-таки мне не нравится эта идея. Немагические личины кажутся какими-то неестественными.

Я тихо вздохнул про себя и откинулся на спинку кресла, готовясь ждать, забравшись с ногами на сидение. Данный

спор сделался давним еще до того, как Вильгельм отправился за покупками, и я устал вновь и вновь повторять пройденное.

— Будь разумным, Ааз, — сменила меня на вахте Тананда. — Ты же знаешь, что мы не можем бродить по городу в таком виде... особенно ты, ведь тебя ищет половина города. Нам нужны личины, а без приличного источника энергии Скив не может справиться с личинами для нас всех. Кроме того, мы ведь не будем пользоваться механической магией. Мы вообще не будем прибегать к магии.

— Именно это мне все и твердят, — проворчал партнер. — Мы просто изменим свою внешность, не прибегая к чарам. На мой взгляд, это кажется похожим на механическую магию. Вы понимаете, что случится с нашей репутацией, если слух об этом дойдет до Базара? Особенно, когда большинство конкурентов ищет возможность полить малость грязью имя Великого Скива? Вспомните, мы уже получаем жалобы, что цены у нас слишком высоки, и если всплывет это дело...

Теперь стало все ясно. Я понял наконец, что грызло Ааза. Мне следовало бы догадаться, что в основе этого беспокойства лежат деньги.

— Но Ааз, — вмешался я. — Наши гонорары и впрямь чересчур высоки. Я не один месяц говорю тебе об этом. Я хочу сказать, что у нас же нет нужды в деньгах...

— ...а я тебе не один месяц отвечаю, что это — единственный способ не давать всякой шушере отнимать у тебя время, необходимое для тренировок, — сердито огрызнулся он. — Помни, тебя вроде бы зовут Великий Скив, а не Красный Крест. Ты не занимаешься благотворительностью.

Теперь мы ступили на знакомую почву. В отличие от вопроса о личинах, от этого спора я никогда не уставал.

— Я говорю не о благотворительности, — сказал я. — Я говорю о справедливой оплате за оказанные услуги.

— Справедливой оплате? — рассмеялся мой партнер, закатывая глаза. — Ты, наверное, имеешь в виду ту сделку, которую заключил с Какеготамом? Он когда-нибудь тебе об этом рассказывал, Тананда? Понимаешь, мы поймали для этого девола глупую птицу, и мой партнер затребовал с него простой гонорар. Не процент со стоимости, заметь, а простой гонорар. И насколько велик был этот простой гонорар? Сто золотых? Тысячу? Нет. ДЕСЯТЬ. Десять паршивых золотых. А полчаса спустя девол продает свою "бедную птичку" за сто тысяч. Приятно знать, что мы не занимаемся благотворительностью, не правда ли?

— Брось, Ааз, — возразил я, внутренне терзаясь от стыда. — Всей работы ведь было лишь на пять минут. Откуда же мне знать, что эта глупая птица занесена в список видов, которым грозит исчезновение? Даже Ты считал это выгодной сделкой, пока мы не услышали, за какую сумму ее в конце концов продали. Кроме того, если бы я удержал процент от стоимости, а девол взял бы да и не стал продавать птаху, то мы не получили бы с этого и десяти золотых.

— Никогда не слышала от вас подробностей, — сказала Тананда, — но судя по всему, что до меня дошло на улицах, это действительно произвело впечатление на всех обитателей Базара. Большинство считает, что помочь доставить общественности редкую птицу за всего лишь малую долю своих обычных гонораров — это мастерский рекламный ход для самого ходового мага на Базаре. Это показывает, что он — нечто большее, чем бессердечный бизнесмен... что он действительно не плюет на народ.

— А чем, собственно, плохо быть бессердечным бизнесменом? — фыркнул Ааз. — Как насчет другого парня? Все считают его злодеем, и он плакал всю дорогу до банка. И ушел на покой благодаря прибыли с одной этой продажи.

— Если няня жутко не обманула меня, обучая арифметике, — перебил Корреш, — то по моим расчетам ваш текущий банковский счет может проглотить прибыль этого малого и там еще останется место для обеда. У тебя есть какая-то причина так усердно запасать золото, Ааз? Ты собираешься уйти на покой?

— Нет, не собираюсь уходить на покой, — отрезал мой партнер. — А ты совершенно упускаешь суть дела. Деньги не главное.

— Неужели?

Думаю, все ухватились за эту реплику одновременно... даже Пепе, знавший Ааза совсем не так долго.

— Конечно, не они. Золото всегда можно достать еще. А вот время ничем не заменишь. Мы все знаем, что Скиву предстоит еще проделать долгий путь в области магии. Но остальные из вас постоянно забывают, какая небольшая продолжительность жизни находится в его распоряжении... возможно, лет в сто, если ему повезет. Я всего лишь пытаюсь дать ему максимум возможного времени для обучения... а это означает — не давать ему тратить большую часть своего времени на грошовые приключения. Пусть ими занимается всякая мелюзга. Мой партнер не должен отрываться от своих занятий, если не наклеивается ка-

кое-то **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** эффективное задание. Способное подействовать его репутации и карьере.

Наступило долгое молчание, пока все переваривали сказанное, особенно я. С тех пор как Ааз принял меня как полноправного партнера, а не ученика, я имел склонность забывать о его роли моего учителя и импрессарио. Мысленно оглянувшись теперь на прошлое, я увидел, что на самом-то деле он и не думал расставаться с этой обязанностью, просто стал действовать более скрытно. Вот не поверил бы, что такое возможно.

— А как насчет данного конкретного грошового приключения? — нарушила молчание Тананда. — Ну, знаешь, вытаскивания твоего хвоста из капкана? Разве это малость не неспритязательно для той легенды, какую ты пытаешься создать?

В ее голосе звучал откровенный сарказм, но он ни в малейшей мере не смутил Ааза.

— Если ты спрашиваешь, то выяснишь, что я вовсе не хотел брать его на эту прогулку. Фактически, я оглушил его, пытаюсь не дать ему отправиться. Маг высокого полета не должен опускаться до взыскивания долгов, особенно когда риск непропорционально велик.

— Ну, на мой вкус, все это кажется немного бесчувственным, — вставил Корреш. — Если продолжить твои логические рассуждения, то нашему юному другу следует работать, только когда опасность астрономически высока, и наоборот, если задание достаточно выгодно для его карьеры, а риск не слишком велик. Мне это кажется самым верным способом потерять партнера И друга. Как говорит Живоглот, если постоянно держать пари на выгодных для себя условиях, то рано или поздно заплатишься за это.

Мой партнер резко повернулся и столкнулся с троллем носом к носу.

— Конечно, это будет опасно, — прорычал он. — Профессия мага — не для слабодушных и для достижения вершины ему понадобится быть вспыльчивым и злобным. Этого нельзя избежать, но я могу попробовать гарантировать его готовность к этому. Почему, по-твоему, я так категорически возражал против придания ему телохранителей? Если он начнет полагаться на присмотр за собой со стороны других людей, то утратит преимущество сам. Вот **ТОГДА** ему будет опасно пройти даже через вращающуюся дверь.

Это заставило ринуться в бой Гвидо.

— Дайте-ка мне посмотреть, правильно ли я понял, — сказал мой телохранитель. — Вы хотите, чтобы меня с моим кузеном Нунцио не было рядом, для того чтобы Босс мог справляться со всеми бедами сам? Это полный бред, понимаете, что я имею в виду? А теперь послушайте меня, так как на этот раз я знаю, о чем говорю. Чем выше взбирается кто-либо по лестнице, тем больше народу охотится за его головой. И даже если они ничего никому не делают, найдутся желающие пальнуть по ним, так как они пользуются властью и уважением, а всегда есть субчики, считающие, что могут присвоить их себе. Так вот, я видел кое-каких Больших Парней, пытавшихся действовать именно так, как вы говорите... они все время настолько боялись, что не доверяли никому и ничему. Рассчитывать они могли только на самих себя, а все остальные — под подозрением. В их число входят совершенно незнакомые лица, их же собственные телохранители, друзья И партнеры. Подумайте минутку об ЭТОМ.

Он откинулся на спинку кресла и обвел взглядом помещение, адресуя следующее свое замечание ко всем.

— Подобным людям долго не протянуть. Они никому не доверяют и поэтому у них никого нет. Один не может сделать все и раньше или позже они смотрят не в ту сторону или засыпают, когда следовало бы следить, и все кончено. Так вот, я не раз работал телохранителем и это было просто работой, понимаете, что я имею в виду? Босс — иное дело, и я говорю это не ради красного словца. Он самый лучший человек, какого я встречал за всю свою жизнь, потому что он любит людей и не боится показать это. И еще важнее, он не боится рискнуть головой, помогая кому-либо, даже если это НЕ в его лучших интересах. Я работаю на него вдвойне усердней, потому что не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось... и если это означает отпраздновать с ним в странные экспедиции вроде этой, то быть по сему. Всякий, кто захочет его тронуть, должен будет прорваться мимо меня... и это включает драку с любым из вас, если вы захотите попробовать превратить его во что-то, чем он не был и не желает быть.

Маша вступила в разговор, громко захлопав в ладоши.

— Браво, Гвидо, — поаплодировала она. — Мне думается, Зеленый и Чешуйчатый, твоя проблема в том, что твое представление об успехе не совпадает с представлениями всех остальных. Мы все желаем Скиву добра, но он нам также нравится таким, какой он есть. Мы достаточно верим в его здравый смысл, чтобы поддерживать его в

любом шаге, сделанным им в своем развитии... не пытаюсь затащить его силой или обманом на какой-то определенный путь.

Ааз не только отступил перед этим натиском возражений, он, казалось, немного съехался.

— Мне он тоже нравится, — промямлил он. — Я знаю его дольше, чем любой из вас, помните? Он действует отлично, но ведь он мог бы добиться намного большего. Как он выберет путь, если не увидит его? Я всего лишь пытаюсь настроить его быть большим, чем я... чем МЫ когда-либо мечтали стать сами. Что в этом плохого?

Несмотря на раздражение тем, что мою жизнь обсуждают так, словно меня здесь нет, я был немало тронут преданной защитой своих друзей, а больше всего словами Ааза.

— Знаешь, партнер, — тихо проговорил я, — ты там какую-то минуту, казалось, говорил точь-в-точь как мой отец. Он хотел, чтобы я был наилучшим... или, конкретней, лучшим, чем он. Мамуля всегда пыталась втолковать мне, что он этого хотел потому, что любил меня, но в то время мне казалось, что он просто всегда порицал меня. Возможно, она была права... сегодня я больше склонен этому верить, чем тогда, но, впрочем, опять же, я теперь старше. Мне уже доводилось хотя бы пытаться сказать людям, что я люблю их, когда эти слова просто не лезли из горла... и расстраиваться из-за своего неумения, когда они не видели того, что я пытался им показать.

Ааз, я ценю твою заботу и мне нужно твое руководство. Ты прав, некоторые пути и варианты выбора я еще даже не рассматривал. Но я должен также выбирать свой путь сам. Я хочу, в конечном итоге, стать лучше, чем я есть сегодня, но не обязательно наилучшим. Мне думается, Гвидо прав, пребывание на вершине связано с высокой ценой, и мне хотелось бы долго и крепко подумать, а хочу ли я выплачивать ее... даже будь я убежден, что могу ее выплатить, в чем я не убежден. Но я-таки знаю, что если она означает перестать полагаться на тебя и всех здесь присутствующих, то я удовольствуюсь ролью грошового деятеля. ТАКУЮ цену я никогда не заплачу по доброй воле.

Снова начало воцаряться молчание, когда каждый и каждая из нас погрузились в собственные мысли, а затем в центр собрания выскочил вервольф.

— Но что же это, а? — спросил он. — Наверняка,

это не может быть великой командой Ааза и Скива, способной посмеяться над любой опасностью?

— Знаешь, Пепе, — предупреждающе произнес Ааз, — тебя ждет большое будущее в качестве набитой головы.

— Моей головы? — моргнул вервольф. — Но она же не... о-о-о-о. Теперь я понимаю. Вы пошутили, да? Хорошо. Это больше похоже на дело.

— ...а что касается смеха над опасностью, — добавил я, твердо решив поддержать свою часть легенды, — то я здесь вижу только одну опасность — риск умереть от скуки. Где все-таки носит Вильгельма?

— Я знаю, Скив, вы с Аазом привязаны друг к другу, — зевнул Корреш, — но тебе НАДО проводить побольше времени с другими людьми. Ты начинаешь походить на него. Возможно, тебе не помешает в следующий раз отправиться на задание со мной.

— Только через мой труп, — встал на дыбы мой партнер. — Кроме того, чему такому может он обучиться у тролля, чему бы я не мог научить его сам?

— Я мог бы научить его не ловить птиц для деволов за десять золотых, — усмехнулся тролль, подмигивая сестре. — Этой частью его образования ты, кажется, пренебрег.

— Вот как! — ошетинился партнер. — Ты собираешься учить его устанавливать цены? Как насчет того случая, когда ты наладил родную сестру украсть слона, не потрудившись проверить...

И они снова завели свое. Слушая, я невольно размышлял о том, что хоть и приятно знать глубину чувств своих друзей, было куда уютней, когда им удавалось скрывать их под плащом подтрунивания. Открытую искренность по большей части труднее принять, чем дружеский смех.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Не обманывайтесь внешним видом.

Мэллой

К тому времени, когда вернулся Вильгельм с нашими личинами, все в общем опять вернулось в нормальное русло... оно и к лучшему; так как процесс маскировки оказался испытанием чувства юмора для всех участников.

До тех пор пока я не связался с Аазом, мне никогда не доводилось притворяться кем-либо, кроме самого себя. И поэтому я никак не мог знать, долго ли требуется надевать физическую личину, не прибегая к магии. К тому времени, когда мы покончили с этим, я приобрел новое уважение к усвоенному мной умению, не говоря уж о настоящей тоске по измерению... любому измерению с мощными силовыми линиями для работы.

Большую помощь оказала Тананда, пустив в ход опыт своей работы в гильдии убийц. Она взяла на себя руководство, пытаясь обучить нас новым ролям.

— Выпрямись, Гвидо! — командовала она; в голос ее закрадывалось раздражение. — Ты ходишь, словно гангстер.

— Я и есть гангстер! — проворчал в ответ телохранитель. — Кроме того, чем плоха моя походка? Она довела нас до тюрьмы, не так ли?

— Тогда тебя не искало полгорода, — возразила Тананда. — Кроме того, ты тогда мог сам выбирать себе маршрут. Мы не знаем, где затаился противник. И в этой охоте нам придется проходить сквозь толпы, а с такой походкой можно и впрямь дойти до тюрьмы. Искусство переодевания — на девяносто процентов в умении научиться двигаться, как изображаемый тобой персонаж. А в данный момент ты двигаешься так, словно ищешь, с кем бы подраться.

— Попробуй ходить, как дон Брюс, — предложил я.
— Он ведь тоже гангстер.

За это я заработал мрачный взгляд, но мой телохранитель попытался следовать инструкциям, ступая на каблуки и семеня ногами.

— Лучше, — одобрила Тананда, оставив Гвидо гарцевать взад-вперед по кабинету с хмурым выражением лица.

— Как у нас получается?

— Паршиво, — доверительно сообщила она мне. — Это занимает куда больше времени, чем должно бы. Желала бы я видеть здесь побольше зеркал... черт, любые зеркала не помешали бы.

Лишь начав снаряжаться, мы сообразили, что Диспетчер вообще не держал зеркал. По его словам зеркала в среде вампиров были непопулярны, да и не нужны. В итоге нам не осталось ничего иного, кроме как проверять грим и костюмы друг друга, и труд этот был бы титаническим, даже если бы речь шла о менее чувствительных эго.

— Как мои зубы? — спросила Маша, выставив передо мной голову и открыв рот.

Это походило на заглядывание вглубь подземной пещеры.

— Мгмм... левая сторона отлично, но с правой у тебя все еще несколько пропущено. Погоди секундочку, и я тебе помогу.

Зубы превращались в особую трудность. Мы надеялись найти в помощь нашим личинам какие-нибудь резиновые клыки, столь преобладающие в магазинах новинок на Базаре. К несчастью, ни в одной из лавок Блута такие не продавались. Самым близким к ним из того, что у них, по словам Вильгельма, имелось в запасе, были резиновые наборы человеческих зубов, сделанные с расчетом насаживать поверх клыков. Вампир заверил нас, что среди местных они считались очень страшными. Столкнувшись с этим непредвиденным дефицитом, мы прибегли к чернению зубов, закрасив все свои зубы кроме клыков, ради хоть приблизительного сходства с неумело изображаемыми нами вампирами. Когда мы испробовали этот способ, результат получился неплохой, но реальное нанесение краски вызвало бессчетные трудности. Когда пытаешься покрасить сам себя без зеркала, трудно попасть на нужные зубы, а если позвать на помощь друга, то быстро обнаружишь, что названного друга вскоре охватывает неудержимое желание выкрасить тебе черным цветом язык вместо зубов.

— Не нравится мне этот плащ, — объявил Гвидо, хватая меня за руку. — Я хочу надеть свою полушинель.

— Вампиры не носят полушинелей, — твердо заявил я. — Кроме того, плащ действительно отлично выглядит на тебе. Заставляет тебя казаться... ну, не знаю, добродушным, но опасным.

— Да? — скептически отозвался он, вытягивая шею в попытке увидеть себя.

— И по-твоему у тебя есть проблемы? — взорвалась Маша. — Посмотри, что предлагается надеть *мне*! Я в любой день променяю эту оснастку на твой плащ.

Как вы, возможно, заметили, у команды возникло более чем немножко затруднений с приспособлением к своим личинам. Особенно бунтовала против своего маскарадного костюма Маша.

После того как во время побега она плавала в воздухе, словно воздушный шар над парадом, мы опасались, что из всех членов нашей группы быстрее всего узнают ее. И поэтому мы не только перекрасили ее броские оранжевые волосы, мы настояли, чтобы новый костюм прикрывал ее по возможности побольше. Для этой цели Вильгельм нашел платье, названное им “му-му”, — название отнюдь не вызвавшее у моей ученицы прилива любви к этому наряду.

— Я имею в виду, ну В САМОМ ДЕЛЕ, Девятый Вал, — обратилась она ко мне, тесня меня в угол. — Разве не достаточно плохо, что полгорода видело меня в образе дирижабля? Ну скажи мне, что я должна быть теперь **КОРОВОЙ**.

— Честно говоря, Маша, — вступил в разговор Вильгельм. — Такая мода довольно популярна здесь, в Блуте. Такие платья носят многие дамы, которые... то есть, немножко...

— Толстые!?

Она надвинулась всей массой на маленького вампира.

— Ты это слово ищешь, Низенький и Готовый Вот-Вот Вымереть?

— Давай смотреть правде в глаза, дорогая, — пришла на выручку Тананда. — У тебя есть-таки немного лишнего веса. Поверь мне, если и бывает время, когда нельзя заблуждаться насчет своего тела, так это при облачении в маскарадные костюмы. Если этот наряд что и делает, так заставляет тебя выглядеть малость стройнее.

— Не пытайся обмануть обманщицу, милочка, — вздохнула Маша. — Но насчет переодевания ты права. Но эта

штука такая НЕВЗРАЧНАЯ. Сперва я дирижабль, а теперь — армейская палатка.

— Вот с ЭТИМ я соглашусь, — кивнула Тананда. — Тут на мужчину можно смело положиться, обязательно найдет тебе невзрачное му-му. Вот что я тебе скажу. Есть у меня один шарфик, я собиралась сделать из него кушак, но ты наверное могла бы носить его на шее.

Я боялся, что это последнее замечание вызовет еще один взрыв, но Маша восприняла его как полезное предложение и обе отправились на поиски других возможных украшений.

— Есть свободная минутка, партнер?

По тону Ааза я понял, что настал тот самый миг, которого я страшился.

Коррешу вообще не приходилось беспокоиться о личине, так как гротли в этом измерении — дело обычное. Тананда тоже настаивала, что она достаточно похожа на вампиршу, чтобы сойти за таковую при самом минимуме модификации. Я не видел никаких вампирш с зелеными волосами, но ей они, по ее утверждению, попадались, и поэтому я как всегда уступил ее большому опыту в таких делах. Я тоже находился в списке “минимальной личины”, все соглашались, что никто в Блуте не разглядел меня настолько, чтобы мой образ запечатлелся у них в памяти. Хоть я и не пришел в восторг от такой неприметности, но возражать не стал... особенно когда увидел переживания Гвидо и Маши. Трудности с этими знаменитостями уже упоминались, досадные, но преодолимые, А ведь был еще Ааз...

— Что-нибудь случилось? — невинно спросил я.

— Можешь биться об заклад на жизнь своего дракона, кое-что случилось! — прорычал мой партнер. — И не пытайся разыгрывать передо мной невинность! Это не получалось, когда ты был учеником, и разумеется, не получится и сейчас.

Личина Ааза представляла для нас несколько сложных проблем. Он был не только самым разыскиваемым членом нашей группы, он был едва ли не самым приметным. После суда и пребывания в тюрьме сомнительно, чтобы хоть один гражданин Блута не узнал бы его с первого взгляда. Я имею в виду, что просто-напросто по любому измерению бродит не так уж много чешуйчатых зеленых демонов... за исключением, возможно, его родного измерения Извр. Поэтому мы решили... почти единогласно... что нам необходимо не только сменить с помощью грима цвет моего партнера, но также и сменить ему пол.

— Это, наверно, имеет какое-то отношение к твоей личине? — спросил я, пытаясь сохранить бесстрастное выражение лица.

— Да, это имеет некоторое отношение к моей личине, — передразнил он, — и клянусь всеми богами, партнер ты или нет, если ты дашь этой улыбочке прорваться, я тебе живо отключу свет. Понятно?

Огромным усилием я втянул щеки и закусил нижнюю губу.

— Но серьезно, — почти умоляюще сказал он, — шутка шуткой, но не ожидаешь же ты в самом деле, будто я покажусь на публике в ПОДОБНОМ виде, так ведь?

Вдобавок к вышеупомянутому гриму личина Ааза требовала платья и парика. Из-за размеров его головы (проблему эту Вильгельм мудро подал как можно сдержанней) выбор имеющихся в наличии париков был, понятно, невелик. Фактически, в наличии имелся только один образец его размера, называвшийся "Леди Игого-Дива" и представлявший собой высокую белокурую прическу в виде улья с длинным конским хвостом, свисавшим ему до колен. На самом-то деле, этот конский хвост оказался удачей для личины, так как у избранного Вильгельмом для моего партнера синего платья оказалось исключительно большое декольте, и перекинутые через плечо волосы помогали скрыть проблему отсутствия у нас достаточного или пригодного материала для набивки груди.

— Как однажды сказал мне мой мудрый старый наставник, когда я столкнулся со схожей дилеммой, — философски заметил я, — какая разница, что о тебе подумают? Все равно им не полагается знать, что это ты. В этом-то и заключается вся идея личины.

— Но этот наряд унизителен!

— Именно так я и сказал, когда некто другой, кого я мог бы назвать, шел, что МНЕ необходимо персодеться девушкой, помнишь?

— Ты насладешься этим, не так ли? — сердито глянул на меня Ааз, с подозрением присматриваясь ко мне.

— Ну, есть пара других вариантов, — признал я.

— Вот это другое дело! — усмехнулся он, протягивая руку к парiku.

— Ты мог бы остаться здесь...

Его рука остановилась, чуть-чуть не дойдя до цели.

— ...или мы могли бы забыть обо всем этом деле и уплатить штраф сами.

Рука отступила, а плечи обвисли, партнер признал свое поражение. Победа не вызвала у меня никакой радости. Если говорить откровенно, так я наполовину надеялся, что он достаточно застесняется, чтобы поймать меня на предложении бросить эту затею. Мне следовало знать, что на такое лучше не рассчитывать. Когда речь идет о деньгах, то для отвлечения Ааза требуется нечто большее, чем стеснительность... будь то его стеснительность или чья-нибудь еще.

— Отлично, все, — крикнул я, скрывая разочарование.
— Мы готовы к выходу?

— Не забудьте про солнцезащитные очки! — добавила Тананда.

Это было последним штрихом в наших личинах. Чтобы скрыть наши некрасные глаза, все мы надели солнцезащитные очки. Наблюдая конечный результат, я вынужден был признать, что если не считать Тананды и Корреша, мы выглядели непохожими на себя. На ЧТО именно мы походили, я не рискну сказать, но определенно не на СЕБЯ!

— Ладно, — вмешался Ааз, явно оставив свое несудобство позади. — Все знают свой походный порядок? Вильгельм? Вы уверены, что сможете следить за нами с помощью этой штуки?

— Никаких проблем, — кивнул маленький вампир. — Когда здесь наступает спад в делах, я использую это оборудование для небольшого заглядывания в окна прямо здесь, в городе. А за улицами наблюдать и того легче.

— Помните, — сказал я ему, — следите за нашим сигналом. Когда мы настигнем этого Вика, нам понадобится, чтобы вы быстро-быстро достали для нас несколько ответственных местных свидетелей.

— Ну, вообще-то, — зло усмехнулся Ааз, — вам незачем СЛИШКОМ спешить с этим. Я не прочь побыть немного с ним наедине, прежде чем мы сдадим его властям.

Сердце у меня малость екнуло. Ааз, кажется, твердо решил выжать из этой охоты толику мести, и я не был уверен, что он ограничится Виком, когда придет время выразить свое раздражение.

Думаю, Тананда заметила мою озабоченность.

— Полегче, Ааз, — небрежно сказала она. — Я не прочь помочь тебе выкрутиться из передраги, но не рассчитывай на меня, когда дело доходит до излишней силы ради мести. В этом нет стиля.

— С каких это пор тебя стало беспокоить излишнее насилие? — проворчал Ааз, а затем пожал плечами, соглашаясь с ней. — Ладно. Но может, нам повезет. Может быть, он окажет сопротивление при аресте.

Я все еще тревожился, но понял, что большей сдержанности от моего партнера мне, вероятно, не добиться.

— А теперь, когда с этим решено, — сказал я, доставая шарфик Луанны, — Пепе, понюхай-ка вот это.

— Очаровательный запах, — улыбнулся он, понюхав кусок ткани. — Молодая дама, нет? Если тело ничуть не хуже аромата, то я последую за ней хоть на край света, независимо от того, будете вы сопровождать меня или нет.

Я удержался от порыва обмотать ему шарфом шею и затянуть потуже.

— Отлично, все. — Я забрал шарфик и засунул его обратно под тунiku небрежным, как я надеялся, движением. — Идемте, поймаете себе вампира-р-негата.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

След должен быть где-то здесь!

Д.Бун

Когда мы отправились на поиски, до заката оставалось всего несколько часов — саднящее напоминание о том, сколько именно времени заняли у нас усилия обрести физические личины. Мы договорились избегать следовать за Пепе всей группой, дабы не привлекать внимания. И двигались вместо этого поодиночке — по двое, идя по обеим сторонам улицы и намеренно с разной скоростью. Шагавшие быстрее усредняли пройденное расстояние под шагавших помедленнее, останавливаясь иной раз поглазеть на витрины лавок, держа таким образом нашу группу в целости, внешне никак этого не показывая. Тананда указывала, что такая процедура не только уменьшит наши шансы оказаться замеченными, но также и даст максимум шансов спастись хотя бы некоторым из группы, если одного из нас разоблачат... воистину, утешающая мысль.

Хотя по утверждениям Луанны она высматривала нас у Диспетчера, было это так давно, что я вполне ожидал, что запах ее с тех пор совершенно рассеялся или по крайней мере забит прохождением многочисленных прочих. И поэтому слегка удивился, когда вервольф почти сразу же просигналил о нападении на след и с решительным видом двинулся вперед. То ли запах у нее оказался более стойким, чем я думал, то ли я сильно недооценил следопытских способностей Пепе.

След петлял туда-сюда по уличным мостовым, и мы шли по нему с максимальной быстротой, возможной при продолжении притворства лениво прогуливающимися и не знающими друг друга. Некоторое время наша группа представляла собой большинство видимых существ, вынуждая меня усомниться в эффективности нашего обмана, но вскоре

начали появляться вампиры, спешащие вкусить ночной жизни, и мы стали немного менее приметными.

Я шел в паре с Коррешем, но когда мы пробирались по улицам, тролль держался странно тихо. Сперва я думал, что он просто сосредоточился на удержании в поле зрения вервольфа, но с течением времени это молчание стало меня почему-то угнетать. Я всегда уважал Корреша, как одного из более нормальных, уравновешенных членов нашей пестрой компании, и у меня начало складываться тревожащее впечатление, что он не всей душой стоит за это предприятие.

— Тебя что-то беспокоит, Корреш? — спросил я наконец.

— Хммм? О. Да в общем-то нет. Просто я думал.

— О чем?

Тролль издал легкий вздох.

— Я просто размышлял о нашем противнике, об этом Викс. Знаешь, судя по всем рассказам, он порядком изобретателен, на свой окольный лад.

Это меня малость ошарашило. До сих пор я считал нашего врага-вампира чем угодно от занозы до злого рока. Мне и в голову не приходило изучить его методы.

— Что приводит тебя к такому выводу?

Тролль поджал губы, приводя в порядок мысли.

— Посмотри, чего он сумел достичь на данный момент. Все то время, какое мы знаем о нем, он находился в бегах... сперва от деволов, а потом от Ааза, который мастер ловить беглых, коль скоро поставит себе такую цель. Так вот, допуская на миг, что Вик и в самом деле мозг шайки, он проявил достаточно быстроты, воспользовавшись безнадзорным пребыванием в приемной для побега через заднюю дверь. Он не мог спланировать этого заранее, даже зная о двери. Вероятно, у него был на уме какой-то иной план, и этот новый курс действий он сформулировал, не сходя с места.

Мы остановились на миг, давая небольшой группе вампиров перейти перекресток впереди нас.

— Так вот, в большинстве случаев ничего больше и не понадобилось бы, но волею случая они выбрали маршрут выхода, сделавший ответственными за побег тебя с Аазом, что и пустило по их следу твоего партнера, — продолжал Корреш. — Не имея никаких данных для расчетов, кроме вашей репутации, Вик не только правильно заключил, что за ним обязательно последуют, но также и сумел заметить слабость Ааза и воспользоваться ею для того, чтобы слепить

на него чернуху и сделать ее прочной... опять же, не самая легкая задача, особенно если учесть, что для этого потребовалось убедить и поднатаскать для исполнения ролей двух своих соучастников.

Все это отнюдь не способствовало моему душевному покою. Мне и так было достаточно трудно заставить себя поверить, что мы действительно охотимся на вампира, существо из разряда тех, кого я обычно избегаю любой ценой, без всякой надобности считаться с возможностью, что он к тому же хитер и изобретателен. И все же я давно усвоил, что игнорировать неприятные элементы операции — наверно наихудший способ подготовиться к ним.

— Продолжай, — подтолкнул я.

— Ну, — вздохнул тролль, — когда вы наткнулись на его укрытие у Ав-Акторов, он не ударился в панику, а подождал, пока не услышал как можно больше о твоих планах, все это время пользуясь возможностью изучить тебя из первых рук, а затем так выбрал время для своего бегства, что захватил вас врасплох.

Я переварил это малоприятное добавление к быстро растущей подборке фактов.

— Ты действительно думаешь, что он составлял мнение обо мне?

— Я в этом несколько не сомневаюсь. Он не только определял твое умение и решимость, он, основываясь на этих наблюдениях, достаточно успешно предугадал твои действия, чтобы дожидаться, когда вы извлечете Ааза из тюрьмы, и поднять тревогу... особо смелый ход, если учесть, что он шел на риск быть узнанным, из-за чего взлетела бы на воздух вся слеplенная им чернуха.

— Смелый или отчаянный, — задумчиво поправил я. — Вероятно, именно потому-то, прежде чем включать сирену, он и ждал, пока мы действительно не освободим Ааза и не начнем спускаться. Если бы мы скрылись целыми и невредимыми, чернуха стала бы бесполезной, так что в тот момент он на самом-то деле ничем не рисковал.

— Будь по-твоему, — пожал плечами тролль. — Конечный вывод все равно таков: нам предстоит разгрызть твердый орешек. Можно только гадать, что же он предпримет, когда мы настигнем его на этот раз.

— Если он выступит на прежнем уровне, нам, возможно, придется туго.

Корреш бросил на меня быстрый взгляд искоса.

— На самом-то деле я думал, что туго, возможно,

придется даме твоего сердца... если он сумел заметить твои чувства к ней.

Я начал было возражать, а затем до меня дошел смысл его теории и смущение уступило место озабоченности.

— Они действительно так очевидны? Ты думаешь, он мог их заметить? Если так, то он уже мог что-то сделать с Луанной за вступление с нами в контакт.

— Они из тебя так и прут для всякого, кто тебя знает, — покачал головой Корреш. — А что касается того, кто наблюдает за тобой впервые... просто не знаю. Скорее он мог догадаться об этом из-за имеющихся у тебя сведений... таких как его имя. Такие данные должны откуда-то исходить, хотя есть ничтожный шанс, что при твоей нынешней репутации он решит, будто ты извлек их из какого-то магического источника.

Я едва слышал его. Мой рассудок сфокусировался на возможности, что Луанна могла пострадать, и я мог быть косвенной причиной тому. Черная волна вины поднялась, грозя поглотить меня, когда я почувствовал руку на своем плече.

— Не отключайся сейчас от окружающего, Скив, — говорил Корреш, слегка тряся меня. — Прежде всего, ты нам вскоре понадобишься. А во-вторых, даже если Вик вычислил, что ты влюблен в нее, то мне думается, он не причинит ей вреда. Скорее наоборот, будет беречь ее, как козырь против нас.

Я с трудом поглубже втянул в себя воздух.

— ...и такой убудок, как он, вполне вероятно, именно так и сделает, — сказал я. — Не знаю, что я буду способен сделать, для нас или для нее, но готов попробовать. Спасибо, Корреш.

Троль внимательно изучал меня взглядом.

— На самом-то деле, я не думал, будто он такой мерзавец, — сказал он, — это, скорее, умный, изобретательный парень, оказавшийся на мели и пытающийся по мере сил симпровизировать какой-то выход. Честно говоря, старина Скив, во многих отношениях он напоминает мне тебя. Можешь подумать об этом, пытаясь оценить его вероятные действия и как им противодействовать.

Я снова попытался взвесить его слова, но мог думать лишь о том, какие последствия может иметь эта охота для Луанны. Мне было достаточно трудно согласиться, что мы должны заставить Луанну и ее сообщников отвечать перед

властями за свои неблагоразумные поступки, но мысль подвергнуть ее физической опасности была невыносима.

Я огляделся, ища Ааза, твердо вознамерившись раз и навсегда положить конец этой охоте. К моему удивлению, остальная группа собралась впереди на углу и мой партнер делал нам знак присоединиться к ним.

— Что происходит? — спросил я почти про себя.

— Так вот с ходу, — ответил Корреш. — Я сказал бы, что мы добрались до своей цели.

На меня нахлынула холодная волна страха, и я поспешил к месту встречи. Корреш от меня не отстал.

— Нам повезло, — объявил Ааз, когда я прибыл. — Гвидо говорит, что он видел, как Вик входил в здание, как раз перед тем, как мы подошли сюда. По моим предположениям они все сейчас там.

— Ааз, я — Я — хочу, чтобы мы немедленно завязали, — выпалил я, болезненно сознавая, как слабо это прозвучало.

— О? — вскинул бровь мой партнер. — Есть какая-то особая причина?

Я провел языком по губам, чувствуя на себе взгляды всей группы.

— Только одна. Я влюблен в одного из беглецов... в девушку.

— Да. А теперь скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — подмигивая мне, ухмыльнулся Ааз.

— Ты знал?

— Все мы знали. Фактически, мы только что это обсуждали. Вспомни, мы все тебя знаем... а я, вероятно, лучше всех. В общем-то уже практически решено отпустить твою прелестницу восвояси. Считай это нашим подарком тебе. Двое остальных — наши.

Пять минут назад это привело бы меня в счастливый восторг. Теперь же это, казалось, лишь осложнило положение.

— Но Корреш как раз сейчас говорил мне, что они могут причинить ей зло, если выяснят про то, как она помогла нам, — отчаянно объяснил я. — Разве нельзя нам просто отпустить восвояси их всех?

— Ни за что, партнер, — твердо сказал Ааз. — Вдобавок к нашим первоначальным причинам ты только что упомянул новую. Твоя подружка может попасть в беду, и единственный способ гарантировать ей безопасность — это устранить ее партнеров... срочно.

— Поверь ему, Скив, — поддакнула Тананда. — Может, это и неприятно, но это самый лучший способ.

— В самом деле, Босс, — спокойно сказал Гвидо. — Если мы не закончим это дело здесь и сейчас, то никогда не будем знать, в безопасности ли она, понимаете, что я имею в виду?

Это почти имело смысл, но я все же тревожился.

— Не знаю, Ааз...

— Ну, а я знаю, — отрезал мой партнер. — И чем дольше мы здесь торчим, тем больше у них шансов либо смыться, либо устроить ловушку. Если ты не уверен, то оставайся здесь... фактически, это неплохая мысль. Маша, оставайся здесь с ним на случай, если они попробуют выскочить здесь. И пока ждете, высматривайте свидетелей, которых должен прислать Вильгельм. Тананда, ты с Коррешем и Гвидо отправляешься со мной. Это работа для опытных рецидивистов. Пепе, мы ценим твою помощь, но это действительно не твоя драка.

— Ну конечно, — усмехнулся вервольф. — Кроме того, я занимаюсь любовью, а не боями. Я подожду здесь, пока не увижу финаль, да?

— Но, Ааз...

— В самом деле, партнер, от тебя будет больше пользы здесь. Такая драка не по твоей части, и нам нужен кто-то для разговора со свидетелями. Вот по этой части ты спец.

— Я собирался спросить, подал ли ты сигнал Вильгельму.

— Сигнал? — моргнул Ааз. — Как тебе вот такой сигнал?

И с этими словами он сорвал с себя парик и бросил его на землю, а затем быстро отправил туда же платье.

— Как по-твоему, дойдет до него такое послание? Кроме того, я ни в коем разе не собираюсь пробовать драться в этом наряде.

— Вот теперь ты дело говоришь! — гаркнул Гвидо.

Он молниеносно скинул я себя плащ и ватину знакомую мне теперь полушинель.

— Откуда она взялась? — грозно спросил я.

— Все время держал ее при себе, — сказал довольный собой телохранитель. — Оставить ее было бы все равно, что бросить старого друга.

— Ну, если ты и твой старый друг готовы, — пробормотала себе под нос Тананда, — то нам лучше начинать.

— Руки чешутся подраться? — усмехнулся Ааз.

— Нет. Скорее, нетерпится убраться с улицы, — ответила она. — Поскольку вы, ребята, показали себя в истинном свете, мы начали собирать толпу.

И верно, вампиры на улице прервали прежние занятия и собирались кучками, перешептываясь и показывая на нашу группу.

— Мгмм... нам лучше кончать с этим побыстрей, — заключил Ааз, метнув нервный взгляд по сторонам. — Отлично, ребята. Пошли ва-банк!

— Пошли во что? — спросил я, но они уже входили в здание.

Я заметил, что все они двигались быстрее обычного. А также заметил, что на улице остались только Маша, Пепе да я... и толпа теперь показывала на нас!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я проделал весь этот путь не для того, чтобы сидеть сложа руки, когда идет грабеж!

Р. Вальдхов

— Что здесь происходит?

Я оглянулся и обнаружил, что один из вампиров отделился от группы своих друзей и обращался прямо ко мне.

— Понятия не имею, — пришла мне на помощь Маша. — Кучка иномирцев только что рванула в это здание с налитыми кровью глазами. Я жду тут, хочу увидеть, что случится дальше.

— Круто, — выдохнул вампир, оглядывая строение. — Никогда не видел столько иномирян в одном месте, разве что в боевиках. Разве один из них не тот беглый убийца Ааз?

Мне действительно не хотелось, чтобы этот типчик присоединился к нашей маленькой группе. Хотя наши личины, кажется, выдерживали беглый осмотр, я был порядком уверен, что длительное наблюдение вблизи откроет не только неместную природу меня и Маши, но также и тот факт, что мы пытались это скрыть.

— Возможно, вы правы, — согласился я, играя согласно предчувствию. — Если так, то хорошо, что вы оказались тут. Нам понадобится вся помощь, какую мы сможем достать.

— Помощь? Помощь в чем?

— Ну конечно же, в поимке преступника. Мы не можем позволить ему снова скрыться. Как я понимаю, наш долг остановить его самим или по крайней мере задержать его бегство, пока не придут власти.

— Нам? Вы имеете в виду вас троих? Вы намерены попробовать сами остановить убийцу?

— Раз вы здесь, нас теперь четверо.

Вампир начал пятиться назад.

— Мгम्म... на самом-то деле, мне надо вернуться к друзьям. Мы идем на вечеринку. Сожалею, что не могу помочь, но я сообщу всем, что вы ищете добровольцев, хорошо?

— Эй, спасибо, — крикнул я, словно поверил ему. — Мы будем на этом же месте.

К тому времени, когда я закончил говорить, он исчез в толпе. Цель была достигнута.

— Неплохо сработано, друг мой, — прошептал Пепе. — Он, как вы говорите, не хотел впутываться, нет?

— Совершенно верно. — Я снова поглядел на здание. — И откровенно говоря, я тоже не в сильном восторге от такой мысли. Как по-твоему, Маша? Что-то там ужасно тихо.

— Я бы сказала, да, — согласилась моя ученица. — Я как раз пыталась сообразить, хороший это признак или плохой. Еще десять минут, и я отправлюсь туда проверить это лично.

Я кивком выразил согласие, хоть и сомневался, что она это увидела. Мы оба не сводили глаз со здания, запоминая каждую его деталь.

Это было четырехэтажное строение или было бы таким, если бы не изогнутый конек, выпиравший из крыши на добрую половину основной высоты здания. Все выглядело так, словно строитель вдруг добавил украшение, пытаясь в последнюю минуту сделать свое творение таким же высоким, как его соседи, а то и выше. Видя в основном здании множество окон, я предположил, что это либо многоквартирный дом, либо отель, либо что-то в этом роде. Короче, судя по его виду, в нем было много маленьких комнат. Тут я стал гадать, а как же наши ударные силы найдут свою цель, не вышибая пинком ноги каждую дверь в доме... а с Аазом я такой возможности отнюдь не исключал.

Я собирался выразить этот страх Маше, когда изнутри раздался громкий треск.

— Что это было? — спросил я, ни к кому не обращаясь.

— Звучало похоже на громкий треск, — любезно уведомила меня ученица.

Я заставил себя вспомнить, что здесь все знали о происходящем в здании не больше моего.

После этого треска все снова стихло. Я попытался убедить себя, что этот шум мог быть вообще никак не связан с нашей ударной силой, но ни на минуту не верил в это. Толпа взволнованно переговаривалась и напряженно вглядывалась в различные окна. Она, кажется, питала полную уверенность, что вскоре случится еще что-то, куда большую уверенность, чем я, но впрочем, опять же, возможно, жители города больше моего привыкли к подобным бдениям.

Внезапно в дверях появилась Тананда.

— Они здесь не выскакивали? — окликнула она нас.

— С тех пор, как вы бросились туда, никто ни входил, ни выходил, — отвечал я.

Она выругалась и принялась опять заходить в здание.

— Что случилось? — отчаянно крикнул я.

— Мы накололи одного из них, но Вик удрал. Он бродит где-то в здании, и он прихватил с собой девушку.

И с этими словами она исчезла, прежде чем я успел спросить о чем-то еще.

Восхитительно!

— Волнительно, а? — сказал Пепе. — Честное слово, я мог бы часами наблюдать за такой погоней.

— Ну, а я не могу, — отрезал я. — Хватит с меня сидеть в сторонке. Маша? Я иду туда. Хочешь со мной?

— Не знаю, Оторва. Мне хотелось бы, но должен же кто-то затыкать здесь путь к бегству.

— Отлично. Жди здесь, а я...

Я повернулся, чтобы войти в здание, и врезался прямоком в Вильгельма.

— Что вы здесь делаете? — без большого интереса осведомился я.

Диспетчер слегка мотнул головой, прочищая ее. Из-за меньшего роста ему досталось при столкновении больше, чем мне.

— Я здесь со свидетелями, помните? Мне полагалось привести их.

— Вам полагалось ПРИСЛАТЬ их. А, ладно, где они?

— Да вон, — показал он на стоявшую позади него мрачную группу вампиров. — Это Керби, Пол, Ричард, Адель и Скотт... одни из самых уважаемых в городе граждан. Убедите их, и ваше дело в шляпе.

Глядя на эту группу, я вдруг понял, почему Ааз очутился

в камере смертников. Если присяжные заседатели сколь-нибудь походили на эти образчики, то они бы и мать родную повесили за переход улицы в неположенном месте. Хотя я и не упивался мыслью о попытке убедить их в чем бы то ни было, но внезапно очень обрадовался, что мне не приходилось иметь с ними дело постоянно.

— Ладно. Итак, мы здесь, — проворчал один из них, представленный как Керби. — Вот только чего нам предполагается засвидетельствовать? Если это одно из твоих пустяковых делишек, Вильгельм...

Я прервал его речь, просто сняв солнцезащитные очки и широко открыв глаза, демонстрируя их белки. Скверной репутации человека в этом измерении вполне хватило для приобретения их нераздельного внимания.

— Наверное, вы помните некий суд по делу об убийстве, прошедший не так уж давно? — сказал я, пытаюсь удалить языком краску с зубов. — Ну, сбежавший из-под стражи осужденный убийца — мой партнер, и находится в данный момент в этом здании. Он вместе с несколькими нашими друзьями собирается показать вам один удивительно живой труп... а точнее, парня, которого мой партнер якобы убил. Надеюсь, этого хватит, чтобы убедить вас в его невинности?

Хотя мое появление в их среде и ошарашило вампиров, они быстро оправились. Как я сказал, это были настоящие рецидивисты и произведенное на них впечатление действовало ненадолго.

— И сколько же времени это займет? — нетерпеливо бросил Керби. — Я ради этого дела отказался от сна, а получаю с него не очень-то много.

Это был хороший вопрос, и поэтому, не имея на него ответа, я стал тянуть время.

— Вы спите по ночам? А я думал...

— Я — дневная сова, — отмахнулся вампир. — Мою работу легче сделать, когда телефон не звонит каждые пять минут... а это обычно значит, что надо ждать, пока не уснут все прочие. Но мы отклонились от темы. Суть в том, что время мое дорого и то же относится и к моим коллегам. Если вы думаете, будто мы собираемся просто стоять здесь, пока не...

Толпа внезапно вскрикнула и мы все посмотрели на нее, увидев, как все взволнованно переговариваются и показывают на крышу.

Там появилась фигура, пытавшаяся взобраться по крутому скату, волоча одной рукой вырывающуюся девушку.

Вик!

В первый раз я ясно разглядел своего врага и слегка удивился. Он оказался моложе, чем я ожидал, едва ли старше меня, и носил вместо угрожающего плаща белый свитер-водолазку и солнцезащитные очки. Мне вдруг пришло в голову, что если солнцезащитные очки давали мне возможность сойти за вампира, то они также позволили бы и вампиру ходить незамеченным среди людей.

Вампир внезапно остановился, так как ему преградила путь Тананда, появившаяся словно по волшебству из-за конька крыши. Он повернул назад и лишь обнаружил, что сзади внезапно возникло трио в составе Ааза, Гвидо и Корреша, отрезая ему отступление.

— Мне думается, господа и дамы, что вон там и находится то неуловимое тело, из-за которого и началось все это дело, — услышал я свои слова. — Если вы сможете уделить еще несколько минут, я думаю, МОИ коллеги возьмут его под стражу и вы сможете спокойно допросить его.

— Не будь слишком уверен в этом, Девятый Вал, — предостерегла Маша. — Смотри!

Поскольку Вику отрезали избранные им пути бегства, он теперь лез на самый конек крыши, держа на весу Луанну. Хотя я невольно восхитился его силой, мне было совершенно непонятно, чего он пытался достичь этим маневром. Ведь его же явно разоблачили, так почему же он просто не сдастся?

Ответ стал очевидным в следующие несколько мгновений. Добравшись до конька крыши, вампир претерпел пугающую метаморфозу. Прежде чем до него успели добраться ударные силы, он сгорбился и из спины у него стали расти и разворачиваться огромные перепончатые крылья. Планы его сорвались, и он готовился сбегать.

Немедля среагировав на его усилия, и Тананда, и Гвидо дружно извлекли стрелковое оружие и что-то крикнули ему. Хотя слишком большое расстояние не давало ясно разобрать слова, на мой взгляд, они явно угрожали застрелить его, если он попыбует взлететь.

— Возможно, у нас будет еще дело об убийстве, — пробормотал Керби, сощурившись следя за разворачивающейся на крыше драмой.

— Убийстве? — воскликнул я, поворачиваясь к нему.

— Как можно назвать это убийством, если они всего лишь пытаются помешать ему сбежать от ВАШЕГО правосудия?

— Я имел в виду не это, — пояснил вампир, не отрывая глаз от места действия. — Проверьте сами.

Я посмотрел... и сердце у меня остановилось. Ааз пытался подняться на конек крыши поближе к Вику и его заложнице. Должно быть, Вик увидел его, так как теперь он держал Луанну над краем крыши, угрожающе направив палец на моего партнера. Угроза была недвусмысленной.

— Знаете, вот такой народ и создал дурную славу вампирам, а? — ткнул меня локтем в бок Пепе.

Я проигнорировал его замечание, захваченный собственным беспокойством и подавленностью из-за этой патовой ситуации. Однако куда более сильный тычок со стороны Маши вывел меня из задумчивости.

— Эй, Оторва. Ты видишь, что вижу я?

Я оторвал взгляд от столкновения на крыше и быстро глянул в ее сторону. Она стояла, не двигаясь, сосредоточенно наморщив лоб и с закрытыми глазами.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, чего она делает, а затем я последовал ее примеру, едва смея надеяться.

Она была там! Силовая линия! Большая, мощная, прекрасная, славная силовая линия.

Я настолько привык не иметь в этом измерении никакой энергии в своем распоряжении, что даже не потрудился проверить!

Я открылся для энергии, мимолетный миг упиваясь ею, а затем переканализировал ее.

— Извините, — улыбнулся я, отдавая Керби свои солнцезащитные очки. — Мне самое время напрямую приложить руку к этому делу.

И с этими словами я мысленно потянулся, оттолкнулся от земли и воспарил вверх, устанавливая курс к загнанному на крыше в угол вампиру.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ладно, пилигрим. Решим это дело огни на огни!

А.Гамильтон

Я надеялся приблизиться незамеченным, но когда я взлетел, толпа внизу издала рев, привлечший внимание бойцов на крыше. Восхитительно! Когда мне хотелось безвестности, я стал знаменитостью.

Достигнув одного уровня высоты с вампиром, я завис в воздухе на почтительном расстоянии.

— Уберите пугачи, — крикнул я Тананде и Коррешу. — По воздуху ему не уйти.

Они выглядели немного недовольными, но приказ выполнили.

— Что это за фокус Питера Пэна, партнер? — крикнул Ааз. — Чувствуешь прилив сил или нашел наконец силовую линию?

— И то и другое, — помахал я в ответ, а затем снова переключил внимание на Вика.

Хотя его глаза закрывали непроницаемые солнцезащитные очки, я почувствовал, как его ненавидящий взгляд прожигает меня насквозь.

— Почему бы тебе просто не сдать? — произнес я, как я надеялся, мирным, успокаивающим тоном. — Все кончено. Мы обошли тебя со всех сторон.

С миг он, казалось, нерешительно колебался. А затем, без предупреждения, швырнул Луанну в Ааза.

— Почему вы не можете просто оставить меня в покое! — завопил он и прыгнул с крыши.

Ааз каким-то образом сумел зацепить брошенное в него тело девушки, хотя по ходу дела потерял равновесие и

опрокинулся спиной на конек крыши, смягчая удар собственным телом.

Я заколебался, разрываясь между порывом проверить благополучие Луанны и желанием преследовать Вика.

— За ним! — призвал партнер. — Мы целы и невредимы!

Другого поощрения мне не требовалось. Развернувшись направо, я спикировал следом за удирающим вампиром.

А затем последовало одно из наиболее интересных испытаний в моей недолгой карьере мага. Как я уже упоминал, моя форма магического полета на самом деле не полет... это управляемая левитация самого себя. И это делало увлекательную погоню настоящим вызовом для моих способностей. Однако трудность эта уравнивалась тем, что Вик тоже по-настоящему не умел летать... по крайней мере, он, кажется, никогда не взмахивал своими крыльями. Вместо этого, он, похоже, довольствовался парением, выражами, а иной раз ловил восходящий воздушный поток. Это вынуждало его постоянно кружить и раз за разом возвращаться примерно на то же место. Меня это вполне устраивало, так как я не хотел чересчур удалиться от энергизирующей меня силовой линии, теперь, когда я нашел ее. Меня вовсе не привлекала мысль лишиться мощности, вися в пятидесяти футах над землей.

Так или иначе, наша воздушная дуэль быстро стала любопытным состязанием стилей, где Вик пикировал и кружил, пытаясь сбежать, а я совершал вертикальные и горизонтальные маневры, стремясь перехватить его. Незачем говорить, такой конфликт разрешился не быстро. Как только я рассчитывал ход, могший достаточно близко подойти к перехвату, чтобы попробовать его вновь, Вик замечал грозящую ему опасность и изменял направление, предоставляя мне разгадывать его новый курс.

Толпе это очень понравилось.

Она орала и вопила, и поощряющие слова долетали до нас то громко, то слабо, когда мы меняли высоту. Было невозможно определить, кого из нас они подбадривали, хотя я какос-то время думал, что меня, учитывая одобрение, выраженное ими, когда я впервые взлетел, чтобы вступить в сражение. Затем я заметил, что толпа с тех пор, как я вступил в схватку, существенно увеличилась, и понял, что многие в ней не были свидетелями начала конфликта. Им, вероятно, казалось, что чудовище из другого измерения гоняется в небе за одним из их собратьев.

Эта мысль достаточно обеспокоила меня, чтобы я уделил часть своего внимания сканированию окружающих крыш

на тот случай, если там какой-то местный снайпер готовится помочь своему соотечественнику. Это оказалось самым мудрым из принятых мною решений.

Оглядываясь через плечо, я со всей силой врезался в Вика, вернувшегося на свой же прежний курс. Этот финт, вероятно, сработал бы, если бы я его заметил, ну а так мы столкнулись на максимальной скорости, удар на мгновение оглушил нас обоих. Я сумел схватиться обеими руками за водолазку вампира, когда мы упали футов так на десять, прежде чем я отрегулировал свою левитационную силу для поддержания нас обоих.

— Что с тобой случилось? — требовательно спросил я, пытаюсь тряхнуть его и сумев лишь задвигать нас обоих в воздухе туда-сюда. — Бегством делу не поможешь.

И тут я понял, что он плачет.

Это почему-то показалось мне до крайности нечестным. Я имею в виду, как, спрашивается, оставаться взбешенным на плачущего злодея? Ладно. Допустим, я размазня. Но этот плач действительно менял дело.

— Я не могу драться со всеми вами! — прорыдал он; по щекам его струились слезы. — Возможно, если бы я немного знал магию, то сумел бы прихватить с собой одного из вас... во всяком случае, тебе придется потрудиться, прежде чем ты убьешь меня!

И с этими словами он вырвался из моего захвата и спикировал прочь.

Его слова настолько ошеломили меня, что я чуть не дал ему сбежать. К счастью, у меня хватило ума крикнуть ему вслед.

— Эй, дубина! Никто не пытается тебя убить!

— Да, разумеется, — крикнул он в ответ. — Ты взлетел сюда просто для забавы.

Он начинал закладывать вираж к улице, и я понял, что у меня есть еще время только для одной попытки.

— Слушай! Ты перестанешь убегать, если я брошу тебя преследовать? По-моему, здесь какое-то крупное недоразумение.

Он оглянулся через плечо и увидел, что я все еще там, где мы столкнулись. Слегка изменив курс, он свернул крылья и приземлился на резной горгулье, выступавшей из стены здания.

— С чего бы тебе захотелось поговорить? — крикнул он, вытирая одной рукой лицо. — Я думал, никакие мои слова не способны изменить твоего решения.

— Тебя может ожидать сюрприз, — крикнул я в ответ. — Слушай, ты не против, если я приземлюсь на этом карнизе неподалеку от тебя? Я чувствую себя довольно глупо, просто висю тут.

Он взглянул на указанный карниз, и я увидел, что у него нервно дернулись крылья.

— Брось, — побуждал я. — Там я буду от тебя дальше, чем был, когда мы начали на крыше эту погоню. У тебя по-прежнему будет открыт путь к бегству, если я чего-нибудь затею.

Он колебался, а потом кивком выразил согласие.

Двигаясь помедленней, чтобы не встревожить его, я проманеврировал к своему новому насесту. По правде говоря, я рад был снова почувствовать под ногами что-то прочное. Даже с применением магии полет может потребовать много сил, и я испытал облегчение, получив шанс отдохнуть. Теперь, когда я приблизился, то увидел, что Вик и сам тяжело дышит. Очевидно, его форма полета тоже была не сахар.

— Ладно, — сказал я, немного более разговорным тоном. — Давай разберемся в этом с самого начала. Кто говорит, будто мы пытаемся тебя убить?

— Мэтт, — ответил вампир. — Именно он и уведомил меня о тебе и твоём ручном демоне. Честно говоря, я и не слыхивал о тебе, пока Мэтт не объяснил, в чей дом мы приперлись.

— Мэтт? — нахмурился я.

А затем вспомнил. Конечно. Третий член шайки беглецов. Старый аферист-партнер Луанны, на которого никто вообще не обращал внимания. В голове у меня начал образовываться зародыш идеи.

— И он говорит, что мы задумали убить тебя?

— Именно. По его словам, никто не может остаться в живых, встав поперек дороги Великому Скиву или выставив его дураком... а использование твоего дома в качестве пути бегства определенно тянет на это.

Опять эта репутация. Я начинал понимать, почему столь многие маги предпочитали вести затворническую жизнь.

— Это бред, Вик, — возразил я. — Если бы я пытался убить всех, кто выставял меня дураком, то стоял бы по горло в трупах.

— Да ну? — отпарировал он. — А если ты не задумал убить меня, то зачем отправил за нами своего ручного демона?

Несмотря на решимость уладить это дело по-дружески, я начинал раздражаться.

— Прежде всего, он мне не ручной демон. Он мой партнер, и зовут его Ааз. Во-вторых, я его не отправлял. Он оглушил меня и отправился сам. В-третьих и в-последних, он никогда не собирался убивать тебя. Он пытался доставить тебя и твоих сообщников обратно на Деву, чтобы нам не пришлось платить обманутым вами компенсацию плюс здоровенный штраф. Ты улавливаешь все это или я говорю чересчур быстро для тебя?

— Но я никого не обманывал, — возразил вампир. — Эта парочка предложила мне помочь им продавать магические амулеты. Я не знал, что те ненастоящие, пока Мэтт не сообщил, что клиенты взбешены и нам надо бежать. Я предложил спрятаться здесь, потому что не знаю никакого другого места, не считая Базара.

— Угу, — промычал я, изучая небо. — Дальше ты скажешь, что не лепил чернуху на моего партнера и НЕ подымал тревогу, когда мы пытались вытащить его.

Крылья у Вика обвисли, и он опустил голову.

— Вот этого я не могу отрицать... но я перепугался! Демона я подставил потому, что не мог придумать иного способа сбить его на время с нашего следа. Я действительно думал, что он сам сможет освободиться, а когда увидел вас у Ав-Авторов, то понял, что он окажется на свободе. Я поднял тревогу, надеясь, что вас всех поймают и задержат на достаточно долгий срок, чтобы дать нам фору. Задним числом эти поступки кажутся мне порядком низкими, но что бы Ты! сделал, если бы по твоему следу шла стая убийц-демонов?

Вот с ЭТИМ я вполне мог отождествить себя. В ушах у меня вновь зазвучали слова Корреша о моем сходстве с Виком. Мне и самому приходилось импровизировать в кой-каких весьма сложных положениях.

— Минуточку! — проворчал я. — Коль речь зашла об убийцах-демонах, то как называется твое помахивание Луанной там, у края крыши?

— Я блефовал, — пожал плечами вампир. — Твои друзья угрожали застрелить меня, если я попытаюсь улететь, и я не мог придумать иного способа заставить их отступить. Я бы никому намеренно не причинил зла... особенно Луанне. Она милая девушка. Потому-то я и пытался помочь ей сбежать со мной после того, как они поймали Мэтта.

Это привело меня к вопросу, который не давал мне покоя с той минуты, как я начал эту дикую погоню.

— Извини за вопрос, но почему ты просто не превратился в туман и не унесся с ветром? Тогда мы ни за что не смогли бы тебя поймать.

Вик рассмеялся коротким, горьким смехом.

— Ты знаешь, как трудно превратиться в туман? Ну, ты маг. Возможно, и знаешь. В любом случае ты вполне можешь узнать правду. Я не силен по части магии... фактически, я и вампир-то довольно неважный. Я не умею даже до конца обернуться летучей мышью! Эти крылья — самое лучшее, чего я способен сделать. Вот поэтому я и пытался начать новую жизнь на Базаре. Предпочитаю быть скорее первоклассным кем угодно, чем третьсразрядным вампиром. Я имею в виду, что мне же ведь даже кровь не по вкусу!

— Тебе следует познакомиться с моим телохранителем, — невольно усмехнулся я. — Это гангстер с аллергией к чесноку.

— К чесноку? Я люблю чеснок.

Я открыл было рот, собираясь предложить ему место Гвидо, а затем быстро закрыл его. Если этот субъект дошел хоть до половины того отчаяния, какое звучало в его словах, то он, вероятно, воспримет мое предложение всерьез и согласится, и где же тогда я окажусь? Только нам и не хватало для полноты нашего зверинца, что слабого в магии вампира.

— Ну, — проговорил вместо этого я. — Полагаю, это отвечает на все мои вопросы, кроме одного. Теперь, когда ты знаешь, что мы не пытаемся тебя убить, ты готов бросить убежать и ответить за свои поступки?

Вампир задумчиво погрыз нижнюю губу.

— Ты уверен, что все будет в порядке?

— Не могу сказать наверняка, пока не поговорю с партнером, — признался я. — Но я порядком уверен, что все можно будет уладить. Главная проблема — снять с него обвинения в убийстве... чего, я думаю, мы уже достигли. Что же касается тебя, то по-моему, единственное, чего тебе могут предъявить, это арест по ложному обвинению, а Ааз ни за что не станет настаивать на таком обвинении.

— Это почему же?

Я подарил ему наилучшую свою усмешку.

— Потому что если он это сделает, то мы не сможем

вернуть тебя на Деву разбираться с обвинением в мошенничестве. Уж поверь мне, если есть возможность выбирать между местью и экономией денег, то можешь положиться — Ааз всегда будет склонен простить.

Вик еще несколько мгновений поразмышлял об этом, а затем пожал плечами.

— К стыду я привык, а от обвинения в мошенничестве я, думается, смогу отбрыкаться. Ладно, Скив. Давай кончать с этим делом.

Достигнув наконец перемирия, пусть даже на время, мы вместе спустились навстречу поджидавшей толпе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На вкус и цвет товарищей нет!

Полковник Сэндерс

— Но Скив...

БАЦ!

— ... я же уже сказала тебе...

БАЦ! БАЦ!

— ...я никак не могу бросить Мэтта...

БАЦ!

— ...он — мой партнер!

БАЦ! БАЦ!

— Но Лу...

БАЦ!

— ...извини, я счас. ЭЙ, ПАРТНЕР! ТЫ НЕ МОГ БЫ НА МИНУТКУ ПЕРЕСТАТЬ СТУЧАТЬ? Я ЗДЕСЬ ПЫТАЮСЬ ВЕСТИ СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР!

— Ни за что, — проворчал Ааз с полным ртом гвоздей.
— Я навсегда закрываю эту дверь, пока не случилось чего-нибудь еще. Но вот что я тебе скажу, я попытаюсь заколачивать ее тихо.

Если вы делаете из всего этого вывод, что мы вернулись к себе домой на Деву, то вы правы. После кое-каких долгих, напряженных разговоров с гражданами Блута и нежных прощаний с Вильгельмом и Пепе вся наша команда, включая и трех пленников, без всяких происшествий промаршировала обратно к замку и дальше через дверь.

Я надеялся поговорить несколько минут наедине с Луанной, но после нескольких попыток самое лучшее, чего я сумел добиться, это вот такого разговора в приемной под бдительным оком Ааза и Мэтта.

Мэтт, между прочим, оказался порядком неприятной

личностью с перекрученным острым носом, прыщами, залысинами на лбу и начинающим образовываться пивным брюхом. Я, хоть убей, не мог понять, чего в нем находила Луанна.

— Но ведь то было, когда ты считала, что он завяз, — возбуждал я спор. — Мы с Аазом уже пообещали защитить его И Вика, когда они предстанут перед Ассоциацией Купцов. Тебе незачем поддерживать его самой.

— Я тебя не понимаю, Скив, — провозгласила Луанна, качая головой. — Если я не покинула Мэтта, когда он был в беде, то с какой стати мне покидать его, когда дела, похоже, обернутся к лучшему? Знаю, он тебе не нравится, но мне он пока делал только хорошее... и я все еще в долгу перед ним за вытаскивание меня с фермы.

— Но мы же делаем тебе хорошее предложение, — отчаянно попытался я вновь. — Ты можешь остаться здесь и работать на меня с Аазом, и если ты интересуешься, мы могли бы даже поучить тебя кое-какой настоящей магии, чтобы тебе не приходилось...

Она остановила меня, просто положив ладонь мне на руку.

— Я знаю, это хорошее предложение, Скив, и очень мило с твоей стороны сделать его. Но на данное время я удовлетворюсь, оставшись с Мэттом. Может, когда-нибудь в будущем, когда я смогу предложить тебе взамен немного больше, я и поймаю тебя на этом предложении... если оно еще будет в силе.

— Ну, — вздохнул я. — Если ты действительно хочешь именно этого...

— Эй! Не воспринимай этого так тяжело, приятель, — рассмеялся Мэтт, хлопнув меня по плечу. — Иногда выигрываешь, иногда проигрываешь. На этот раз ты проиграл. Никаких тяжелых чувств. Возможно, тебе больше повзлет со следующей. Мы оба люди светские и знаем, что одна девка ничем не отличается от любой другой.

— Мэтт, ПРЯТЕЛЬ, — процедил я сквозь стиснутые зубы, — убери свою руку с моего плеча, пока она не утратила соединение с телом.

Как я сказал, даже за короткое время нашего путешествия с Лимба Мэтт произвел на меня настолько неблагоприятное впечатление, что я больше даже не пытался быть вежливым или скрывать свою неприязнь к нему. Он действовал мне на нервы быстрее, чем все, кого я когда-либо встречал. Если он был преуспевающим мошенником, спро-

собным внушить доверие совершенно незнакомым людям, то я тогда — королева мая.

— Мэтт просто шутит, — успокаивающе сказала Луанна, вставая между нами.

— Ну, а я — нет, — закричал я. — Просто помни, ты будешь здесь желанной гостьей в любое время, когда тебе надоест этот слизняк.

— О, мне представляется, что мы еще довольно долго пробудем вместе, — зло глянул Мэтт, слегка шлепая Луанну пониже спины. — Раз такие большие шишки, как вы, поручаются за нас, то мы наверняка сумеем отбрыкаться от обвинения в мошенничестве... а даже если мы и проиграем дело, ну так что? В таком случае мне всего-навсего придется вернуть им их же жалкие двадцать золотых.

Ааз внезапно перестал стучать молотком... или, может, это перестало стучать мое сердце.

Я тщетно пытался убедить себя, что неправильно слышал его.

— Двадцать золотых? — медленно повторил я.

— Да. Нас поймали здесь, на Базаре, намного быстрее, чем я рассчитывал. Улов был невелик даже по моим стандартам. Я все не могу поверить, что вы, такие большие шишки, пошли на столько хлопот ради того, чтобы приволочь нас сюда из-за паршивых двадцати золотых. Должно быть, в этой штуке, деле принципа, есть нечто большее, чем я представлял.

— Мгммм... нельзя ли мне перекинуться с тобой парой слов, партнер? — отложил молоток Ааз.

— Я собирался спросить то же самое, — признался я, отходя на противоположную сторону приемной.

Оставшись наедине, мы уставились друг на друга, ни он ни я не хотели заговаривать первыми.

— Ты так и не удосужился спросить у Мер-Зера, сколько, собственно, поставлено на кон, не так ли? — рассеянно вздохнул Ааз.

— Это — денежная сторона переговоров, и я думал, что этим занимаешься ты, — пробормотал я. — Забавно, мы оба все время стояли прямо там и слышали каждое сказанное слово и никто из нас не уловил этого упущения.

— Забавно. Верно. Умираю, — поморщился мой партнер.

— Не в такой степени, как будешь помирать, если пойдет гулять слух об этом, — предупредил я. — Я голосую за то, чтобы дать им денег на уплату. Мне не хочется, но

я не могу придумать иного способа предотвратить всеобщую огласку.

— Решено, — кивнул Ааз. — Но давай этим займусь я. Если этот гад Мэтт пронюхает, что все это дело было с нашей стороны ошибкой, то, вероятно, будет шантажировать нас, пока не вытянет все до нитки.

— Верно, — согласился я.

И с этими словами мы, двое самых ходовых, самых высокооплачиваемых магов на Базаре, повернулись разобратся с нашими подопечными, снова получив напоминание, почему в основе величия лежит смирение.

Конец пятой книги.

Маленький Мифо-заклад

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разница между улым и дураком
определяется по последней ставке.

Б.Маверик

— Гну.

— Поддерживаю!

— Опять гну.

— Кого ты пытаешься обмануть? У тебя же барахло, онеры-эльфы!

— Испытай меня!

— Ладно! Подымаю тебя до предела.

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

— Барахло, онеры-эльфы, гнет тебя обратно до предела.

— Пас.

— Поддерживаю.

Для тех из вас, кто взялся за эту книгу с начала (Молодцы! Терпеть не могу, когда читатели жульничают, забегая вперед!), это может показаться немного путаным. Выше приведен диалог во время игры в драконий покер. Вы спросите, что такое драконий покер? Ну, он считается самой сложной из всех, когда-либо изобретенных карточных игр... а здесь, на Базаре Девы, должны бы разбираться в этом.

Базар — самый большой лабиринт лавок и самая крупная торговая площадь во всех измерениях, и, вследствие этого, через него проходит множество путешественников — демонстраторов разных измерений (демонов). Вдобавок к лавкам, ларькам и ресторонам (перечисленное, на самом-то деле, не отдает должного ни широте, ни разнообразию

Базара) здесь также располагается процветающая игорная община. Там всегда высматривают новую игру, особенно, связанную со ставками, и чем сложнее, тем лучше. Основная философия состоит в том, что в сложную игру легче выиграть тем, кто уделяет все свое время ее изучению, чем туристам-любителям или пытающимся изучить игру на ходу. Так или иначе, когда девон-букмекер говорит мне, что драконий покер — самая сложная игра из всех, я склонен ему верить.

— Пас.

— Поддерживаю.

— Ладно, господин Скив Завеликий. Посмотрим, побьете ли вы вот это! Полный Драконий!

И открыл свои темные карты с рисовкой, граничащей с вызовом. Вообще-то, я надеялся, что он выйдет из игры. Тот конкретный индивид (по-моему, его звали Гмыком) был на добрых две головы выше меня и обладал ярко-красными глазами, клыками, длиной чуть не с мой локоть, и скверным характером. Говорить он предпочитал, гневно крича, и постоянный проигрыш нисколько не смягчал его нрав.

— Ну? Давай! Что у тебя?

Я перевернул свои четыре темные карты, разложил их рядом с пятью уже открытыми, откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Что это? — вытянул шею Гмык, хмуро глядя на мои карты. — Но тут же только...

— Минутку, — вмешался игрок слева от него. — Сегодня вторник. Выходит, его единороги дикие.

— Но в названии месяца есть "М"! — вякнул еще кто-то. — Значит, его великан идет за половину номинальной стоимости!

— Но у нас четное число игроков...

Я вам говорил, что игра эта сложная. Те из вас, кто знает меня по прежним моим приключениям (наглая реклама!), могут удивиться, как это я не плаваю в такой сложной системе. Очень просто. Никак! Я просто ставлю, а потом открываю карты и предоставляю разбираться, кто выиграл, другим игрокам.

Вы, возможно, гадаете, что же я делал, дуясь в такую отчаянную игру, как драконий покер, если даже правил-то не знал. Ну, на сей раз у меня есть ответ. Я для разнообразия развлекался сам по себе.

Видите ли, с тех самых пор как дон Брюс, легендарный крестный Синдиката, предположительно нанял меня присматривать на Базаре за интересами Синдиката и приставил ко мне двух телохранителей, Гвидо и Нунцио, мне редко удавалось хоть минуту побыть без опеки. Однако, на эти выходные мои сторожевые псы отправились в Центральное Управление Синдиката с ежегодным докладом, предоставив мне заботиться о себе самому. Ясное дело, прежде чем отправиться, они заставили меня торжественно поклясться быть осторожным. И опять-таки, ясное дело, как только они отбыли, я сделал прямо противоположное.

Даже без учета нашей доли с доходов Синдиката на Базаре, наш магический бизнес переживал бум, и поэтому с деньгами затруднений не возникало.

Я стащил из мелкой наличности пару тысяч золотом и уж настроился гульнуть как следует, когда пришло приглашение сыграть в драконий покер у Живоглота, в клубе "Равные Шансы".

Как уже сказано, я абсолютно ничего не знаю о драконьем покере кроме того, что в конце партии у тебя пять открытых карт и четыре темных. Как ни старался я уговорить своего партнера, Ааза, получше обучить меня игре, мне лишь читались лекции на тему "Играй только в те игры, с какими знаком..." и "Не ищи приключений...". Поскольку я и так уже искал драки, то шанс пренебречь указаниями телохранителей и партнера показался мне чересчур соблазнительным, и я не устоял перед таким искушением. Я хочу сказать, что ведь по моим представлениям я мог в худшем случае всего лишь проиграть пару тысяч золотом. Верно?

— Вы все кое-что упускаете. Эта партия — сорок третья, а Скив сидит на стуле лицом к северу!

Приняв за указание стоны и все заметнее вырисовавшееся выражение отвращения на лицах, я стрел банк.

— Слушай, Живоглот, — сверкнул сквозь полуопущенные веки красными глазами Гмык, глядя на меня, — ты УВЕРЕН, что этот Скив не применяет магию?

— Гарантирую, — отозвался девол, собирая карты и тасуя их для следующей партии. — Все игры, какие я устраиваю здесь, в "Равных Шансах", контролируются на магию и на телепатию.

— Ну-у, я обычно не играю в карты с магами, а этот Скив, как я слышал, считается великим мастером по этой

части. Может быть, он достаточно велик, чтобы ты просто не мог поймать его с поличным.

Я начинал немного нервничать. Я хочу сказать, что к магии я не прибегал... и даже если бы захотел прибегнуть, то не знал, как применить ее для жульничества в карточной игре. Беда в том, что этот Гмык выглядел вполне способным оторвать мне руки, если сочтет меня шулером. Я начал ломать голову, подыскивая какой-нибудь способ убедить его в обратном, не признаваясь всем сидящим за столом, как мало я понимаю в магии.

— Успокойся, Гмык. Господин Скив хороший игрок, вот и все. Одно лишь то, что он выигрывает, еще не означает, что он шулер.

Это сказал Бол, единственный, кроме меня, игрок, похожий на человека. Я благодарно улыбнулся ему.

— Я не против, когда кто-то выигрывает, — пробормотал Гмык, защищаясь, — но он же выигрывает весь вечер.

— Я проиграл побольше твоего, — напомнил ему Бол, — и как видишь, не жалею. Говорю тебе, господин Скив — **ХОРОШИЙ** игрок. Уж я-то знаю в этом толк, как-никак мне доводилось играть с Малышом.

— С Малышом? Ты играл с ним? — Сказанное Болом произвело на Гмыка заметное впечатление.

— И проиграл по ходу дела все, вплоть до носков, — скривившись, признался Бол. — Однако, на мой взгляд, господин Скив достаточно хорош, чтобы заставить Малыша попотеть ради выигрыша.

— Господа! Мы собрались здесь поболтать или играть в карты? — перебил Живоглот, многозначительно постукивая колодой.

— Я выхожу из игры, — поднялся на ноги Бол. — Я понимаю, когда меня превосходят в мастерстве, — даже если мне приходится продуться в пух, прежде чем признаюсь в этом. Мой заклад все еще годится, Живоглот?

— Годится, если никто не возражает.

Гмык шумно бухнул кулаком по столу, заставив упасть несколько фишек из моей стопки.

— Что это за разговор о закладах? — потребовал он ответа. — Я думал, эта игра идет только на наличные! Никто ничего не говорил об игре на расписки.

— Бол — исключение, — объяснил Живоглот. — Он всегда прежде выкупал свой заклад. Кроме того, тебе об

этом незачем беспокоиться, Гмык. Ты не вернешь себе даже СВОИХ денег.

— Да. Но спустил-то я их, играя против того, кто ставит вместо наличных заклады. Мне кажется...

— Я покрою его заклад, — высокомерно заявил я. — Это становится личным делом между ним и мной и не касается всех прочих за этим столом. Верно, Живоглот?

— Совершенно верно. А теперь, Гмык, заткнись и играй. Или ты хочешь выйти из игры?

Монстр немного побурчал себе под нос, но откинулся на спинку стула и бросил еще одну фишку в заход для следующей партии.

— Спасибо, господин Скив, — поблагодарил меня Бол. — И не беспокойтесь. Как говорит Живоглот, я всегда являюсь за своим закладом.

Я подмигнул ему и неопределенно махнул рукой, когда он ушел, так как уже сосредоточился на следующей партии, тщетно пытаясь разобраться в правилах игры.

Если мой широкий жест кажется немного импульсивным, то вспомните — я весь вечер следил за его игрой и знал, сколько он проиграл. Даже если весь проигрыш шел только на мелок, я мог покрыть его из своего выигрыша и все равно остаться с прибылью.

Видите ли, Гмык был прав. Я весь вечер постоянно выигрывал... факт, вдвойне удивительный ввиду моего невежества в игре. Однако, я еще на раннем этапе пустил в ход систему, которая, кажется, действовала очень даже неплохо: ставь не на карты, а на игроков. В последней партии я ставил не на выигрышный расклад у себя на руках, а на проигрышный расклад у Гмыка. Ему весь вечер страшно не везло, и он ставил наобум, пытаясь возместить проигрыш.

Следуя своей системе, в следующих двух партиях я пасанул, а затем с силой ударил по ним в третьей. Большинство других игроков предпочло скорей пасануть, чем усомниться в моей уверенности. Гмык боролся до горького конца, надеясь, что я блефую. Как выяснилось, так оно и было (мои карты оказались совсем не такими сильными), но у него они были еще слабее. К моей казне присоединилась еще одна стопка фишек.

— Ну, с меня хватит. — Гмык толкнул оставшиеся у него фишки Живоглоту. — Обменяй мне на наличные.

— И мне тоже.

— Мне следовало бы уйти еще час назад. Сберег бы себе пару сотен.

Игра оборвалась, и Живоглот внезапно стал по горло занят обменом фишек на наличные.

Получив из банка свою долю, Гмык задержался еще на несколько минут. Теперь, когда мы больше не сидели друг против друга за картами, он оказался на удивление приятным субъектом.

— Знаешь, Скив, — хлопнул он меня по плечу своей массивной ручищей, — меня давно уже так не обдирали в драконий покер. Возможно, Бол прав. Ты зря теряешь здесь время. Тебе следовало бы попробовать сыграть с Малышом.

— Мне просто повезло.

— Нет, я серьезно. Если бы я знал, как связаться с ним, то сам устроил бы такую игру.

— Тебе не понадобится, — вставил другой игрок, направляясь к двери. — Как только пойдет гулять слух об этой игре, Малыш сам тебя разыщет.

— Что верно, то верно, — рассмеялся через плечо Гмык. — В самом деле, Скив, если такой матч произойдет, не забудь сообщить мне. На такую игру я хотел бы посмотреть.

— Разумеется, Гмык, — заверил я его. — Ты узнаешь одним из первых. До скорого.

На самом-то деле, пока я прощался, мысли мои летели вскачь. Это дело становилось неуправляемым. Я рассчитывал гульнуть один вечер сам по себе, а потом завязать, не дав никому узнать об этом. А если другие игроки начнут чесать языки по всему Базару, то нечего и надеяться сохранить мое вечернее приключение в тайне... особенно от Ааза! Хуже этого могло быть только одно — если в конечном итоге за мной будет бегать какой-то завзятый игрок, вызывая на матч.

— Слушай, Живоглот, — произнес я, стараясь говорить понебрежней. — Что это за Малыш, о котором они все толкуют?

Девол чуть не выронил подсчитываемую им стопку фишек. Он смерил меня долгим взглядом, а потом пожал плечами.

— Знаешь, Скив, иногда я не понимаю, когда ты шутишь надо мной, а когда серьезен. Я все забываю, что несмотря на свои успехи, ты все еще новенький на Базаре... и конкретно в игорном деле.

— Восхитительно. Так кто же такой Малыш?

— Малыш — очередной король в кругах драконьего покера. Его фирменный знак в том, что он всегда включает в начальную ставку каждой партии дыхание мятой... говорит, мол, это приносит ему удачу. Вот поэтому-то его и называют Малыш Сен-Сеновый Заход. Но советую тебе держаться от него подальше. Ты сегодня хорошо сыграл, но Малыш — самый лучший игрок из всех, какие есть. При игре один на один он съест тебя живьем.

— Понятно, — рассмеялся я. — Просто полюбопытствовал. В самом деле. Только обменяй мне фишки на наличные, и я пойду своей дорогой.

Живоглот махнул рукой на столбики монет на столе.

— Чего тут обменивать? Я забрал свои тогда же, когда выдавал деньги другим. Остальное твое.

Я посмотрел на деньги и с трудом сглотнул. В первый раз я смог понять, почему у некоторых возникает такое пристрастие к азартным играм. Стол ломился под тяжестью добрых двадцати тысяч золотом. Все мои. С одного вечера за картами!

— Гм... Живоглот? Ты не мог бы похранить у себя мой выигрыш? Я не в восторге при мысли о прогулке с таким количеством золота. Можно заскочить за ним и позже, с телохранителями.

— Пожалуйста, — пожал плечами Живоглот. — Не могу себе представить, у кого на Базаре хватило бы смелости напасть на тебя при твоей-то репутации. И все же можно нарваться на чужака...

— Прекрасно, — сказал я, направляясь к двери. — Тогда я буду...

— Минутку! Ты ничего не забыл?

— Чего именно?

— Заклад Бола. Погоди, я доставлю его.

И прежде чем я успел возразить, он исчез, а я прислонился к стене подождать его. Я уж и забыл про заклад, но Живоглот был игроком и придерживался неписаных законов игры фанатичней, чем большинство особей подчиняется гражданскому законодательству. Мне придется просто подыграть ему и...

— А вот и заклад, Скив, — объявил девол. — КЛАДИ, это Скив.

Я лишь глядел на него, разинув рот, утратив дар речи.

На самом-то деле, глядел я на белокурую малютку, которую он вел за руку. Именно. Девочку. Лет самое большее девяти-десяти.

У меня возникло слишком знакомое ощущение сосания под ложечкой, означавшее, что я попал в беду... большую беду...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дети? Кто сказал что-то о детях?

Конан

Девочка смотрела на меня глазами, так и светившимися доверием и любовью. Ростом она едва достигала мне пояса и обладала тем цельным, здоровым румянцем, каким предположительно обладают все девочки, но на самом деле лишь немногие. В своем голубом беретике и комбинезончике того же цвета она выглядела настолько похожей на большую куклу, что я гадал, не скажет ли она "мама", если ее перевернуть вверх ногами и обратно.

Она была такой прелестной, что явно всякий, у кого осталась хоть капля родительского инстинкта, полюбил бы ее с первого взгляда. К счастью, мой партнер вышколил меня хорошо; любые имевшиеся у меня инстинкты носили скорее денежный характер.

— Что это? — потребовал я ответа.

— Это девочка, — ответил Живоглот. — Неужели ты никогда раньше не видел девочек?

С минуту я думал, что надо мной издеваются. Затем вспомнил некоторые из своих самых ранних разговоров с Аазом и укротил свой нрав.

— Я понимаю, что это девочка, Живоглот, — сдержанно произнес я. — А пытаюсь я спросить в действительности следующее: а) кто она такая?, б) что она здесь делает? и с) какое это имеет отношение к закладу Бола? Я ясно выразился?

Девол недоуменно моргнул.

— Но я же тебе только что сказал. Ее зовут Клади. Она — заклад Бола... ну, знаешь, тот, который ты обещал покрыть из личных средств?

У меня уже определенно тоскливо засосало под ложечкой. — Живоглот, мы же говорили о клочке бумаги. Ну, знаешь, долговой расписке и т.п.? Заклад! Кто же оставляет в заклад девочку?

— Бол. Всегда оставлял. Брось, Скив. Ты же меня знаешь. Неужто я дал бы кому-то в кредит ради клочка бумаги? Богу я даю в кредит на Клади, так как знаю, что он явится выкупить ее.

— Правильно. ТЫ даешь ему в кредит. Я не заключаю сделок на девочек, Живоглот.

— Теперь заключаешь, — улыбнулся он. — Все сидевшие за столом слышали, как ты это сказал. Признаться, я тогда немного удивился.

— ...но не настолько удивился, чтобы предупредить меня, на что я подписываюсь. Большое тебе спасибо, старина Живоглот. Бек не забуду тебе этой услуги и постараюсь как-нибудь отплатить такой же.

На случай, если вы не заметили, в этой последней фразе содержалась открытая угроза. Как уже отмечалось, я приобрел на Базаре репутацию крутого мага и искренне сомневался, что Живоглоту хотелось испортить со мной отношения.

Ладно. Согласен, прием не слишком достойный, просто я впал в отчаяние.

— Тпру. Погоди, — быстро сбавил тон девол. — Незачем так расстраиваться. Если ты не хочешь ее брать, я дам тебе наличные, покрывающие заклад, и оставлю ее у себя...

— Вот так-то лучше.

— ...на обычных условиях, конечно.

Я знал, что меня впутывают. Прошу заметить, ЗНАЛ. Но все равно должен был спросить.

— На каких условиях?

— Если Бол через две недели не выкупит ее, то я продам ее в рабство за сумму, необходимую на покрытие отцовских проигрышей.

Шах и мат.

Я посмотрел на Клади. Она все еще держала Живоглота за руку, слушая с серьезным видом, как мы обсуждаем ее судьбу. Когда наши взгляды встретились, она произнесла свои первые слова с тех пор, как вошла в помещение.

— Ты будешь моим новым папочкой?

Я с трудом сглотнул.

— Нет, Клади, я не твой папочка. Я просто...

— О, я знаю. Просто каждый раз, когда мой НАСТОЯЩИЙ папочка оставляет меня с кем-то, он говорит мне, что тот будет на время моим папочкой понарошку. Мне нужно слушаться его и делать, что он мне велит, точно так же, словно он мой настоящий папочка, пока мой настоящий папочка не придет забрать меня. Мне просто хотелось узнать, будешь ли ты моим новым папочкой понарошку?

— Гмм...

— Надеюсь, будешь. Ты хороший. Не похож на некоторых из тех оборотов, с какими он оставлял меня. Так ты будешь мне новым папочкой?

И с этими словами она взяла меня за руку. По всему моему телу пробежала легкая дрожь, словно от осеннего холодка. Она была такой ранимой, такой доверчивой. Я долгое время жил сам по себе, сперва один, потом в учениках у Гаркина, и наконец, в партнерстве с Аазом. За все это время мне никогда по-настоящему не приходилось быть ответственным за других. Ощущение возникло странное, одновременно и пугающее и согревающее.

Я оторвал от нее взор и снова прожег взглядом Живоглота.

— Рабство здесь, на Базаре, объявлено вне закона.

— Есть много других измерений, — пожал плечами девол. — Фактически, у меня несколько лет постоянный спрос на нее. Вот потому-то я и соглашаюсь принимать ее взамен наличных. Я могу выручить за нее достаточно денег, чтобы покрыть ставку, стоимость съеденного ею за все эти годы, и все равно получить при этом приличную прибыль.

— Это наверно самый низменный...

— Эй! Меня ведь зовут Живоглот, а не Красный Крест! Я не занимаюсь благотворительностью. Ко мне приходят делать ставки, а не за подаванием.

С тех пор как я начал упражняться в магии, я давно уж никому не вмазывал по роже, но теперь у меня возникло болезненное искушение прервать ради такого случая этот стаж. Однако вместо этого я повернулся к девочке.

— Собери свои вещи, Клади. Папочка отведет тебя в твой новый дом.

* * *

Мы с партнером в настоящее время занимались своими операциями, базируясь на Базаре Девы, которая является родным измерением деволов. Деволы пользуются славой самых прожженных купцов, коммерсантов и торгашей во всех известных измерениях. Возможно, вы слышали о них в различных народных преданиях своего родного измерения. Их слава долго держится даже в тех измерениях, где они уже давно перестали торговать.

Базар — витрина Девы... фактически, я не видел ничего, не относящегося к Базару. Здесь деволы встречаются для торговли друг с другом, покупая и продавая самые отборные образчики магии и чудес со всех измерений. Это работающее круглые сутки, уходящее за горизонт скопление палаток, лавок и меняльных ковриков, где можно приобрести все, что способно выдумать ваше воображение, так же как и множество таких предметов, какие вам и не снились... за приличную цену. Многие изобретатели и религиозные деятели построили всю свою карьеру на предметах, купленных за одно путешествие на Базар. Незачем говорить, что такое путешествие разорительно для среднего бюджета... даже если у обладателя кашелька сопротивляемость навязыванию товара выше средней.

Обыкновенно я очень люблю побродить среди ларьков, но сегодня вечером, при идущей рядом Клади, меня слишком отвлекали иные соображения, чтобы сосредоточиться на выставленных товарах. Мне пришло в голову, что как ни забавен Базар для взрослого, он неподходящая среда для подрастающего ребенка.

— Мы будем жить одни, или у тебя есть подружка?

Клади цеплялась за мою руку, пока мы пробирались по Базару. Чудеса палаток и лавок, торгующих магией, как всегда манили нас, но она оставляла их без внимания, предпочитая вместо этого донимать меня вопросами и ловить каждое мое слово.

— Нет на оба вопроса. У меня живет Тананда, но она мне не подружка. Она — вольнонаемная убийца и время от времени помогает мне в работе. Потом есть Корреш, ее брат. Он тролль и работает под именем Грызль. Они тебе понравятся. Милые люди... во многих отношениях милее меня.

Клади прикусила губу и нахмурилась.

— Надеюсь, ты прав. Я обнаружила, что многие милые люди не любят маленьких детей.

— Не беспокойся, — сказал я с большей уверенностью, чем испытывал в действительности. — Но я еще не закончил. Есть также Гвидо и Нунцио, мои телохранители. Они могут показаться немного грубоватыми, но пусть тебя это не пугает. Они просто прикидываются крутыми, так как это часть их работы.

— Вот здорово. У меня раньше никогда не было папочки с телохранителями.

— Это еще не все. У нас есть также Лютик, мой боевой единорог, и Глип — мой собственный ручной дракон.

— О, драконы есть у многих. На меня производят большее впечатление телохранители.

Меня это слегка ошарашило. Я-то всегда считал, что иметь своего дракона — это довольно оригинально. Я хочу сказать, что из всех моих знакомых драконов не было ни у кого. Впрочем, опять же, ни у кого из всех моих знакомых не было также и телохранителей.

— Давай посмотрим, — говорила между тем Клади. — У тебя живут Тананда, Корреш, Гвидо, Нунцио, Лютик и Глип. Это все?

— Ну, есть еще и Маша. Она моя ученица.

— Маша. Какое миленькое имя.

Ну, есть много слов, годных для описания моей ученицы, но, к несчастью, “миленькая” к ним не относится. Маша огромна, и в высоту и в ширину. Есть массивные люди, которым все же удастся выглядеть привлекательными, но моя ученица к ним не принадлежит. У нее пристрастие к крикливым, цветастым нарядам, которые неизменно дисгармонируют с ее ярко-оранжевыми волосами, и она носит на себе столько драгоценностей, что хватит на три ювелирных магазина. Фактически, в последний раз она подралась здесь, на Базаре, как раз когда близорукий покупатель принял ее по ошибке за витрину ювелирных изделий.

— Э-э-э... тебе просто надо будет познакомиться с ней. Но ты права. Маша — миленькое имя.

— Вот это да, у тебя, видать, живет много народу.

— Ну... гмм... ЕСТЬ еще один.

— Кто это?

— Его зовут Ааз. Он мой партнер.

— Он тоже милый?

Я разрывался между преданностью и честностью.

— К нему... э-э-э... надо привыкнуть. Помнишь, как я говорил тебе не пугаться телохранителей, даже если они будут немного грубоваты?

— Да.

— Ну так Ааза пугайся на здоровье. Время от времени он немного расстраивается, и пока не остынет, лучшее давать ему побольше простора и не оставлять в пределах его досягаемости ничего ломающегося — вроде своей руки.

— А что его расстраивает?

— О, погода, потеря денег, отсутствие прибыли... что для него одно и то же, любая ерунда, какую я брякну по сотне раз на дню... и ты! Боюсь, он немного расстроится, когда встретится с тобой, поэтому оставайся у меня за спиной, пока я не успокою его. Идет?

— А почему он расстроится из-за меня?

— Ты будешь для него сюрпризом, а он не любит сюрпризов. Видишь ли, он очень мнителен и склонен видеть в любом сюрпризе часть неизвестного заговора против него... или меня.

Клади впала в молчание. Она наморщила лоб, глядя невидящим взглядом в пространство, и мне пришло в голову, что я ее напугал.

— Эй, не беспокойся, — сжал я ей руку. — После того, как Ааз справится с удивлением, он будет молодцом. А теперь расскажи мне о себе. Ты ходишь в школу?

— Да. Я наполовину закончила Школу Начал. Пошла бы и дальше, если бы мы все время не переезжали.

— Ты, наверно, имеешь в виду начальную школу? — улыбнулся я.

— Нет. Я имею в виду...

— Оп. Вот мы и пришли. Это твой новый дом, Клади.

Я величественно показал на небольшую палатку, служившую нам одновременно и домом и штаб-квартирой.

— Разве тут не маловато места для все этих людей? — нахмурилась она, глядя на палатку.

— Внутри он больше, чем снаружи, — объяснил я. — Пошли. Я покажу тебе.

Я поднял полог, давая ей войти, и тут же пожалел об этом.

— погоди, вот доберусь до него! — донесся изнутри гулкий голос Ааза. — После того, как я столько раз говорил ему держаться подальше от драконьего покера!

Мне пришло в голову, что, возможно, нам следует немного подождать, прежде чем знакомить Клади с моим партнером. Я уж начал было отпускать полог, но было уже слишком поздно.

— Это ты, партнер? Я хотел бы немного поболтать с тобой, если ты не возражаешь!

— Помни. Оставайся позади меня, — шепнул я Клади, а затем приступил к заходу в логово льва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я это делаю для твоего же блага!

Любой штатный палач
или любой родитель

Как я и сказал Клади, наше жилище на Базаре было внутри больше, чем снаружи... намного больше! Я бывал в меньших дворцах... черт, я жил и работал в меньших дворцах, чем наша палатка. Если точнее, во времена, когда работал придворным магом в Поссилтуме.

Здесь, на Базаре, деволы считают, что всякое выставление напоказ своего богатства ослабляет их позицию, когда они торгуются из-за цен, и поэтому они скрывают размеры своих домов, засовывая их в "незарегистрированные измерения". Хоть наш дом и выглядел с улицы всего лишь скромной палаткой, внутри находились многочисленные спальни, стойла, двор и сад и т.д. и т.п. Думаю, картина вам ясна.

К несчастью для меня, в данную минуту внутри также находился и мой партнер Ааз.

— Ну, кто к нам пожаловал, никак собственный ответ Базара на Брань, Глад, Смерть и Мор! У других измерений есть Четыре Всадника, но у Базара на Деве есть Великий Скив!

Помните про моего партнера Аазз? Я упоминал о нем в Главе Первой и еще раз в Главе Второй. Почти все мои усилия описать его никогда не могли подготовить собеседников к реальной встрече. А забывая я, обычно, упомянуть о том, что он с измерения Извр. Для тех из вас, кто не знаком с путешествиями по измерениям, сообщу, что это означает, что он зеленый и чешуйчатый, а рот у него достаточно велик для того, чтобы хватило на трех других существ, и зубов там хватает на стаю акул... то есть, если

у акулы зубы в четыре дюйма длиной. Я не нарочно опускаю такие подробности в своих описаниях. Просто после всех этих лет я привык к нему.

— Ты можешь хоть что-нибудь сказать в свое оправдание? Само собой, никакого приемлемого оправдания быть не может. Просто традиция требует позволить тебе сказать несколько последних слов.

Ну... я ПОЧТИ привык к нему.

— Привет, Ааз. Ты прослышал об игре в карты?

— Примерно два часа назад, — любезно уведомила меня Маша с ближайшего кресла, где она окопалась с книгой и огромной коробкой шоколадных конфет. — И с тех пор все время такой.

— Я вижу, ты как обычно чудненько постаралась успокоить его.

— Я здесь только ученица, — пожала плечами она. — Встревать между вами во время ссоры не входит в мои планы долгой и процветающей жизни.

— Если вы ВСЕ закончили, — проворчал Ааз, — то я все еще жду, когда же услышу, что ты можешь сказать в свое оправдание.

— А что тут говорить? Я сел сыграть в драконий покер...

— КТО НАУЧИЛ ТЕБЯ ИГРАТЬ В ДРАКОНИЙ ПОКЕР? Да, что тут говорить! Тананда? Корреш? С какой стати ты вдруг обратился за уроками к другим? Разве я больше не достаточно хорош для Великого Скива?

До меня вдруг дошла истинная суть дела. Ааз был моим учителем, прежде чем настоял, что бы я поднялся до статуса полноправного партнера. Хотя теоретически мы стали равными, от старых привычек трудно избавиться, и он по-прежнему считал себя моим единственным учителем, наставником, тренером и нянькой в одном лице. НАСТОЯЩАЯ-ТО проблема заключалась в том, что мой партнер ревновал из-за постороннего вмешательства в обучение того, кого он считал своим личным школяром! Возможно, эту проблему будет уладить легче, чем я думал.

— Никто другой меня не обучал, Ааз. Все известное мне о драконьем покере я узнал от тебя.

— Но я же тебя ничему не обучал.

— Именно.

Это его остановило. По крайней мере, это прекратило

его расхаживание взад-вперед, и он с подозрением глянул на меня желтыми глазами.

— Ты хочешь сказать, что вообще ничего не знаешь о драконьем покере?

— Ну, из услышанного от тебя я знаю, сколько сдается карт и тому подобное. Я все еще не разобрался, какие бывают комбинации, не говоря уж об их ценности... знаешь, что чего бьет.

— Я-то знаю, — указуяще заявил мой партнер. — Вот только не знаю, почему ты решил сесть за игру, о которой не знаешь самого элементарного.

— Живоглот прислал мне приглашение, и я подумал, что будет любезным...

— Живоглот? Ты сел играть в "Равных Шансах" у Живоглота из желания проявить любезность? — снова завелся он. — Разве ты не знаешь, что там ведутся самые отчаянные игры на Базаре? За этими столами любителей жрут заживо. И ты пошел туда из любезности?

— Разумеется. Я решил, что в худшем случае я проиграю немного денег. При теперешнем положении дел мы можем себе это позволить. Кроме того, кто знал, мне могло и повезти.

— Повезти? Вот *теперь* я вижу, что ты ничего не знаешь о драконьем покере. В этой игре нужно умение, а не везение. Ты мог всего лишь выбросить свои деньги... деньги, могу добавить, ради которых мы рисковали жизнью.

— Да, Ааз.

— Кроме того, первое, что тебе надо узнать об игре в любой покер, это следующее: самый верный способ проиграть — это садиться за стол ОЖИДАЯ проигрыша.

— Да, Ааз.

С отчаяния я отступил за самую прочную линию обороны. Соглашался со всем, сказанным партнером. Даже Аазу затруднительно оставаться взбешенным на того, кто соглашается с ним.

— Ну, сделанного не воротишь, все крики в мире не изменят итога. Я лишь надеюсь, что ты усвоил свой урок. Между прочим, во сколько он тебе обошелся?

— Я выиграл.

— Ладно. Проигрыш, просто чтобы показать тебе, что нет никаких тяжелых чувств, разделим пополам. В некотором смысле это моя вина. Мне следовало обучить тебя...

В помещении внезапно воцарилась тишина. Даже Маша застыла, не донеся до рта бон-бон. Очень медленно, Ааз повернулся лицом ко мне.

— Знаешь, Скив, минуту назад мне показалось, будто ты сказал...

— Я выиграл, — повторил я, отчаянно пытаюсь не улыбнуться.

— Выиграл? Выиграл в смысле “лучше чем при своих”?

Выиграл в смысле “двадцать тысяч золотом с гаком”, — поправил я.

— Но если ты не знал как играть, то как же ты смог...

— Просто я ставил не на карты, а на игровых. Кажется, это сработало очень даже неплохо.

Теперь я купался в ореоле славы. Мне и впрямь редко удавалось произвести впечатление на своего партнера, и я собирался выжать из этого случая все, чего он стоил.

— Но это же бред! — нахмурился Ааз. — Я хочу сказать, какое-то время это могло сработать, но при долгой игре...

— Он был великолепен! — объявила Клади, появляясь у меня из-за спины. — Вам следовало бы увидеть это. Он всех обставил.

Мой “ореол славы” рассыпался в прах. Одной рукой я толкнул Клади обратно за спину и подобрался, готовый к взрыву. На самом-то деле, мне хотелось попросту бежать в укрытие, но в таком случае Клади осталась бы одна на открытом месте, и поэтому я удовольствовался закрытием глаз.

Ничего не случилось.

Через несколько мгновений я не смог больше выносить напряжения и приоткрыл украдкой один глаз. И в итоге получил КРАЙНЕ крупный план одного из желтых глаз Ааза. Он стоял носом к носу со мной, явно дожидаясь, пока я не буду готов, прежде чем он разразится своей тирадой. Уж ОН-то явно был готов. Блестки золота в его глазах переливались, словно готовые закипеть... и при всем, что я знал, именно это и могло произойти.

— Кто... это?..

Я решил не пытаться прикидываться дурачком и не переспрашивать “Кто что?” При том расстоянии, на каком он стоит, Ааз мне голову оторвет, причем буквально!

— Гмм... помнишь, я сказал, что выиграл двадцать тысяч с гаком? Ну, так она и есть этот гак.

— ТЫ ВЫИГРАЛ В КАРТЫ РЕБЕНКА!?!

Сила голоса моего партнера действительно отбросила меня на два шага. Вероятно, я отлетел бы и дальше, если бы не наткнулся на Клади.

— ТЫ С УМА СОШЕЛ?? РАЗВЕ ТЕБЕ НАИЗВЕСТНО, ЧТО РАБОВЛАДЕНИЕ НАКАЗЫВАЕТСЯ...

Не закончив фразы, он исчез за стеной телес аляповатой расцветки. Несмотря на свои предыдущие утверждения о том, как высоко она ценит самосохранение, Маша встала между нами.

— Остынь-ка на миг, Зеленый и Чешуйчатый.

Ааз попытался обойти ее.

— НО ОН ЖЕ...

Она сделала полшага вбок и преградила ему путь, прислонившись к стене.

— Дай ему шанс объяснить. Он ведь все-таки твой партнер, не так ли?

Судя по звуку его голоса, Ааз поменял поле и попробовал обойти с другой стороны.

— НО...ОН...

Маша сделала два шага и прислонилась к другой стене, в то же время говоря так, словно ее и не перебивали.

— И выходит, либо он идиот... чего о нем не скажешь, либо ты паршивый учитель... чего о тебе не скажешь, либо тут присутствует нечто большее, чем видно на первый взгляд? Тебе не кажется?

Последовало несколько секунд молчания, а затем Ааз заговорил вновь куда более тихим голосом.

— Ладно, ПАРТНЕР. Давай послушаем.

Маша покинула свое место, и я снова увидел Ааза... хотя едва не пожалел об этом. Он тяжело дышал, но я не мог сказать отчего — от гнева или от усилий обойти Машу. Я так и слышал, как скрежещет чешуя у него на пальцах, когда он сжимал и разжимал кулаки, и понял, что мне лучше рассказать свою повесть побыстрее, пока он снова не потерял контроль над собой.

— Я не выигрывал ЕЕ, — поспешно уточнил я. — Я выиграл заклад ее отца. Она — наша гарантия, что он вернется и оплатит свой проигрыш.

Ааз перестал сжимать кулаки, и его черты наморщились в озадаченной нахмуренности.

— Заклад? Чего-то не пойму. У Живоглота же всегда играют по принципу обменял-на-наличные-и-унес.

— Ну, кажется, для Бола он делает исключение.

— Бола?

— Это мой папочка, — объявила Клади, снова вылезая у меня из-за спины. — Сокращение от Болван. Он часто проигрывает... вот потому-то все так и рады всегда позволить ему вступить в игру.

— Милая малышка, — сухо заметил Ааз. — Это также объясняет, почему ты сегодня так хорошо сыграл. Один сумасброд способен изменить ход всей игры. И все же, когда Живоглот принимает-таки заклады, он обычно выплачивает выигравшим наличные и занимается взысканием денег сам.

— Он готов был это сделать.

— Тогда почему же...

— ...и если бы отец Клади не появился через две недели, он собирался забрать ее в другое измерение и сам продать ее в рабство для получения денег.

Маша тихо присвистнула со своего кресла.

— Милый парень этот Живоглот.

— Он — девол, — рассеянно отмахнулся Ааз, словно это заявление все объясняло. — Ладно, ладно. Я могу понять, что ты почувствовал себя обязанным принять опеку над малышкой, вместо того чтобы оставлять ее у Живоглота. Только ответь мне на один вопрос.

— Какой именно?

— Что НАМ с ней делать, если не появится ее отец?

Иногда мне больше нравится, когда Ааз бушует, чем когда он думает.

— Э-э-э-э... я еще думаю над этим.

— Восхитительно. Когда найдешь ответ, дай мне знать. Думается, я побуду у себя в комнате, пока вся эта пыль не уляжется.

И с этими словами он широким шагом вышел из помещения, предоставив разбираться с Клади Маше и мне.

— Выше нос, Оторва, — подбодрила меня моя ученица. — Дети вовсе не такая уж большая проблема. Эй, Клади. Хочешь шоколадку?

— Нет, спасибо. От этого я могу стать такой же толстой и некрасивой, как и ты.

Я поморщился. Вплоть до этой минуты Маша была моей союзницей в вопросе о Клади, но эта реплика могла все изменить. Она очень чувствительна, когда речь идет о ее весе, и поэтому большинство из нас склонны избегать всякого упоминания о нем. Фактически, я настолько привык к ее внешности, что склонен забывать, как она выглядит для всякого, кто ее не знает.

— Клади! — строго сказал я. — Не очень-то вежливо так говорить.

— Но это же правда! — возразила она, обращая на меня свои невинные глазки.

— Вот потому-то это и невежливо, — рассмеялась Маша, хотя, как я заметил, улыбка у нее была немного натянутой. — Пошли, Клади. Давай-ка нападём на кладовую и попробуем найти тебе что-нибудь поесть... что-нибудь малокалорийное.

И удалились, оставив меня наедине с моими мыслями. Ааз поднял хороший вопрос. Что же нам все-таки делать, если не вернется отец Клади? Я никогда раньше не бывал окружен детьми. Я знал, что ее пребывание в доме вызовет затруднения, но сколько именно затруднений? Учитывая все прочее, с чем мы справились на пару с Аазом, мы наверняка сможем справиться и с девочкой. Конечно, Ааз был...

— Вот и вы, Босс! Хорошо. Я надеялся, что вы еще не легли.

Я очистил голову от посторонних мыслей и обнаружил входящего в прихожую телохранителя.

— О. Привет, Гвидо. Как прошел доклад?

— Лучше не бывает. Фактически, дон Брюс был так доволен, что прислал вам небольшой подарок.

Несмотря на свои тревоги, я не мог не улыбнуться. Наконец-то ХОТЬ ЧТО-ТО шло как надо.

— Отлично, — порадовался я. — Мне сейчас как раз не помешает немного приободриться.

— Тогда у меня именно то, что надо. Эй, Нунцио! Давай ее сюда!

Улыбка моя застыла. Я отчаянно попытался не паниковать. В конце концов, рассуждал я, люди употребляли местоимение "ее", говоря о множестве вещей. Например, о лодках, или даже...

— Босс, это Банни. Дон Брюс присылает ее наряду с поздравлениями по случаю хорошо выполненной работы. Она будет вашей шмарой.

Препровождаемая ими в прихожую девушка ни в малейшей степени не походила на лодку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Куколка, она и есть куколка.

Ф. Синатра

Банни оказалась невысокой, но грудастой рыжей девицей с прической “я у мамы дурочка” и пустым взглядом, какому позавидовал бы зомби. Она усиленно что-то жевала и вертела головой, пытаясь охватить взглядом сразу все помещение.

— Здорово. Отличная у вас здесь хата, парни. Намного симпатичней, чем последняя хата, где я была, понимаете?

— Это всего лишь прихожая, — с гордостью похвастал Нунцио. — погоди, вот увидишь все остальное. Эта хата побольше любой, где я работал, понимаешь, что я имею в виду?

— Да что с вами случилось? — рявкнул Гвидо. — Где ваши манеры? В первую очередь — первоочередное. Банни, это Босс. Тебе с ним жить, так как ты будешь работать под его началом.

Банни подошла ко мне, протягивая руку. Судя по тому, как двигалось под облегающим платьем ее тело, не возникало почти никаких сомнений по поводу того, что именно она носила под ним... или, скорее, не носила...

— Рада познакомиться, Босс. Взаимно? — весело сказала она.

На сей раз я точно знал, чего ответить.

— Нет.

Она остановилась, а затем, нахмурясь, обернулась к Гвидо.

— Он имеет в виду, не называй его Боссом, пока не узнаешь его, — заверил ее телохранитель. — Здесь он известен просто как Скив.

— Усекла, — подмигнула она. — О'кей, СКИВ... знаешь, ты большой душка.

— Нет, — повторил я.

— О'кей. Значит, не душка. Как скажешь. Ты — Босс.

— НЕТ!

— Но...

Я проигнорировал ее и повернулся прямо к Гвидо.

— Вы что, рехнулись? Что это вы вытворяете, так вот привозя ее сюда?

— Как я сказал, Босс, она — подарок от дона Брюса.

— Гвидо, многие дарят друг другу подарки. Такие как галстуки и книги... не девушки!

Мой телохранитель беспомощно пожал плечами.

— Ну, так значит, дон Брюс не такой, как многие. Именно он-то в первую очередь и приставил нас к вам, и по его словам человеку с вашим положением в Синдикате обязательно требуется шмара.

— Гвидо... давай поговорим. Извините, Бании, мы на минутку.

Я обвинил рукой плечи телохранителя и увлек его в угол. Это может показаться легким, если не учитывать, что мне пришлось ДОТЯГИВАТЬСЯ до его плеч. И Гвидо и Нунцио существенно крупнее меня.

— Слушай, Гвидо, — обратился я к нему. — Помнишь, как я объяснял тебе наше положение дел?

— Разумеется, Босс.

— Ну, давай снова вернемся к нему. Дон Брюс нанял меня с Аазом на неисключительной основе присматривать за интересами Синдиката здесь, на Базаре. Так вот, он сделал это потому, что применяемые им обыкновенно методы не сработали... Верно?

— На самом-то деле, он нанял ВАС и включил вашего партнера. За исключением этого — верно.

— Как бы там ни было. Мы также объяснили вам, что обычные методы Синдиката не действовали из-за того, что купцы Базара наняли нас выгнать Синдикат. Помнишь?

— Да. Когда вы нам сообщили, это оказалось для нас настоящим сюрпризом. Вы действительно уделали нас вдрызг, понимаете, что я имею в виду?

— Вот это-то и приводит нас к подарку. Деньги, которые мы собираем с купцов Базара и передаем дону Брюсу, деньги, выплачиваемые ими, как он думает, Синдикату за

защиту, на самом деле выплачиваются нам за ограждение Базара от происков Синдиката. Усек?

— Усек.

— Хорошо. Тогда, осознавая наше положение, ты можешь понять, почему я не хочу, чтобы тут окалачивалась какая-то шмара или еще кто-нибудь из Синдиката. Если до дона Брюса дойдет, что мы его обжуливаем, то это вновь разворошит весь гадюшник. Вот потому-то вы и должны избавиться от нее.

Гвидо энергично кивнул.

— Нет, — бухнул он.

— Тогда вам требуется всего-навсего... что значит "нет"? Мне снова надо тебе все объяснить?

Мой телохранитель испустил громкий вздох.

— Я понимаю положение, Босс. Но мне думается, Вы его не понимаете. Позвольте мне продолжить с того места, где вы закончили.

— Но я..

Так вот, чем бы вы ни были, дон Брюс считает вас младшим главарем Синдиката, заправляющим прибыльным бизнесом. Верно?

— Ну...

— И как таковому, вам положены по праву дом, который у вас есть, пара телохранителей, которые у вас есть, и шмара, которой у вас нет. Все это, на взгляд дона Брюса, совершенно необходимо, если Синдикат хочет поддерживать в глазах общественности свой образ организации, вознаграждающей своих преуспевающих членов... точно так же, как она считает нужным выражать свое недовольство членами непреуспевающими. Вы поспеваете за моей мыслью?

— Образ в глазах общественности, — слабо произнес я.

— Поэтому, именно исходя из интересов Синдиката, дон Брюс и обеспечил вас тем, чем вы не сумели обеспечить себя сами... а именно — шмарой. Если вам не нравится эта, мы можем забрать ее обратно и доставить другую, но если вы хотите продолжать беззаботное существование, шмара у вас должна быть. Иначе... — Он сделал драматическую паузу.

— Иначе?... — подтолкнул я его.

— Если вы не станете поддерживать вид преуспевающего члена Синдиката, дон Брюс вынужден будет отнестись к

вам, как непреуспевающему... понимаете, что имею в виду?

Я вдруг почувствовал необходимость помассировать лоб.

— Восхитительно.

— Я чувствую то же самое. Однако, при данных обстоятельствах я счел самым разумным принять его подарок и надеяться, что позже вы сумеете найти дружественное решение нашей дилеммы.

— Полагаю, ты... Эй! Минуточку. У нас же уже проживают Маша и Тананда. Разве они не сгодятся?

Гвидо снова вздохнул.

— Такая возможность действительно приходила в голову и мне. Но потом я сказал себе: "Гвидо, ты действительно хочешь быть тем, кто навесит либо на Машу, либо на Тананду ярлык шмары, когда отлично знаешь этих двух дам? Даже если острить по этому поводу будут только в кругу Синдиката?" Посмотрев на это в таком свете, я решил согласиться на предложение дона Брюса и предоставить окончательное решение вам... БОСС.

При этом последнем слове, произнесенном с налетом сарказма я бросил на него острый взгляд.

Несмотря на его деланную манеру речи и псевдонапыщенные объяснения, у меня иной раз складывалось впечатление, что Гвидо куда умнее, чем прикидывается. Однако, в данный момент его лицо являлось образчиком невинности, и поэтому я оставил его замечание без последствий.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, Гвидо. Если Маше или Тананде предстоит известность в качестве "шмары", то я предпочел бы, чтобы это случилось по их выбору, а не моему. А до тех пор, полагаю, нам придется довольствоваться... как там ее зовут? Банни? То есть Зайка? Она что, шмыгает носом или как?

Гвидо взглянул через прихожую на другую пару и заговорщически понизил голос.

— Строго между нами, Босс, я думаю, для вас будет желательно принять именно эту конкретную шмару, присланную вам лично доном Брюсом. Понимаете, что я имею в виду?

— Нет, не понимаю, — поморщился я. — Извини меня, Гвидо, но как раз сейчас я соображаю немного туго. Если ты пытаешься что-то сказать, то тебе придется разжевать это.

— Ну, я немного навел справки, и, кажется, Банни — племянница дона Брюса, и...

— ЕГО П...

— Ш-ш-ш. Держите это в тайне, Босс. По-моему, нам не полагается об этом знать.

Гигантским усилием я подавил в себе приступ истерии и снова понизил голос.

— Что ты пытаешься со мной сделать? Я стараюсь сохранить эту операцию в тайне, а ты привозишь мне племянницу дона Брюса?

— Не беспокойтесь.

— НЕ...

— Ш-ш! Как уже сказано, я навел справки. Они, кажется, вовсе не ладят между собой. Даже не здороваются. Судя по всему, что я слышал, он не хочет, чтобы она была шмарой, а она не соглашается ни на какую другую работу. И они грызутся из-за этого, как кошка с собакой. Так или иначе, можно смело положиться — если какая шмара и не передаст дону Брюсу чистую сенсацию, так это она. Вот потому-то я и говорю, что следует оставить эту.

Головная боль распространилась у меня теперь до желудка.

— Роскошно. Просто роскошно. Ну, по крайней мере...

— Единственное, чего я, однако, не смог выяснить, — продолжал, хмурясь, Гвидо, — так это почему он хочет поселить ее у вас. По моим прикидкам, он либо думает, что вы обойдетесь с ней как надо, либо ожидает, что вы отпугнете ее от карьеры шмары. Я попросту не уверен, как вам тут следует сыграть.

Этот вечер оборачивался для меня далеко не удачным. Фактически, с тех пор как я выиграл ту последнюю партию в драконий покер, он постоянно катился по наклонной вниз.

— Гвидо, -- попросил я. — Пожалуйста, не говори больше ничего. Хорошо? Ладно? Каждый раз, когда я думаю, будто дела, возможно, не так уж плохи, ты вытаскиваешь еще что-то, похуже их.

— Просто пытаюсь выполнять свою работу, — пожал он плечами, явно обидевшись, — но если вы хотите именно этого... ну, вы — Босс.

— И если ты скажешь это хотя бы еще раз, я, вероятно,

забуду, что ты массивней меня, и вдарю тебе по носу. Понятно? Для работы Боссом требуется определенная степень самообладания, а если у меня чего и нет в данную минуту, так это именно самообладания.

— Верно, Б... Скив, — усмехнулся мой телохранитель. — Знаешь, ты на минуту показался мне точь-в-точь таким же, как мой прежний Б... работодатель. Тот, бывало, поколачивал меня и Нунцио, когда бесился. Нам, конечно, приходилось стоять и терпеть...

— Не подавай мне светлых мыслей, — прорычал я. — Давай пока сосредоточимся только на Банни.

Я снова переключил внимание на непосредственную задачу, то есть на Банни. Та все еще обводила пустым взглядом прихожую, методично работая челюстями над чем-то, пережевываемым ею, и явно пропускала мимо ушей все, чего там ни пытался сообщить ей Нунцио.

— Ну-с, э, Банни, — обратился я к ней, — похоже, вам предстоит на время пожить у нас.

Она прореагировала на мои слова так, словно я нажал на кнопку "вкл."

— Иииуух! — завизжала она, словно я только что сообщил ей, что она победила на конкурсе красоты. — О, я знаю, что буду просто с НАСЛАЖДЕНИЕМ работать под твоим началом, Скиви.

Мой желудок медленно перекатился влево.

— Мне принести ее вещи, Босс? — спросил Нунцио. — У нее их на улице примерно вагон и маленькая тележка.

— О, можешь оставить все это, — проворковала Банни. — Я знаю, мой Скиви захочет купить мне целиком новый гардероб.

— Стоп! Тайм-аут! — приказал я. — Пора изложить правила поведения в этом доме. Банни, некоторые слова должны исчезнуть из твоего лексикона СЕЙЧАС ЖЕ. Во-первых, забудь про "Скиви". Я Скив... просто Скив, или если понадобится, Великий Скив при посторонних. Не Скиви.

— Усскла, — подмигнула она.

— Далее, ты не работаешь ПОД моим началом. Ты ты — моя личная секретарша. Ясно?

— Ну, разумеется, милый. Именно так меня всегда и называли.

И снова подмигнула.

— Теперь ты, Нунцио. Я хочу, чтобы ты перенес ее багаж в... не знаю, наверно, в розовую спальню.

— Вы хотите, чтобы я ему помог, Босс? — спросил Гвидо.

— Ты оставайся тут, — улыбнулся я, скаля все свои зубы. — У меня есть для тебя особая задача.

— Минуточку, черт возьми! — вмешалась Банни с заметным отсутствием своего кокетливого акцента. — Что это за фокусы с “розовой спальней”? Ты, по-моему, как-то не похож на спящего в розовой спальне. Разве я не переселяюсь в твою спальню?

— Я сплю в своей спальне, — подчеркнул я. — И разве не легче будет тебе въехать в одну из наших свободных спален, чем мне переселяться туда лишь для того, чтобы ты могла въехать в мою?

Как я уже говорил, вечер этот был долгий, и соображал я более чем малость туговато. К счастью для меня, Банни соображала достаточно быстро для нас обоих.

— Я думала, у нас будет общая спальня, мистер Скив. В этом-то и заключается весь смысл моего пребывания здесь, понимаете? Что стряслось? Вы думаете, у меня дурной запах изо рта или что-то еще?

— Э-э-э-э... гмм... — остроумно промычал я.

— Привет, Гвидо... Нунцио. Кто... ух ты!

Эта последняя остроумная реплика исходила не от меня. Маша как раз вошла в прихожую с Клади на буксире и при виде Банни стала, как вкопанная.

— Эй, Босс! Что это за малышка?

— Гвидо, Нунцио, это Клади... ДРУГАЯ гостья нашего дома. Маша, Клади, это Банни. Она временно поживет у нас... в РОЗОВОЙ спальне.

— Теперь усекла! — воскликнула Банни. — Ты хочешь, чтобы мы разыграли все втихую из-за малышки! Ну, можешь на меня рассчитывать. Осмотрительность — вторая натура Банни. Пусть будет розовая спальня!

Я бы с удовольствием задушил ее. Если смысл ее слов и не дошел до Клади, то определенно дошел до Маши, и та уставилась на меня из-под поднятых бровей.

— Как бы там ни было! — предпочел сказать я вместо прибегания к более резким действиям. — А теперь, Нунцио, устрой Банни в розовой спальне. Маша, я хочу, чтобы ты

поселила Клади в голубой спальне рядом с моей... и кончай фокусы с бровями. Утром я все объясню.

— ЭТО я хотела бы услышать, — фыркнула она. — Пошли, малышка.

— Я не устала! — возразила Клади.

— Круто, — посочувствовал я. — А вот я устал.

— О, — сникла она и последовала за Машей.

Каким бы жалким ни был ее отец, где-то по ходу дела она усвоила, когда можно спорить со взрослыми, а когда лучше плыть по течению.

— Что вы хотите мне поручить, Босс? — горя рвением, спросил Гвидо.

Я одарил его самой злой своей усмешкой.

— Помнишь, как я говорил тебе об особом задании?

— Да, Босс?

— Предупреждаю, оно опасное.

Это воззвало к его профессиональной гордости, и он выпятил грудь колесом.

— Чем тяжелей, тем лучше. Вы же меня знаете!

— Прекрасно, — одобрил я. — Тебе требуется всего-навсего подняться наверх и объяснить насчет Банни Аазу. Со мной мой партнер в данную минуту, кажется, не разговаривает.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вот из такого материала и
созданы сны.

С. Красавица

Со мной была Луанна. Я не мог вспомнить, когда она появилась и долго ли была здесь, но меня это не трогало. Я не видел ее с тех пор, как мы вернулись с Лимба после организации побега из тюрьмы, и страшно тосковал по ней. Она покинула меня и осталась со своим партнером, Мэттом, и какой-то кусочек меня остался с ней. Не буду настолько пошло-сентиментальным, чтобы утверждать, будто это было сердце, но, в общем, где-то поблизости.

Мне хотелось так много ей сказать... хотелось ее спросить, но это казалось, в общем-то, ненужным. Мы просто лежали бок о бок на травянистом холме, наблюдая за облаками, молча наслаждаясь обществом друг друга. Я мог бы оставаться в таком положении вечно, но она приподнялась на локте и мягко заговорила со мной.

— Если ты только чуток подвинешься, Скиви, то нам обоим будет оч-чень удобно.

Это как-то диссонировало с моим безмятежным настроением. Она говорила совсем не так, как Луанна. У Луанны голос был музыкальный и волнующий. А она говорила, словно...

— БАННИ!

Я внезапно выпрямился, оказавшись отнюдь не на травянистом взгорке, а в собственной постели.

— Ш-ш-ш-ш! Малышку разбудишь!

Она сидела на краю постели, одетая в нечто тонкое и даже более открытое, чем облегающий наряд, бывший на ней прошлым вечером.

— Что ты делаешь в моей комнате?!

Я отчетливо помнил, что прежде чем лечь приставил к двери несколько предметов мебелировки, и один быстрый взгляд подтвердил, что те по-прежнему на месте.

— Через потайной ход, — пояснила она, подмигнув. — Нунцио показал мне его прошлым вечером.

— Ах, он показал, да? — зарычал я. — Напомни мне выразить ему благодарность за эту маленькую услугу.

— Побереги свои благодарности, милый. Они тебе понадобятся, когда я закончу работать с тобой.

И с этими словами она подняла одеяло и скользнула в постель рядом со мной. Я соскользнул с другой стороны постели, словно ко мне только что присоединился паук. Не то, чтобы я боялся пауков, заметьте, но Банни пугала меня до оцепенения.

— Эй! Что случилось? — заныла она.

— Э-э... это... послушай, Банни. Мы не могли бы минутку поговорить?

— Разумеется, — согласилась она, садясь на постели и нагибаясь вперед, чтобы опереться локтями о колени. — Если ты этого хочешь.

К несчастью, ее теперешняя поза предоставляла мне также беспрепятственный обзор ее декольте. И я мигом забыл, что же собирался сказать.

— Э-э-э-э... я... гм...

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул я, благодарный за помеху.

Сомнений не было, и быть не могло, это самое глупое, что я когда-либо брякал.

Дверь открылась, с изумительной легкостью отодвинув приставленную мебель, и вошел Корреш.

— Слушай, Скив, Ааз только что рассказал мне о самой замечательной... Зд-драсьте?

Я уже упоминал, что Корреш — тролль. Чего я не сказал, так это про его способность краснеть... вероятно потому, что вплоть до этой минуты сам не знал о ней. Из всех зрелищ, виденных мной в нескольких измерениях, краснеющий тролль принадлежит к совершенно особой категории.

— Ты, должно быть, Корреш! — прошептала Банни. — Мальчики рассказывали о тебе.

— Э-э-э... совершенно верно. Рад с вами познакомиться

и все такое, — рассыпался в любезностях тролль, пытаясь отвести взгляд и в то же время поддерживать вежливый разговор.

— Да. Разумсется, Коррешок. Тебе случайно не нужно заняться каким-то другим делом... например, выйти?

Я отчаянно вцепился в его руку.

— Нет! Я имею в виду... Корреш всегда заходит, едва настанет утро.

— Э-э... Да. Как раз хотел посмотреть, готов ли Скив малость позавтракать.

— Ну, я попала сюда первой, — ошетибилась Банни.

— И если Скиви хочет чего-то пожевать, он может...

— Доброе утро, папочка!

Клади вприпрыжку вбежала в спальню и обняла меня, прежде чем кто-нибудь из нас сообразил, что она тут.

— Ну, ну. Ты, должно быть, новая подопечная Скива

— Клади, — просиял тролль, явно радуясь возможности сфокусироваться на чем-то ином, кроме Банни.

— А ты — Корреш. Привет, Банни!

— Приветик, малышка, — отозвалась Банни, с заметным отсутствием энтузиазма натягивая одеяло до шеи.

— Ты встал, Скив?

В донесшемся из коридора голосе сразу же узнавался тембр Тананды.

Мы с Коррешем редко работаем вместе в смысле бригады, но на этот раз не понадобилось ни планирования, ни координации. Я сгрел Клади и вынес ее в коридор, тогда как Корреш последовал за мной, с такой силой хлопнув дверью, что дерево могло и треснуть.

— Привет сестричка. Отличный денек, не правда ли?

— Привет, Тананда. Что нового?

Наши сердечные приветствия, сказанные с целью разрядить обстановку, привели только к одному — наша коллега стала, как вкопанная.

Тананда очень привлекательная особа — если вам по вкусу фигуристые женщины с оливковой кожей и зелеными волосами. Конечно, она выглядит намного симпатичней, когда не поджигает губ и не суживает подозрительно глаз.

— Ну, для начала я бы сказала, что девочка у тебя под рукой — новая, — твердо произнесла она. — Может, я и не самая наблюдательная личность, но наверняка заметила бы ее, будь она здесь прежде.

— О. Ну, мне надо будет вкратце сообщить тебе о некоторых делах, — слабо улыбнулся я. — Это — одно из них. Ее зовут Клади, и...

— Позже, Скив. В данную минуту мне любопытней узнать, что затеял мой старший братец. Как насчет этого, Корреш? Раньше я видела, как ты хлопаешь дверьми, ВХОДЯ в спальни, но никогда по выходе из них.

— Э-э-э-э... то есть... — неуклюже замямлил тролль.

— На самом-то деле, — помог я, — тут скорее... видишь ли...

— Именно так я и думала, — заключила Тананда, проскальзывая мимо нас и распахивая дверь спальни.

Моя комната оказалась милостиво лишенной посторонних. Банни явно убралась через ту же потайную панель, через которую вошла. Мы с Коррешем незаметно обменялись облегченными взглядами.

— Чего-то я тут не пойму, — нахмурилась Тананда. — Вы, ребята, вели себя так, словно пытались скрыть труп. Здесь же не из-за чего так секретничать.

— Я думаю, они не хотели, чтобы ты увидела девушку в постели моего папочки, — жизнерадостно подсказала Клади.

Я хотел выразить Клади свою благодарность, но решил, что у меня хватает проблем и без добавления к их списку убийства.

— Ну, Скив? — обратилась ко мне Тананда, подняв брови почти до границы волос.

— Э-э-э-э... на самом-то деле, я ей в действительности не папочка. Это одно из тех дел, о которых я хотел тебе вкратце сообщить.

— Я имела в виду насчет девушки у тебя в комнате!

— Это еще одно дело, о котором я хотел...

— Сделай ему небольшое послабление! А, Тананда? Это же нецивилизованно — бить кого-то до завтрака.

Это сказал Ааз, который на сей раз приблизился к нашей группе неувиденным... и неуслышанным. Обычно он не силен незаметно появляться.

И если уж на то пошло, я никогда не замечал за ним какой-то неохоты долбить кого бы то ни было — скажем, меня — до завтрака. И все же я был благодарен ему за вмешательство.

— Привет, Ааз. Мы как раз...

— Тебе известно, что поделявает твой партнер?! — осведомилась Тананда голосом, способным заморозить вино. — Он, КАЖЕТСЯ, превращает наш дом в комбинацию детского сада и...

— Я все об этом знаю, — персбил Ааз, — и ты тоже узнаешь, когда немного поостынешь. Мы все объясним за завтраком.

— Ну...

— И кроме того, — встряла Клади. — Это не ваш дом. Он папочкин. Папочка просто разрешает вам здесь жить. Он может делать в СВОЕМ доме все, что захочет!

Я выпустил ее из рук, надеясь уронить ее головой об пол. Вместо этого она перекувырнулась в воздухе и приземлилась на ноги, как кошка, не переставая надменно лыбиться.

Тананда выпрямилась так, словно кто-то уколол ее булавкой.

— Полагаю, ты права, Клади, — произнесла она сквозь плотно сжатые губы. — Если "Великий Скив" хочет поболоваться с какой-то девкой, то это не мое дело. А если мне это не нравится, я могу попросту убраться на все четыре стороны.

Она круто повернулась и зашагала прочь по коридору.

— Как насчет завтрака? — крикнул ей вслед Ааз.

— Я буду есть вне дома... постоянно!

Мы в беспомощном молчании смотрели, как она уходит.

— Мне лучше пойти за ней, — сказал наконец Корреш.

— В таком настроении она может кого-нибудь покалечить.

— Ты не мог бы взять с собой Клади? — спросил Ааз, все еще глядя вслед Тананде.

— Шутишь? — разинул рот тролль.

— Ну, по крайней мере, подбрось ее до столовой. Мне надо сказать Скиву несколько слов наедине.

— Я хочу остаться здесь! — возразила Клади.

— Иди, — тихо посоветовал я.

В моем голосе, должно быть, что-то было, так как и Клади и Корреш отправились без дальнейших споров.

— Партнер, у тебя возникла проблема.

— Мне ли этого не знать. Будь у меня какой-то способ отправить ее обратно к дону Брюсу, я бы мигом это сделал, но...

— Я говорю не о Банни!

Это меня остановило.

— Не о ней?

— Нет. Проблема — Клади, а не Банни.

— Клади? Но она же всего лишь девочка.

Ааз испустил легкий вздох и положил руку мне на плечо... для разнообразия, мягко.

— Скив, в прошлом я давал тебе много советов, одни лучше, другие хуже. По большей части, ты действовал весьма неплохо, импровизируя в незнакомых ситуациях, но на этот раз орешек тебе не по зубам. Поверь мне, у тебя нет ни малейшего представления о том, какое смещение может вызвать в твоей жизни ребенок... особенно, девочка.

Я не знал, что и сказать. Мой партнер испытывал явно искреннюю озабоченность и выражал ее для разнообразия в очень спокойной и приглушенной манере. И все же я не мог согласиться с его словами.

— Брось, Ааз. Много ли хлопот она может причинить? Это происшествие с Танандой случилось из-за Банни...

— ...после того как Клади начала трепать языком в неподходящее время. Я уже заставил Тананду поостыть, когда Клади вылезла со своим мнением.

Мне также пришло в голову, что именно Клади-то в первую очередь и сболтнула Тананде о Банни.

— Ну, допустим, у нее не хватает ума держать язык за зубами. Она же маленькая. Нельзя ожидать от нее...

— Вот об этом-то я и толкую. Подумай немного о нашем здешнем бизнесе, партнер. Сколько раз на дню дела могут пойти прахом, если кто-то скажет в нужную минуту что-то ненужное? Нам потребовалось год обтесывать Гвидо и Нунцио, а ведь они взрослые. Приводить в такой дом ребенка все равно что размахивать факелом на фабрике по производству фейерверков.

Как ни ценил я его усилия растолковать мне проблему, увлеченное вдалбливание Аазом своей мысли начало меня немного утомлять.

— Ладно. Допустим, у меня не так уж много опыта в общении с детьми. Возможно, я недооцениваю серьезность положения, но разве ты малость не паникуешь? На каком опыте ты основываешь СВОЮ тревогу?

— Шутишь? — рассмеялся впервые за весь наш разговор партнер. — Всякий проживший столько веков, сколько я, приобретает более чем достаточную ему долю опыта об-

щения с детьми. Помнишь моего племянника Руперта? Думаешь, он родился взрослым? И он лишь один из большого количества племянниц, племянников и внуков, — большего, чем я могу сосчитать, не делаясь от воспоминаний нервной развалиной.

А я-то думал, что Ааз больше не может меня удивить.

— В самом деле? Внуков? Я даже не знал, что у тебя есть дети.

— Я не люблю об этом говорить. Что само по себе должно кое на что указывать. Когда кто-то, столь любящий поговорить, как люблю это я, совершенно избегает касаться какой-то темы, то воспоминания должны быть менее чем приятными!

Я начал немного тревожиться. Учитывая, что Ааз обычно склонен преуменьшать опасность, его предупреждения начали включать в работу мое чересчур богатое воображение.

— Я слышу, что ты говоришь, Ааз. Но мы же здесь толкуем только об одном ребенке. Сколько хлопот может причинить одна девочка?

Лицо моего партнера внезапно озарила одна из его пресловутых злых усмешек.

— Запомни эту фразу, — предложил он. — Я намерен время от времени цитировать тебе ее.

— Но...

— Эй, Босс! Здесь кое-кто хочет вас видеть!

Только этого мне и не хватало! Я уже в общем-то твердо решил не принимать больше никаких клиентов, пока отец Клади не заберет ее. Конечно, я не хотел этого говорить при Аазе, особенно с учетом нашего текущего разговора.

— У меня совещание, Гвидо! — откликнулся я. — Предложи им зайти позже.

— Как угодно, Босс! — донесся ответ. — Я просто подумал, что вы захотите узнать, так как это Луанна...

Я рванул как из пушки, даже не потрудившись извиниться. Ааз поймет. Он знает, что я равнодушен к Луанне со времен нашей экспедиции на Лимб.

По пути к прихожей у меня нашлось время погадать, не шуточка ли это одного из моих телохранителей. Я решил, что если это так, то буду упорно заниматься, пока не обучусь магии настолько, чтобы превратить его в жабу.

Но мои подозрения оказались беспочвенными. Она была

там. Моя прекрасная белокурая богиня. Однако, сердце у меня и впрямь екнуло оттого, что она была там вместе со своими чемоданами.

— Привет, Луанна. Что ты здесь делаешь? Где Мэтт? Как у вас дела? Не хочешь ли что-нибудь выпить? Нельзя ли мне...

Я вдруг сообразил, что трещу без умолку, и заставил себя остановиться.

— Э-э-э... Я просто пытался сказать, что рад тебя видеть.

Это подарило мне ту медленную улыбку, что являлась ко мне во сне.

— Счастлива слышать, Скив. Я боялась, что ты забыл обо мне.

— Ни за что на свете, — заверил я, а потом сообразил, что плотоядно смотрю на нее. — То есть нет, не забыл.

Ее синие глаза встретились взглядом с моими, и я почувствовал, что беспомощно тону в их глубине.

— Это хорошо, — сказала она этим своим музыкальным голосом. — Я беспокоилась, можно ли поймать тебя на твоём предложении после столь долгого времени.

Эти слова пробились сквозь туман, угрожавший окутать весь мой рассудок.

— Предложении? Каком предложении?

— О, так ты не помнишь! Я думала... ах, это так неудобно.

— Минутку! — воскликнул я. — Я не забыл! Просто дело в том... дай мне подумать... просто тут...

Память вернулась ко мне, словно луч света на болоте.

— Ты имеешь в виду, когда я сказал тебе, что ты могла бы приехать поработать со мной и Аазом? Верно?

— Именно об этом я и говорила! — Солнце вышло из-за туч, когда она снова улыбнулась. — Видишь ли, мы с Мэттом поссорились, и я подумала...

— Хочешь позавтракать, папочка? Ты сказал... О! Здравствуйте.

— ПАПОЧКА!?!

Клади и Луанна уставилась друг на друга.

Я быстро пересмотрел свои планы. Буду упорно заниматься и превращу в жабу СЕБЯ.

— Я могу объяснить, Луанна... — начал было я.

— Я думаю, тебе следует оставить при себе эту, папочка, — решила вслух Клади, не сводя глаз с Луанны. — Она намного красивей, чем другая.

— ДРУГАЯ... А! Ты имеешь в виду Тананду.

— Нет, я имею в виду...

— КЛАДИ! — в отчаянии перебил я. — Почему бы тебе не подождать меня в столовой? Я буду сию минуту после того, как закончу разговор с...

— Скиви, так мы идем за покупками? — проскользнула в прихожую Банни. — Мне нужно... кто это?!

— Я? Я — никто, — мрачно ответила Луанна. — Вплоть до этой минуты я и не понимала, какое огромное я никто!

— Ну, должность уже занята, если ты здесь именно ради этого, — ухмыльнулась Банни.

— Минутку! Это совсем иная должность! В самом деле! Луанна, я могу... Луанна??

Где-то во время моей истерии большая любовь моей жизни собрала свои чемоданы и ушла. Я разговаривал с пустым местом.

— Ну и ну, Скиви. Для чего ты с ней разговаривал, когда у тебя ссть я? Разве я не...

— Папочка. Можно мне...

— ЗАТКНИТЕСЬ! ВЫ ОБЕ! Дайте мне подумать!

Как я ни старался, на ум все время приходила только одна мысль — возможно, Ааз был прав. Возможно, дети куда большее бедствие, чем я думал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Приходите всей семьей... но оставьте
детей дома!

Р.Макдональд

— В самом деле, Оторва. По-твоему, это такая уж удачная мысль?

— Маша, пожалуйста! Я пытаюсь обдумать положение. А там, в Центральном Управлении Хаоса, я не мог бы привести в порядок свои мысли при ворчащем на меня Аазе и не смогу сделать этого теперь, если начнешь до-нимать меня и ты. А теперь, ты собираешься помочь или нет?

Моя ученица пожала массивными плечами.

— Ладно. Чего ты от меня хочешь?

— Просто не спускай глаз с этой парочки и смотри, чтоб они не попали в какую беду, пока я думаю.

— Оберегать их от беды? На Базаре Девы? Разве Гвидо и Нунцио не положено...

— Маша!

— Ладно. Ладно. Но хочу отметить, что я берусь за это задание против воли.

УВЕРЕН, я не возражал так часто Аазу, когда был у него в учениках. Однако, каждый раз, когда я говорю об этом вслух, мой партнер раздражается таким взрывом хохота, что теперь я склонен держать эту мысль при себе, даже когда его нет рядом.

Немного посопротивлявшись, я согласился взять Банни и Клади на прогулку по Базару. Как я и сказал Маше, сделал я это скорее с целью оторваться хоть ненадолго от Ааза, чем уступая нытью Банни, хотя игнорировать ее голос было нелегко.

В качестве признания неоднократных предупреждений Ааза я заручился помощью ученицы, дабы иметь поддержку в том случае, если что-либо стрясется. Гвидо и Нунцио, конечно же, отправились вместе с нами, но их больше заботило все надвигающееся на меня, чем все, что любой из нашей группы мог учинить с ближайшим окружением.

В общем и целом мы являли собой ту еще процессию. Двое телохранителей от Синдиката, женщина-гора, замаскированная под витрину ювелирного магазина, шмара, ребенок и я! Для разнообразия "ребенком" группы был не я. Видимо, не вредно, когда с тобой путешествует настоящий неподдельный ребенок. Это автоматически заставляет тебя выглядеть старше и как-то ответственной.

Мы уже немало прожили на Базаре, и купцы в близлежащем районе, в общем-то, вполне привыкли к нам. То есть они знали, что если я буду в чем-то заинтересован, то приду к ним. А если нет, то никакие обхаживания и улещезания не искусят меня на покупку. Вам это может показаться немного странным после всех моих пылких рассказов о продающихся на Базаре чудесах, но я вписался в такую систему совершенно естественно. Видите ли, если лишь изредка наведываешься на Базар, то он выглядит очень даже впечатляюще, и возникает неудержимое стремление покупать просто ради того, чтобы оградить себя от полного разорения на каких-нибудь действительно отличных сделках. С другой стороны, если ты живешь там, то нет никакого настоящего стремления покупать что-нибудь прямо сейчас. Я хочу сказать, если мне понадобится растение, способное вырасти за минуту на десять футов, я куплю его... когда оно мне понадобится. А до тех пор растение останется в своей лавке за три двери от нашей палатки, а мои деньги останутся в моем кармане.

Именно так и обстояли дела в нормальных условиях. Конечно, условия у меня сегодня были какими угодно, только не нормальными. Я, конечно, все время об этом знал, но по-настоящему, в общем-то, не задумывался обо всем, вытекающем из моего нынешнего положения дел.

Ладно, допустим, я проявил глупость. Вспомните, я отправился на эту прогулку с целью попытаться найти шанс подумать. Помните?

Может быть, я и не сообразил, какой выглядела наша группа, но деволы заметили разницу, едва мы успели пройти полквартала.

Внезапно все деволы, которые не сумели всучить мне

какой-нибудь побрякушки за последние два года, решили сделать еще одну попытку.

— Любовные напитки! Результат гарантируется!

— Змеегалстуки! Ядовитые и нет!

— Особая скидка для Великого Скива!

— Особая скидка для всех ДРУЗЕЙ Великого Скива!

— Попробуйте наших...

— Купите мой...

— Отведайте эти...

Большая часть этих выкриков предназначалась не мне, а Банни и Клади. Деволы вились вокруг них, словно... ну, словно деволы, учуявшие легкую прибыль. Не то чтобы Гвидо и Нунцио не выполняли своей задачи. Если бы они не расчищали нам дорогу, мы вообще не смогли бы двигаться. А так наше передвижение просто замедлилось до черепашьей скорости.

— Все еще считаешь это хорошей идеей, Девятый Вал?

— Маша! Если ты...

— Я просто спросила, хотя если ты способен думать при таком гапе, то умеешь сосредоточиться лучше, чем я.

Она была права, но я не собирался этого признавать. Я лишь продолжал смотреть вперед, когда мы шли, следя за окружающей деятельностью уголками глаз и не поворачивая головы.

— Скиви! Можно мне...

— Нет.

— Посмотри-ка на...

— Нет!

— Нельзя ли нам...

— Нет!!

Банни становилась настоящей занозой. Она, кажется, хотела приобрести все, что попадалось на глаза. К счастью, я разработал идеальную защиту. Мне требовалось всего-навсего говорить на все "нет!".

— Зачем мы пошли за покупками, если не собираемся ничего покупать?

— Ну...

Вот и все с идеальной защитой. Чтобы не оказаться загнанным в угол, я тут же переключился на "План Б", заключавшийся просто в сведении наших покупок к минимуму. В этом я тоже, кажется, не слишком преуспел,

но утешился, пытаясь вообразить, какой горой барахла завалили бы нас, если бы я не жал на тормоза.

Достаточно удивительно, несмотря на все страшные предсказания Ааза, Клады причиняла совсем немного хлопот. Я нашел ее замечательно благовоспитанной и послушной, и она никогда не просила меня что-нибудь купить. Вместо этого она довольствовалась указыванием Банни на те немногие ларьки, которые проглядела эта особа.

Таких было мало.

Единственным спасением для меня служило то, что Банни, кажется, не интересовалась обычной коллекцией сногшибательных и поразительных вещей, какие находят неотразимыми большинство гостей Базара. Она проявляла замечательную верность своей главной страсти — нарядам. Шляпкам, платьям, туфелькам и прочим аксессуарам пришлось подвергнуться ее строгому досмотру.

Должен признать, что Банни покупала отнюдь не что попало. Она обладала острым глазом на ткань и пошив, и куда лучшим чувством цвета, чем все, кого я когда-либо знал. Ааз всегда говорил, что бесы умеют броско одеться, и я втайне пытался подобрать свой гардероб по их образцу. Однако, единственный поход за покупками с Банни был сам по себе целым образованием. Когда дело доходит до вкуса в одежде, бесам далеко до шар.

Чем больше я наблюдал, как Банни гоняется за доступными на Базаре модами, тем сильнее стеснялся собственной внешности. В конечном итоге я обнаружил, что сам высматриваю себе несколько предметов, а отсюда был один короткий шаг до покупки.

В самом скором времени нам пришлось тащить за собой небольшую гору свертков. Банни натянула на себя пару покупок, менявших цвет вместе с ее настроением, и носила теперь интригующую блузку с прозрачным участком, мигрировавшим наобум по ее торсу. Если последнее покажется вам отвлекающим, то так оно и было. Мой личный взнос был небольшим, но достаточным, чтобы увеличить общий объем товара, который нам приходилось тащить за собой.

Гвидо и Нунцио были освобождены от обязанности носить свертки, а Маша наотрез отказалась на том основании, что крупной женщине достаточно трудно пытаться лавировать по Базару и в то же время жонглировать свертками. Учитывая политику Базара "Раз поломал, значит, купил", я едва ли мог спорить с ее осторожной позицией.

Окончательное решение нашей проблемы с багажом было, на самом-то деле, совершенно простым. Я немного поразмял свои магические способности и залевитировал всю кучу-малу. Обычно я не люблю щеголять своими способностями на публике, но счел данный случай необходимым исключением из правила. Конечно, тащить плывущие следом за нами покупки было все равно, что влечь на буксире маяк; они притягивали деволов из ларьков целыми стаями.

К своему удивлению я начал наслаждаться таким положением. Скромность и анонимность — дело хорошее, но иногда приятно, когда вокруг тебя суетятся. Банни повисла у меня на руке и плече, словно бескостная соколица, благодарно воркуя легкие комплименты... хотя моя готовность финансировать ее покупки, кажется, производила на нее не меньшее, а то и большее впечатление, чем моя небольшая демонстрация магии.

— Не могу сказать, что я высокого мнения о ее вкусе по части одежды, — шепнула мне Маша, когда мы снова остановились, из-за того, что Банни нырнула в ближайшую палатку.

Я, мягко говоря, не горел желанием втягиваться в обсуждение сравнительных вкусов по части одежды Банни и моей ученицы.

— Разные тела выглядят лучше в разных стилях, — как можно тактичнее отозвался я.

— Да? И какой же стиль выглядит лучше всего на МОЕМ теле?

— Если говорить совершенно откровенно, Маша, то я не могу представить тебя в чем-нибудь ином, чем ты есть.

— В самом деле? Спасибо, Скив. Девушке всегда приятно услышать несколько комплиментов о ее внешности.

Я едва обошел эту мину-сюрприз и лихорадочно оглядывался в поисках новой темы, пока ей не пришло в голову другое истолкование моего заявления.

— Э-э-э... а правда, Клади отлично себя ведет?

— Я сказала бы именно так. Признаться, я немного встревожилась, когда ты впервые привел ее, но она вела себя как ангел. Думаю, я никогда не видела такого терпеливого и послушного ребенка.

— И к тому же нетребовательного, — добавил я. — Я думал приобрести ей что-нибудь, раз уж мы отправились

за покупками, но мне трудно было подобрать что-то подходящее. Базар не силен в смысле магазинов игрушек.

— Шутишь? Да он один сплошной магазин игрушек!

— Маша...

— Ладно, ладно. Допустим, по большей части это игрушки для взрослых. Дай мне подумать. Сколько ей, собственно, лет?

— Тут я, в общем-то, не уверен. Она сказала, что училась в третьем классе начальной школы... хотя, она называет ее Школой Начал... значит, ей выходит лет так...

Я сообразил, что Маша уставилась на меня широко открытыми от ужаса глазами.

— Школой Начал?!

— Она назвала ее именно так. Мило, а? Слушай, что за...

Моя ученица перебила меня, схватив за руку и сжав ее с такой силой, что стало больно.

— Скив! Нам надо увести ее обратно домой... БЫСТРО!!!

— Но я не понимаю...

— Позже объясню! Просто возьми ее и уходи! Я пригоню Банни домой, но ты должен двигаться немедленно!

Мягко говоря, я находил ее манеру поведения озадачивающей. Я никогда не видел Машу такой расстроенной. Но сейчас было явно не время для вопросов и поэтому я огляделся в поисках Клади.

Она стояла, сжав кулачки и прожигая взглядом палатку с закрытым пологом.

Ни с того ни с сего все становились какими-то нервными. Сперва Маша, а теперь и Клади.

— Что это с малышкой? — обратился я к Гвидо, слегка постучав его по плечу.

— Банни зашла примерить несколько прозрачных negligee, а Клади хозяин выгнал, — объяснил телохранитель. — Ей это не слишком понравилось, но ничего, переживет. Полагаю, это неизбежная часть детства. — Ясно. Ну, я все равно собирался взять ее обратно домой. Нельзя ли одному из вас остаться с...

— СКИВ! ОСТАНОВИ ЕЕ!!

Маша кричала это мне. Я поворачивался к ней посмотреть, о чем она толкует, когда это случилось, и поэтому не разглядел всех подробностей.

Раздалось внезапное "УФ", а за ним звуки рвущейся парусины, ломающегося дерева и разнообразные вопли и проклятья.

Я резко оглянулся и у меня пораженно отвисла челюсть.

От палатки, куда зашла Банни, остались жалкие клочья. Весь товар плыл над Базаром, так же как и то, что уцелело от палатки. Банни пыталась прикрыться ладонями и визжала во всю силу легких. Хозяин, особенно елейный на вид девол, тоже визжал во всю силу легких, но выплескивал свои эмоции в направлении к нам, а не к миру вообще.

Я сказал бы, что это не было бы большой дилеммой, если бы не одно обстоятельство. Выставки товаров по обе стороны от палатки и на два ряда позади нее находились в схожем состоянии. Вот ЭТО крупная дилемма, в сравнении с которой уничтожение единственной палатки просто бледнело.

В голове у меня мигом возник голос, заглушая гвалт разъяренных купцов.

— Раз поломал, значит, купил! — провозгласил голос, и говорил он с девольским акцентом.

— Что случилось? — ахнул я, хотя не уверен, кого спрашивал — себя или богов.

Ответила Маша.

— Клади, вот что! — мрачно бросила она. — Она вышла из себя и вызвала духа воздушного начала... знаешь, как учат делать в Школе НАЧАЛ? Похоже, когда эта малышка срывает злость, она делает это с помощью магии!

Мой рассудок мгновенно ухватил значение ее слов и столь же быстро перепрыгнул на следующее плато. Ааз! Я не знал наверняка, что будет хуже: сообщить Аазу эту новость, или сказать ему, во что нам обошлось узнать о ней!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Есть время ураться, и время
скрываться.

В.Кассиги

Я слышал, что когда некоторые люди бывают в подавленном настроении, то идут в свой местный бар и рассказывают о своих бедах сочувствующему бармену. Беда с Базаром Девы (ранее никогда мною не замечаемая) заключается в том, что на нем не водится никаких сочувствующих барменов!

Вследствие этого мне пришлось удовольствоваться наилучшим после такого бара и спрятаться в трактире "Желтый Полумесяц".

Ну, заведение с подачей несложных блюд может показаться вам плохой заменой бара. Это так. Однако это конкретное заведение с подачей несложных блюд принадлежало моему единственному другу на Базаре, проживающему не вместе со мной. Это последнее обстоятельство было в тот момент особенно важным, поскольку я сомневался в своей способности добиться большого сочувствия в собственном доме.

Гэс — горгуль, но несмотря на свою свирепую внешность, он, одно из самых дружелюбных существ, какое я когда-либо встречал. Он помогал мне с Аазом в выполнении некоторых наших более чем сомнительных заданий и поэтому меньше склонен спрашивать "Как ты в это впутался?", чем большинство. Обычно его больше интересовало "Как ты из этого выпутался?"

— Как ты в это впутался? — покачал он головой.

Ну, никто не идеален... особенно, друзья.

— Я же ГОВОРИЛ тебе, Гэс. Одна паршивая игра в

карты, где я ожидал проигрыша. Знай я, к каким последствиям это приведет, так, честное слово, пасовал бы при каждой партии!

— Видишь, вот тут-то и скрыта твоя проблема, — сверкнул более зубастой, чем обычно, улыбкой горгул. — Вместо того, чтобы сесть за карточный стол и проиграть, ты бы оказался в лучшем положении, если бы вовсе не сажился!

Я поблагодарил его за здравый совет, закатив глаза к потолку.

— Так или иначе, все это представляет лишь гипотетический интерес. Сделанного не воротишь. Вопрос в том, “что мне делать теперь?”.

— Не так быстро. Давай задержимся на минутку на карточной игре. Зачем ты сел за карточный стол, если ожидал проигрыша?

— Слушай. Нельзя ли нам бросить карточную игру? Я был неправ. Идет? Ты это хочешь услышать?

— Не-е-е-т, — медленно протянул Гэс. — Я все еще хочу услышать, почему ты вообще зашел в клуб. Подыграй мне.

Я на миг уставился на него, но он, казалось, говорил совершенно серьезно.

Я пожал плечами.

— Живоглот послал мне приглашение. Честно говоря, получить его было очень лестно. Я просто подумал, что будет любезным...

— Стоп! — прервал меня горгул, подняв руку. — Вот твоя проблема.

— Какая?

— Пытаешься быть любезным. Какое это имеет значение? Разве твой теперешний круг друзей недостаточно хорош для тебя?

Это заставило меня чуть занервничать. У меня хватало проблем и без вывихнувшегося носа Гэса.

— Не в том дело, Гэс. Действительно. Вся эта команда — включая и тебя — для меня ближе и роднее, чем когда-либо была семья. Просто... не знаю...

— ...ты хочешь, чтобы тебя любили. Верно?

— Да. Полагаю, так оно и есть.

— И в этом-то и заключается твоя проблема!

Это сбilo меня с толку.

— Как-то не улавливаю; — признался я.

Горгул вздохнул, а потом нырнул под стойку.

— Выпей еще один молочный коктейль, — предложил он, толкая его ко мне. — Это может занять какое-то время, но я попробую объяснить.

В том, что я теперь с удовольствием пью молочные коктейли с клубничным вареньем, мне хочется видеть признак своей растущей воспитанности. Впервые посетив Базар, я сходу отверг их, потому что они походили с виду на розовую болотную грязь. Теперь же я умеренно пристрастился к ним, хотя все еще не стал бы здесь есть. Впрочем, опять же, возможно, это признак чего-то совершенно иного, если я считал вкус к молочным коктейлям с клубничным вареньем признаком воспитанности!

— Слушай, Скив, — начал Гэс, пригубив собственный коктейль, — ты милый парень... один из самых милых, каких я когда-либо знал. Ты из кожи вон лезешь, стараюсь "поступать правильно"... быть милым с людьми. Ключевая фраза тут "из кожи вон лезешь". Ты и так-то занимаешься ремеслом, "обреченным на бедствия". Никто не нанимает мага оттого, что дела идут хорошо. А потом ты добавляешь к этому избранный тобой образ жизни. Из-за своего желания быть любимым всеми, ты ввязываешься в такие ситуации, к каким и близко не подошел бы ради собственного удовольствия. Самый свежий пример — игра в карты. Если бы ты гнался за личной выгодой, то есть богатством, то и близко не подошел бы к карточному столу, так как незнаком с этой игрой. Но ты хотел проявить дружелюбие и поэтому пошел, ожидая проигрыша. Это ненормально, и дало в результате ненормальный исход, а именно, Клады. Вот почему ты попал в беду.

Я слегка пожевал губу, обдумывая сказанное им.

— Значит, если я не хочу попадать в беду, мне надо перестать быть милым парнем? Не уверен, что смогу это сделать, Гэс.

— И я не уверен, — бодро согласился горгул. — И что еще важнее, если бы ты смог, думаю, и я, и любой другой из твоих друзей перестали бы тебя любить. Думаю, даже ты сам не любил бы себя.

— Тогда почему же ты рекомендуешь мне измениться?

— Вовсе нет! Я просто указываю, что ты постоянно попадаешь в беду из-за того, каков ты есть, а не из-за каких-то внешних обстоятельств. Короче, раз ты не соби-

раешься меняться, привыкай быть в беде. Это надолго сделается твоим постоянным состоянием.

Я обнаружил, что снова массирую лоб.

— Спасибо, Гэс, — поблагодарил я. — Я знал, что могу рассчитывать на тебя! Что ты меня обязательно подбодришь!

— Зря жалуешься. Теперь ты сможешь сосредоточиться на разрешении своей текущей проблемы вместо того, чтобы зря терять время, гадая, почему она вообще существует.

— Забавно. А я-то думал, будто занят именно этим. Некто ДРУГОЙ хотел поговорить о том, чем вызваны мои затруднения. Мой сарказм ни чуточки не обескуражил горгула.

— Правильно, — кивнул он. — Это приводит нас к твоей текущей проблеме.

— Да что ты говоришь. И что же мне, по-твоему, следует сделать, Гэс?

— Понятия не имею. Я бы сказал, что у тебя на руках настоящая дилемма.

Я закрыл глаза, так как у меня снова заломило в висках.

— Просто не знаю, что бы я без тебя делал, Гэс.

— Эй. Не стоит благодарности. Для чего же еще существуют друзья? Хоп! Сюда идет Тананда!

Помимо того, что трактир "Желтый Полумесец" не бар, скрываться в нем невыгодно еще и потому, что он расположен прямо через улицу от моего дома. А это не очень-то хорошо для того, кто пытается избегать встреч со своими домашними.

К счастью, с этой-то ситуацией я мог справиться относительно легко.

— Не говори ей, что я здесь, Гэс, — распорядился я.

— Но...

Не дослушав до конца его протест, я схватил свой коктейль, шмыгнул на стул за ближайшим столиком и взялся за работу с быстрым чарами личины. К тому времени, когда Тананда миновала дверь, она могла увидеть в заведении помимо Гэса только потягивающего молочный коктейль толстогубого девола.

— Привет, Гэс! — пропела она. — Ты не видал, где Скив?

— Он... э-э-э... заходил раньше.

Горгул старательно избегал лжи.

— А, ладно. Полагаю, тогда мне просто придется уехать, не попрощавшись с ним. Жалко. Когда я видела его в последний раз, мы расстались не в особенно хороших отношениях.

— Ты уезжаешь?

Гэс сказал это прежде, чем те же слова сорвались с моих собственных уст, спася меня от разоблачения моей личности.

— Да. Я решила, что мне самое время переехать.

— Я... гм... слышал кой-какие странные рассказы о своих соседях, но никогда не знал наверняка, скольким из них верить, — задумчиво проговорил горгул. — Полагаю, этот внезапный отъезд никак не связан со всученной Скиву новой шмарой, не так ли?

— С Банни? Нет. Признаться, я была немного не в духе, когда впервые услышала об этом, но Корреш мне все объяснил.

— Тогда в чем же проблема?

Гэс исключительно успешно подавал мои реплики вместо меня. Покуда он продолжал в том же духе, я мог получить ответы на все свои вопросы, не раскрываясь.

Как только я услышал, что задумала Тананда, мне пришло в голову поговорить с ней напрямую, но затем я сообразил, что тут выпал редкий случай услышать ее мысли, когда она думает, будто меня рядом нет.

— Ну, это из-за кое-чего, сказанного Клади...

Снова Клади. Я определенно должен извиниться перед Аазом.

— ...она что-то брякнула насчет того, что ее папочка, то есть Скив, позволяет мне жить там, и это навело меня на размышления. Эту последнюю пару лет дела шли неплохо... почти чересчур неплохо. Поскольку нам не требовалось беспокоиться о накладных расходах, мы с Коррешем не очень-то много работали. И что еще важнее, мы не работали, подыскивая работу. Чересчур легко просто ошиваться дома и ждать, когда нам что-нибудь перепадет.

— При таких делах растолстеешь и разленишься, да? — усмехнулся Гэс.

— Что-то вроде того. Ну так вот, ты меня знаешь, Гэс. Я всегда была вольной птицей и любила свободу. Готовой по малейшему поводу отправиться, куда ни поведет меня работа или прихоть. Если бы кто-то предположил, будто я угомонюсь и где-то обоснуюсь, я бы живо вышибла из

него эту дурь. А теперь вдруг у меня совершенно неожиданно появляются постоянный адрес и семья... я имею в виду, семья помимо Корреша. Пока Скив не появился вместе с Клади, я и не понимала, как я одомашнилась. Еще и ребенок. Когда я впервые увидела ее, то первое, о чем подумала, что, мол, будет очень неплохо иметь в доме ребенка. А теперь я тебя спрашиваю, Гэс, это похоже на меня?

— Нет, не похоже.

Голос горгуля звучал так тихо, что я едва узнал его.

— Вот тогда-то я и увидела зловещие предзнаменования. Если я не начну снова разъезжать, то пушу корни... навсегда. Знаешь, самое худшее в том, что мне на самом-то деле не хочется уезжать. Вот это-то и пугает больше всего.

— Думаю, ни Ааз, ни Скив тоже не захотят, чтобы ты уезжала.

— Слушай, Гэс, не травми мне душу. Мне и так достаточно тяжело от этого. Как я уже сказала, они для меня семья, но они удушают меня. Я должна убраться, хотя бы ненадолго, иначе потеряю какую-то часть себя... навски.

— Ну, если ты решилась... желаю удачи.

— Спасибо, Гэс. Я буду время от времени связываться с вами. Не спускай глаз с мальчиков на случай, если они заглотят больше бед, чем смогут переварить.

— Думаю, тебе незачем беспокоиться о Корреше. Он очень здравомыслящий.

— Я беспокоюсь не о Корреше.

Я думал, это будет ее последним залпом, но уже коснувшись одной рукой двери, она остановилась.

— Знаешь, вероятно, оно и к лучшему, что я не смогла найти Скива. Не уверена, что смогла бы выдержать характер при встрече лицом к лицу... Но, впрочем, опять же, может, потому-то я его и искала.

Я чувствовал на себе взгляд Гэса, когда она выскользнула за дверь.

— Полагаю, нет смысла спрашивать, почему вы не сказали чего-нибудь, ГОСПОДИН Скив.

Хотя я раньше и беспокоился, как бы Гэс не рассердился на меня, это почему-то больше не имело значения.

— Сперва я сделал это из любопытства, — сказал я, давая спасть личине, — а потом не хотел ее смущать.

— А под конец? Когда она прямо сказала, что ты мог

бы отговорить ее от ухода? Почему ты тогда не заговорил? Ты ХОЧЕШЬ, чтобы она исчезла?

Я не мог вызвать в себе даже искорки гнева.

— Ты же знаешь, что это не так, Гэс, — спокойно ответил я. — Тебе больно, и ты хлещешь первого попавшегося под руку, а первым случилось оказаться мне. Я не попытался заставить ее остаться по той же причине, по которой и ты не приложил больше стараний. Она считает, что мы удушаем ее, и если она хочет удалиться, с нашей стороны будет крайне мелочным пытаться удержать ее ради самих себя, не так ли?

Возникло продолжительное молчание, что меня вполне устраивало. Я больше не испытывал сильного желания поговорить.

И поднявшись, направился к двери.

— Ты смотрел в другую сторону, когда она выходила, — нарушил молчание горгул. — Возможно, тебе не мешает узнать, что в глазах у нее стояли слезы.

— В моих тоже, — ответил я, не оборачиваясь. — Вот потому-то я и смотрел в другую сторону.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что же я сделал не так?

Лур, король

С тяжелым сердцем я отправился обратно домой. Меня больше не беспокоило, что Ааз наорет на меня. Я, можно сказать, даже надеялся на это. Если это случится, я решил для разнообразия не возражать ему. Короче, я чувствовал себя ужасно и был в настроении немного искупить грехи.

Проскользнув за полог палатки, я вскинул ухо и прислушался, где там Ааз. На самом-то деле, меня немного удивляло, что я не услышал его еще с улицы, но был уверен, что его местонахождение в доме смогу вычислить без всякого труда. Как я уже говорил, у моего партнера не возникает никаких сложностей с выражением своих настроений, особенно, гнева.

В доме царила тишина.

По отсутствию грохота и падающей штукатурки я заключил, что Ааз вышел... вероятно, искать меня с налитыми кровью глазами. Я поспорил с собой, не выйти ли поискать его, но решил, что лучше будет просто подождать здесь. В конце концов, он вернется, и поэтому я направился в сад расположиться там поудобней, пока он не появится.

То, что я называю садом, на самом деле наш внутренний двор. Там есть фонтан и великое множество растений, поэтому я склонен думать о нем скорее как об участке открытой местности, чем как о замкнутом пространстве. В последнее время я сживал там все дольше и дольше, особенно когда хотел немного подумать. Он напоминал мне кое-какие более спокойные места, которые я иной раз находил во времена, когда жил в лесу сам по себе... еще до того, как встретил Гаркина, благодаря ему и Ааза.

Это воспоминание навело меня на размышления об одном любопытном моменте: существуют ли другие преуспевающие личности, вроде меня, использующие свое новое благосостояние для воссоздания обстановки или атмосферы своей жизни до успеха? Если да, то это создавало любопытный цикл.

Я был настолько поглощен этой мыслью, когда входил в сад, что чуть не проглядел тот факт, что я не один. Мое тихое прибежище использовал некто другой... а именно Ааз.

Он сидел на одной из каменных скамей, опершись подбородком на ладони, а локтями о колени, глядя невидящим взглядом на протекавшую через фонтан воду.

Мягко говоря, я несколько удивился. Ааз никогда не проявлял склонности к созерцанию, особенно во время кризиса. Он больше склонен к принципу "долбай кого-то или чего-то, пока проблема не сгинет". И все же он находился здесь, не взволнованный, не расхаживающий взад-вперед, просто сидящий, уставясь на воду. Это было достаточно нехарактерно для него, чтобы совершенно подорвать мой дух.

— Э-э-э... Привет, Ааз, — поколебавшись, обратился я.

— Здравствуй, Скив, — ответил он, не оглядываясь.

Я подождал еще несколько мгновений, не скажет ли он чего еще. Он не сказал. Наконец, я сел на скамью рядом с ним и сам уставился на воду.

Так мы посидели какое-то время, оба не говоря ни слова. Журчащая вода начала оказывать на меня успокаивающее гипнотическое воздействие, и я обнаружил, что мои мысли перестают скакать и разбредаться.

— Денек выдался еще тот, не правда ли, партнер?

Мой рассудок рефлекторно отпрянул, приняв полную защитную стойку, прежде чем до меня дошло, что Ааз по-прежнему говорит спокойно.

— Д... да.

Я подождал, но он, казалось, снова ушел в свои мысли. Нервы у меня не выдержали, и я решил взять инициативу на себя.

— Слушай, Ааз. Насчет Клади...

— Да?

— Я знал про Школу Начал. Она сказала мне об этом

по пути от Живоглота. Я просто недостаточно знал, чтобы понять, как это важно.

— Знаю, — вздохнул Ааз, не глядя на меня. — Я не потрудились обучить тебя магии начал... точно так же, как не обучил тебя драконьему покеру.

Никакого взрыва! Я начал немного тревожиться за своего партнера.

— Разве ты не расстроен?

— Конечно, расстроен, — вознаградил он меня мимолетным блеском оскаленных зубов, едва признаваемым за улыбку. — Думаешь, я всегда такой веселый?

— Я хочу сказать, разве ты не взбешен?

— О, "взбешен" для меня уже пройденный этап. Я уже давно на пути к "задумавшемуся".

Я пришел к поразительному выводу, что мне больше нравится, когда Ааз кричит и не поддается вразумлению. С ЭТИМ я знал, как справиться. А вот такое его настроение было совершенно неизвестным мне.

— О чем ты думаешь?

— Об отцовстве.

— Об отцовстве?

— Да. Знаешь, этаким состоянии полной ответственности за другое существо? Ну, по крайней мере, такова теория.

Я был совсем не уверен, что понимаю, куда он гнет.

— Ааз? Ты пытаешься сказать, что чувствуешь себя ответственным за случившееся с Клади из-за того, что ты не обучил меня больше магии и покеру?

— Да. Нет. Не знаю.

— Но это же глупо!

— Знаю, — ответил он с первой настоящей усмешкой с тех пор, как я вошел в сад. — Именно это-то и заставило меня задуматься об отцовстве.

Я бросил всякую надежду понять его логику.

— Тебе придется объяснить мне это, Ааз. Я сегодня малость тугο соображаю.

Он чуть выпрямился, обняв меня одной рукой за плечи.

— Постараюсь, но это будет нелегко, — сказал он почти разговорным тоном. — Видишь ли, несмотря на все, что я говорил, когда проповедовал тебе о том, какой большой проблемой будет Клади, прошло уже очень много времени, с тех пор, как я был родителем. Я сидел здесь, пытаюсь вспомнить, на что это было похоже. Внезапно, сильно

удивило меня понимание, что я на самом деле никогда не переставал им быть. Никто не перестает.

Я заерзал, почувствовав себя неудобно.

— Выслушай меня. На сей раз я пытаюсь поделиться с тобой некоторыми тяжело усвоенными уроками без крика. Забудь о теориях отцовства! На самом деле, тут все сводится к ощущению гордости тем, что ты никогда не сможешь уверенно считать своей заслугой, и принятию на себя ответственности и вины за то, чего ты либо не знал, либо никак не мог контролировать. На самом деле, тут все обстоит намного сложнее, но голый скелет всего этого таков.

— Послушать тебя, так это кажется не особенно привлекательным, — заметил я.

— Во многих отношениях это так и есть. Твой ребенок ожидает от тебя, что ты будешь знать все... сможешь ответить на любой заданный им вопрос и, еще важнее, дашь логическое объяснение тому, что является по существу нелогичным миром. С другой стороны, общество ожидает от тебя, что ты научишь своего ребенка всему необходимому для того, чтобы стать преуспевающим, ответственным членом общины... даже если ты сам им не являешься. Беда в том, что ты для ребенка не единственный источник ввода данных. Друзья, школа и другие взрослые дружно предлагают иные мнения, со многими из которых ты не согласен. Это означает, что если твой ребенок добивается успеха, ты по-настоящему не знаешь, добился ли он его благодаря или вопреки твоему влиянию. С другой стороны, если ребенок собьется с пути, ты всегда гадаешь, не мог ли бы ты сказать или сделать или сделать иначе что-то еще, способное спасти положение, прежде чем оно стало совсем швах.

Его рука слегка сжала мне плечо, но я думаю, он сделал это неосознанно.

— Так вот, я был не особенно хорошим родителем... что, хотел бы думать, относит меня к большинству. Я не слишком занимался своими детьми. Бизнес всегда служил хорошим оправданием, но правда в том, что я рад был по возможности предоставить их воспитание кому-нибудь другому. Теперь я понимаю — это происходило потому, что я боялся, что если попробую заняться этим сам, то совершу по неведению или из-за неуверенности какую-то ужасную ошибку. В конечном итоге из некоторых детей вышел толк, а из некоторых... скажем, не совсем. А я остался с саднящим

ощущением, что мог бы поступить лучше. Что мог бы добиться большего.

Он отпустил мое плечо и встал.

— Что и приводит нас к тебе.

Я не был уверен, как себя чувствовать — неуютно, оттого что он сосредоточился на мне, или радостно, оттого что он снова принялся расхаживать.

— Я никогда сознательно не думал о тебе, как о сыне, но задним числом понимаю, что многое в том, как я обращался с тобой, вызвано застарелым чувством вины со времен отцовства. В тебе я обрел еще один шанс вылепить кого-то... дать все советы, которые, как я считал, мне следовало бы дать собственным детям. Если временами казалось, будто я излишне остро реагирую, когда дела идут неважно, то это потому, что в глубине души я вижу в этом свой личный крах. Я хочу сказать, ведь это же мой второй шанс. Время показать, многому ли научили меня предыдущие неудачи, и знаешь что получается? Я теперь уделяю все свое внимание и прилагаю все силы, а дела ВСЕ РАВНО идут вкривь и вкось!

Это ничуть не улучшило мне настроения. Помимо всего прочего, у меня теперь возникло отчетливое ощущение, что я как-то подвел Ааза.

— По-моему, тебе нельзя сказать, будто это твоя вина, Ааз. Я имею в виду, что ты старался изо всех сил и был терпеливее всех, кого я когда-либо знал. Никто не может обучить другого всему, даже если помнит, чему следует учить. У меня есть определенная точка насыщения. После этого мне не усвоить ничего нового, пока не переварю уже полученные знания. И даже тогда — буду честен и скажу прямо — в некоторые вещи я ни за что не поверю, как бы часто ты мне ни втолковывал. Мне придется просто выяснить самому. Ремесленник не может винить себя в неумении, если у него дефектный материал.

— Именно так я и думал, — кивнул Ааз. — Мне нельзя постоянно винить во всем себя. С твоей стороны очень проницательно вычислить это в твоём возрасте... не пережив того, что пережил я.

— Не так уж трудно вычислить, что я туп, — с горечью сказал я. — Я все время это знал.

Внезапно я почувствовал себя поднятым в воздух. Я посмотрел мимо кулака Ааза, стиснувшего мне ворот рубашки, вдоль его руки и дальше в желтые глаза.

— Неверный урок! — зарычал он, очень походя на прежнего себя. — Тебе полагалось усвоить отнюдь не то, что ты туп. Ты не туп, и если бы слушал сказанное мной, то услышал бы, как я только что поздравил тебя с этим.

— Что же тогда... — сумел выдать я из себя вместе с немногим оставшимся воздухом.

— Суть в том, что случившееся в прошлом не МОЯ вина, точно так же, как в происходящем теперь виноват не ты!

— Аааа... ыг... — не замедлил опровергнуть я.

— О! Извини.

Мои ноги ударились оземь, и воздух хлынул обратно мне в легкие.

— Все, что может сделать родитель, любой родитель, это приложить максимум усилий, хорошо это или плохо, — продолжил Ааз, словно без всякой перебивки. — Реальный итог зависит от многих переменных, никто не может брать на себя одного ответственность, вину или хвалу за все, что ни произойдет. Мне важно помнить об этом, имея дело с тобой... а тебе помнить, имея дело с Клади. Это не твоя вина!

— Разве?

— Совершенно верно. В нас обоих есть сильная жилка отцовства, хотя не знаю, откуда она взялась у тебя, но все, что мы можем сделать, это приложить максимум усилий. Нам требуется помнить, что не надо пытаться взваливать на себя вину за действия других людей... вроде Тананды.

Это снова отрезвило меня.

— Ты об этом знаешь, да?

— Да. Она попросила меня попроситься с тобой за нее, если не увидит тебя, но полагаю, ты уже знаешь.

Я просто кивнул, не в состоянии говорить.

— Я уже тревожился, как-то ты прореагируешь на проблемы с Клади, а когда Тананда решила уехать, я понял — ты воспримешь это тяжело. И попытался найти способ показать тебе, что ты не одинок. Справедливы твои чувства или нет, отнюдь не новы. — Спасибо, Ааз.

— Это хоть как-то помогло?

Я с миг подумал.

— Немножко.

Мой партнер снова вздохнул.

— Ну, — проговорил он. — Я пытался. Это самое главное... как мне думается.

— Здорово, ребята. Как живем-можем?

Я поднял взгляд и обнаружил шагающего к нам весело сияющего Корреша.

—О. Привет, Корреш.

— Я думал, вам захочется узнать, — объявил тролль, — что я вычислил способ спихнуть счет за учиненные сегодня Клади повреждения Синдикату по статье деловых расходов!

— Отлично придумано, Корреш, — тускло обронил Ааз.

— Да. Восхитительно.

— Эй, — поглядел он на нас, чуть склонив голову на бок. — Всякий раз, когда двое самых крупных рвачей на Базаре не возбуждаются из-за денег, должно быть, что-то стряслось. Давайте-ка выкладывайте. Что вас беспокоит?

— Хочешь сказать ему сам, Ааз?

— Ну...

— Слушайте, это ведь не из-за того, что сестричка покидает гнездо, верно? Вот смех-то.

— Ты знаешь? — моргнул я.

— Я вижу, ты до крайности расстроен этим, — сказал опасным тоном Ааз.

— Ерунда на постном масле! — воскликнул тролль. — Не понимаю, из-за чего тут расстраиваться. Тананда просто приводит в порядок свои мысли и чувства, вот и все. Она обнаружила, что ей нравится нечто, идущее вразрез с ее представлением о самой себе. На это может уйти несколько дней, но в конечном счете она разберется, что это еще не конец света. Через это проходят все. Это называется "повзрослением". Если уж на то пошло, так по-моему, чертовски чудесно, что она должна наконец усвоить, что не все остается навек неизменным.

— Ты так думаешь? — Я вдруг начал чувствовать себя лучше.

— Конечно. Да ведь только за то время, что мы тут корешим, изменился Ааз, изменился ты, и я тоже, хотя склонен проявлять это не столь драматично, как вы или сестричка. У вас, ребята, просто тяжелый случай чувства вины. Вздор! Нельзя, знаете ли, винить во всем себя.

— Это хороший совет. — Я встал и потянулся. —

Почему ты никогда не дашь мне такого хорошего совета, партнер?

— Потому что он ясен любому дураку без всяких слов,
— прорычал Ааз, но в глазах у него блеснули искорки.
— Беда в том, что изверг просто не любой дурак.

— Совершенно верно, — ухмыльнулся Корреш. — А теперь как насчет того, чтобы присоединиться ко мне в небольшом винном погребеке "Счастливые Часы", пока я рассказываю вам, как хитроумно сберегаю вам деньги.

— Я предпочел бы, чтобы ты произвел на нас впечатление, разрешив наши проблемы с присмотром за ребенком, — мрачно пробурчал мой партнер, направляясь в гостиную.

Я последовал за ними, чувствуя себя странно счастливым. Положение снова стало нормальным... или настолько нормальным, насколько оно вообще здесь бывало. Вместе, был уверен я, мы сможем найти позитивный курс действий. Я хочу сказать, в конце-то концов, ну сколько хлопот может причинить одна девочка...

Эта мысль съезжилась перед образом уносимых духом воздушного начала палаток.

И я твердо решил на предстоящем военном совете больше слушать, чем говорить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

**Бедь никогда не дадут забыть про это.
Об одной жалюсенькой ошибке!**

Нерон

Отдыхая за выпивкой с Аазом и Коррешем, я чувствовал, как уплывают прочь напряжение и депрессия минувшего дня. Приятно было знать, что когда дело действительно станет туго, у меня есть друзья, способные помочь мне разрешить все проблемы, какими бы те ни были сложными или внешне безнадежными.

— Ну, парни, — сказал я, наливая всем еще по кругу вина. — Есть какие-нибудь идеи насчет того, что нам следует сделать?

— Убей, не знаю, — отозвался, поигрывая кубком, Корреш.

— Я все еще думаю, что это ТВОЯ проблема, — объявил, откидываясь на спинку стула, Ааз и зло усмехнулся. — Я хочу сказать, в конце концов, впутался-то ты в нее без нашей помощи.

Как я сказал, очень хорошо иметь друзей.

— Не могу сказать, что согласен с этим, старина Ааз, — помахал рукой тролль. — Хотя, признаться, искушение есть. К несчастью, реальность положения в том, что куда мы живем и работаем в таком тесном контакте, его проблемы — наши проблемы, разве ты не знаешь?

Как ни ценил я, что логика Корреша пододвигала их ближе к оказанию мне помощи, я счел нужным сказать несколько слов в свою защиту.

— Мне хотелось бы думать, Ааз, что это улица с двухсторонним движением. Я впутывался и в некоторые ТВОИ проблемы тоже.

Он начал было огрызаться, затем поджал губы и вновь переключил внимание на вино.

— Не буду сравнивать, сколь часто кто из нас втравливал нас в сколько неприятностей и просто уступлю по данному пункту. Полагаю, частично в этом, собственно, и состоит партнерство. Извините, если я кажусь время от времени немного резким, но я никогда раньше не был партнером. К этому требуется привыкнуть.

— Слушай! Отлично сказано. Ааз! — зааплодировал Корреш. — Знаешь, ты с каждым днем становишься все цивилизованней.

— Давай пока не будем чересчур увлекаться. Как насчет тебя, Корреш? Вы с сестрой достаточно часто помогали нам выпутываться, но я не припомню, чтоб Вы приносили с собой в дом свои проблемы. Разве тут нет небольшого перекоса?

— Я всегда считал это нашим способом вносить квартплату, — небрежно отмахнулся тролль. — Если бы наши проблемы стали мешать вашей работе, то я счел бы, что мы чересчур загостились.

Это оказалось для меня полнейшим сюрпризом. Я вдруг понял, что был обычно так занят собственной жизнью и проблемами, что так и не собрался поподробней расспросить Корреша и Тананду об их работе.

— Задержись-ка тут на минутку, — попросил я. — У вас есть проблемы, о которых я не знаю?

— Ну, жизнь у нас не сплошь забавы и развлечения, — коротко поморщился тролль. — Речь, однако, идет о ТВОИХ проблемах. Сейчас, на мой взгляд, нет ничего важнее, и поэтому давайте поработаем над самым последним кризисом, хорошо? Я бы предложил нам всем собраться с мыслями и устроить небольшой мозговой штурм. Давайте просто пялиться в потолок и высказывать любые пришедшие в голову идеи.

Я дал себе небольшое обещание вернуться позже к теме проблем Тананды и Корреша, а затем вместе с другими задумчиво уставился в потолок.

Время ползло себе, и никто ничего не высказывал.

— Ну, вот и вся польза от мозгового штурма, — изрек Ааз, снова потянувшись за вином. — Признаться, лично я вытянул пустышку.

— Наверно, делу поможет, если мы начнем с определения проблемы, — предложил упорный Корреш. — Так

вот, как я понимаю, у нас две проблемы: Клади и Банни. Нам будет затруднительно придумать, что делать с Банни, пока не выясним, что в рукаве у дона Брюса, и мы должны найти способ удержать Клади от полного расстройств нашей жизни, пока за ней не явился отец.

— Если он за ней явится, — любезно поправил его мой партнер.

— Признаться, я все еще не пойму, как тебе вообще удалось так здорово сыграть, чтобы получить Клади, — скосил на меня один большущий глаз тролль, не обращая внимания на Ааза.

— Дурацкое везение... с ударением на слове "ДУРАЦКОЕ".

— А я вот слышал иное, — ухмыльнулся Корреш. — Каким бы ни был твой метод, он оказался достаточно успешным, чтобы заставить заговорить о тебе весь Базар.

— Что?! — снова выпрямился на стуле Ааз.

— Ты бы и сам услышал, если бы не проводил все время, запершись у себя, — подмигнул тролль. — Когда я отправился сегодня следом за сестричкой, то, кажется, только и слышал разговоры о новом чемпионе Девы по игре в драконий покер. Все говорили об игре или о слышанном ими про игру. Судя по некоторым описаниям партий, я подозреваю, что они приукрашивают, но есть такие, кто принимает все за истину.

Тут я вспомнил, что после финальной партии другие игроки отзывались о моей игре с большим энтузиазмом. В то время меня тревожило, как бы до Ааза не дошла тайна моего вечернего развлечения (что, как вы помните, произошло прежде, чем я добрался до дома). С тех пор мои мысли и время занимали неприятности с Клади и Банни, и поэтому я не подумал о других потенциальных опасных отзвуках сплетен про игру. Теперь, однако...

Ааз встал со стула и расхаживал взад-вперед.

— Корреш, если сказанное тобой правда... Ты улавливаешь, в чем дело, партнер?

— Чересчур чертовски хорошо, — пробурчал я.

Это заставило моего партнера на миг остановиться и закатить глаза.

— Следи за собой, — предупредил он. — Ты теперь начинаешь говорить, словно Корреш.

— А ты хотел бы, чтобы я говорил вместо этого, как Гвидо, понимаешь, что я имею в виду?

— Не пойму, — перебил тролль. — Я что-то упустил?

— У нас не две проблемы, — провозгласил Ааз. — У нас их ТРИ! Клади, Банни и фабрика слухов.

— Сплетни? Как они могут стать проблемой?

— Подумай хорошенько, Корреш, — предложил я. — Мне сейчас только и не хватает для полного счастья, что оравы лихих игроков в драконий покер, стремящихся поймать меня и посмотреть, так ли я хорош, как все говорят.

— Это только часть дела, партнер, — добавил Ааз. — Это может также повредить нашему бизнесу и образу в глазах общественности.

Я закрыл глаза и вздохнул.

— Разжуй мне, Ааз. Я все еще учусь, помнишь?

— Ну, мы уже знаем, что твоя репутация по части магии быстро растет... почти чересчур быстро. Конкуренты ненавидят тебя из-за того, что ты перехватываешь все лучшие задания. Не велика важность! Профессиональная ревность — цена успеха в любой области. Однако наступает время, когда ты можешь чересчур быстро сделаться чересчур крупной фигурой. Тогда тебе приходится беспокоиться не просто о соперниках. Все хотят спустить тебя на деление-другое, хотя бы только для того, чтобы убедить себя в том, что твой успех — аномалия... что им незачем расстраиваться из-за своего неумения достичь того же.

Он остановился и уперся в меня твердым взглядом.

— Боюсь, что это дело с драконьим покером как раз и может толкнуть тебя во вторую категорию. Здесь, на Базаре, блистают многие, но они известны только в одной области. Живолот, например, признанная фигура среди игроков, но у него нет никакой заслуживающей упоминания репутации мага или купца. Люди могут это принять... Упорно трудись и поднимешься к вершине в своей группе. Ты же, с другой стороны, только что показал себя сильным во второй профессии. Боюсь, что последует ответный удар.

— Ответный удар? — слабо откликнулся я.

— Все так, как я тебе говорил: народ захочет, чтобы ты не слишком возвышался над ним. В лучшем случае они могут начать бойкотировать наш бизнес. А в худшем... Ну, есть всякие способы подорвать чужой успех.

— Ты хочешь сказать, что они станут...

— Хватит! — провозгласил Корреш, громко хлопнув ладонью по столу.

Мне вдруг пришло в голову, что я никогда не видел Корреша взбешенным. А также пришла в голову такая мысль: хорошо, что наша мебель достаточно прочна, чтобы выдержать даже тирады Ааза. Будь иначе, тролль уничтожил бы стол, просто останавливая разговор.

— А теперь послушайте-ка, вы, оба! — приказал он, наводя на нас узловатый палец. — По-моему, текущий кризис лишил вас соображения. Вы излишне остро реагируете... шарахаетесь при виде любой тени! Признаю, у нас есть кой-какие проблемы, но мы видали и похуже. И справлялись с ними. Незачем тут впадать в панику.

— Но...

— Выслушай меня, Ааз. Я достаточно часто слушал твой рев.

Я открыл было рот, собираясь сделать остроумное замечание, а затем решил, что на сей раз лучше не стоит.

— Клади — потенциальная катастрофа, но ключевое слово тут ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ. Она хорошая девочка и сделает все, что мы скажем... ЕСЛИ мы научимся следить, чего, говорим ей. То же самое относится и к Банни. Она умна, как черт, и...

— Банни? — выпалил я, на мгновение забывшись.

— Да, Банни. Давно уж мне здесь ни с кем не доводилось поговорить о литературе и театре. Она на самом-то деле очень интеллигентная, если взять на себя труд побеседовать с ней.

— Мы ведь говорим об одной и той же Банни, не так ли? — усомнился Ааз.

— Та, что видна всем, глупа как пробка, — твердо подтвердил Корреш. — Только вспомните, каким представляюсь всем я, когда разыгрываю из себя Большого Грызя... Но мы отвлеклись. Речь идет о проблемах, и я утверждаю — при небольшой тренировке Банни ею не будет.

Он умолк и прожег нас взглядом.

— Что же касается слуха о способностях Скива в области драконьего покера, то я никогда в жизни не слыхивал, чтобы кто-то так паниковал, как ты, Ааз. Разумеется, у любого слуха есть отрицательные стороны, но надо дойти до больших крайностей, чтобы напредполагать такое, чего ты только что высказал.

— Эй, Босс! — позвал, просунув в дверь голову, Гвидо. — Здесь Живоглот, хочет вас видеть.

— Этим займусь я, — вызвался, направляясь к прием-

ной, Ааз. — А ты останься здесь и послушай, что скажет Корреш. Вероятно, он прав. Я в последнее время стал дерганный... по какой-то неизвестной причине.

— Если я прав, то тебе тоже следовало бы выслушать, — крикнул ему вслед тролль.

— Поговори со мной, Корреш, — сказал я. — Все равно, более близкого к извинению от Ааза, вероятно, никогда не услышишь.

— Совершенно верно. Так о чем я? Ах, да. Даже если Ааз верно оценивает реакцию на твой успех, это не должно произвести чересчур большого воздействия на твою работу. Мелкая сошка может перекинуться к другим магам, но ты все равно пытался сократить маловажные задания. Когда кто-то **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** окажется в беде, он захочет, чтобы над ее устранением трудился наилучший из всех доступных магов, а в данное время это означает тебя.

Я подумал о сказанном, тщательно взвешивая его в уме.

— Даже если Ааз хоть немного прав, — сказал я, — я не в восторге от вызванных на Базаре дурных чувств ко мне. Я не возражаю против восхищения, но от зависти мне не по себе.

— Ну, к этому тебе придется просто привыкнуть, — рассмеялся тролль, слегка хлопнув меня по плечу. — Знаешь ты об этом или нет, но это складывалось уже известное время... задолго до этого дела с драконьим покером. Ты высоко котируешься, Скив, и покуда это так, будут типы, завидующие этому.

— Значит, ты действительно считаешь слухи об игре в драконий покер безвредными?

— Совершенно верно. Ну в самом деле, какой может быть вред от праздных сплетен?

— Знаешь, Корреш, ты не очень часто ошибаешься, но уж когда мажешь, так действительно мажешь.

Мы подняли головы и обнаружили прислонившегося к дверному косяку Ааза.

— Что стряслось, Ааз? У тебя такой вид, словно кто-то только что поднес тебе воду, когда ты ожидал вина.

Партнер даже не улыбнулся моей попытке пошутить.

— Хуже, — ответил он. — Внизу ждал Живоглот.

— Мы знаем. Чего он хотел?

— Я надеялся, он пришел забрать Клади и отвести ее к отцу...

Голос Ааза стих до безмолвия.

— Как я понимаю, он пришел не за этим? — подтолкнул я.

— Да, не за этим. Фактически, эта тема вообще не затрагивалась.

Рука моего партнера почти бессознательно зашарила в поисках его внушительного кубка с вином.

— Он принес приглашение... нет, лучше сказать, вызов. Малыш Сен-Сеновый Заход прослышал о Скиве и хочет провести с ним открытый матч-поединок в драконий покер. Живоглот берется организовать его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ложка сахара помогает проглотить
лекарство!

Л.Борджиа

- Просто дай энергии течь.
- Тебе легко говорить!
- Я заикался?
- Знаешь, Оторва, может, лучше будет, если...
- Перестань болтать и сосредоточься, Маша.
- Сам начал.
- И заканчиваю. Сфокусируйся на свече!

Если кое-что из этого кажется смутно знакомым, так и должно бы. Это старая игра в “зажги свечу”. Теоретически она наращивает уверенность учащегося. На самом деле, это заноза в копчике. Ученики ненавидят упражнение со свечой. Я ненавидел его, когда был учеником. Оно куда забавней, когда ты сам обучаешь ему.

— Брось, Скив. Я становлюсь слишком стара для усвоения этого материала.

— И чем дольше тянешь, тем больше стареешь, УЧЕНИЦА. Вспомни, ты пришла ко мне учиться магии. Одно лишь то, что нас время от времени отвлекали, не означает, будто я забыл. А теперь, зажги свечу.

Она снова вернула внимание к упражнению, пробормотав чего-то под нос, что я предпочел проигнорировать.

Я усиленно думал о своем разговоре с Аазом и Коррешем. Весь вопрос, что делать с вызовом Малыша, представлялся достаточно чувствительным, чтобы я решил на сей раз обратиться к рекомендациям своих советников, прежде чем сделать выбор, о котором могу позже пожалеть. В эту самую минуту данной дилеммой занимались более мудрые

головы, чем у меня. К несчастью, вышеупомянутые мудрые головы полностью расходились в вопросе о том, какой выбрать курс действий.

Ааз стоял за отказ от матча, в то время как Корреш настаивал, что отказ только накалит положение. Он утверждал, что единственный здравый выход — это встретиться с Малышом и проиграть (никто всерьез не думал, будто у меня есть шанс в такой игре), раз и навсегда выпутав меня таким образом из щекотливого положения. Беда в том, что такое решение требовало добровольно расстаться с существенной суммой денег... а об этом Ааз и слышать не хотел.

Покуда бушвала эта битва, я подумал о предыдущих частях наших разговоров. Подумал об отцовстве и ответственности. А потом отправился разыскивать Машу.

Когда мы впервые встретились, Маша работала в должности придворного мага одного из городов-государств в измерении Валлет... Совершенно верно. Там, где каждый год устраивают Большую Игру. Беда в том, что магии-то она по-настоящему не знала. Она была тем, что известно в нашем ремесле под названием "механик", и все ее способности приобретались с прилавка в виде колец, кулонов и других магических приборов. Повидав, как мы шеголяем своими фокусами на Большой Игре, она решила попробовать научиться чему-нибудь из немеханической разновидности магии и по какой-то неизвестной причине обратилась или оборотилась за уроками ко мне.

Ну, я, мягко говоря, никогда не думал о Маше, как о дочери, но она была моей ученицей и, таким образом, взятой мной на себя ответственностью. К несчастью, я по большей части уклонялся от этой ответственности по тем самым причинам, какие перечислил Ааз: был неуверен в собственных способностях и потому боялся допустить ошибку. Вот чего я не сделал, так это не приложил максимума усилий, к добру или к худу. От осознания этого во мне заново вспыхнула решимость добиться того, что если с Машей в будущем чего и случится, то не потому что я, по крайней мере, не попытался обучить ее тому, за чем она ко мне пришла.

Я также осознал, что хочу побольше узнать о проблемах Корреша и Тананды, так же как получше разобраться с тем, кто же или что же такое представляет собой Банни. Однако в данный момент Тананда отсутствовала, а Корреш спорил с Аазом, откладывая эту цель на потом. Банни

находилась где-то тут, но имея выбор между ней и Машей, я предпочел заняться старыми обязательствами, прежде чем пускаться в новые. И вследствие этого я погнал Машу на давно просроченный урок магии.

— С этим просто ничего не выходит, Скив. Я же говорила тебе, что не могу этого сделать.

Она удрученно погрузилась в кресло и хмуро уставилась на пол. Я из любопытства протянул руку и пощупал фитиль свечи. Он даже не нагрелся.

— Неплохо, — соврал я, — у тебя заметно некоторое улучшение.

— Не обманывай обманщицу, — поморщилась Маша. — Я не добиваюсь никакого толку.

— Ты могла бы зажечь ее с помощью одного из своих колец?

Она растопырила пальцы и провела быструю инвентаризацию.

— Разумеется. Вот эта маленькая побрякушка дело сделает, но смысл-то не в том.

— Будь со мной терпелива. Как оно действует? Или, еще важнее, какое возникает ощущение, когда оно действует?

Она передернула плечами.

— Тут нет ничего особенного. Видишь, вот этот круг, замыкающий камень, двигается, и я вращаю его в зависимости от того, какой плотности луч мне нужен. Кольцо активируется нажатием с обратной стороны, и поэтому мне требуется всего-навсего нацелить его и расслабиться. Всю работу делает кольцо.

— Вот оно! — воскликнул я, щелкнув пальцами.

— Что именно?

— Неважно. Продолжай. Какое возникает ощущение?

— Ну, — задумчиво нахмурилась она, — своего рода щекотки. Словно я шланг, и через меня и кольцо протекает вода.

— В яблочко!

— Что бы это значило?

— Слушай, Маша. Слушай внимательно.

Теперь я говорил, тщательно подбирая слова, усиленно стараясь сдержать свое волнение из-за того, что будет, как я надеялся, крупным прорывом.

— Наша трудность с обучением тебя немеханической

магии заключается в том, что ты в нее не веришь! Я имею в виду, ты знаешь, что она существует и все такое, но ты не веришь, что способна на нее сама. Каждый раз, пытаюсь навести чары, ты упорно стараешься преодолеть это, и именно в этом-то и заключается трудность: ты стараешься... Ты упорно пытаешься. Ты знаешь, что должна верить, и поэтому упорно стараешься преодолеть это недоверие каждый раз, как ты...

— Да. И что же?

— Это означает, что ты напрягаешься вместо того, чтобы расслабляться, как ты делаешь, работая с кольцами. Напряжение препятствует току энергии, и поэтому у тебя в итоге меньше мощи, чем когда ты просто прогуливаешься. Для наведения чар надо не напрягаться, а расслабляться... Если наведение чар чем и является, так это упражнением по принудительному расслаблению.

Моя ученица прикусила нижнюю губу.

— Не знаю. Это кажется слишком легким.

— С одной стороны это легко. А если взглянуть иначе, то расслабляться по указке — одна из самых трудных задач, особенно если вокруг тебя в это время бушует кризис.

— Значит, мне надо всего-навсего расслабиться? — скептически спросила она.

— Помнишь то ощущение “шланга”, возникающее при активации кольца? Это энергия протекает через тебя и фокусируется на твоей цели. А если зажмешь шланг, много ли через него пройдет воды?

— Это имеет смысл.

— Попробуй это... сейчас. Протяни руку и сфокусируйся на фитиле свечи, словно применяешь кольцо, только не активируй его. Просто скажи себе, что кольцо действует, и расслабься.

Она начала было что-то говорить, а затем передумала. И вместо этого набрала побольше воздуха в легкие, выпустила его, а затем направила палец на свечу.

— Просто расслабься, — тихо подсказал я. — Дай энергии течь.

— Но...

— Не говори. Сосредоточься мысленно только на свече и слушай меня так, словно я говорю издалека.

Она послушно сфокусировалась на свече.

— Почувствуй поток энергии... точно так же, как при активации кольца. Еще больше расслабься. Чувствуешь, как возрастает поток? А теперь, не напрягаясь, уплотни этот поток до узкого луча и нацель его на свечу.

Я настолько сосредоточился на Маше, что чуть не упустил случившегося. На фитиле свечи начало образовываться легкое пылание света.

— Вот оно, — проговорил я, стараясь сохранить спокойствие в голосе. — Давай...

— Папочка! Гвидо говорит...

— Ш-ш-ш-ш! — прошипел я. — Не сейчас, Клади! Мы пытаемся зажечь свечу.

Она остановилась в дверях и озадаченно склонила голову набок.

— О, это легко! — внезапно просияла она и подняла голову.

— КЛАДИ!! НЕ...

Но вмешался я слишком поздно.

В помещении внезапно вспыхнул свет, и свеча зажглась. Ну, она не совсем зажглась, она растаяла, словно бурдюк с водой, когда уберешь бурдюк. Растаял также и подсвечник. Стол, однако, загорелся... ненадолго. По крайней мере, один его угол. Он на мгновение вспыхнул, а затем погас так же внезапно, как и запылал. А осталась обугленная четверть круга поверхности стола там, где был угол. Она вместе с ножкой стола стояла отдельно, словно сгоревший факел. Огонь ударил так быстро и гладко, что ножка даже не опрокинулась.

Я не помню, как схватил Клади, но я вдруг понял, что держу ее за плечи и трясусь.

— ДЛЯ ЧЕГО ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?? — осведомился я самым лучшим своим отцовским тоном.

— Ты... ты сказал... ты хотел... зажечь свечу.

— ЭТО зажигание свечи?!?

— Мне все еще бывает трудно сдерживать... но учитель говорит, что я с каждым разом делаю все лучше.

Я сообразил, что мне тоже немного трудно сдерживать себя. Я перестал ее трясти и попытался успокоиться. Этому усилию помогло то, что я заметил, как у Клади дрожит губа и она быстро моргает глазами. До меня вдруг дошло, что она вот-вот заплачет. Я решил, что раз неизвестно,

чего случится, когда она заплачет, мне лучше всего остаться в неведении, отвлекши ее.

— Э-э-э... это был Дух Огненного Начала, верно? Ты научилась этому в Школе Начал?

Заставив кого-то заговорить, можно часто предотвратить слезы... По крайней мере, на меня это всегда действовало.

— Д-да, — кротко подтвердила она. — В Школе Начал сперва проходят Огненное Начало.

— Это... гмм... очень впечатляюще. Слушай, извини, если я рывкнул на тебя, Клади, но видишь ли, я хотел не просто зажечь свечу. Я хотел, чтобы ее зажгла Маша. Это входило в ее урок магии.

— Я этого не знала.

— Знаю. Я не подумал сказать тебе. Вот потому-то и извиняюсь. Во всем случившемся здесь виноват я. Хорошо?

Она закивала с такой преувеличенной энергией, что показалось, будто она сломала шею. Иллюзия очень даже интересная, я определенно предпочитал ее мысли о том, как она плачет... особенно в своем теперешнем настроении. Мысль о Клади со сломанной шеей...

— Э-э-э... Ты, однако, прервала-таки машин урок, — сказал я, вытесняя из головы иную думу. — Тебе не кажется, что будет вежливым извиниться перед ней?

— Отличная мысль, папочка, — просияла она. — Я это сделаю, когда в следующий раз увижу ее. Хорошо?

Вот тогда-то я и сообразил, что моя ученица выскользнула из комнаты.

* * *

— Что ты делаешь, Маша?

Небрежно привалившись к дверному косяку машиной спальни, я понял, что моему голосу недостает грозной силы голоса Ааза, но другого у меня не было.

— А на что похожи мои действия? — зарычала она, вынося из шкафа массивную охапку одежды и бросая ее на постель.

— Так вот, сходу, я бы сказал, что ты упаковываешь вещички. Вопрос в том, почему?

— Люди обычно упаковывают вещи потому, что это самый легкий способ возить их в путешествиях. Меньше носишь на себе и рвешь гардероб.

Я вдруг устал от этой пикировки. Вздыхнув, я встал перед ней, преграждая ей путь.

— Хватит играть, Маша. Идет? Скажи мне напрямик, почему ты уезжаешь? Разве ты не обязана оказать своему учителю хоть такую любезность?

Она отвернулась, занявшись чем-то на туалетном столике.

— Брось, Скив, — сказала она таким тихим тоном, что я едва ее расслышал. — Ты же видел, что случилось внизу.

— Я видел тебя на грани крупного прорыва в своих уроках, если ты это имеешь в виду. Если бы не зашла Клади, ты бы еще через несколько секунд зажгла свечу.

— Велика важность!

Она круто повернулась лицом ко мне, и я увидел, что она пытается сдержать слезы. Кажется, такое стало происходить тут часто.

— Извини, Скив, но подумаешь, велика важность. Ну могу я зажечь свечу. Ну и что? После стольких лет обучения Маша может зажечь свечу... А девочка может снести конец стола, даже не стараясь! Кто ж тогда выходит я? Маг? Ха-ха! Анекдот да и только.

— Маша, того, что сделала внизу Клади, я сделать, не могу, так же как и сделанного ею на Базаре, если уж на то пошло. Когда ты впервые попросилась ко мне в ученицы, я точно сказал тебе, насколько мало я знаю магию. Но я все еще учусь... а тем временем мы все еще удерживаем свои позиции в магическом бизнесе... и не где-нибудь, а здесь, на Базаре. В Магической Столице измерений.

Это, кажется, чуточку успокоило ее, но не сильно.

— Скажи мне честно, Оторва, — поджала она губы, — насколько хороша я вообще смогу стать в магии... на самом деле?

— Не знаю. Мне хотелось бы думать, однако, что при работе и тренировке ты сможешь стать лучше, чем сейчас. Это действительно все, на что может надеяться любой из нас.

— Может, ты и прав, Скив, и мысль это хорошая. И все же факт остается фактом, что тем временем я всегда буду здесь мелкой сошкой... в области магии, конечно. При таком положении дел мне суждено быть на подхвате. На иждивении. Вы с Аазом милые ребята и никогда меня не выбросите, но я не могу придумать ни одной веской причины, почему бы мне следовало остаться.

— А я могу.

Моя голова обернулась так быстро, что мне на миг грозила опасность вывихнуть шею. В дверном проеме стояла...

— ТАНАНДА!

— Собственной персоной, — подмигнула она. — Но речь здесь не о том. Маша, я не могу говорить о долгосрочных условиях, но я знаю одну вескую причину, почему тебе не следует уходить именно сейчас. Это та же самая причина, по какой вернулась я.

— Какая же она?

— Она связана с нашим Великим Скивом. Идемте вниз. Я собираюсь уведомить всех сразу на военном совете. У нас на руках вполне назревший кризис.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По-моему, нас атакуют.

Полковник Трэвис

В одной из комнат нашего дворца в незарегистрированном измерении стоял большой овальный стол, окруженный стульями. Въехав, мы прозвали это помещение конференц-залом, поскольку никакого другого практического применения ему, кажется, не предвиделось. Само собой, мы не применяли его для конференций, но всегда приятно иметь конференц-зал.

Сегодня вечером, однако, он был забит до отказа. Тананда явно, прежде чем разыскать Машу и меня, согнала сюда весь дом, включая Клади и Банни, и когда мы вошли, все уже расселись по местам.

— Можно, наконец, начать? — язвительно осведомился Ааз. — У меня, знаете, все-таки есть и другие дела.

— В самом деле? — усмехнулся Корреш. — Какие, к примеру?

— К примеру, поговорить с Живоглотом об этом приглашении, — огрызнулся мой партнер.

— Не поговорив сперва со своим партнером?

— Я не сказал, что собираюсь отказаться или принять. Просто я хочу поговорить с ним о...

— Нельзя ли на минутку отложить этот спор? — перебил я. — Мне хочется услышать, что желает сказать Тананда.

— Спасибо, Скив, — поблагодарила она, быстро сверкнув мне улыбкой, прежде чем снова принять серьезный вид. — Полагаю, вам всем известно, что я выселялась отсюда. Ну, потолкавшись по Базару, я наткнулась на слух, переменивший мое решение. Если он верен, мы все будем по горло заняты, разбираясь с ним.

Она смолкла, но никто не промолвил ни слова. Для разнообразия мы дружно уделяли ей все свое внимание.

— Полагаю, мне следует сперва бросить бомбу, а потом мы все сможем продолжать, отталкиваясь от сказанного. На улицах поговаривают, что кто-то нанял Топора уделать Скива.

Последовало несколько секунд молчания, а затем зал взорвался.

— С какой стати кто-то...

— Кто нанял Топора?

— Где ты услышала...

— Погодите! ПОГОДИТЕ! — крикнула Тананда, подняв обе руки и призывая к тишине. — Я могу отвечать только на один вопрос кряду... но заранее предупреждаю, у меня изначально не так уж много ответов.

— Кто его нанял? — потребовал захвативший первую очередь Ааз.

— Судя по всему мной услышанному, группа магов здесь, на Базаре, не слишком обрадована успехами Скива. По их мнению, он нынче берет все отборные задания, и... получает всю славную работу. И поступили они так: скинулись кто сколько смог с целью нанять Топора сделать то, чего они все боятся сделать сами... а именно, разделиться со Скивом.

— Ты слышишь, Корреш? Все еще думаешь, что я склонен к мелодраматизму?

— Заткнись, Ааз. Где ты про это услышала, сестричка?

— Помните Вика? Вампирчика, переехавшего сюда с Лимба? Ну, он открыл здесь, на Базаре, собственную магическую практику. Похоже, к нему обращались с предложением внести свой пай в общий фонд. Он здесь достаточно новенький, чтобы не знать никого из обратившихся по имени, но они утверждали, что пользуются поддержкой почти дюжины мелких магов.

— Почему он не предупредил нас, как только услышал?

— Он пытается сохранить нейтралитет. Пай он не внес, но также не хотел быть и тем, кто настучит Скиву. Он и мне хоть что-то сказал только потому, что боялся, как бы кто-нибудь из близких к Скиву не попал под перекрестный огонь. Должна признать, у него, кажется, довольно пресувеличенное представление о том, со скольким Скив способен управиться сам.

— Можно мне задать вопрос? — мрачно поинтересовался я. — Как намеченной жертве?

— Разумеется, Сквив. Спрашивай.

— Кто такой Топор?

По крайней мере, половина голов за столом резко повернулась ко мне, в то время как у красивших их лиц отвисли челюсти. — Шутишь!

— Неужели ты не знаешь, кто...

— Ааз, неужели ты не научил его никаким...

— Тпру! Погодите! — крикнул я, перекрывая гам. — Я могу воспринять зараз лишь определенную толику этого информационного шума. Ааз! Как мой друг, партнер и, иногда, наставник, ты не мог бы сделать мне одолжение и сказать простыми словами, кто такой Топор?

— Никто не знает.

Я закрыл глаза и слегка тряхнул головой, силясь про-
чистить уши. После всей этой шумихи...

— Вот это да, неужто ты этого не знаешь? — Я мог бы поклясться, что он сказал...

— Он прав, красавчик, — вмешалась Тананда. — Настоящее лицо Топора — один из самых строго охраняемых секретов во всех измерениях. Вот потому-то он и действует так эффективно.

— Возможно, это и правда, — кивнул я. — Но судя по реакции присутствующих, когда ты обронила это имя, я предположил бы, что кто-нибудь хоть ЧТО-ТО о нем знает. Так вот, позвольте мне перефразировать вопрос. Если вы не знаете, КТО Топор, то не может ли кто-нибудь просветить меня по части того, ЧТО он такое?

— Топор — величайший Очернитель во всех измерениях, — зарычал Ааз. — Он работает по вольному найму и требует такие гонорары, по сравнению с которыми наши выглядят карманной мелочью. Но коль Топор сел тебе на хвост, можешь смело проститься с ним. Он погубил больше карьер, чем пять крахов фондовой биржи. Разве ты никогда не слышал выражения “сунуть под топор”? Ну, оно происходит именно отсюда.

Я испытывал в желудке чересчур уж знакомое ощущение “опускающегося лифта”.

— Как он это делает?

— По разному, — пожал плечами мой партнер. — Он кроит свою атаку в зависимости от задания. Постоянным

является только одно: кем бы ты ни был, когда он начал, но когда он закончит, ты им не будешь.

— Я желал бы, чтобы ты перестал все время говорить “ты”. Я еще не умер.

— Извини, партнер. Фигура речи.

— Ну, это просто роскошно! — взорвался Гвидо. — Как же нам с Нунцио охранять Босса, если мы не знаем, что на него надвигается?

— Никак, — огрызнулся Ааз. — Это не по вашей части, Гвидо. Мы говорим об очернении, а не о физическом нападении. Это не ваш профиль.

— Ой ли! — усомнился писклявым голосом Нунцио. — Дон Брюс говорит, что нам следует охранять его. Я как-то не припомню, чтоб он чего-то говорил о физических или не физических нападениях. Верно, Гвидо?

— Совершенно верно! Если кто-то охотится за скальпом Босса, то охранять его — наша задача... если вы не против, МИСТЕР Ааз!

— Да я б и рыбью голову не доверил вам охранять, не то что своего партнера! — взревел, вскакивая на ноги, Ааз.

— Прекрати, Ааз! — приказала Тананда, пнув стул моего партнера так, что тот подскочил ему ноги, вынудив плюхнуться обратно на место. — Если мы выступаем против Топора, нам понадобится любая помощь, какую мы только сможем заполучить. Давайте прекратим грызню из-за “кто” и сосредоточимся на “как”. Идет? Мы все напуганы, но это не означает, что мы должны набрасываться друг на друга, когда наша цель — Топор.

Это на миг всех остудило. Некоторые еще обменивались горящими взглядами и бурчаниями, но по крайней мере, уровень шума упал до такой степени, что меня смогли расслышать.

— По-моему, вы все кое-что проглядели, — спокойно сказал я.

— Что именно? — моргнула Тананда.

— Ааз подошел близко минуту назад. Это — моя проблема... и действительно не ваш общий профиль. Мы все друзья, и меня с Аазом, а также с Гвидо и Нунцио соединяют деловые связи, но у нас здесь речь идет о репутациях. Если меня сразят, а в данный момент все, кажется, ставят против меня, то грязью забрызгает и всех стоящих рядом со мной. Мне кажется, что наилучшим курсом дей-

ствий для остальных из вас будет отодвинуться подальше, или, еще лучше, мне самому выехать из дому и представлять собой одиночную цель. Таким образом, мы рискуем увидеть гибель только одной карьеры — моей. Я поднялся туда, где нахожусь, стоя на ваших плечах. Если я не смогу удержаться там самостоятельно, может быть, это была изначально не особенно удачная карьера.

Когда я остановился, весь зал смотрел на меня во все глаза.

— Знаешь, старина Скив, — прочистил горло Корреш, — как ни нравишься ты мне, а иногда трудно помнить, какой же ты умный.

— Я бы сказала, — зарычала Тананда, — это, наверно, самая идиотская... Минутку! Это как-то связано с моим уходом?

— Немного, — признался я. — И Маша собралась уходить, а Ааз говорил об ответственности, и...

— Вот на этом и остановись! — приказал Ааз, подняв руку. — Давай поговорим об ответственности, ПАРТНЕР. Забавно, что Я должен читать ТЕБЕ лекцию на эту тему, но есть всякие виды ответственности. Один из видов, усвоенных мною от тебя, — это ответственность перед друзьями: помогай им выпутаться, когда они в беде, И позволяй им помогать в свою очередь тебе. Я не забыл, как вы явились в незнакомое измерение вытащить меня из тюрьмы после того, как я в первую очередь отказался от вашей помощи; или как ты записал нас на участие в Большой Игре для освобождения под залог Тананды после того, как она попала на краже; или как ты настоял, чтобы дон Брюс придал тебе в телохранители Гвидо и Нунцио, когда их ждало дисциплинарное взыскание после провала задания Синдиката. Я этого не забыл, и они, держу пари, тоже, даже если ты об этом не помнишь. А теперь я предлагаю тебе заткнуться насчет профиля и позволить твоим друзьям помочь тебе... ПАРТНЕР.

— Именно так, черт возьми, — кивнул Корреш.

— Ты мог бы оставить меня у Живоглота работаровцам, — задумчиво проговорила удивительно взрослым голосом Клади.

— Итак, теперь, когда с этим решено, — потер руки Ааз, — давайте приступим к работе. Мой приятель Гвидо поднял хороший вопрос. Как нам защищать Скива, если мы не знаем ни как, ни когда нанесет удар Топор?

Мы по-настоящему не решили этого, и Ааз не собирался давать мне шанс указать на это. Но я был этому только рад, так как действительно не знал, чего сказать.

— Мы можем лишь быть настороже и глядеть, не возникнет ли кто-то или что-то странное, — пожала плечами Тананда.

— Вроде открытого матча в драконий покер с Малышом Сен-Сеновым Заходом, — уставясь в пространство, обронил Корреш.

— Что-что?

— Ты это пропустила, сестричка. Похоже, наш мальчик привлек внимание короля драконьего покера. Тот хочет помериться с ним силами в открытом матче-посединке, и помериться поскорее.

— Не смотри на меня так, Корреш, — поморщился Ааз. — Я переголосовываю. Если мы хотим сохранить репутацию Скива, он никак не может отвергнуть этот вызов. ТЕПЕРЬ я готов признать, что деньги будут потрачены не зря.

— Мой папочка сможет любого побить в драконий покер, — преданно заявила Клади.

— Твоему папочке могут шикарно вышибить мозги, — мягко поправил ее мой партнер. — Я лишь надеюсь, что между сегодняшним днем и днем начала матча мы сможем достаточно обучить его игре, чтобы он проиграл достойно.

— Не нравится мне это, — проворчала Тананда. — Слишком уж это удобно. На всей этой игре почему-то видны отпечатки пальцев Топора.

— Вероятно, ты права, — вздохнул Ааз. — Но мы мало чего еще можем сделать, кроме как принять вызов и по стараться извлечь максимум хорошего из плохой ситуации.

— Прикусить пулю и разыграть сданные нам карты. А, Ааз? — пробормотал я себе под нос.

Хотя я и говорил тихо, но все за столом поморщились, включая Клади. Они могли быть достаточно преданными, чтобы рисковать жизнью и карьерой, защищая меня, но смеяться над моими шутками они не собирались.

— Минуточку! — пискнул Нунцио. — По-вашему, есть шанс, что этот Малыш на самом деле Топор?

— Маловероятно, — заговорила в первый раз с начала совещания Банни. — Субъект вроде Топора должен работать без юпитеров. Малыш Сен-Сеновый Заход чересчур заметная личность. Будь он Очернителем, это живо заме-

тили бы. Кроме того, когда он выигрывает, никто не думает; будто это происходит из-за плохой репутации его противников... Это происходит потому, что Малыш хорош. Нет, я считаю, Топор должен быть как похищенное письмо... он может спрятаться прямо на виду у всех. Вычислите последнего, кого бы вы заподозрили, и приблизитесь к раскрытию его подлинного лица.

Разговор вращался вокруг меня, но я слушал не очень внимательно. По какой-то причине, пока говорила Банни, мне в голову пришла одна мысль. Говоря о Топоре, мы все употребляли местоимение "он", но если никто не знал его настоящего лица, то он с таким же успехом мог быть и "она". Если уж на то пошло, так при женщинах мужчины намного менее замкнуты и больше склонны похвастаться подробностями своей карьеры.

Банни была женщиной. А также появилась у нас на пороге примерно в то самое время, когда предположительно получал свое задание Топор. Мы уже знали, что она умнее, чем показывает... слово "субъект" плохо сочтлось с тщательно культивируемым ею пустым взглядом. Где ж Топору найти лучшее место для удара, чем изнутри?

Я решил, что как только представится возможность, мне надо будет немного поболтать с моей шмарой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Никому не следует скрывать свое истинное "я" за ложным фасадом.

Л.Чейни

Приблизился я к спальне Банни с определенным трепетом в груди.

Если вы не заметили, опыт с женщинами у меня довольно ограниченный — ограничивается числом пальцев одной руки.

Ранее Тананда, Маша, Луанна, королева Цикута, а теперь и Банни, были единственными взрослыми женщинами, с которыми я когда-либо имел дело, и покамест мой послужной список представлялся менее чем блистательным. Танандой я какое-то время сильно увлекался, но теперь она была для меня скорее старшей сестрой. Маша же была... ну, Машей. Полагаю, если я в ней кого и видел, так это младшую сестру, ту, кого надо защищать, а иногда и гладить по головке. Я никогда по-настоящему не понимал ее открытого восхищения мною, но оно твердо выстояло, несмотря на все мои конфузы, и давало мне возможность спокойно доверять ей. И хотя я все еще считал Луанну своей единственной истинной любовью, разговаривал я с нею только четыре раза, а после последней нашей беседы сомневался, состоится ли пятая встреча. Единственные отношения с женщиной, носившие еще более катастрофический характер, чем моя попытка любви, были у меня с королевой Цикутой. Она, может, и не пристрелит меня, едва заведев, но несомненно захочет пристрелить, уж в этом-то никто всерьез не сомневался... а именно она-то и хотела выйти за меня замуж!

Естественно, ни одна из женщин, с которыми я имел дело, нисколько не походила на Банни, хотя я не был

полностью уверен, хорошо это или плохо. И все же факт — однако, оставался фактом, мне требовалось узнать о ней побольше. По двум причинам: во-первых, если ей предстояло жить у нас в доме, то я хотел получше представлять себе, откуда она взялась, и иметь возможность таким образом относиться к ней не как к какой-нибудь сумасшедшей тетушке в подвале; а во-вторых, если она — Топор, то чем раньше я это выясню, тем лучше. К несчастью, я смог придумать только один способ приобрести необходимые сведения — поговорить с ней.

Внутренне дрожа, я поднял руку, с миг колебался, а затем постучал в дверь. Мне пришло в голову, что хоть я и не стоял никогда у стенки перед взводом стрелков, теперь я знал, что при этом чувствуют.

— О-о, кто там?

— Да это я — Скив, Банни. У тебя не найдется свободная минутка?

Громко взвизгнув, дверь мигом распахнулась, и появившаяся Банни схватила меня за руку и увлекла в комнату. На ней был изящный комбинезон с воротом, распушенным ниже пупка, что явилось для меня большим облегчением.

Ранес, когда я наведалься в спальню к королеве Цикуте, та приняла меня вообще без ничего.

— И-и, — взвизгнула она — Вот это да! Рада тебя видеть. Я уж начала подумывать, а зайдешь ли ты вообще когда-нибудь!

Фривольно вильнув бедром, она толчком закрыла дверь, а руки ее тем временем метнулись к завязкам наряда. Вот и все в смысле облегчения.

— Дай мне всего секунду, милый, и я буду готова. Ты в некотором роде застал меня врасплох, и...

— Банни, ты не могла бы на время бросить это? А?

По какой-то причине события последних нескольких дней вдруг навалились всей тяжестью мне на плечи, и я был просто не в настроении для игр.

Она уставилась на меня глазами, столь же большими, как счет за выпитое извергом, но ее руки прекратили свою деятельность.

— Что случилось, Скиви? Разве я тебе не нравлюсь?

— Откровенно говоря, не знаю, Банни, — тяжело произнес я. — Ты ведь никогда по-настоящему не дала мне шанса, не так ли?

Она резко втянула в себя воздух и начала было сердито огрызаться. Затем заколебалась и вдруг отвела взгляд, нервно проведя языком по губам.

— Я... я не понимаю, что ты имеешь в виду. Разве я не пришла к тебе в спальню и не попробовала завязать дружбу?

— Мне думается, ты-таки понимаешь, что я имею в виду, — поднажал я, почувствовав слабость в ее обороне. — Каждый раз, когда мы видимся друг с другом, ты вмазываешь мне по лицу разыгрыванием из себя "секс-кошечки". Я все время не знаю, бежать мне или аплодировать, но ни то, ни другое действие не особенно помогают узнать тебя.

— Ты зря порицаешь мое выступление, — возразила она. — Это отличная штучка. Оно ведь кое-чего достигло, не так ли? Кроме того, разве не этого мужчины хотят от девушки?

— Я — нет.

— В самом деле?

В ее голосе звучала не слишком мягкая насмешка. Она вдохнула поглубже и откинула назад плечи.

— Так скажи мне тогда, что же приходит тебе на ум, когда я делаю вот так?

Невзирая на впечатление, какое могло у вас сложиться обо мне по прежним моим подвигам, соображаю я быстро. Достаточно быстро, чтобы прежде чем ответить, подвергнуть цензуре и вычеркнуть первые три мысли.

— По большей части, мне становится неуютно, — правдиво сказал я. — Это впечатляет, спору нет, но у меня возникает ощущение, что я должен в связи с этим что-то предпринять, и я не уверен, что окажусь на высоте положения.

Она победоносно улыбнулась и выдохнула воздух, облегчив напряжение у себя в груди и у меня в душе. Из этих двух моя душа, по-моему, нуждалась в этом больше.

— Ты только что ткнул пальцем прямиком в тайну секс-кисок. Дело не в том, что тебе это не нравится. Просто это чересчур много для тебя, и ты не уверен, что сумеешь управиться с этим.

— Не уверен, что поспеваю за твоей мыслью.

— Мужчины очень любят хвастаться и бахвалиться, но это у них хрупкое, как стекло. Если девушка разоблачает их блеф, кидается на них, словно пышущий жаром вулкан, не знающий удержу, мужчины пугаются. Вместо раздуда-

ния слабо тлеющего женского пламени они столкнулись с лесным пожаром и поэтому устремляются прочь. О, они держат нас рядом, чтобы производить впечатление на других. “Смотрите, мол, какую тигрицу я укротил”, и все такое. Но когда мы одни, они обычно держат дистанцию. Держу пари, в действительности, шмаре перепадает меньше развлечений, чем средней студентке... за исключением того, что уровень оплаты у нас намного выше.

Это заставило меня призадуматься. С одной стороны, она довольно точно определила мою реакцию. Ее бурный натиск меня-таки чуточку напугал... ну, сильно напугал. И все же была и другая сторона.

— Похоже, ты не очень высокого мнения о мужчинах, — заметил я.

— Эй! Не пойми меня неправильно. Они намного лучше, чем альтернативы. Просто мне стало немного тошно вновь и вновь слушать одни и те же старые реплики, и я решила поменяться с ними местами. Вот и все.

— Я имел в виду не это. Секунду назад ты сказала: “Именно этого мужчины хотят от девушки”. Может, это и правда, и я не буду пытаться спорить по этому поводу. Но эта мысль неуютно близка к выражению: “Чего ВСЕ мужчины хотят от девушки”, а с этим я БУДУ-таки спорить.

Она задумчиво нахмурилась и пожевала нижнюю губу.

— Полагаю, эта мысль все-таки чуточку чересчур обобщает, — признала она.

— Хорошо.

— Точнее будет сказать: “Чего все мужчины хотят от ПРЕКРАСНОЙ девушки”.

— Банни...

— Нет уж, выслушай меня, Скив. Вот в этом вопросе у меня намного больше опыта, чем у тебя. Хорошо говорить об уме, когда выглядишь как Маша. Но когда вырастешь с такой хорошей внешностью, как у меня — я не хвалюсь, просто констатирую факт — то за тобой увивается длинная вереница мужчин. Если бы они интересовались твоим умом, то я сказала бы, что им нужен ускоренный курс анатомии!

В ходе нашей дружбы мне не раз доводилось долго болтать с Машей о том, что значило для женщины быть менее чем привлекательной. Однако теперь мне впервые пришлось понять, что красота может быть больше бедой, чем счастьем.

— Не припомню, чтобы я “увивался за тобой”, Банни.

— Ладно, ладно. Возможно, я и впрямь наношу контрудар прежде, чем другой хотя бы начнет. Схема образовалась достаточно постоянная, чтобы я считала себя вправе спешить с выводами. Как я помню, когда мы встретились, ты был немного поглощен иными мыслями. Как бы ты прореагировал, если бы мы случайно столкнулись друг с другом в баре?

Представить это было совсем не трудно... к несчастью.

— Туше, — признал я. — Позволь мне только подбросить тебе одну мысль, Банни. А потом я уступлю твоему опыту. Вопрос секса обязательно будет носиться в воздухе при ЛЮБОЙ встрече мужчины с женщиной до тех пор, пока не разрешится. Я думаю, это осталось с доцивилизованных времен, когда от размножения зависело выживание вида. Это проявляется сильнее всего при встрече члена противоположного пола, которого находишь привлекательным... вроде прекрасной женщины или, как иногда, по моему, выражаются, "мировой девчонки". Роль цивилизации, хотя не знаю, сколько других людей придерживается такого мнения о ней, заключается в установлении правил и законов, помогающих решить этот вопрос быстро: братья-сестры, родители и лица, не достигшие брачного возраста или состоящие в браке с другими, отпадают... ну, во всяком случае, обычно отпадают, но ты меня поняла. Теоретически, это позволяет людям тратить меньше времени на вынюхивание друг друга и больше времени добиваться успеха в других сферах... вроде искусства или бизнеса. Не уверен, заметь, что это улучшение, но благодаря этому мы продвинулись далеко.

— Интересная теория, Скив, — задумчиво произнесла Банни. — Где ты ее услышал?

— Сам выдумал, — признался я.

— Надо будет поразмыслить о ней на досуге. Но даже если она верна, то что она доказывает?

— Ну, полагаю, я пытаюсь сказать, что, по моему, ты слишком усиленно фокусируешься на существовании этого вопроса. Разрешай его каждый раз, когда он возникает, и переходи к другим делам. А конкретно, я думаю, мы можем разрешить этот вопрос между нами прямо сейчас. С моей точки зрения, ответ будет "нет" или, по крайней мере, на долгое время "нет". Если мы сможем договориться об этом, то я хотел бы перейти к другим делам... вроде попытки узнать тебя получше.

— Я бы сказала, что это похоже на заигрывание, если

бы ты не сказал на одном дыхании "нет". Может быть, я малость чересчур чувствительна по этой части. Ладно. Договорились. Давай попробуем поболтать как друзья.

Она протянула руку, и я торжественно пожал ее. В глубине души я почувствовал укол вины. Теперь, заставив ее ослабить бдительность, я собирался выкачать из нее сведения.

— Чего ты хотел бы узнать?

— Ну, я, на самом-то деле, вообще не очень много знаю о тебе помимо того, что ты умнее, чем представляешься, и что ты племянница дона Брюса!

— Ух, ты, — захихикала она. — Тебе не полагалось бы знать даже насчет племянницы.

Хихикала она намного приятней, чем обычно смеялась с режущим ухо привизгом.

— Тогда давай начнем отсюда. Как я понимаю, дядя не одобряет твоего выбора карьеры.

— Что верно, то верно. Он самолично подыскал мне профессию, прогнал через школу и все такое. Беда в том, что он не потрудился посоветоваться со мной. Честно говоря, я предпочла бы заниматься чем угодно, только не тем, что он для меня наметил.

— А что именно?

— Он хотел, чтобы я стала бухгалтером.

Мне мигом вспомнился мой старый недруг по Поссил-туму Дж.Р.Гримбл. Пытаться представить Банни на его месте было непосильно даже для моего воображения.

— Гмм... полагаю, бухгалтерское дело — неплохая работа. Я могу понять, почему дон Брюс не хотел, чтобы ты пошла по его стопам в уголовную жизнь.

Банни скептически вскинула бровь.

— Если ты в это веришь, то ты не очень много знаешь о бухгалтерии.

— Как бы там ни было. Мне приходит в голову, что выбор жизненного пути не ограничивается только профессиями бухгалтера и шмары.

— Не хочу опять противоречить тебе, — ухмыльнулась она, — но моя внешность работала против меня. Большинство законопослушных бизнесменов боялись, что если они примут меня на работу, то их жены или партнерши или совет директоров или служащие подумают, будто они устраивают на содержание любовницу. После нескольких

попыток я решила не плыть больше против течения и перейти в сферу, где привлекательность — требование, а не недостаток. Если я в чем и виновата, то только в лени.

— Не знаю, — покачал головой я. — Признаться, я не высокого мнения об избранной тобой карьере.

— Вот как? Ну, прежде чем примешься морализировать, позволь мне сказать тебе...

— Тпру! Тайм-аут! — перебил я. — Я хотел сказать, что в этой профессии нет большого будущего. Ничего личного, но никто не остается вечно молодым и привлекательным. Судя по всему слышанному мною, твоя профессия не предусматривает особого пенсионного обеспечения.

— Как и все профессии в Синдикате, — пожала плечами она. — Она оплачивает счета, пока я подыскиваю чего-нибудь получше.

Вот теперь мы к чему-то приближались.

— Кстати, раз уж речь зашла о Синдикате, Банни, это дело с Топором, признаться, встревожило меня. Ты, слушаем, не знаешь, занимается ли Синдикат очернениями? Возможно, я мог бы с кем-то поговорить и получить какой-то совет.

— Не думаю, что он этим занимается. Для него это малость слишком тонко. И все же я никогда не слышала, чтобы дядя Брюс отвергал любую работу, если та сулила достаточно высокую прибыль.

Мне пришло в голову, что это довольно уклончивый не-ответ. Я решил попробовать снова.

— Кстати, коль речь зашла о твоём дяде, ты вообще-то представляешь, почему он выбрал для этого задания именно тебя?

Прежде чем она ответила, возникла едва заметная пауза.

— Нет, не представляю.

Я уцелел при игре в драконий покер у Живоглота, наблюдая за другими людьми, и порядком поднаторел в этом. Для меня это колебание выдавало ее с головой. Банни знала, почему она здесь, она просто не говорила.

Словно прочтя мои мысли, она пораженно воззрилась на меня.

— Эй! До меня только что дошло. Ты думаешь, что я Топор? Поверь мне, Скив, это не так. Честно!

Говорила она очень искренне и очень убедительно. Конечно, будь я Топором, то сказал бы именно это и именно так.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вашему Величеству следует обратить внимание на свою внешность.

Г.Х.Андерсен

Описать нашу вылазку на Базар на следующий день можно многими словами. К несчастью, ни одно из них не будет "спокойная", "тихая" или "умиротворяющая". Более охотно на ум приходят слова вроде "зоопарк", "цирк" и "хаос".

Началось это еще до того, как мы покинули свою базу... а конкретно, из-за того, вылезать нам вообще или нет.

Ааз и Маша утверждали, что нам следует лечь на дно, пока не уляжется пыль, исходя из того, что это предоставит Топору меньше всего возможностей для атаки. Гвидо и Нунцио поддержали их, добавив к выступлениям собственные колоритные обороты. Одной из самых любимых ими фраз была "залечь на тюфяки" — выражение, неизменно вызывающее у меня в голове интригующие образы. Как я говорил Банни, я не **СОВЕРШЕННО** чист.

Тананда и Корреш заняли другую позицию, возражая, что наилучшая оборона — это сплошное нападение. Оставаясь в четырех стенах, доказывали они, мы всего лишь сделаемся удобной мишенью. Единственно разумным действием будет выйти и попытаться определить, что именно намерен предпринять Топор. Клади и Банни выступили в поддержку команды брата и сестры, хотя, как я подозреваю, больше из желания лучше изучить Базар.

Похранив больше часа нейтралитет и послушав, как обе стороны облаивали друг друга, я, наконец, бросил свой голос на чашу весов... выступив за вылазку. Достаточно странно, мои причины ближе всего совпадали с мотивами Банни и Клади: хотя я порядком боялся выйти и стать

движущейся мишенью, меня куда больше пугала перспектива сидеть взаперти со своей собственной командой, глядя, как мои друзья становятся все более нервными и несдержанными друг с другом.

Не успели мы разрешить этот вопрос, как разразился новый спор, на этот раз из-за того, кто отправится на вылазку. Пойти, ясное дело, хотели все. И столь же ясное дело, если бы пошли все, то мы выглядели бы именно теми, кем были: ударной силой, ищущей, с кем бы подражаться. Мне почему-то думалось, что это не поможет нашим усилиям сохранить мою репутацию.

Поругавшись еще час, мы достигли компромисса. Пойдем мы все. Однако ради осмотрительности равно как и ради стратегического преимущества мы решили, что часть команды отправится под личиной. То есть, это не только сделает наш отряд меньше на вид, чем он был на самом деле, но также позволит нашим коллегам наблюдать с небольшого расстояния и, еще важнее, слушать, что говорят вокруг нас на Базаре. Ааз, Тананда, Корреш, Маша и Нунцио будут служить нам разведчиками и резервом, в то время как Клади, Банни, Гвидо и я сыграем роль приманки — роль, которая нравилась мне тем меньше, чем больше я о ней думал.

Вот так мы и отправились, наконец, на утреннюю прогулку в ранний полдень.

Внешне Базар не изменился, но в скором времени я начал замечать кое-какие тонкие отличия. Я настолько привык поддерживать чары личин, что мог сохранять инкогнито пяти наших коллег без ущерба для своей сосредоточенности... что и к лучшему, так как сосредоточиться было очень даже на чем.

Известие о нашем последнем походе по лавкам явно распространилось, и реакция деволов-купцов на наше появление среди палаток была смешанной. и крайней. Некоторые витрины при нашем приближении внезапно закрывались, в то время как другие торговцы бросались нам навстречу. Были, конечно, и занявшие нейтральную позицию, ни закрывавшиеся, ни бросавшиеся встречать нас на полпути, а скорее внимательно следившие за нами, когда мы осматривали их товары. Однако, куда бы мы ни шли, я замечал отчетливое отсутствие энтузиазма к любому времяпровождению Базара — торгу. Цены либо объявлялись твердыми, либо контрпредложения выдвигались с минимумом слов. Кажется, хотя деволы по-прежнему

желали получить наши деньги, они не жаждали затягивать контакт с нами. Я был не совсем уверен, как поступить в такой ситуации. Можно было воспользоваться их нервозностью и заключить несколько бесстыдных сделок, или же скрипеть зубами и платить больше, чем, по-моему, стоил товар. Беда в том, что ни тот, ни другой курс не особенно улучшил бы мой образ в глазах купцов и не стер бы память о нашей последней вылазке.

Конечно, при такой жизни, как у меня, хватало и отвлекающих моментов.

После нашего разговора Банни решила, что мы стали друзьями, и взялась за свою новую роль с тем же энтузиазмом, какой приносила в разыгрывание из себя женщины-вамп. Она, само собой, все еще цеплялась за мою руку и издали, вероятно, по-прежнему выглядела шмарой. Однако ее внимание теперь сосредоточилось на мне, а не на себе.

Сегодня она решила высказать свое мнение о моем гардеробе.

— В самом деле, Скив. Мы ДОЛЖНЫ подыскать тебе какую-нибудь достойную одежду.

Она каким-то образом сумела избавиться от своего прононса, равно как и от того, чего она там все время жевала. Может быть, тут была какая-то связь.

— А что плохого в том, что сейчас одето на мне?

Я носил сейчас, на мой взгляд, один из более элегантных своих нарядов. Полосы на штанах были в два дюйма шириной и перемежали желтый цвет со светло-зеленым, в то время как на тунике блистали ярко-красные и пурпурные клетчатые узоры.

— Право, не знаю, с чего начать, — наморщила нос она. — Давай просто скажем, что оно немножко крикливое.

— Прежде ты ничего не говорила о моей одежде.

— Верно. Прежде. В смысле, прежде чем мы решили стать друзьями. Шмары не сохраняют работу, сообщая своим мужчинам, как аляповато те одеваются. Иногда я думаю, что для того чтобы идти под ручку с одетой как картинка дамой, надо либо не иметь никакого вкуса по части одежды, либо иметь отрицательный вкус.

— У меня, конечно, маловато знаний из первых рук, но разве некоторые шмары не одеваются и сами чуточку бросковато? — лукаво спросил я.

— Правильно. Но держу пари, если проверить, то ока-

жется, что они носят купленное для них кавалерами. Когда мы пошли за покупками, ты предоставил мне выбирать самой и просто оплатил счет. А многие мужчины считают, что если они платят за товар, то за ними должно оставаться последнее слово в вопросе о том, что носить их куклке. Скажем прямо, шмары должны обращать внимание на свою внешность, потому что от этого зависит их работа. Девушка, одевающаяся словно пугало, не найдет работы в качестве шмары.

— Так ты говоришь, что я одет, как пугало?

— Если б пугало выглядело, как ты, то у ворон глазки бы повышибало.

Я выразил свою оценку стоном. Черт, если никто не собирался смеяться над моими шутками, то с какой стати я должен смеяться над ихними? Конечно, я занес ее замечание в мысленный архив для будущего употребления, если выпадет случай.

— Однако серьезно, Скив, твоя беда в том, что ты одеваешься, как мальчишка. В твоём гардеробе есть несколько удачных предметов, но никто не потрудился показать тебе, как их носить. Яркие наряды хороши, но их нужно сбалансировать. Ношение фасона с приглушенным фоном подчеркивает фасон. Ношение фасона с фасоном же — беда, если ты действительно не знаешь, что делаешь. Чаще всего фасоны в итоге борются друг с другом, и если они разных цветов, то у тебя в одежде всесторонняя война. Одежда должна привлекать внимание к тебе, а не к себе.

Несмотря на свое негодование, я обнаружил, что сказанное ею меня привлекает. Если я чему и научился в своих разнообразных приключениях, так это набираться сведений, где бы я их ни нашел.

— Давай посмотрим, улавливаю ли я твою мысль, Банни. Ты говоришь, что не достаточно просто покупать предметы одежды, особенно приглянувшиеся мне. Надо смотреть, как они сочетаются друг с другом... пытаться создать согласованное целое. Верно?

— Частично, — кивнула она. — Но я думаю, если мы хотим обучить тебя, как надо одеваться, то нам лучше начать сначала. Сперва тебе надо решить, какой образ ты хочешь являть собой. Одежда заявляет о тебе во весь голос, но тебе надо знать, каким будет это заявление. Так вот, банкиры зависят от доверяющих им свои деньги и поэтому одеваются консервативно, чтобы произвести впечатление надежности. Никто не даст своих денег банкиру, выглядя-

шему так, словно он день-деньской валяет дурака. На другом конце шкалы находятся профессиональные артисты. Эти зарабатывают деньги, заставляя глядеть на себя, и поэтому одеваются обычно броско и чрезмерно пышно.

Это завораживало. Банни не говорила мне ничего такого, чего я сам не видел, но она определяла незамеченные мною раньше закономерности. Внезапно все положение с одеждой начало обретать смысл.

— Так какой же образ я являю?

— Ну, раз уж ты спрашиваешь, то в данный момент ты выглядишь, как одно из двух: либо некто настолько богатый и преуспевающий, что ему наплевать, чего подумают другие, либо мальчишка, не знающий, как одеваться. Здесь, на Базаре, знают о твоём преуспевании, поэтому купцы приходят к первому выводу и вытаскивают все крикливые наряды, какие не сумели сбавить никому другому, и считают, что ты клюнешь на них, если они запросят достаточно высокую цену.

— Сосунок или дурак, — пробормотал я про себя. — Не знаю, какой образ я хочу являть, но не любой из этих.

— Попробуй примерить такой. Ты маг, работающий по найму, верно? Тебе желательно выглядеть благополучным, чтобы твои клиенты видели, ты — хорош в своем деле, но не настолько богатым, чтобы они подумали, будто ты запросишь с них чересчур большой гонорар. Тебе нежелательно одеваться слишком консервативно, так как клиенты частично клюют на загадочность профессии мага, но если оденешься слишком броско, то будешь выглядеть балаганным шарлатаном. Короче, я думаю, тебе лучше всего ставить на "спокойную силу". Выглядеть кем-то, не принадлежащим к серой массе, но настолько уверенным в себе, что ему незачем открыто пытаться привлечь внимание.

— И как же мне так выглядеть?

— Вот тут-то и вступает в игру Банни, — подмигнула она. — Если мы договорились о цели, средства я найду. Следуй за мной.

И с этими словами она повела меня в один из самых невероятных набегов на лавки, в которых я когда-либо участвовал. Она настояла, чтобы я переделался в первый же купленный нами наряд: голубую рубашку с открытым воротом и спортивные брюки кремового цвета, с шарфом того же цвета. Клади возражала, говоря, что ей больше нравится яркая одежда, но по мере того, как мы переходили

от палатки к палатке, я заметил перемену в поведении владельцев. Они по-прежнему, казалось, немного нервничали в нашем присутствии, но предлагали нашему вниманию совершенно иной набор одежд, а некоторые даже поздравили меня с тем, что на мне надето... чего прежде никогда не бывало.

Должен признаться, меня немного удивило, как дорого стоили некоторые из этих "простых и спокойных" предметов, но Банни заверила меня, что ткань и отделка оправдывали цену.

— Не понимаю я этого, — съехидничал при одной такой покупке я. — Я думал, все бухгалтеры жмоты и скеалыги, а тут ты — идеальный потребитель.

— Ты ведь не видел, как я вынимаю свою пачку денег, не так ли? — промурлыкала в ответ она. — Бухгалтеры могут пойти на необходимые расходы, лишь бы на чужие деньги. Наша главная задача — дать тебе максимальную покупательскую способность за твои нелегко заработанные наличные.

И так оно и пошло. Когда я нашел время подумать, мне пришло в голову, что если Банни была Топором, то она жутко старалась заставить меня выглядеть хорошо. Я все еще пытался вычислить, как это могло вписываться в некий дьявольский план, когда почувствовал, как меня толкнули под локоть. Оглянувшись, я обнаружил стоявшего рядом со мной Ааза.

Ну, когда я навожу чары личины, то по-прежнему вижу зачарованных такими, какие они есть. Вот потому-то я нервно вздрогнул, прежде чем вспомнил, что для всех прочих на Базаре он выглядел перебрасывающимся несколькими словами собратом-покупателем.

— Неплохой наряд, партнер, — одобрил он. — Похоже, твоя маленькая подружка всерьез занялась твоим гардеробом.

— Спасибо, Ааз. Тебе действительно нравится?

— Разумеется. Но есть-таки один маленький предмет, который ты мог бы добавить к своему списку прежде, чем мы отправимся домой.

— Какой именно?

— Штук пять карточных колод. Хотя твой новый образ, возможно, и произведет впечатление на Малыша, я думаю, на него больше подействует, если ты потратишь немного

времени, обучаясь играть в драконий покер, прежде чем схватишься с ним.

Мыльный пузырь моего самодовольства тут же лопнул. Ааз был прав. Оставляя в стороне одежду и Топора, мне вскоре предстояло столкнуться с одним важным делом, и этим делом было состязание с самым лучшим игроком в драконий покер во всех измерениях.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Везения иногда недостаточно.

В. Люцано

- Великан онер, Скив. Ставь.
- О! Гмм... иду на десять.
- Гну твои десять.
- Пас.
- Для меня двадцать? Я накину еще двадцать сверху.
- Поддерживаю.

Теперь уж это должно звучать для вас знакомо. Совершенно верно. Драконий покер в полном разгаре. На сей раз, однако, шла товарищеская игра между Аазом, Танандой, Коррешем и мной. Конечно, выражение "товарищеская" я здесь употребляю порядком вольно.

Помимо случавшихся иной раз перепалок мне никогда раньше не доводилось биться с этой троицей. То есть, когда случалась беда, мы смыкали свой круг рогами наружу, а не внутрь. В первый раз я оказался при конфликте на противоположной стороне от своих коллег, и мне это ни-сколечко не нравилось. Понимая, что это всего лишь игра и притом тренировочная игра, я вдруг очень порадовался, что мне не приходилось сталкиваться ни с кем из них в реальной ситуации, где речь шла о жизни и смерти.

Подтрунивание еще не прекратилось, но приобрело какую-то резкость. Когда игроки сосредоточились друг на друге, словно кружащиеся хищники, над столом нависла туча напряжения. Она висела и при игре в "Равных Шансах", но тогда я этого ожидал. При карточной игре не ждешь поддержки или сочувствия от совершенно незнакомых партнеров. Беда в том, что эти трое самых близких

моих друзей превращались в совершенно незнакомых партнеров, когда фишки брошены... извиняюсь за выражение.

— По-моему, ты блефуешь, братец. Добавляю еще сорок.

Я сглотнул и толкнул в банк еще одну стопку из своей уменьшающейся кучки фишек.

— Поддерживаю.

— Вы меня достали, — пожал плечами тролль. — Пас.

— Ну, Скив. Остаемся только мы с тобой. У меня флешь онеров-эльфов.

Она открыла свои карты и выжидающе посмотрела на меня. С уверенной, как я надеялся, рисовкой я перевернул свои темные карты.

Воцарилось молчание, когда все нагнулись, уставившись на мои карты.

— Скив, это мусор, — сказала наконец Тананда. — Ааз пасанул с лучшим раскладом, чем этот, даже без учета его темных карт. Я разбила тебя вдребезг.

— Она пытается сказать, партнер, — осклабился Ааз, — что тебе следовало либо пасовать, либо поднимать. Поддерживать ее ставку, когда у нее открытые карты будут твою сдачу, значит, просто выбрасывать деньги.

— Ладно, ладно! Мысль уловил.

— Да? У тебя тут есть еще пятьдесят фишек. Ты уверен, что не хочешь подождать, когда проиграешь и их тоже? Или, может, нам снова распределить фишки и начать с начала... опять.

— Полегче, Ааз, — приказала Тананда. — У Скива была действенная для него раньше система. Почему б ему не захотеть испытать ее, прежде чем поневоле взяться за что-то новое?

Они подразумевали мое первоначальное сопротивление обучению драконьему покеру. Я, в общем, почти решил скорее управиться с предстоящей игрой точно так же, как сыграл тогда в "Равных Шансах", чем пытаться ускоренно выучить правила. После некоторого обсуждения (читай — спора) мы договорились сыграть для демонстрации, чтобы я смог показать своим тренерам, как хорошо действует моя система.

Ну, я им показал.

Ааза я видел насквозь довольно неплохо, возможно, потому, что знал его как облупленного. Но вот Корреш и Тананда заткнули меня за пояс. Мне не удавалось уловить

никаких выдающих намеков ни в их речи, ни в манере, и я не сумел заметить никакой очевидной связи между тем, как они ставили и какие держали на руках карты. В угнетающе короткий промежуток времени я лишился опущенных мне первоначально фишек. Затем мы снова поделили столбики и начали опять... с тем же результатом. Теперь мы приближались к концу третьего раунда, и я готов был бросить полотенце.

Как ни хотелось мне сказать себе, что мне просто подвалила непуха или что мы сыграли слишком мало партий, чтобы проявилась какая-то закономерность, ужасная правда заключалась в том, что меня просто превосходили в классе. Я хочу сказать, обычно мне удавалось уловить, хорошая ли сдача у игрока. Затем возникал вопрос, "насколько хорошая" или, конкретней, лучше ли, чем мой. Конечно, то же самое относилось и к слабым сдачам. Я полагался на свою способность засесть игрока, ставившего на сдачу, нуждавшуюся в улучшении, или не ставит ли он просто на то, что на следующем круге другому выпадет еще худшая карта, чем ему. Однако в этой "игре для демонстрации" я вновь и вновь попадал впросак. Слишком уж много раз считаемые мною никчемными сдачи оказывались на поверку очень мощными.

Действовало это, мягко говоря, угнетающе. Ведь эти игроки сами-то и не мечтали бы вызвать на матч Малыша Сен-Сенового Захода, а мне они чистили вывеску, даже не особенно стараясь.

— Я понимаю, когда меня обставили, Ааз, — сдался я. — Даже если мне требуется на это немного больше времени, чем большинству. Я готов приняться за предложенные вами уроки... если вы все еще думаете, что от этого будет какой-то толк.

— Разумеется, будет, партнер. Это как минимум не повредит твоей игре, если сегодня вечером дан точный образец се.

На изверга можно положиться, он точно знает, какими словами подбодрить.

— Да брось, старина Ааз, — перебил Корреш. — Скив делает все, что в его силах. Он просто пытается остаться на плаву в скверном положении... как и мы все. Давай не будем утяжелять ему этого. Хммм?

— Полагаю, ты прав.

— И поосторожней с подобными замечаниями, когда

рядом Клади, — вставила Тананда. — Новый папочка вызвал у нее тяжелый случай преклонения перед героем, и он нам нужен как авторитетная фигура для удержания ее в рамках.

— Кстати, о Клади, — поморщился, оглядываясь, мой партнер. — Где наш портативный район катастроф?

Финал нашей экспедиции по лавкам прошел неважно. По мере того, как тянулся день, настроение Клади, казалось, все ухудшалось. Дважды только своевременное вмешательство наших наблюдателей спасало нас от полной катастрофы, когда она особенно расстраивалась. Не желая истощать наше везение, я объявил об окончании экскурсии, что чуть не вызвало у моей юной подопечной новую вспышку раздражения. Я гадал, прерывали ли когда-нибудь другие родители поход по магазинам из-за капризного ребенка.

— Она где-то с Банни и телохранителями. Я подумал, что это заседание будет достаточно тяжелым и без добавочного отвлечения в виде подбрасывающей папочку Клади.

— Хорошая мысль, — одобрил Корреш. — Ну, хватит болтать. Приступим?

— Правильно! — провозгласил Ааз, потирая руки и нагибаясь вперед. — Так вот, первое, что нам надо сделать, это сколотить тебе стратегию получше. Если ты сохранишь...

— Э-э-э... А не забегаешь ли ты малость вперед, Ааз? — перебила Тананда.

— Как так?

— Разве тебе не кажется, что нам неплохо было бы сперва научить его порядку раскладов? Намного легче ставить, когда знаешь, годится на что-то твой расклад или нет.

— Да. Конечно.

— Позволь заняться этим мне, Ааз, — вызвался тролль. — Так вот, Скив. Восходящий порядок раскладов такой:

Онер;

Одна пара;

Две пары;

Три одного номинала;

Три пары;

Полный Дом (три одного номинала плюс пара);

Каре (четыре одного номинала);

Флешь;

Стрит (эти два последних расклада котируются выше и реверсируются из-за шестой карты);

Полное брюхо (два набора трех одного номинала);

Полный дракон (каре плюс пара);

Флеш-рояль.

— Уразумел?

Полчаса спустя я почти мог отбарабанить весь список, не справляясь со шпаргалкой. К тому времени энтузиазм моих учителей заметно остыл. Я решил рвануть к следующему уроку, пока совсем не разочаровал их.

— Этого хватит, — объявил я. — Вызубрить я могу и сам в свободное время. Куда пойдем дальше? Сколько мне следует ставить на эти сдачи?

— Не так быстро, — осадил меня Ааз. — Сперва тебе надо закончить обучение сдачам.

— Ты хочешь сказать, что есть еще какие-то? Я думал...

— Нет. Ты усвоил все сдачи... или усвоишь при небольшой тренировке. Теперь тебе надо усвоить *условные модификаторы*.

— Условные модификаторы? — слабым эхом повторил я.

— Разумеется. Без них драконий покер был бы всего-навсего еще одной простой игрой. Теперь ты начинаешь понимать, почему я раньше не хотел тратить время на обучение тебя ей?

Я молча кивнул, уставясь на свой список карточных раскладов. У меня почему-то возникло ощущение, что он станет еще сложнее.

— Выше нос, Скив, — весело подбодрил Корреш, хлопнув меня по плечу. — Это будет легче, чем если б мы пытались обучить тебя всей игре.

— Да? — моргнул я, слегка оживляясь.

— Разумеется. Понимаешь, условные модификаторы зависят от определенных переменных, вроде дня недели, числа игроков, положения стульев и тому подобного. А поскольку этот матч организован загодя, мы знаем, какими будет большинство этих переменных. Например, играть будете только вы двое, а ты, как вызванный на матч, имешь право выбрать стул... займи, между прочим, стоящий лицом к югу.

— Мой старший братец пытается сказать на свой неуклюжий лад, — перебила Тананда, мягко сжав мне руку, — что тебе требуется усвоить не все условные модифика-

торы — только те, которые будут действовать при твоей игре с Малышом.

— А, уловил. Спасибо, Корреш. Я сразу чувствую себя намного лучше.

— Отлично. Нам интересны самое большее дюжина-другая.

Испытанное мною чувство облегчения мигом превратилось в ледышку у меня в животе.

— Две дюжины условных модификаторов?

— Брось, братец. Их не может быть так много.

— Я собирался сказать, что он, по-моему, недооценивает, — усмехнулся Ааз.

— Ну давай хорошенько подсчитаем, черт возьми, и посмотрим.

— Красные драконы будут свободными при четных партиях...

— ...но единороги будут свободными весь вечер...

— ...расклад "столкновение" весь вечер не будет иметь силы, вот потому-то мы и не потрудились занести его в список, партнер...

— ...раз за вечер игрок может сменить масть одной из своих карт...

— ...каждые пять партий порядок карт переворачивается, поэтому фоски станут онерами и наоборот...

— ...тройки весь вечер будут убитыми и к ним нужно относиться как к пустым картам...

— ...а коль скоро будет разыграно каре, эта карта тоже будет убита...

— ...если это не свободная карта — тогда она просто перестает быть свободной и может разыгрываться, как обычно...

— ...если при первых двух сдачах в открытую любому игроку выпадает десятка, то семерки будут убиты...

— ...если не появится вторая десятка, тогда она аннулирует первую...

— ...конечно, если первой картой, сданной в открытую на кон, окажется Великан, то кон играется с одной лишней темной картой при четырех открытых и пяти темных...

— ...естественный расклад бьет расклад равной ценности, составленный с помощью свободных карт...

— Эй — это же не условный модификатор. Это постоянное правило.

— Оно будет в силе, не так ли? Некоторые из условных модификаторов аннулируют постоянные правила, и поэтому я счел, что нам нужно...

- Вы что — разыгрываете меня?!

Разговор на миг прервался, и мои тренеры уставились на меня.

— Я хочу сказать, это ведь шутка. Верно?

— Нет, партнер, — осторожно ответил Ааз. — В этом-то и состоит весь смысл драконьего покера. Как сказал Корреш, радуйся, что тебе играть только один вечер и нужно усвоить сокращенный список.

— Но откуда у меня возьмется шанс победить в этой игре? Я ж даже всех правил-то не смогу запомнить.

За столом возникло неловкое молчание.

— Я... э-э-э... думаю, ты не уловил суть, Скив, — сказала наконец Тананда. — Шансов на победу у тебя нет. Малыш — самый лучший игрок из всех, какие есть. Ни за несколько дней, ни за несколько лет ты никак не сможешь научиться хотя бы настолько, чтоб заставить Малыша попотеть, добывая свои деньги. Мы лишь пытаемся достаточно обучить тебя, чтобы ты не осрамился — не погубил репутацию Великого Скива — когда он будет кромсать твою ставку. Ты должен, по крайней мере, выглядеть знающим, что делаешь. Иначе ты покажешься дураком, у которого не хватает ума понять, как мало он знает.

Я немного подумал над этим.

— А разве это описание не соответствует и в самом деле мне до последней буквы?

— Если так, пусть все остается в кругу семьи. Идет? — подмигнул мне партнер, игриво стукнув по плечу. — Выше нос, Скив. В некоторых отношениях это будет даже забавно. Ничто так не позволяет сыграть до конца свою роль, как участие в игре без давящего на тебя стремления к победе.

— Разумеется, Ааз.

— Отлично, так давай же вернемся к ней. Просто послушай еще раз. Позже мы снова все повторим медленно, давая тебе записать.

И с этими словами они опять принялись за обучение.

Я слушал вполуха, изучая в то же время свои чувства. На первую игру в "Равных Шансах" я пошел, ожидая

проигрыша, но видел в этом светский вечер. Мне было не по силам заставить себя поверить, будто этот матч с Малышом будет светским. Как ни уважал я взгляды своих советников, мне было крайне трудно согласиться с мыслью, что, проиграв, я помогу своей репутации. Но они были правы, я не мог достойно отказаться от вызова. А если я не имел шансов выиграть, то мне оставалось только достойно проиграть. Верно?

Однако как я ни старался, мне не удавалось заглушить тихий голосок в глубине души, не перестававший твердить, что идеальным решением было бы обчистить Малыша. Но это, конечно, невозможно. Верно? Верно?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мне нужны все друзья, каких я только
смогу приобрести.

Квазилуго

Хотя временами моя жизнь может показаться запутанной и угнетающей, есть по крайней мере одно существо, которое никогда не отвернется от меня в тяжелый час.

— Глип!

Я никогда не понимал, как это драконий язык может быть одновременно и слизистым и шершавым, как рашпиль, но он таков. Ну, по крайней мере он таков у моего дракона.

— Тихо, парень... ти... эй! Кончай, Глип. Прекрати!

— Глип! — заявил мой дракон, ловко увертываясь от моих рук и оставляя у меня на лице еще один слизистый след.

Послушен он даже чересчур. Говорят, по тому, как хорошо человек справляется с животными, можно судить о его способностях к руководству.

— Черт возьми, Глип! Это серьезно!

Я часто пытался убедить Ааза, что мой дракон действительно понимает сказанное мной. То ли поэтому, то ли просто по чувствительности к моему тону, Глип присел на задние ноги и внимательно склонил голову набок.

— Вот так-то лучше, — вздохнул я, осмелившись снова дышать носом. Драконы славятся своим смрадным дыханием (отсюда и выражение “драконья пасть”), и когда мой зверек демонстрирует свою приязнь, к несчастью возникает побочный эффект, повергающий меня чуть ли не в обморочное состояние. Конечно, даже дыша ртом, я все равно ощущал его.

— Видишь ли, у меня возникла проблема... ну, не-

сколько проблем, и я подумал, мол, если я смогу рассказать о них, когда меня никто не будет перебивать, то, может...

— Глип!

Язык выскользнул вновь, на сей раз застигнув меня с открытым ртом. Хотя я и люблю своего зверька, бывают времена, когда у меня возникает желание, чтоб он был... ну, поменьше. Времена вроде настоящего... и когда мне приходится убирать его стойло.

— Хотите, я прижучу вам дракона, босс?

Я оглянулся и обнаружил сидящего на одной из садовых скамеек Нунцио.

— А. Привет, Нунцио. Что ты здесь делаешь? Я думал, вы с Гвидо обычно ретируетесь, когда я выгуливаю Глипа.

— Так то обычно, — пожал плечами телохранитель. — Мы с кузеном потолковали об этом и решили, раз на свободе гуляет этот Топор, одному из нас надо все время держаться рядом с вами, понимаете, что я имею в виду? Сейчас моя смена, и я буду торчать до упора... чем бы вы ни занимались.

— Ценю вашу заботу, но думаю, здесь мне не грозит опасность попасть под удар. Я уже решил не выводить Глипа из дому, пока все не утрясется. Нет смысла искушать судьбу.

Это было по крайней мере частично правдой. На самом-то деле я решил, что мне неохота давать Топору возможность нанести мне удар через моего зверька. И нечего подливать масло в огонь, Ааз и без того уже достаточно жаловался на житье в одном доме с драконом. Конечно, если мои подозрения верны и Банни действительно была Топором...

— Лучше перебдеть, чем сожалеть... и вы не ответили на мой вопрос. Хотите, я прижучу вам дракона?

Логика моих телохранителей иногда совершенно до меня не доходит.

— Нет. Я имею в виду, зачем тебе прижучивать Глипа? Он же ящер, а не насекомое.

Нунцио закатил глаза.

— Я не имею в виду, прижучить его, словно он и в самом деле жук. Я имею в виду, хотите я нечто-то отделаю его? Ну, знаете, малость задам ему перцу. Я не суюсь в дела между вами и вашим партнером, но вы не должны терпеть таких выходов от дракона.

— Он просто проявил дружелюбие.

— Дружелюбие, шмендролюбие. Судя по всему, что я видел, вам больше грозит опасность быть пришибленным собственным зверьком, чем любым другим, кого я видел на Базаре. Я всего лишь прошу позволить мне выполнять свою работу... мне, знаете, полагается охранять ваше тело. Вот отсюда-то моя должность и получила свое высокое название.

На меня уж не в первый раз произвела впечатление преданность Нунцио своей работе. На мгновение у меня возникло искушение разрешить ему сделать, чего ему хотелось. Однако в последнюю минуту в голове у меня промелькнул образ того, как мой здоровенный телохранитель и дракон с воодушевлением борются посреди сада.

— Э-э-э... спасибо, но, думаю, я как-нибудь переживу, Нунцио. Глип может иногда стать занозой, но мне в своем роде нравится, когда он иной раз скачет вокруг меня. Благодаря этому я чувствую себя любимым. Кроме того, я не хотел бы, чтоб он пострадал... или ты, если уж на то пошло.

— Скакать вокруг вас — это одно дело. А делать это, когда вам того не хочется, нечто совсем иное. Окромя того, он у меня не страдает. Я просто... вот давайте, я вам покажу!

И прежде чем я успел его остановить, он очутился на ногах и принял перед драконом стойку, широко расставив ноги и полусогнув их.

— Подь сюда, Глип. Давай, парень.

Мой зверек резко оглянулся, а затем прыгнул к тому, кого он счел новым товарищем по играм.

— Нунцио, я...

Как раз в тот миг, когда дракон добрался до него, мой телохранитель поднял руку ладонью вперед.

— Глип, стой! Сидеть! Я сказал, сидеть!!

Случившееся вслед за тем мне пришлось реконструировать позже, прокрутив опять ленту памяти, настолько быстро все произошло.

Рука Нунцио молниеносно метнулась вперед и сомкнулась на морде Глипа. Он рывком опустил ему нос, пока тот не очутился под головой моего зверька, а затем резко толкнул вверх.

Не закончив шага, задние ноги дракона упали в сидячее

положение, и он остановился, не переставая недоуменно хлопать ресницами.

— А теперь, место. Место!!

Мой телохранитель осторожно разжал руку и шагнул назад, держа ладонь плашмя перед мордой мого зверька.

Глип слегка задрожал, но не шелохнулся, сохраняя сидячее положение.

— Видите, босс? Теперь будет помнить, — крикнул, не оборачиваясь, Нунцио. — Просто надо быть с ним потверже.

Я вдруг осознал, что моя челюсть у меня отвисла чуть не до колен.

— Что... это невероятно, Нунцио! Как ты... что ты...

— Полагаю, вы и не знали, — усмехнулся он. — Я одно время работал укротителем зверей... по большей части опасных, для представлений, понимаете, что я имею в виду?

— Укротителем зверей?

— Да. Это казалось логичным продолжением карьеры школьного учителя... только тут не приходилось беспокоиться о родителях.

Мне пришлось сесть. Демонстрацией своего умения с Глипом и внезапными откровениями о своем прошлом Нунцио подверг мой мозг серьезной перегрузке.

— Укротитель зверей и школьный учитель.

— Совершенно верно. Слушайте, хотите, я еще немного поработаю с вашим драконом теперь, когда он успокоился?

— Нет. Дай ему немного побегать. Ему полагается сейчас выгуливаться.

— Вы — босс.

Он повернулся к Глипу и резко хлопнул в ладоши. Дракон отпрыгнул назад и припал к земле, готовый поиграть.

— Лови, парень!

Двигаясь на диво убедительно, телохранитель подобрал с земли воображаемый мяч и притворно бросил его в противоположный конец сада.

Глип круто развернулся и дунул в направлении "броска", расплющив по пути скамейку и два куста.

— Просто изумительно, — пробормотал я.

— Я не хотел вмешиваться, — опустил рядом со мной на скамью Нунцио. — Просто все выглядело так, словно вы хотели поговорить, а дракон хотел порезвиться.

— Пустое. Все равно я предпочел бы поговорить с тобой.

И умеренно поразился, открыв, что это правда. Я всегда был немножко одиночкой, но в последнее время я, кажется, не только мог поговорить с людьми, но и делал это с удовольствием. Я надеялся, что это не изменит моей дружбы с Глипом.

— Со мной? Разумеется, босс. О чем бы вы хотели со мной поговорить?

— Так, ни о чем особенном. Полагаю, я только сейчас понял, что мы никогда по-настоящему не разговаривали, так вот, вдвоем. Скажи мне, как тебе нравится наша операция здесь?

— Отлично, полагаю. Никогда по-настоящему особо об этом не задумывался. Тут не заурядная операция Синдиката, это уж наверняка. Около нас болтается немало странного народа... но они милые ребята. Я б отдал правую руку за любого из них, такие они милые. А там у нас дело обстоит иначе. В большинстве филиалов все пытаются продвинуться и обскакать друг друга... и потому тратят больше времени на слежку друг за другом, чем за противником. А здесь все прикрывают друг друга вместо того, чтоб подставлять своим ножку.

— А ты хочешь продвинуться, Нунцио?

— И да, и нет, понимаете, что я имею в виду? Я не хочу заниматься тем же самым делом до конца жизни, но и наверх не рвусь. На самом-то деле мне своего рода нравится работать на других. Я предоставляю им принимать важные решения, а потом мне всего-навсего надо вычислить, как сыграть в происходящем свою роль.

— Ты здесь безусловно играешь свою роль, — кивнул я. — Раньше я и не представлял себе, как трудна работа телохранителей.

— В самом деле? Вот здорово, приятно слышать это от вас, босс. Мы с Гвидо иногда чувствуем себя здесь мертвым грузом. Может быть, именно потому-то мы так и стараемся выполнять свою работу. Я никогда особо не думал, нравится мне здесь или нет. Я имею в виду, я отправляюсь, куда мне поручено, и делаю, что мне велено, и поэтому мое мнение не имеет значения. Верно? Но я знаю, что действительно сожалел бы, если б мне пришлось уйти. Никто и никогда не обращался со мной так, как вы и ваша команда.

Может, Нунцио и не был ни интеллектуальным гиган-

том, ни самым сообразительным, кого я знал, но я находил трогательной его простую честность... не говоря уж о вытекающей из нее преданности.

— Ну, у вас есть здесь работа, покуда мое слово по этой части хоть что-то значит, — заверил я его.

— Спасибо, босс. Я начинал немного уставать от того, как действует Синдикат, понимаете, что я имею в виду?

Это мне кое о чем напомнило.

— Раз уж об этом зашла речь, Нунцио, как по-твоему, Синдикат стал бы вообще впутываться в такое дело, как очернение?

Лоб телохранителя наморщился от мыслительных усилий.

— Не! — сказал он наконец. — Нам по большей части платят, чтобы мы не делали всяких дел. Если нам требуется уделать кого-то, то мы обычно делаем из них показательный пример и устраиваем что-нибудь бросающееся в глаза, скажем, сжигаем им дом или ломаем ноги. Если мы поломает кому-то карьеру, кто об этом узнает? Сказанное Танандой о Топоре очень интересно, но это просто не наш стиль.

— Даже за подходящую цену? — не отставал я. — Сколько, по-твоему, потребовалось бы, чтобы побудить дона Брюса отправить сюда кого-то по нашу душу?

— Не знаю. Я б сказал, по меньшей мере... минутку! Вы спрашиваете, не Банни ли Топор?

— Ну, она-таки...

— Забудьте об этом, босс. Даже если б она могла справиться с такой работой, в чем я не слишком уверен, дон Брюс никогда б не отправил ее против вас. Черт, вы сейчас один из любимых его главарей. Слышали бы вы его... — Нунцио вдруг прижал ладони к щекам и заговорил, придав лицу преувеличенную бульдожистость: — "...Этот Скив, у него действительно котелок варит, понимаете, что я имею в виду? Господи! Да будь у меня сотня таких, как он, я мог бы встать у руля всей этой организации".

Он так идеально изобразил дона Брюса, что я нсвольно рассмеялся.

— Великолепно, Нунцио. Он когда-нибудь видел, как ты это делаешь?

— Я же еще работаю и дышу, не так ли? — подмигнул он. — Однако, серьезно. С Банни вы ошиблись адресом. Поверьте, вы сейчас для ее дяди как зеница ока.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнул я. — Однако если это так, то я возвращаюсь туда же, откуда начал. Кто такой Топор и что он может...

— Привет, парни! Это личный разговор, или могут присоединиться и другие?

Мы подняли головы и обнаружили входящую в сад Банни.

— Подходи, Банни! — помахал я ей, слегка ткнув Нунцио локтем по ребрам. — Мы как раз собирались...

— Глип!

Мой дракон внезапно очутился передо мной. Выгнувший спину и напряженный, он совсем не выглядел игривым. Таким я видел его раньше только пару раз, а тогда...

- Стой, Глип! Глип!!! — завопил я, слишком поздно сообразив, что сейчас случится.

К счастью, Нунцио оказался проворнее меня. Прямо из сидячего положения он бросился вперед и провел силовой прием на шее моего зверька, как раз когда дракон выпустил струю пламени. Огонь выскочил, но безвредно опалил стену.

Банни одной рукой увлекла Клади к себе за спину.

— Ну и ну! Что это за...

— Счас я его! — крикнула, сжав кулачки, Клади.

- Клади!! Стой!!

— Но, папочка...

— Только погоди. Идет? Нунцио?

— Я его держу, босс, — отозвался он, надежно обхватив обеими руками морду Глипа, в то время как дракон боролся, стремясь освободиться.

— Банни? Уходи с Клади в дом! Сейчас же!!!

Обе поспешили скрыться из виду, и я переключил внимание на моего зверька.

Теперь, когда Банни и Клади пропали, Глип, казалось, успокоился так же быстро, как и взорвался. Нунцио утешающе поглаживал ему шею, тараща широко раскрытые от изумления глаза.

— Не знаю, что тут случилось, босс, но только теперь он, кажется, в порядке.

— Случилось то, — мрачно произнес я, — что Глип пытался защитить меня от чего-то или от кого-то, в чем он усмотрел угрозу.

— Но, босс...

— Слушай, Нунцио, я знаю, у тебя хорошие намеренья, но с Глипом я связан давно. И доверяю его инстинктам больше, чем своему суждению.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты тотчас же сделал две вещи. Во-первых, отвели Глипа обратно в стойло... думаю, он достаточно навыгуливался для одного дня. А потом свяжись с доном Брюсом. Я хочу немного потолковать с ним о его "подарке"!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

А я думал, мы друзья!

Банко

— А я тебе говорю, это — бред!

— Черта с два!

— Банни не может быть Топором! Она — юная космонавтка!

— Она хочет, чтобы мы думали именно так. А я выяснил иное!

— В самом деле? Как?

— По... ну, поговорив с нею.

Я заметил изъян в своей логике, как только произнес это, и Ааз не сильно от меня отстал.

— Скив, — серьезно сказал он. — Тебе приходило в голову, что будь она Топором, а ты — ее целью, то ты, вероятно, был бы последним, при ком она сняла бы маску? Ты действительно думаешь, что сумел бы хитростью заставить ее выдать свой интеллект в простом разговоре?

— Ну... может быть, она скитрила. Возможно, это ее способ сбить нас со следа.

На это мой партнер ничего не сказал. Он лишь чуть склонил голову набок и очень высоко поднял бровь.

— Это возможно, — неуверенно повторил я.

— Брось, Скив. Выкладывай.

— Что?

— Даже тебе понадобилось бы больше доказательств, прежде чем выдвинуть такие опрометчивые обвинения. Что ты не договариваешь?

Он меня достал. Я просто боялся, что он сочтет мою

истинную причину еще менее убедительной, чем уже высказанную мной.

— Ладно, — вздохнул я. — Если уж тебе действительно хочется знать, то окончательно меня убедило то, что Глип ее не любит.

— Глип? Ты имеешь в виду, этот твой глупый дракон? Этот Глип?

— Глип не глу...

— Партнер, твой дракон не любит меня! Выходит, я — Топор!!

— Но и изжарить тебя он тоже никогда не пытался! Это на миг остановило его.

— Он это сделал? Действительно жажнул по Банни?

— Совершенно верно. Не будь там Нунцио...

Словно вызванный упоминанием его имени, телохранитель сунул голову в помещение.

— Эй, босс! Дон Брюс здесь.

— Приведи его.

— Я по-прежнему думаю, что ты совершаешь ошибку, — предупредил меня, прислоняясь к стене, Ааз.

— Может быть, — мрачно ответил я. — При удаче я заставлю дона Брюса подтвердить мои подозрения прежде, чем раскрою свои карты.

— Такое мне надо увидеть.

— А вот и вы, Скив. Мальчики говорят, что вы хотели меня видеть.

Дон Брюс — сказочный крестный Синдиката. Я никогда не видел его одетым во что-либо не бледно-лилового цвета, и сегоднешний день не был исключением. Его ансамбль включал в себя шорты, сандалии, шляпу с отвисшими полями и спортивную рубашку, сплошь покрытую отпечатанными на ней большими темно-пурпурными цветами. Может быть, мои обсуждения гардероба с Банни сделали меня чрезмерно чувствительным по теме одежды, но его наряд казался едва ли подходящим для одного из наиболее могущественных людей в Синдикате.

Даже темные очки у него были с фиолетовыми линзами.

— Знаете, а каза у вас здесь блеск. Никогда раньше здесь не бывал, но многого наслушался при ежегодных докладах. Снаружи она выглядит не такой уж крупной.

— Мы любим держаться в тени, — пояснил я.

— Да, я знаю. Как я постоянно твержу им в Цент-

ральном Правлении Синдиката, вы запрягаете классным делом. Мне это нравится. Благодаря этому мы все хорошо выглядим.

Я начинал чувствовать себя немного неуютно. Последнее, что я хотел обсуждать с доном Брюсом, так это наше дело.

— Не хотите ли вина? — вмешался, приходя мне на выручку, Ааз.

— Немного рановато, но почему бы и нет? Итак! Для чего вам хотелось меня видеть?

— Дело касается Банни.

— Банни? Ах, да. Как она орудует?

Даже если б у меня не было уже подозрений, ответ дона Брюса показался бы чересчур небрежным. Ааз тоже это уловил и снова поднял бровь, наливая вино.

— Я думал, нам следует немного потолковать о том, почему вы отправили се сюда.

— О чем тут толковать? Вам требовалась шмара, и я счел...

— Я имею в виду, настоящая причина.

Наш гость умолк, поглядел пару раз то на меня, то на Ааза, а затем пожал плечами.

Она вам сказала, да? Забавно, я б подумал, что уж эту-то тайну она сохранит.

— На самом-то деле, я сам догадался. Фактически, когда об этом зашла речь, она все отрицала.

— Всегда говорил, что вы умница, Скив. Теперь я вижу, что у вас хватает ума заставить меня признаться — из Банни никакой хитростью ничего не выжмешь. Очень даже неплохо.

Я бросил победоносный взгляд на Ааза, ставшего внезапно очень занятым поглощением вина. Несмотря на свое чувство торжества по случаю раскрытия лица Топора, я все еще испытывал более чем легкое раздражение.

— Но вот чего я не могу угадать, — сказал я, — так это зачем вы вообще пошли на это. Я всегда вел с вами довольно честную игру.

У дона Брюса, по крайней мере, хватило приличия выглядеть смущенным.

— Знаю, знаю. В то время это показалось хорошей идеей, вот и все. Я очутился несколько в затруднительном положении, а это казалось безвредным выходом.

— Безвредным? Безвредным! Да мы же говорим обо всей моей жизни и карьере.

— Эй! Бросьте, Скив. Признайтесь, тут вы чуточку преувеличиваете! Не думаю...

— Преувеличиваю??

— Ну, я по-прежнему думаю, что из вас выйдет для нее хороший муж...

— Преувеличиваю? Ааз, ты слышишь...

Повернувшись воззвать к своему партнеру, я заметил, что он так буйно хохочет, что проливает вино. Из всех реакций, какие я мог от него ожидать, смех не был...

И тут до меня дошло.

— Муж?!?!?

— Конечно. Разве мы не об этом говорим?

— Скив думает, что ваша племянница — Топор и что вы спустили ее на него с целью погубить его карьеру, — сумел выдавить сквозь смех мой партнер.

— Топор???

— Муж???

— Вы с ума сошли?

— Один из нас точно сошел!!

— А может, оба? — усмехнулся, вставая между нами, Ааз. — Кто-нибудь хочет вина?

— Но он же сказал...

— Как насчет...

— Господа, господа. Между вами явно немного испортилась связь. Я предлагаю вам обоим выпить вина, а потом начнем все снова с самого начала.

Почти механически мы оба потянулись за вином, не переставая глядеть друг на друга, словно разъяренные коты.

— Отлично, — кивнул мой партнер. — А теперь, дон Брюс, вам, по-моему, как команде гостей, начинать первым.

— Что это за разговоры о Топоре?! — потребовал ответа синдикалист, так резко наклонившись вперед, что выплеснул из бокала половину вина.

— Вы знаете, кто такой Топор?

— Я знаю, что он такое! Вопрос в том, какое он имеет отношение к вам и Банни.

— Мы недавно услышали, что кто-то нанял Топора уделать Скива, — уведомил его Ааз.

— ...Примерно в то самое время, когда появилась Банни,
— добавил я.

— И из этого, надо полагать, вытекает, что она —
Топор?

— Ну, у нас были некоторые неприятности после ее
прибытия.

— Какие, например?

— Ну-у... Тананда ушла из дому из-за сказанного ею,
когда она однажды утром выяснила, что в моей спальне
была Банни.

— Тананда? Та самая Тананда, которая сказала мне:
“Привет”, когда я сегодня зашел сюда?

— Она... гмм... вернулась.

— Понятно. Что еще?

— Она спугнула мою подружку.

— Подружку? У вас есть подружка?

— Ну, не совсем... но могла бы быть, не будь здесь
Банни.

— Угу. Ааз, вы никогда не рассказывали ему про “си-
ницу в руках”?

— Я стараюсь, но он не силен слушать.

Я всегда могу рассчитывать, что мой партнер кинется
защищать меня во время кризиса.

— Что еще?

— Гмм...

— Скажи ему, — улыбнулся Ааз.

— Сказать мне что?

— Мой дракон ее не любит.

— Меня это не удивляет. Она никогда не ладила с
животными... по крайней мере, с четвероногими. Однако
я не вижу, почему из этого вытекает, будто она Топор.

— Это... это просто завершающее звено в цепи других
доказательств...

Мой голос осекся перед каменным взглядом дона Брюса.

— Знаешь, Скив, — сказал наконец он. — Как ты мне
ни нравишься, бывают времена вроде теперешнего, когда
я желаю, чтобы ты выступал за другую сторону закона.
Если б окружной прокурор лепил дело так, как ты, мы б
могли сократить свои расходы по подкупу на девяносто
процентов, а гонорары нашему юристу — на сто!

— Но...

— А теперь послушай как следует, потому что я намерен объяснить это только раз. Ты — представитель Синдиката и меня здесь, на Базаре. Если ты выглядишь плохо, то выглядим плохо и мы. Усек? Какой нам может быть смысл нанимать кого-то с целью заставить тебя — и нас — выглядеть плохо?

Загнанный в угол, я обернулся за поддержкой к Аазу.

— Это был следующий вопрос, который собирался задать я, партнер.

Восхитительно.

— Ну, — объявил, вставая, дон Брюс. — Если с этим улажено, то, полагаю, я могу теперь идти.

— Не так быстро, — улыбнулся, подняв руку, мой партнер. — Есть еще дельце с вопросом, заданным Скивом — если Банни не Топор, то что она здесь делает? Что это вы там говорили насчет мужа?

Синдикалист погрузился в кресло и потянулся за вином, все время избегая встречаться со мной взглядом.

— Я не становлюсь моложе, — сказал он. — Однажды мне предстоит уйти на покой, и я подумал, что, возможно, мне следует начать подыскивать замену. Всегда приятно, чтоб замы были членами семьи... я имею в виду, настоящей семьи, а поскольку у меня есть незамужняя племянница...

— Тпру! Минутку, — перебил Ааз. — Вы говорите, что рассматриваете Скива как своего грядущего заместителя в Синдикате?

— Это возможно. Почему бы и нет? Как я сказал, он управляет классным делом, и он умен... по крайней мере, я так думал.

— Дон Брюс, я... я не знаю, что и сказать, — честно сказал я.

— Тогда и не говори ничего! — мрачно посоветовал он. — Что б там ни должно произойти, до этого еще далеко. Вот потому-то я ничего тебе прямо не сказал. Я еще не готов уйти на покой.

— О. — Я не знал, что чувствовать — разочарование или облегчение.

— Так насчет Банни? — напомнил мой партнер.

Синдикалист пожал плечами.

— Чего тут сказать такого, что уже не сказано? Она моя племянница, а он один из лучших моих лейтенантов.

Я подумал, что будет неплохо свести их поближе и посмотреть, не выйдет ли чего-нибудь.

— Я... я не знаю, — задумчиво проговорил я. — Я хочу сказать, Банни достаточно мила... особенно теперь, когда я знаю, что она не Топор. Просто, по-моему, я не готов еще вступить в брак.

— Я и не говорил этого, — пожал плечами дон Брюс. — Не пойми меня неправильно, Скив. Я не пытаюсь подтолкнуть тебя к этому. Я знаю, что на это требуется время. Как я сказал, я просто устроил так, чтобы вы могли встретиться и посмотреть, не получится ли чего... вот и все. Если выйдет, прекрасно. Если нет, тоже прекрасно. Я не собираюсь пытаться что-то навязывать и не обманываюсь, полагая, будто из вас получится хорошая пара, если вы этого не захотите. На худой конец, пока ты выясняешь это, у тебя будет очень хороший бухгалтер... а судя по цифрам в вашем финансовом отчете, вам это не помешает.

— Неужели?

Он наконец ущипнул Ааза рядом с чувствительным местом... или с бумажником, что в его случае одно и то же.

— А что плохого в наших финансах? У нас все благополучно.

— Благополучно — не отлично. У вас, ребята, нет никакого плана. Как я понимаю, вы так долго жили со дня на день, без уверенности в будущем, что так и не научились ничего делать с деньгами, кроме как копить и тратить их. Банни может показать вам, как заставить деньги работать на вас.

Ааз задумчиво потер подбородок. Было интересно посмотреть, как мой партнер разрывается между гордостью и жадностью.

— Не знаю, — сказал наконец он. — Звучит это неплохо, и мы, вероятно, в конечном итоге подумасм об этом, но в данную минуту у нас немного туго с деньгами.

— Как я слышал, у вас все время туго, — сухо заметил дон Брюс.

— Нет. Я имею в виду, что в данную минуту у нас действительно туго с финансами. Немалая часть нашего капитала связана сегодняшней крупной игрой.

— Крупной игрой? Какой крупной игрой?

— Скиву предстоит сегодня вечером сразиться в дра-

коний покер один на один с Малышом Сен-Сеновым Заходом. Его вызвали на этот матч.

— Вот потому я и хотел поговорить с вами о Банни, — сказал я. — Поскольку я думал, что она Топор, то не хотел, чтобы она была тут и натворила бед при игре...

— Почему мне никто не сообщил об этой игре? — потребовал ответа дон Брюс. — В вашем докладе об этом ни слова!

— Это произошло уже после доклада.

— Какие ставки?

Я посмотрел на Ааза. Я был так занят, пытаюсь научиться играть в драконий покер, что так и не собрался спросить о ставках.

По какой-то причине мой партнер вдруг явно почувствовал себя неудобно.

— Настольные ставки, — ответил он.

— Настольные ставки? — нахмурился я. — Что это?

Я наполовину ожидал обещания объяснить потом, но вместо этого он с удивительным энтузиазмом занялся этой темой.

— При настольных ставках каждый из вас начинает с определенной суммой денег. А потом вы играете, пока у одного из вас не иссякнут фишки. или...

— Я знаю, что такое настольные ставки, — перебил дон Брюс, — а хочу я узнать, на какую сумму вы играете.

Ааз поколебался, а затем пожал плечами.

— Четверть миллиона с каждого.

- *Четверть миллиона?*

Такой ноты я не брал с тех пор, как у меня сломался голос.

— Разве ты не знал? — нахмурился синдикалист.

— Мы ему не говорили, — вздохнул мой партнер. — Я боялся, что если он узнает, каковы ставки, то оцепенеет и перестанет соображать. Мы собирались просто дать ему стопку фишек и предоставить играть, не сообщая, сколько они стоят.

— Четверть миллиона? — повторил я, на сей раз чуть более хрипло.

— Видишь? — усмехнулся Ааз. — Ты оцепенеешь.

— Но, Ааз, а у нас есть лишние четверть миллиона?

Улыбка моего партнера поблекла, и он начал избегать встречаться со мной взглядом.

— На это могу ответить я, Скив, — вмешался дон Брюс. — Ни у кого нет лишней четверти миллиона. Даже если она у вас есть, она отнюдь не лишняя, понимаешь, что я имею в виду?

— На это пойдут не все наши деньги, — медленно проговорил Ааз. — Другие тоже отстегнули из своих сбережений — Тананда, Корреш, Маша, даже Гвидо и Нунцио. Мы все участвуем в деле.

— Мы тоже, — объявил синдикалист. — Возьмите у Синдиката половину этой суммы.

Не уверен, кто больше удивился, Ааз или я. Но оправился первым Ааз.

— Это очень мило с вашей стороны, дон Брюс, но вы не понимаете, что здесь происходит на самом деле. Скив — рядовой любитель в этой игре. Ему однажды вечером повезло, а к тому времени, когда фабрика слухов кончила трепать об этом, он вытянул вызов на матч от Малыша. Отказаться он не может, так как будет тогда выглядеть дураком, а при разгуливающем на свободе Топоре мы не можем позволить себе никакой плохой прессы, если в состоянии избежать этого. Вот почему мы скидываемся с целью дать Скиву возможность пойти туда и проиграть достойно. Реальный исход предreshен. Малыш съест его заживо.

— ...А вы, возможно, не слушали меня ранее, — грянул в ответ синдикалист. — Если Скив выглядит плохо, плохо выглядим и мы. Синдикат поддерживает своих людей, особенно когда речь идет об образе в глазах общественности. Выиграем или проиграем, мы половинные участники, идет?

— Как скажете, — пожал плечами Ааз.

— ...И постарайтесь зарезервировать мне пару мест. Я хочу увидеть своего мальчика в действии — собственными глазами.

— Это ж недешево обойдется!

— Разве я спрашивал? Просто...

Я больше в общем-то не слушал их разговор. Раньше я не понимал, как же крепко поддерживают меня друзья.

Четверть миллиона...

Вот в этот миг в мозгу у меня и выкристаллизовалось нечто, парившее там уже несколько дней. Что бы там ни

думали другие, я собирался приложить все силы для вы-
игрыша!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Заткнись и токи по курсу!
Франклин Д.Рузвельт.

Тем вечером, когда мы отправились в "Равные Шансы", Базар окутала аура ожидания. Сперва мне думалось, что я просто вижу все иначе из-за своих предчувствий и нервозности. Однако по мере того, как мы шли, становилось все более и более очевидным, что дело тут не просто в моем воображении.

Ни один лотошник и лавочник не подходил к нам, ни один девол не приветствовал нас, предлагая сделку. Напротив, когда мы шли по проходам, все разговоры и дела приостанавливались и все поворачивались посмотреть нам вслед. Некоторые желали удачи или дружески шутили, что увидятся со мной после игры, но по большей части все просто молча и замороженно глазели на нас.

Если у меня возникали когда-нибудь сомнения насчет существования или размаха фабрики слухов и сообщений из уст в уста на Базаре, то тем вечером они отпали навек. Все, и я имею в виду именно все, знали, кто я, куда иду и что меня ждет.

В некоторых отношениях это было забавно. Ранее я уже отмечал, что в районе, непосредственно примыкающем к нашему дому, я старался держаться в тени и привык гулять там незамеченным. Мои недавние походы по лавкам принесли мне определенную известность, но она не шла ни в какое сравнение с этой. Сегодня вечером я был настоящей знаменитостью! Сознывая неопределенность исхода игры, я решил воспользоваться моментом и сыграть свою роль до конца.

В определенной степени это было легко. Мы и так уже представляли собой внушительную процессию. Гвидо и

Нунцио облачились в свою рабочую одежду в виде дождевиков и оружия и шли впереди, расчищая нам дорогу сквозь толпу зевак. Таманда и Корреш замыкали шествие и выглядели положительно мрачными, зыркая глазами на всякого, кто казался подобранным чересчур близко. Ааз шел непосредственно передо мной, неся в двух больших мешках наши деньги для ставок. Если у кого-то и возникала мысль изъять у нас деньги, то им требовалось всего-навсего посмотреть на раскованную походку Ааза и увидеть блеск в его желтых глазах, как они внезапно решили бы, что есть и более легкие способы разбогатеть... например, борясь с драконами или моя золото на болоте.

Клади мы оставили дома, невзирая на ее громкие и возмущенные возражения. Я твердо стоял на своем. Эта игра будет достаточно тяжелой и без отвлекающих моментов в виде нее. Маша вызвалась остаться с нею, утверждая, что она все равно слишком нервничает из-за игры, чтобы с удовольствием следить за ней.

Банни облачилась в облегающий ярко-белый наряд и повисла у меня на руке, словно я был самым важным предметом в ее жизни. Не одна пара завистливых глаз бросала быстрые взгляды то на нее, то на меня и снова на нее.

Никто, однако, не заблуждался по части того, кто служил центром внимания. Вы угадали. Я! В конце концов, ведь я же шел сцепиться рогами с легендарным Малышом Сен-Сеновым Заходом на его собственной территории — карточном столе. Банни подобрала мне одежду, и я блистал в темно-каштановой рубашке с открытым воротом и светло-пспельных серых брюках с жилетом. Я чувствовал себя и выглядел на миллион... ну, допустим, на четверть миллиона. Если мне предстояло сегодня получить на блюде собственную голову, то я, по крайней мере, собирался принять ее с шиком, к чему в любом случае и сводилась вся суть этого мероприятия.

Я даже не пытался тягаться с Аазом в высокомерной осанке, зная, что лишь проиграю в сравнении с ним. И удовлетворялся вместо этого поддержанием медленного, размеренного, достойного шага, кивая и помахивая рукой доброжелателям. Идея состояла в излучении неспешной уверенности. В действительности я от этого чувствовал себя так, словно шел к виселице, но старался изо всех сил скрыть это и продолжал улыбаться.

По мере того, как мы приближались к "Равным Шан-

сам", толпы становились все гуще, и, несколько поразившись, я сообразил, что это из-за игры. Личности, не обладавшие большим влиянием или деньгами для получения места внутри клуба, слонялись по прилегающему участку в надежде одними из первых услышать об исходе игры. Я знал, что на Базаре процветали азартные игры, но никогда не думал, что они настолько популярны.

Собравшиеся растаяли перед нами, расчищая нам путь к двери. Я начал узнавать лица в толпе, разных своих знакомых. Вот с энтузиазмом махал мне рукой Гэс, а вон там...

— Вик!

Я отклонился от нашего прямолинейного курса, и вся процессия остановилась.

— Привет, Скив! — улыбнулся вампир, хлопнув меня по плечу. — Желаю тебе удачи сегодня!

— Она мне понадобится! — не скрыл я. — Однако, серьезно, я собирался зайти и поблагодарить тебя за предупреждение насчет Топора.

Лицо у Вика вытянулось.

— Тебе, возможно, будет трудновато найти меня. Я того и гляди потеряю свою контору.

— В самом деле? Неужели дела настолько плохи?

— Хуже. Здесь ужасно много конкурентов.

— Ну, вот что я тебе скажу. Почему б тебе не зайти ко мне завтра поговорить. Возможно, мы сможем организовать небольшой заем или, может, даже субподряд на какое-то задание, пока ты не утвердишься здесь.

— Здорово. Спасибо, Скив!

Меня внезапно осенило вдохновение.

— Заходи примерно в полдень. Мы все обсудим за обедом!

Мне это показалось очень удачной мыслью. Я гадал, почему это бизнесмены раньше не додумались обогатиться свои идеи за обедом! По какой-то причине Вик поморщился, прежде чем ответить на мою улыбку.

— Хорошо, значит, в обед, — согласился он.

— Э-э-э... мне очень неприятно прерывать, партнер, но тебе-таки полагается явиться на одну встречу.

— Верно, Ааз. Вик! До завтра!

И с этими словами я позволил препроводить себя в "Равные Шансы".

Когда я вошел в главный бар и игорный зал, раздался легкий гром аплодисментов, и я едва удержался от порыва оглянуться. За меня они или против меня, но народ собрался здесь посмотреть на игру и был благодарен мне хотя бы за обеспечение вечернего развлечения.

Восхитительно. Мне предстояло рисковать четвертью миллиона золотом, чтобы собравшимся не приходилось смотреть повторный летний репертуар.

Клуб с тех пор, как я был тут в последний раз, переоборудовали. В центре зала одиноко стоял единственный карточный стол, в то время как вдоль стен выстроились десятки зрителей. Хотя толпа снаружи, возможно, была побольше, своей влиятельностью группа внутри клуба вполне возмещала свой недостаток в численности. Хотя я и не узнал всех, замеченные мной привели меня к убеждению, что посмотреть на игру собрался весь "Кто есть кто на Деве". Среди них был и Мерзер, владелец участка, где стоял мой дом, и предводитель Девийской Торговой Палаты, а с ним обычная кучка его дружков. Когда наши взгляды встались, он вежливо кивнул, но, как я подозревал, на самом-то деле он надеялся увидеть, как я проиграю.

Дон Брюс присутствовал, как и обещал, и поднял руки над головой, сцепив их друг с другом, и коротко потряс ими, не переставая улыбаться. Я догадался, что это какой-то поощряющий знак. Уж во всяком случае надеялся, что меня не приветствовали каким-то тайным синдикатским знаком смерти. Конечно, такие соображения пришли мне в голову не раньше, чем я помахал ему в ответ.

— Скив. Скив! У тебя найдется минутка?

Я оглянулся и обнаружил стоявшего рядом Живоглота.

— Разумеется, Живоглот, — пожал плечами я. — Чем я могу тебе помочь?

Девол казался крайне нервным, а цвет кожи у него выглядел в несколько раз светлее обычного.

— Я... ты можешь пообещать не держать на меня зла. Даю тебе слово, сегодняшней вечер — не моя затея. Я всего-навсего организовал матч после того, как Малыш прислал тебе вызов. Я не сообщал ему твоего имени... честно.

Я, мягко говоря, находил его поведение удивительным.

— Разумеется, Живоглот. Я никогда и не думал, что ты...

— Если б я знал, к чему это приведет, то вообще никогда не пригласил тебя на свою игру, не говоря уж...

Я вдруг сильно насторожился.

— Минуточку, Живоглот! О чем ты говоришь?

— Тебя превосходят по классу! — объяснил, испуганно оглядываясь, девол. — Против Малыша у тебя нет никаких шансов. Я просто хочу, чтобы ты понял, если проиграешь сегодня все свои деньги, что я не хотел подставлять тебя. Я не хочу, чтобы ты или твоя команда искали меня с налитыми кровью глазами.

Ну, как вам известно, я знал, что меня превосходят в классе. Но меня заинтересовало то, что Живоглот, оказывается, тоже это знал.

— Живоглот, я думаю, нам лучше...

Меня прервал громкий взрыв аплодисментов и приветственных криков. К тому времени, когда я перестал вытягивать шею, стремясь увидеть, что происходит, Живоглот исчез в толпе.

С завершением этой беседы я снова перключил внимание на более близкий предмет.

— Что это? — кивнул я в сторону только что вошедшей в клуб фигуры.

Ааз успокаивающе обнял меня одной рукой за плечи.

— Это он. Малыш Сен-Сеновый Заход.

— Это — Малыш????!!

В дверях стоял здоровенный верзила, он был огромен, то есть, попросту говоря, размером с Машу. По какой-то причине я ожидал кого-нибудь поближе ко мне по возрасту. Но этот субъект был совсем иным.

Он был совершенно безволосым, безбородым, безбровым и абсолютно лысым. Его голубая кожа в сочетании с толщиной и морщинами создавала общее впечатление полуспущенного голубого мяча для кегельбана. Глаза у него, однако, выглядели крайне темными и слегка сверкнули, когда остановились на мне.

— Это — Малыш? — повторил я.

Ааз пожал плечами.

— Этот титул он носит давным-давно.

Человек-гора нес с собой два мешка, выглядевших очень похожими на принесенные для нас Аазом. Он небрежно передал их одному из зрителей.

— Выдайте мне фишек! — приказал он гулким голосом.
— Я слышал, здесь сегодня играют.

По какой-то причине это вызвало громкий взрыв смеха и аплодисментов со стороны публики. Я думал, что это далеко не так смешно, но вежливо улыбнулся. Глаза Малыша заметили отсутствие у меня энтузиазма и сверкнули с возросшей свирепостью.

— Ты, должно быть, Великий Скив.

Голос его сделался опасным мурлыканьем, но по-прежнему отражался от стен. Удивительно легкой поступью он двинулся ко мне, протягивая руку.

Толпа, казалось, затаила дыхание.

— ...А ты, должно быть, тот, кого называют Малыш Сен-Сеновый Заход, — ответил я, с размаху кидая руку в его лапищу.

И снова удивился... на этот раз мягкости его рукопожатия.

— Я лишь надеюсь, что твоя магия не так хороша, как твоя репутация.

— Вот забавно, а я как раз надеялся, что твое везение такое же скверное, как твои шутки.

Я не хотел его оскорблять. Эти слова просто как-то сорвались у меня с языка, прежде чем я смог их остановить.

Лицо Малыша застыло.

Я желал, чтобы кто-нибудь там чего-то сказал и сменил тему, но зал отозвался мертвой тишиной.

Внезапно мой противник откинул голову и от души расхохотался.

— Мне это нравится! — провозгласил он. — Знаешь, ни у кого больше никогда не хватало храбрости сказать мне, что мои шутки дурно пахнут. Я начинаю понимать, откуда у тебя взялась смелость принять мой маленький вызов.

Зал ожил, все разом принялись болтать и смеяться. Я почувствовал себя так, словно только что прошел своего рода обряд посвящения. На меня нахлынула волна облегчения, но к нему примешивалось еще кое-что. Я обнаружил, что Малыш мне нравится. Молодой или нет, он определенно не был тем букой, какого я ожидал.

— Спасибо, Малыш, — тихо поблагодарил я, воспользовавшись прикрывающим шумом. — Должен признаться,

я ценю умеющих посмеяться над собой. Мне так часто самому приходится это делать.

— Это точно верно, — шепнул он в ответ, оглядываясь удостовериться, что никто не слушает. — Если не будешь следить за собой, вся эта слава может вскружить голову. Слушай, ты не хочешь выпить или еще чего-нибудь, прежде чем мы начнем?

— Уж этого-то наверняка не хочу, — рассмеялся я. — Я хочу иметь ясную голову, когда мы вступим в бой.

— Как угодно, — пожал плечами он.

И прежде чем я успел еще чего-то сказать, он повернулся к толпе и снова повысил голос.

— Нельзя ли потише? — проревел он. — Мы тут собираемся сыграть в карты!

Словно по волшебству шум прекратился, и все глаза снова обратились в нашу сторону.

Я вдруг пожалел, что не согласился выпить.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Книж судьбу свою ветрал.

Л.Бернстайн

Стол нас ждал. У него стояло только два стула, а перед каждым из них — аккуратные стопки фишек.

Я пережил внезапный миг страха, сообразив, что не знаю, какой стул стоит лицом к югу, но Ааз пришел мне на выручку. Выскочив из толпы, он отодвинул стул и поддержал его, давая мне сесть. Для толпы это выглядело, словно вежливый жест, но мои друзья знали, что я опасно близко подошел к изменению правил, которые с таким трудом пытался запомнить.

— Карты! — приказал Малыш, протягивая руку, когда опустился на стул напротив меня.

В его руке материализовалась новенькая колода. Он изучил ее, словно бокал с вином, поднося к свету удостовериться, что обертка цела, и даже нюхая печать, удостовераясь, что фабричный клей тот самый.

Удовлетворенный, он предложил колоду мне. Я улыбнулся и развел руки, показывая, что я удовлетворен. Я хочу сказать, черт возьми! Если он не нашел ничего неверного, то уж я-то наверняка не замечу какого-то шулерства.

Однако мой жест, казалось, произвел на него впечатление, и он, прежде чем вскрыть колоду, отвесил мне легкий поклон. Как только карты были извлечены из футляра, его короткие и толстые пальцы, казалось, зажили самостоятельной жизнью. Быстрыми движениями они извлекли джокеров и отбросили их в сторону, а затем принялись снимать с колоды по две карты, одну сверху и одну снизу.

Наблюдая за этим процессом, я начал понимать, почему его рукопожатие было таким мягким. Несмотря на свою величину, приступив к своей задаче, эти пальцы сделались изящными, тонкими и чувствительными. Эти руки принадлежали отнюдь не чернорабочему и даже не боксеру. Они существовали для выполнения только одной работы — обращения с колодами карт.

Теперь колода была вчсрне перемешана. Малыш сгреб кучу карт, подровнял их, а затем несколько раз быстро перетасовал их. Движения его были такими точными, что ему даже не пришлось снова подравнивать колоду, когда он закончил... он просто поставил ее на центр стола.

— Тянем, кому сдавать? — спросил он.

Я повторил свой прежний жест.

— Будь моим гостем.

Даже это, кажется, произвело впечатление на Малыша... и толпу. По залу прокатилась рябь шепотков, когда обсуждались плюсы и минусы моего шага. Правда же заключалась в том, что, понаблюдав, как обращается с колодой Малыш, я стеснялся показать собственное отсутствие умения.

Он протянул руку к колоде, и карты снова ожили. С гипнотическим ритмом он принялся сдвигать колоду и перетасовывать карты, не переставая пристально глядеть на меня немигающими глазами. Я знал, что мне давят на психику, но был бессилен бороться с воздействием этого.

— Для захода, скажем, по тысяче?

— Давай скажем, по пять тысяч, — отпарировал я.

Ритм сбился. Малыш понял, что обдернулся, и быстрым движением прикрыл это. Отставив на миг карты, он протянул руку к своим фишкам.

— Пусть будет пять тысяч, — согласился он, кидая пригоршню в центр стола. — И... мой фирменный знак.

И за фишками в банк последовало небольшое белос облачко дыхания мятой.

Я отсчитывал собственные фишки, когда мне кое-что пришло в голову.

— Сколько это стоит? — спросил я, показывая на мяту. Это удивило моего противника.

— Что? Мята? Один медяк пачка. Но тебе незачем...

Не успел он договорить, как я добавил к своим фишкам

мелкую монету; толкнул их в центр стола, схватил его мяту и сунул ее в рот.

На этот раз публика действительно ахнула, прежде чем впасть в молчание. Несколько мгновений в зале не слышалось ни одного звука, кроме хрустящей у меня на зубах мяты. Я чуть не пожалел о своем дерзком шаге. Мята оказалась невероятно крепкой.

Наконец Малыш усмехнулся.

— Понимаю. Хочешь съесть мое везение, да? Хорошо. Очень хорошо. Однако ты обнаружишь, что для того, чтоб поколебать мою игру, требуется нечто большее.

Говорил он веселым тоном, но глаза его потемнели еще больше, и его перетасовывание карт приняло более резкий, более мстительный тон. Я понял, что добился успеха.

Я украдкой взглянул на Ааза, и тот лукаво подмигнул мне.

— Сдвинь!

Колода очутилась передо мной. Действуя с нарочитой беззаботностью, я сдвинул колоду примерно посередине, а затем откинулся на спинку стула. Хотя я и пытался принять небрежный вид, внутренне я скрестил пальцы рук и ног, и все прочее, что поддавалось скрепчиванию. Я изобрел собственную стратегию и ни с кем не обсуждал ее... даже с Аазом. Теперь нам придется посмотреть, как она работает.

Одна карта... две карты... три карты перелетели ко мне через стол, рубашкой вверх. Они скользнули по столу и остановились ровнехонько в ряд — еще одна дань умению Малыша — и лежали там, словно мины.

Я игнорировал их, ожидая следующую карту.

Она прибыла и, прилетев, остановилась рубашкой вниз рядом со своими товарками. Это была семерка бубей, а себе Малыш сдал...

Десятку бубей. Десятку!

Правила зазвучали у меня в голове, словно песня, которую я не хотел запоминать. Десятка в открытую означала, что моя семерка убита... ничего не стоит.

— Вот и все съедание моего везения, а? — хохотнул Малыш. — Моя десятка пойдет за... пять тысяч.

— ...и пять сверху.

На этот раз толпа ахнула громче... возможно, потому, что к ней присоединились мои тренеры. Я услышал, как

Ааз шумно прочистил горло, но не взглянул в его сторону. Малыш с нескрываемым удивлением воззрился на меня. Он явно ожидал, что я либо пасану, либо поддержу... возможно, потому что это было бы самым разумным поступком.

— Ты страшно гордишься этой убитой картой, — задумчиво проговорил он. — Ладно. Я поддерживаю. Банк верен.

Еще две карты проплыли на стол рубашкой вниз. Я получил десятку! Десятку трэф, если точнее. Это аннулировало его десятку и вновь оживляло мою семерку.

Малыш получил единорога червей. Свободная карта! Теперь у меня имелись против его пары десятков онеры десятка-семерка.

Восхитительно.

— Не буду пытаться обмануть тебя, — улыбнулся мой противник. — Пара десятков стоит... двадцать тысяч.

— ...и двадцать сверху.

Улыбка Малыша растаяла. Он метнул быстрый взгляд на мои карты, а затем кивнул.

— Поддерживаю.

Никаких комментариев. Никакого подтрунивания. Я заставил его призадуматься.

В путь отправились следующие карты. В мой строй скользнула тройка червей. Убитая карта. В прогивовес ей Малыш получил...

Десятку червей!

Теперь я смотрел на три десятки против моих онеров десятка-семерка! Моя решимость на мгновение поколебалась, но я снова подкрепил ее. Я зашел уже слишком далеко, чтоб менять теперь стратегию.

Малыш задумчиво глядел на меня.

— Полагаю, ты не пойдешь с этим на тридцать?

— Не только пойду, но и загну твои тридцать.

В зале послышались приглушенные восклицания не веривших своим ушам... и иные не столь уж приглушенные. Голоса некоторых из последних я узнал.

Малыш лишь покачал головой и без единого слова толкнул в банк положенное число фишек. Толпа впала в молчание и вытянула шеи, стремясь увидеть следующие карты.

Мне — дракон пик, а Малышу — великан червей.

Никакой очевидной помощи ни тому, ни другому игроку... за исключением того, что у Малыша теперь имелось три открытых карты червей.

Несколько мгновений мы оба изучали карты друг друга.

— Признаться, я не могу вычислить, на что ты ставишь, Скив, — вздохнул мой противник. — Но этот расклад стоит пятьдесят.

— ...и пятьдесят сверху.

Вместо того, чтоб ответить, Малыш откинулся на спинку стула и воззрился на меня.

— Проверь меня в этом, — сказал он. — Либо я совершенно прозевал это, либо ты еще и не смотрел свои темные карты.

— Совершенно верно.

Толпа снова зашептала. По крайней мере некоторые из зрителей не уловили этого момента.

— Значит, ты ставишь вслепую?

— Правильно.

— ...и подымаешь впридачу меня.

Я кивнул.

— Чего-то не пойму. Как же ты ожидаешь выиграть?

Я с миг глядел на него, прежде чем ответить. Мягко говоря, я приобрел нераздельное внимание зала.

— Малыш, ты самый лучший игрок в драконий покер, какие только есть. Ты потратил не один год, оттачивая свое умение, чтобы быть самым лучшим, и ничто произошедшее здесь сегодня вечером не изменит этого. Что же касается меня, то мне везет... если это можно назвать везением. Мне однажды повезло, и это каким-то образом дало мне шанс сыграть сегодня с тобой. Вот потому я и ставлю так, как ставлю.

Малыш покачал головой.

— Может быть, я тугодум, но я все еще не пойму.

— При долгой игре твое умение победит мое везение. Так всегда бывает. По моим расчетам единственный мой шанс — это играть, ставя все на одну эту партию... идти на-банк. Все умение в измерениях не сможет изменить исхода одной партии. Тут все решает удача... что ставит нас на одну доску.

Несколько мгновений мой противник переваривал сказанное, а затем откинул голову и расхохотался.

— Это мне по душе! — гаркнул он. — Разыграть

полумиллионный банк в одну партию. Скив, мне нравится твой стиль. Выиграю или проиграю, но посостязаться с тобой в уме было одно удовольствие.

— Спасибо, Малыш. Я чувствую то же самое.

— В то же время надо доиграть эту партию. Мне очень неприятно заставлять весь этот народ томиться в напряжении, когда мы уже знаем, как пойдут ставки.

Он смел в банк остальные свои фишки.

— Я поддерживаю твоё повышение, а ты повышасяшь меня в ответ... тридцать пять. Это вся ставка.

— Согласен, — сказал я, толкая свои фишки в банк.

— А теперь посмотрим, что нам досталось, — подмигнул он, протягивая руку к колоде.

Двойка бубей мне... восьмерка трэф Малышу... а потом каждому еще по карте втемную.

Толпа нажала, теснясь вперед, когда мой противник взглянул на свою последнюю карту.

— Скив, — почти с сожалением произнес он. — У тебя тут была интересная стратегия, но мой расклад силен... действительно силен.

Он перекинул две свои карты.

— Полный дракон... каре великанов и пара десятков.

— Хороший расклад, — признал я.

— Да. Верно. А теперь давай посмотрим, что досталось тебе.

С максимальным самообладанием, какого мне удалось добиться, я перевернул свои темные карты.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вы что, шуток не понимаете!

Т.Уленшпигель

Когда мы ввалились в дверь, Маша оторвалась от книги и бон-боноз.

— Быстро вы, — заметила оан. — Как прошла игра?

— Привет, Маша. Где Клади?

— Наверху, у себя в спальне. После того, как она второй раз попыталась ускользнуть, я отправила ее спать и заняла сторожевой пост здесь, у двери. Что произошло на игре?

— Ну, я все равно скажу, что ты был неправ, — пробурчал Ааз. — Из всех идиотских выходов, какие ты мог выкинуть...

— Брось, партнер. Сделанного ведь не воротишь. Лады? Ты просто злишься, потому что я не согласовал сперва с тобой.

— Это самое малое из...

- *Кто-нибудь скажет мне, что произошло?*

— Что? О. Извини, Маша. Я выиграл. Ааз же расстроен потому, что...

Меня внезапно сгребли в могучие объятия и поцеловали — так моя ученица выразила свой восторг, услышав эту новость.

— Это точно, выиграл. Выиграл в одну партию, — усмехнулась Тананда. — Никогда не видела ничего подобного.

— Три единорога и шестерка трэф в темных картах, — бушевал Ааз. — Три свободных карты, что, если применить к семерке бубей правило смены масти раз за вечер, дает...

— **Флешь-чертов-рояль!** — пропел Корреш. — Которая сгрэбла Полного Дракона Малыша и самый большой банк, какой когда-либо видели на Базаре.

— Я знала, что ты сумеешь победить, папочка! — завизжала, появляясь из своего укрытия на лестнице, Клади.

Вот и отпавляй ее спать пораньше.

— Жалко, что ты не видела лицо Малыша, Маша, — весело продолжал тролль. — Держу пари, он теперь желал бы таскать нейтрализатор кислот вместо мятной жвачки.

— А видела б ты толпу. Об этом событии будут говорить не один год!

Маша наконец отпустила меня и подняла руку.

— **Погодите! Минуточку!** У меня такое чувство, словно я пропустила здесь какой-то кусок. Оторва выиграл. Правильно? В смысле, ушел, унеся все бабки?

Команда брата и сестры энергично закивала. Я же просто пытался вернуть себе дыхание.

— Так почему же тогда Зеленый и Чешуйчатый дышит огнем? Я б подумала, что он будет дирижировать криками болельщиков.

- Потому что он отдал деньги! Вот почему!!!

— Да. Это способно все объяснить, — задумчиво кивнула Маша.

— Брось, Ааз! Я не отдавал их.

Как я уже прежде открыл, найти дыхание гораздо легче, когда на тебя нападают.

— Тпру! Подождите! — встала между нами моя ученица. — Прежде чем вы снова приметесь ругаться, поговорите с Машей. Вспомните, меня там не было.

— Ну, после игры мы с Малышом потолковали между собой. На самом-то деле он милый парень, и я обнаружил, что он ставил на кон практически все свои деньги...

— Именно так он утверждал, — фыркнул Ааз. — Я думаю, он ломал комедию, добиваясь нашего сочувствия.

— ...и поневоле призадумался. Я приложил немало сил для гарантии, что при любом исходе игры не пострадает ничья репутация — ни моя, ни Малыша. На самом-то деле мне просто хотелось выйти из круга мастеров драконьего покера и предоставить возиться со всеми рвущимися в чемпионы ему...

— С этим-то и я согласен.

— Ааз! Просто дай рассказать ему. Идет?

— ...но он не сможет продолжать играть, если разорится до тла, что оставит меня логичной мишенью для подающих надежды претендентов, и поэтому я позволил ему оставить проигранные четверть миллиона...

— Вот видишь! Видишь! Что я тебе говорил?

— ...в качестве займа для пуска на ставки в будущих играх...

— Вот тут-то я и узнал, что он... займа?

Я усмехнулся моему партнеру.

— Угу. В смысле "заставить деньги работать на тебя вместо того, чтоб копить их", — идея, которую ты, по моему, счел очень интересной, когда ее впервые высказали. Конечно, ты уже нагородил опрометчивых обвинений и утопил, прежде чем мы дошли до этой части.

Любой сарказм, какой я сумел вложить в свой голос, не дошел до Ааза, и не удивительно, если учесть, что мы говорили о деньгах.

— Займ, да? — задумчиво произнес он. — На каких условиях?

— Скажи ему, Банни.

— Банни?

— Эй, тебя же там не было, помнишь? Я решил посмотреть, что сможет сделать наш бухгалтер. Банни?

— Ну, мне раньше никогда не ставили задачу финансировать ставки — каламбур тут ненамеренный, потому что мне пришлось своего рода действовать на ощупь. Но, думается, я устроила нам очень хорошую договоренность.

— По которой...

— До тех пор, пока Малыш не расплатится с нами... а расплатится он должен полностью и сразу, без всяких частичных выплат, мы получаем половину его выигрышей.

— Хммм, — промычал мой партнер. — Неплохо.

— Если вы можете придумать еще что-нибудь, чего мне следовало запросить, то я открыта для...

— Если б он мог еще что-нибудь придумать, — подмигнул я ей, — то можешь поверить, он бы уже проревел об этом. Ты действовала отлично, Банни.

— Вот здорово. Спасибо, Скив.

— А теперь, если кто-нибудь будет так любезен откупорить вино, то я испытываю желание отпраздновать победу.

— Вы, конечно, понимаете, босс, что теперь очень многим известно, что у вас на руках уйма наличных, — указал, подбираясь поближе ко мне, Гвидо. — Как только вернется Нунцио, я думаю, мне лучше будет позаботиться об ужесточении безопасности дома, понимаете, что я имею в виду?

— А где, собственно, Нунцио? — посмотрела по сторонам Маша.

— Он скоро будет, — улыбнулся я. — После игры я дал ему одно небольшое поручение.

— Ну, за тебя, Скив! — окликнул Корреш, высоко подняв кубок. — После всех наших тревог о том, сможет ли твоя репутация пережить матч с Малышом, осмелюсь утверждать, что ты пришел с него, поднявшись куда выше того, где был раньше.

— Совершенно верно, — хихикнула его сестра. — Интересно, что думает о случившемся Топор?

Вот такой реплики я и дожидался. Набрав в грудь побольше воздуха и выпив еще больше вина, я принял затем самый непринужденный вид.

— А зачем утруждать себя гаданием, Тананда? Почему бы не спросить прямо?

— Что-что, Скив?

— Я сказал, почему бы не спросить Топора прямо. В конце концов, она сейчас здесь.

Веселое настроение исчезло в мгновение ока, когда все уставились на меня.

— Партнер, — проворчал Ааз. — Я думал, мы уже разобрались с этим, когда поговорили с доном Брюсом.

Я оборвал его взмахом руки.

— Фактически, мне и самому немного любопытно узнать, что думает Топор. Почему б тебе не сказать нам... Клади?

Моя юная подопечная заерзала под нашим общим взглядом.

— Но, папочка... я не... ты... о, черт! Ты это вычислил, да?

— Угу, — кивнул я, не испытывая никакого торжества. Она испустила огромный вздох.

— А, ладно. Все равно я и так собиралась бросить полотенце. Я лишь надеялась, что мне удастся сыграть отступление прежде, чем рухнет моя легенда. Если вы не

возражаете, я хотела бы теперь тоже попробовать этого вина.

— Наливай себе.

— Клади?!?

Ааз наконец достаточно оправился, чтоб издать звук. Конечно, у него это получается рефлекторно. Другие все еще трудились над этим.

— Пусть тебя не обманывает эта внешность девочки, — подмигнула она. — Народ моего измерения невысокий и нежный. В нужной одежде легко сойти за личность помоложе, чем на самом деле... намного моложе.

— Но... но...

— Подумай немного об этом, Ааз, — предложил я. — Все составные части ты узрел в первый же день. Дети, особенно девочки, в лучшем случае — помеха, а в худшем — беда. Весь фокус в том, что ты ожидаешь от них беды и поэтому даже не рассматриваешь возможность того, что их действия могут быть предумышленными и спланированными.

Я остановился отпить вина, и на сей раз никто не перебил меня вопросом.

— Если оглянуться на произошедшее, то большинство возникших у нас трудностей прямо или косвенно проистекали от Клади. Она сболтнула про Банни у меня в постели, чтобы расстроить Тананаду, а когда это не сработало, отпустила несколько злых насмешек насчет ее житей здесь задаром, что заставило ее подумать об уходе... точно так же, как она намеренно заставила Машу выглядеть плохо в разгар урока магии по той же причине, чтобы побудить ее уйти.

— И почти сработало, к тому же, — задумчиво заметила моя ученица.

— Происшествие на Базаре тоже не было случайным, — продолжал я. — Ей требовалось всего-навсего дожидаться подходящего случая и притвориться разозленной, чтобы мы не заподозрили, будто она все разносила намеренно. Если ты помнишь, она даже пыталась убедить меня, что мне незачем учиться играть в драконий покер.

— Конечно, — вставила Клади, — это не так-то легко сделать, когда тебя считают ребенком.

— Самым крупным указателем послужил Глип. Я думал, он пытался защитить меня от Банни, но в действительности

он целил в Клади. Я не перестаю тебе твердить, что он умнее, чем ты думаешь.

— Напомни мне извиниться перед твоим драконом, — попросил Ааз, все еще глядя во все глаза на Клади.

— План был хороший, — вздохнула она. — В девяносто девяти случаев из ста он бы сработал. Беда в том, что все недооценили тебя, Скив... тебя и твоих друзей. Я думала, у тебя не хватит денег расплатиться с раздраженными купцами после того, как я уделала их выставки товаров, а твои друзья...

Она медленно покачала головой.

— Обычно, если проходит слух, что я взялась за дело, то это облегчает мне работу. Товарищи, коллеги и партнеры жертвы сигают за борт, стремясь не попасть под перекрестный огонь, а попытки заставить их остаться или вернуться только ухудшают дело. Для торпедирования чьей-то карьеры нужно среди прочего отрезать жертвы от их опорной сети.

Она подняла кубок в псевдотосте для меня.

— Твои друзья не сбегут... или если убегут, то не останутся в бегах, как только услышат, что ты в беде. Вот тогда-то у меня и начали закрадываться сомнения по части этого задания. Я имею в виду, иные карьеры не потопить, и я думаю, твоя — одна из них. Можешь считать это комплиментом... сказано это именно в таком смысле. Вот потому-то я и собиралась в любом случае играть отбой. Я поняла, что на этот раз у меня просто душа не лежит к моей работе.

Она поставила кубок и встала.

— Ну, полагаю, тут и делу конец. Теперь я подымусь наверх и соберу вещи. Предлагаю тебе сделку. Если вы все пообещаете никому не рассказывать, кто такой знаменитый Топор, то я распространю слух, будто ты такой непобедимый, что тебе даже Топор не может подставить ножку. Идет?

Глядя, как она выходит из прихожей, я с некоторым удивлением понял, что мне будет не хватать ее. Несмотря на все сказанное Аазом, было своего рода приятно иметь в доме ребенка.

— Это верно? — нахмурился мой партнер. — Ты намерен просто позволить ей уйти?

— Ее мишенью был я. На мой взгляд, это мое право. Кроме того, она не причинила никакого настоящего вреда.

Как указал секунду назад Корреш, мы поднялись на более высокий уровень, чем были, когда она прибыла.

— Конечно, нам еще придется заплатить за повреждения, причиненные ее маленькой демонстрацией магии на Базаре.

На сей раз я опередил партнера, когда дело дошло до денег.

— Я об этом не забыл, Ааз. Просто я придумал, как возместить эти убытки из другого источника. Видишь ли, последней подсказкой мне послужили... подожди. А вот и они.

В прихожую как раз входил Нунцио, волоча за собой Живоглота.

— Здравствуй, Скив, — выдавил из себя девол, извиваясь в хватках руках моего телохранителя. — Твой, э, сотрудник говорит, что ты хотел меня видеть?

— Он попытался ускользнуть, когда я ему сказал, босс, — пропищал Нунцио. — Вот потому-то я так и задержался.

— Здравствуй, Живоглот, — промурлыкал я. — Присаживайся. Я хочу немного поболтать с тобой о карточной игре.

— Да брось, Скив. Я ведь уже сказал тебе...

— Сядь!

Живоглот упал в указанное кресло, словно сила тяготения внезапно утроилась. Я позаимствовал тон у Нунцио, когда тот демонстрировал укрощение дракона. Он подействовал.

— Живоглот начал говорить о том, — объяснил я, поворачиваясь к Аазу, — как сегодня перед игрой он предупредил меня, что я не чета Малышу, и попросил меня не питать к нему никаких недобрых чувств... что эта игра с Малышом не его затея.

— Совершенно верно, — вмешался девол. — Просто пошел гулять слух и...

— Мне, однако, любопытно, а откуда он-то узнал, что меня превосходят по классу.

Я улыбнулся Живоглоту, пытаясь показать все свои зубы так, как это делает Ааз.

— Видишь ли, я хочу поговорить не о сегодняшней игре. Я надеялся, что ты сможешь дать нам еще немного сведений о другой игре... ну, знаешь, той, где я выиграл Клади?

Девол нервно огляделся, натыкаясь взглядом на хмурые лица собравшихся.

— Я... я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Позволь мне облегчить тебе понимание. В данную минуту я вычислил, что в той игре наверняка не обошлось без шулерства. Только так ты мог заранее знать, какой я слабый игрок в драконий покер. Ты каким-то образом подбрасывал мне нужные карты, чтобы я наверняка крупно выиграл, достаточно крупно, чтобы включить в выигрыш Клады. Мне просто любопытно, как ты это сделал, не потревожив сигнализацию против магии или телепатии.

Живоглот, казалось, немного съёжился в своем кресле. Когда он заговорил, голос его звучал так тихо, что мы едва расслышали его.

— Крапленые карты, — признался он.

Прихожая взорвалась.

- Крапленые карты???

— Но как...

— Разве это не...

Я махнул рукой, прося помолчать.

— Это имеет смысл. Подумайте, — предложил я. — А конкретней, подумайте о нашем путешествии на Лимб. Помните, как там было трудно замаскироваться, не прибегая к магии? На Базаре все настолько привыкли ко всему проделываемому с помощью магии, что забывают о существовании немагических способов делать то же самое... вроде накладных бород или крапленых карт.

Живоглот теперь поднялся на ноги.

— Ты не можешь ставить мне это в вину! Ну, допустим, заплатил мне некто за обеспечение твоего выигрыша. Черт, на мой взгляд ты должен быть доволен. В итоге-то ты с прибылью, не так ли? Из-за чего же тут злиться?

— Держу пари, если я очень постараюсь, то смогу что-нибудь придумать.

— Слушай, если ты хочешь мести, то ты уже отомстил. Сегодня вечером я потерял целое состояние, ставя против тебя. Ты жаждешь крови? Так я истекаю ею!

Девол теперь заметно вспотел. Впрочем, опять же, он по какой-то причине всегда немного нервничал, находясь рядом со мной.

— Успокойся, Живоглот. Я не собираюсь причинять

тебе вреда. Если я что и собираюсь сделать, так это помочь тебе... так же, как помог мне ты.

— Да? — с подозрением переспросил он.

— Ты сказал, что у тебя нехватка с наличными. Мы это исправим.

— Что!?! — взревел Ааз, но Тананда ткнула его в ребра, и он впал в мрачное молчание.

— Банни?

— Да, Скив?

— Я хочу, чтобы ты завтра в первую голову сбегала в "Равные Шансы". Посмотри бухгалтерские книги, произведи инвентаризацию и подсчитай приличную цену за это заведение...

Девол моргнул.

— Мой клуб? Но я...

— ...а потом набросай нам соглашение на предмет снятия его с рук Живоглота... за половину выведенной тобой цены.

— Что!?! — завопил, забыв о страхе, девол. — Почему это я буду продавать свой клуб за...

— ...большую сумму, чем он будет стоить, если пойдет гулять слух о твоём шулерстве при играх? — закончил я за него. — Потому что ты прожженный делец, Живолот. Кроме того, тебе нужны деньги. Верно?

Живолот с трудом сглотнул, а затем провел языком по губам, прежде чем ответить.

— Верно.

— Чего-чего, Живолот? — нахмурился Ааз. — Я тебя не совсем расслышал.

— Я расслышал, — твердо сказал я. — Ну, не смеем тебя больше задерживать, Живолот. Я знаю, ты захочешь вернуться в клуб и немного прибраться. Иначе нам придется сократить сумму, в которую мы его оценим.

Девол хотел было что-то прорычать, потом счел, что лучше не стоит, и выскочил в ночь.

— Как по-твоему, партнер, это компенсирует то, что нам потребуется уплатить за повреждения? — невинно осведомился я.

— Скив, иногда ты меня изумляешь, — поднял в мою честь кубок Ааз. — Теперь, если больше нет никаких сюрпризов, я готов отпраздновать.

Это было соблазнительно, но я находился на гребне волны и не хотел упускать такой момент.

— Есть еще одно дело, — объявил я. — Теперь, когда мы позаботились о Топоре и Малыше, я думаю, нам следует заняться грядущей крупной проблемой... пока вы здесь.

— Какой проблемой? — нахмурился мой партнер. — Какой именно?

Набрав побольше воздуха в легкие, я обрушился на нее.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Так что же тут нового?

У.Кронкайт

Вся команда неотрывно глядела на меня, когда я перекатывал в руках кубок с вином, пытаюсь решить, с чего начать.

— Если я казался во время этого самого последнего кризиса немного отвлекшимся, — сказал я наконец, — то это потому, что мое внимание и мысли занимала другая проблема... большая проблема. Такая большая, что другая, на мой взгляд, казалась менес срочной.

— О чем бы ты ни говорил, партнер, — нахмурился Ааз, — я этого не заметил.

— Ты сам это только что сказал, Ааз. Волшебное слово тут "партнер". Для нас-то с тобой дела обстоят очень даже хорошо, но мы в этом доме не одни. Когда мы говорили с Коррешем и он сказал, что его жизнь не все забавы и развлечения, мне потребовалось некоторое время для разгадки, о чем он толковал, но наконец все стало ясно.

Я посмотрел на тролля.

— Дела у тебя идут неважно, не так ли, Корреш?

— Ну, я не люблю жаловаться...

— Я знаю, но, может быть, иной раз и следовало бы. Раньше я никогда не задумывался об этом, но с тех пор как ты персежал к нам, тебе перепадало все меньше и меньше заданий, так ведь?

— Это правда, Корреш? — обратился к нему Ааз. — А я как-то не замечал...

— Да никто не замечал, Ааз, потому что внимание всегда было сосредоточено на нас. Команда Ааз и Скив шла впереди всего и всех прочих. Мы были настолько

заняты соответствованием своему образу больших шишек, что прозевали, что это делает с нашими коллегами, теми, кому мы в немалой степени обязаны своим успехом.

— Да брось ты, старина Скив, — принужденно засмеялся Корреш. — Тут ты, думается, малость прусувеличиваешь.

— Да? Твои дела идут неважно, и у Тананды тоже. Мне очень неприятно это говорить, но она поступила правильно, когда ушла — мы душим ее нашей нынешней организацией дел. Гвидо и Нунцио из кожи вон лезут, стараясь быть супертелохранителями, потому что боятся, как бы мы не решили, что, в общем-то, не нуждаемся в их услугах, и не выставили их вон. Даже Маша считает себя не вносящим свой вклад членом команды. Банни у нас самая новенькая, и она пыталась втолковать мне, что может помочь нам всего лишь только в качестве украшения!

— После сегодняшнего вечера, Скив, я чувствую себя из-за этого не так уж и плохо, — поправила Банни. — После переговоров с Малышом и поручения оценить “Равные Шансы”, мне думается, я смогу сделать для вас нечто большее, чем страстно вздыхать.

— Именно! — кивнул я. — Вот это-то и даст мне смелость предложить придуманный мною план.

— План? Какой план?

— Вот об этом-то я и хотел с тобой поговорить, Ааз. На самом-то деле я хотел поговорить со всеми вами. В этом доме мы, в действительности, имеем дело совсем не с партнерством... у нас тут фирма. Все здесь присутствующие вносят свой вклад в успех нашей группы в целом, и мне думается, нам теперь самое время перестроить нашу организацию для отражения этого положения. Нам на самом-то деле нужно не что иное, как система, где все мы будем иметь право высказывать свое мнение о происходящем и проголосовать за то или иное решение. Тогда клиенты смогут обращаться к нам, как к группе, а мы — назначать цены, распределять задания или субподряды и участвовать в прибылях, как группа. Такое вот у меня предложение, чего б оно ни стоило. Что вы о нем думаете?

Молчание все затягивалось и затягивалось, пока я не начал гадать, не пытаются ли они придумать, как бы потактичнее сказать, что мне место в палате с упругими стенами.

— Не знаю, Скив, — проговорил наконец Ааз.

— В чем ты не уверен? — поднадавил я.

— Не знаю, как нам следует назваться. Корпорация “Магия” или “Хаос: компания с ограниченной ответственностью”.

— “Магия Инкорпорейтед” уже использовано*, — возразила Тананда. — И кроме того, по-моему, название должно быть немного более достойным и официальным.

— Сделаешь это, а потом клиенты будут удивлены, когда действительно увидят нас, понимаете, что я имею в виду? — вступил в разговор Гвидо. — Мы сами-то не совсем достойные и официальные.

Я откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул. Если это единственная их забота, то мою идею, по крайней мере, сочли достойной рассмотрения.

Маша поймала мой взгляд и подмигнула.

В ответ я поднял кубок, оправданно чувствуя себя как нельзя лучше.

— Эта фирма принимает новых кандидатов?

Мы все обернулись и обнаружили в дверях Клади с чемоданом в руке.

— Думаю, мне незачем говорить вам о своей квалификации, — продолжила она, — но я восхищаюсь этой группой и гордилась бы участием в ней.

Члены команды переглянулись.

— Ну, Клади...

— Все это еще вилами на воде писано...

— Тебе надо остудить духов Четырех Начал...

— А ты что думаешь, Скив? — обратился ко мне Ааз. — Это ведь ты обычно силен рекрутировать бывших врагов.

— Нет, — твердо сказал я.

Все снова засмотрелись на меня.

— Извините, что говорю так властно сразу же после утверждения о желании дать всем право голоса в решении дел, — продолжал я, — но если примут Клади, я выхожу.

— В чем дело, Скив? — нахмурилась Клади. — Я думала, у нас по-прежнему довольно хорошие отношения.

— Это так, — кивнул я. — Я не злюсь на тебя. Я не буду мешать твоей карьере, или бить тебя, или держать зло. Ты просто выполняла свою работу.

* В повести Хайнлайна “Уолдо; “Магия Инкорпорейтед”.

Я поднял голову, и наши взгляды встретились.

— Просто я не могу свыкнуться с тем, как ты работаешь, вот и все. Ты говоришь, что восхищаешься нашей группой — ну, нашу цельность скрепляет такой клей, как доверие. А твой способ действий — завоевать доверие, а потом злоупотребить им. Даже если ты останешься верна нашей группе, мне думается, я не желаю иметь деловых связей с той, кто считает это способом получать прибыль.

Тут я остановился, и никто не поднял голос возразить мне.

Клади подняла свой чемодан и направилась к двери. Однако в последний момент она обернулась ко мне, и я разглядел в ее глазах слезы.

— Я не могу спорить с тем, что ты говоришь, Скив, — сказала она, — но не могу и не пожелать, чтобы ты удовлетворялся тем, что ударил меня, и разрешил присоединиться.

Когда она выходила, царило полное молчание.

— Эта барышня подняла законный вопрос, — сказал наконец Корреш. — Какую мы займем позицию в вопросе о новых членах?

— Если мы открыты для приема, то я хотела бы представить на рассмотрение имя Вика, — вмешалась Маша.

— Сперва нам нужно решить, а нужен ли нам еще кто-то, — поправила Тананда.

— Это подымает общий вопрос о вольном найме против эксклюзивных контрактов, — высказал свое мнение Нунцио. — По-моему, будет нереалистичным давать нам всем равный куш.

— Я как раз набрасываю план именно по этому пункту, Нунцио, — помахала исчерканной салфеткой Банни. — Если вы погодите несколько минут, я смогу кое-что предложить официально.

Как ни интересовало меня происходящее обсуждение, мне было трудно сосредоточиться на том, о чем они говорили. По какой-то причине у меня все не выходило из головы лицо Клади.

Разумеется, сказанное мной было резким, но необходимым. Если собираешься заправлять каким-то делом или командой, то надо установить стандарт и придерживаться его. Тут нет места для сентиментальности. Я поступил правильно, не так ли? Не так ли?

Конец шестой книги.

СЛОВАРЬ КАРТОЧНЫХ ТЕРМИНОВ.

Анеры	—	старшие карты;
Гнуть	—	удваивать ставку;
Дикая карта	—	карта, которой можно придать любое значение;
Заход	—	начальная ставка;
Реверсирование	—	изменение порядка старшинства карт на обратный;
Стрит	—	шесть карт разной масти, подобранных строго по порядку (например, 2, 3, 4, 5, 6, 7);
Убитые карты	—	карты, не имеющие никакой ценности пустышки;
Флешь	—	шесть карт одной масти, но не строго по порядку (например, 2, 4, 6, 8, 10, король);
Флешь-рояль	—	шесть карт одной масти, подобранные строго по порядку;
Фоски	—	младшие карты.

Оглавление

Удача или Миф Книга четвертая

<i>Глава первая.</i> Относительно родственников можно сказать много разного... и требуется сказать именно это, потому что напсчитать это — нельзя.	7
<i>Глава вторая.</i> Когда дела обстоят — черней некуда, я просто говорю себе: "Выше нос, могло быть и хуже". И, само собой, дела становятся еще хуже.	13
<i>Глава третья.</i> Раз ты рыцарь, то рыцарь ты всегда. Но раз ты король — то раз этот лишний.	19
<i>Глава четвертая.</i> Пошлина: гонорар, выплачиваемый за сделку товаром.	26
<i>Глава пятая.</i> Единственное, что хуже чародея — это ученик чародея.	31
<i>Глава шестая.</i> Хорошую информацию трудно добыть. Сделать с ней что-нибудь — еще труднее.	37
<i>Глава седьмая.</i> Горячей женщине нет никакого противодействия, кроме горячительного напитка.	43
<i>Глава восьмая.</i> Выбирай себе друзей потщательней. А враги выберут тебя сами.	50
<i>Глава девятая.</i> Не понимаю, почему некоторые нервничают перед свиданием с царствующими особами.	56
<i>Глава десятая.</i> Превосходство в огневой мощи — неоценимый инструмент, когда вступаешь в переговоры.	62
<i>Глава одиннадцатая.</i> Вот что я вам скажу. Позвольте мне немножко подсластить вам сделку.	68

<i>Глава двенадцатая.</i> Такое я устраиваю похода.	74
<i>Глава тринадцатая.</i> Брак — предприятие пожизненное, к нему надо подходить с заботой и осторожностью.	80
<i>Глава четырнадцатая.</i> Некоторые прощания бывают легче других.	86
<i>Глава пятнадцатая.</i> В войне с организованной преступностью выживание — это или колоссальная удача или миф.	95
<i>Глава шестнадцатая.</i> Разрушать всегда легче, чем создать.	101
<i>Глава семнадцатая.</i> Самые лучшие планы часто выходят боком.	108
<i>Глава восемнадцатая.</i> Жизнь может быть прибыльной, если ты знаешь шансы.	116
<i>Глава девятнадцатая.</i> Надо научить этих типов уважению к вассалам.	122
<i>Глава двадцатая.</i> Вычислите то последнее, что, по вашим ожиданиям, сделает враг, а потом можете смело рассчитывать, что именно так он и сделает.	128
<i>Главы двадцать первая.</i> Не умирай! Не умирай!	134

Миф-ические личности

Книга пятая

<i>Глава первая.</i> До определенного момента репутация — отличная штука. После него она становится мукой! . . .	143
<i>Глава вторая.</i> Успех часто зависит от выбора надежного партнера.	151
<i>Глава третья.</i> Для успешного планирования нужна надежная информация.	159
<i>Глава четвертая.</i> Бесплезно пытаться планировать, готовясь к неожиданному... по определению!	166
<i>Глава пятая.</i> Чтобы выжить, надо уметь приспосабливаться к меняющимся ситуациям.	174
<i>Глава шестая.</i> Агент — это вампир с телефоном!	182
<i>Глава седьмая.</i> Не вижу в этом ничего бросающего в дрожь!	189
<i>Глава восьмая.</i> Сперва давай решим, кто ведет, а кто следует.	196
<i>Глава девятая.</i> Мы с моими коллегами считаем, что независимые, вроде "Волшебного поиска" — ничто иное как овцы в волчьих шкурах!	208
<i>Глава десятая.</i> А чем плохо совершить иной раз небольшое безаредное преступление?	216
<i>Глава одиннадцатая.</i> Нелюбая тюрьма. Выглядит красивой.	223
<i>Глава двенадцатая.</i> Для нужной личности и невозможное — пустяк!	230
<i>Глава тринадцатая.</i> Никогда, черт возьми, не видел столько индейцев.	237
<i>Глава четырнадцатая.</i> Успокойся, Джули. Все поумут. . .	244
<i>Глава пятнадцатая.</i> Каждому нужен свой импрессарио! . .	251
<i>Глава шестнадцатая.</i> Не обманывайтесь внешним видом. .	258

<i>Глава семнадцатая.</i>	След должен быть где-то здесь!	265
<i>Глава восемнадцатая.</i>	Я проделала весь этот путь не для того, чтобы сидеть сложа руки, когда идет драка!	272
<i>Глава девятнадцатая.</i>	Ладно, пилигрим. Решим это дело один на один!	278
<i>Глава двадцатая.</i>	На вкус и цвет товарищей нет!	285

Маленький Мифо-заклад

Книга шестая

<i>Глава первая.</i> Разница между умным и дураком определяется по последней ставке.	291
<i>Глава вторая.</i> Дети? Кто сказал что-то о детях?	298
<i>Глава третья.</i> Я это делаю для твоего же блага!	304
<i>Глава четвертая.</i> Куколка, она и есть куколка.	311
<i>Глава пятая.</i> Вот из такого материала и созданы сны.	319
<i>Глава шестая.</i> Приходите всей семьей... но оставьте детей дома!	328
<i>Глава седьмая.</i> Есть время драться, и время скрываться.	335
<i>Глава восьмая.</i> Что же я сделал не так?	342
<i>Глава девятая.</i> Ведь никогда не дадут забыть про это. Об одной малюсенькой ошибке!	350
<i>Глава десятая.</i> Ложка сахара помогает проглотить лекарство!	357
<i>Глава одиннадцатая.</i> По-моему, нас атакуют.	365
<i>Глава двенадцатая.</i> Никому не следует скрывать свое истинное "я" за ложным фасадом.	372
<i>Глава тринадцатая.</i> Вашему Величеству следует обратить внимание на свою внешность.	379
<i>Глава четырнадцатая.</i> Везения иногда недостаточно.	385
<i>Глава пятнадцатая.</i> Мне нужны все друзья, каких я только смогу приобрести.	392
<i>Глава шестнадцатая.</i> А я думал, мы друзья!	399
<i>Глава семнадцатая.</i> Заткнись и гони по курсу!	408
<i>Глава восемнадцатая.</i> Кинь судьбу свою ветрам.	415
<i>Глава девятнадцатая.</i> Вы что, шуток не понимаете!	421
<i>Глава двадцатая.</i> Так что же тут нового?	430

Роберт Асприн
**Удача или Миф.
Миф-ические личности.
Маленький Мифо-заклад.**

Главный редактор О.В. Давыдов
Технический редактор А.П. Игнатов
Корректор А.А. Кокорев, В.А. Федоров
Переводчик В.А. Федоров

Подписано в печать 30.03.93 г. Формат 84×108 ¹/₃₂ Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,56 Усл.-кр.-отт. 26,10 Уч. изд. 26,3

Заказ № 338. Тираж 50000 экз.

Компания ГРИФ-Ф Лтд.
127434, Москва, Ивановский пр., 18
Отпечатано с готового оригинала в типографии ИПО Профиздат,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

УДАЧА ИЛИ МИФ
МИФ-ИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ
МАЛЕНЬКИЙ МИФО-ЗАКЛАД

Р. АСПРИН

3

КОЛЛЕКЦИОННАЯ
ФАНТАСТИКА

РОБЕРТ
АСПРИН

МИФ-ИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

*

РОБЕРТ
АСПРИН

3